

неприкосновенный запас

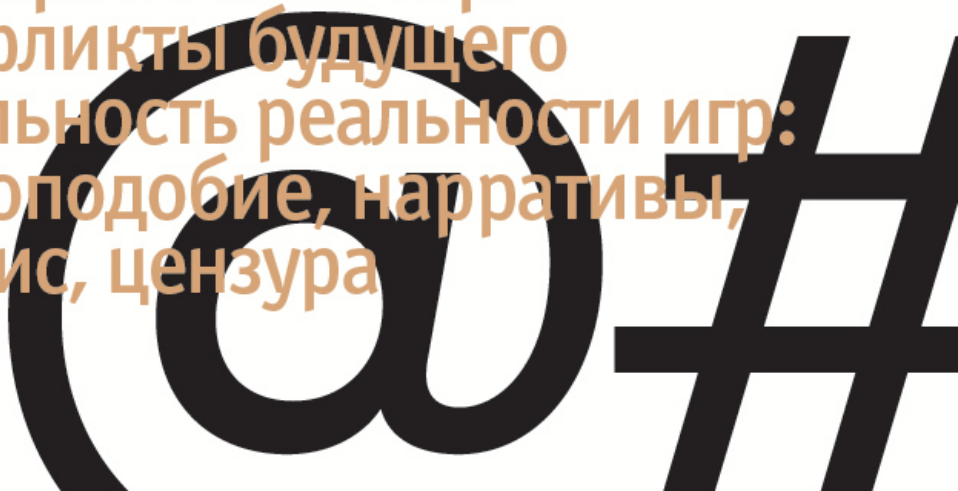
ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

139 2021

* демократия сегодня:
crisis? what crisis?

* федеративный торг
и конфликты будущего

* реальность реальности игр:
правдоподобие, нарративы,
мимесис, цензура

неприкосновенный запас 5 [139] 2021

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ДЕМОКРАТИЯ СЕГОДНЯ: CRISIS? WHAT CRISIS?	003	Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович. Вторичные траектории после смены режима: Польша, Чехия, Венгрия и Россия
	021	Андраш Бозоки. По ту сторону нелиберальной демократии: случай Венгрии
	038	Денис Юдин. Взлом системы: перспективы правления Владимира Зеленского для украинской политики
	052	Александр Кустарев. Делиберация и демократия
АРХИВ «НЗ»	062	Хишам Шараби. Угли и пепел
ФЕДЕРАТИВНЫЙ ТОРГ И КОНФЛИКТЫ БУДУЩЕГО	079	Федерализм и насилие
	084	Кеннет Уэйр. Что такое федеральное правление. Федеральный принцип
	102	Андрей Захаров, Леонид Исаев. Бесконечная история: федерализм и арабская идея
	145	Полина Максимова. Ливан – государство-нация? Нацестроительство, федерализм и консоционализм в постконфликтном обществе
	162	Вадим Корольков. Федерализм в Гималаях: трудное обновление государственности в Непале
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	177	Федор Николаи. Показать невообразимое: 9/11, «война с террором» и англоязычные исследования культуры
РЕАЛЬНОСТЬ РЕАЛЬНОСТИ ИГР: ПРАВДОПОДОБИЕ, НАРРАТИВЫ, МИМЕСИС, ЦЕНзуРА	189	Даниил Лейдерман. Игры Революций. Политические игры начала XX века
	216	Филипп А. Лобо. Переигровка истории. Статистический реализм альтернативных исторических нарративов и игр
	242	Антон Романенко. Деталь, пейзаж и пространство: заметки об изображении действительности в видеоиграх
	254	Дарья Есаулова. Регулировать нерегулируемое: как русскоязычные стримеры приняли новую политику <i>Twitch.TV</i>
	266	Дмитрий Скородумов. Гностицизм в видеоиграх
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	275	Вадим Михайлин. «Зато джинсы целы»: игры с ближайшим будущим и позднесоветский прогностический анекдот

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	301	Это было накануне <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	305	АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ. Обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	318 335	ОЛЕГ ЛЕЙБОВИЧ. История Джугашвили Рецензии
SUMMARY	345	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ
ИГОРЬ КОБЫЛИН

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АЛЕКСАНДР СУСЛОВ
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail: alexandersuslov@
nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2021

Вторичные траектории после смены режима: Польша, Чехия, Венгрия и Россия¹

БАЛИНТ
МАДЬЯР,
БАЛИНТ
МАДЛОВИЧ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ОТКАТ И ОТСУТСТВИЕ ПРЕЦЕДЕНТОВ ВОСХОДЯЩЕГО ДВИЖЕНИЯ В РАМКАХ ВТОРИЧНОЙ ТРАЕКТОРИИ

Таблица 1 резюмирует первичные траектории пост-коммунистического развития. Теоретически страны могли следовать по пяти траекториям, ведущим к пяти возможным целям, то есть к пяти идеальным типам режимов, исключая коммунистическую диктатуру. На практике же они приводили лишь к четырем из них: с однопирамидальной бюрократической патрональной системы режим сменился либо на либеральную демократию (непатрональную мультипирамидальную), патрональную демократию (мультипирамидальную неформальную патрональную) и патрональную автократию (однопирамидальную неформальную патрональную), либо на диктатуру с использованием рынка (однопирамидальную бюрократическую патрональную). Только один из возможных

1 Мы публикуем сокращенный фрагмент Главы 7 книги Балинта Мадьяра и Балинта Мадловича (MAGYAR B., MADLOVICS B. *The Anatomy of Post-Communist Regimes. A Conceptual Framework*. Budapest: CEU Press, 2020), которая выходит в серии «Библиотека “НЗ”» издательства «Новое литературное обозрение» в конце 2021 года. В книге представлена единая упорядоченная структура, описывающая политические, экономи-

ДЕМОКРАТИЯ
СЕГОДНЯ:
CRISIS? WHAT
CRISIS?

переходов, а именно, к консервативной автократии, не был реализован. При этом точки, представляющие посткоммунистические страны, распределены по всему треугольнику – от либеральной демократии в странах Балтии до патрональной автократии в советской Средней Азии².

Табл. 1. Первичные траектории идеального типа в посткоммунистическом регионе.

	Первичные траектории	
	от	к
а) Смена режима (например Эстония, Венгрия)	коммунистической диктатуры	либеральной демократии
	однопиримидальной бюрократической патрональной	мультипиримидальной непатрональной
б) Смена режима (например Румыния, Украина)	коммунистической диктатуры	патрональной демократии
	однопиримидальной бюрократической патрональной	мультипиримидальной неформальной патрональной
в) Смена режима (например Казахстан)	коммунистической диктатуры	патрональной автократии
	однопиримидальной бюрократической патрональной	однопиримидальной неформальной патрональной
г) Смена модели (например Китай)	коммунистической диктатуры	диктатуре с использованием рынка
	однопиримидальной бюрократической патрональной	однопиримидальной бюрократической патрональной

Балинт Мадьяр (р. 1952) – старший научный сотрудник Научно-исследовательского экономического института в Будапеште. В прошлом активист венгерского антикоммунистического диссидентского движения, основатель Либеральной партии Венгрии (1988), член венгерского парламента (1990–2010) и министр образования Венгрии (1996–1998, 2002–2006).
Балинт Мадлович (р. 1993) – политолог и экономист.

В контексте типологии *вторичных траекторий*, то есть смены конфигурации в посткоммунистических странах, через которую они прошли после первичной траектории, мы включаем в наш инструментарий термин «демократический откат». В гибридологии *демократический откат*, или *упадок*, используется для обозначения деградирующей, с точки зрения гражданских прав и свобод, демократии и в целом нарушения конституционного функционирования институтов публичного обсуждения³. На первый взгляд, эта концепция является нормативной и подспудно подразумевает главное допущение транзитологии: страна откатывается назад, как если бы существовал один-единственный путь, связывающий точки «демократия» и «диктатура», где движение от демократии было бы возможно только в направлении отправной точки (диктатуры). Однако в нашем понимании демократический откат – это описательное

ческие и общественные феномены, присущие посткоммунистическим режимам. Уделяя особое внимание странам Центральной Европы, постсоветскому региону и Китаю, это исследование предлагает набор понятий и теорий для анализа акторов, институтов и динамики посткоммунистических демократий, автократий и диктатур. Данная глава посвящена случаям Польши, Венгрии, Чехии и России.

2 Еще одна вершина треугольника – исходная коммунистическая диктатура (см. илл. далее). – *Примеч. ред.*

3 Пример метаанализа см.: DALY T.G. *Democratic Decay: Conceptualising an Emerging Research Field* // Hague Journal on the Rule of Law. 2019. Vol. 11. № 1. P. 9–36.

понятие, обозначающее движение от демократии к (а) консервативной автократии, (б) патрональной демократии и (в) патрональной автократии. Смена конфигурации на диктатуру теоретически возможна, но крайне маловероятна, поскольку демократии, даже патронального типа, опираются на электоральную гражданскую легитимность, которую нельзя приспособить под откровенно однопартийную систему.

**БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ**
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

Табл. 2. Вторичные траектории (демократического отката) идеального типа в посткоммунистическом регионе.

	Вторичные траектории: демократический откат	
	от	к
а) Смена режима (например Польша после 2015 года)	либеральной демократии	консервативной автократии
	мультипирамидальной непатрональной	однопирамидальной непатрональной
б) Смена модели (например Чехия после 2013 года)	либеральной демократии	патрональной демократии
	мультипирамидальной непатрональной	мультипирамидальной неформальной патрональной
в) Смена режима (например Венгрия после 1998 года)	либеральной демократии	патрональной автократии
	мультипирамидальной однопирамидальной	непатрональной неформальной патрональной
д) Смена режима (например Россия после 2003 года)	патрональной демократии	патрональной автократии
	мультипирамидальной неформальной патрональной	однопирамидальной неформальной патрональной

Если рассматривать только посткоммунистический регион, то в пространстве треугольника в качестве вторичной траектории не было движения вверх. Восходящее движение, которое мы рассматриваем в следующей части, посвященной петле режима, существует лишь в качестве третичной или четвертичной траектории. Но в рамках именно вторичных траекторий все наблюдаемые нами примеры относятся к категории демократического отката (табл. 2). Далее на примере четырех стран мы иллюстрируем различные формы отката с разными начальными и/или конечными точками. Критерием отбора, помимо собственно демократического отката, стало то, что эти страны проложили только одну траекторию после первичной и никакого следующего за ней демократического прогресса или другой смены конфигурации не произошло. Хотя это и может оказаться лишь вопросом времени, но в двух показательных странах, Польше и Чехии, были только попытки смены конфигурации, и есть значительные шансы, что режим в итоге даст им отпор с помощью защитных механизмов. Тем не менее два других примера стран, которые пришли к патрональной автократии, Венгрия и Россия,

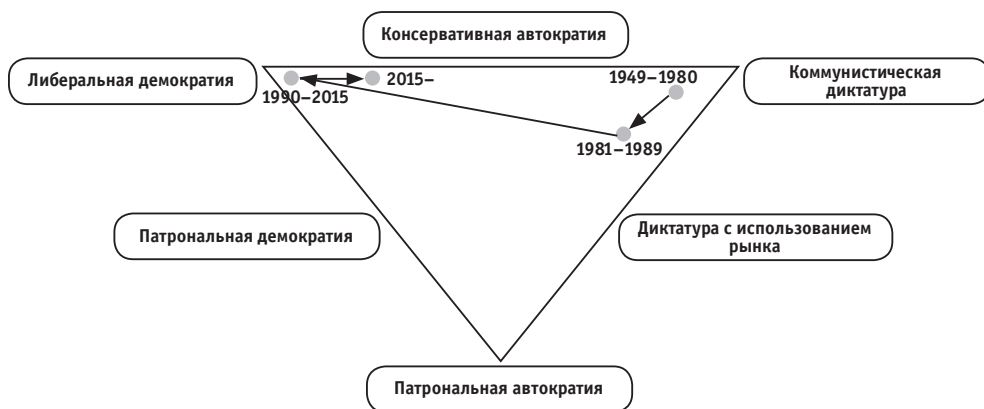

совершили автократический прорыв и смену мультипирамидальной системы на однопирамидальную.

ОТКАТ К КОНСЕРВАТИВНОЙ АВТОКРАТИИ: ПОЛЬША

Хотя Польша представляет собой единственную *попытку* установления *консервативной автократии* в посткоммунистическом регионе, до 2015 года она была консолидированной либеральной демократией (илл. 1). Ранее, с 1949-го по 1989 год, она представляла собой коммунистическую диктатуру, в которой после 1980-го началось смягчение режима⁴. Помимо того, что более активно внедрялась так называемая вторая экономика умеренно терпимого частного предпринимательства, объединение «Солидарность», зародившееся среди работников гданьской судовой верфи под руководством Леха Валенсы, больше не было просто параллельным обществом, но являлось воплощением альтернативной политической силы. Даже через несколько лет после введения военного положения оно играло решающую роль в возрождении гражданского общества. «Солидарность» была уникальной организацией в регионе не только благодаря своим масштабам (десять миллионов членов), но и благодаря своей неоднородности. Она объединяла людей и группы с различными взглядами из разных социальных слоев, а также пользовалась решительной поддержкой со стороны католической церкви и папы римского Иоанна Павла II, бывшего архиепископа Краковского⁵. Подобную комбинацию невозможно представить ни в одной другой социалистической стране, хотя в западно-христианском историческом регионе существовали и другие реформаторско-коммунистические диктатуры.

Илл. 1. Смоделированная траектория Польши (1949–2019).

⁴ КЕМП-ВЕЛЧ А. *Poland under Communism: A Cold War History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

⁵ КУВИК J. *The Power of Symbols against the Symbols of Power: The Rise of Solidarity and the Fall of State Socialism in Poland*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994.

В 1989 году Польша прошла через *отступление диктатуры*, которое сопровождалось переговорами между членами правящих коммунистических партий и представителями оппозиции. Как и в Венгрии, та часть коммунистической партии, которая была готова смотреть в глаза реальности, оказалась готова и к компромиссу. Ни в одной стране транзит или смена режима не были целью членов коммунистической партии, скорее легитимация действий, необходимых для борьбы с экономическим кризисом, показывала целесообразность привлечения оппозиции, влияние которой недооценивали. Тем не менее именно «Солидарность», получившая широкую поддержку как новатор переходного процесса и движение, объединяющее людей, критикующих систему, вела переговоры с режимом. В качестве посредника ей содействовала католическая церковь⁶. После того, как в 1989 году в Восточном блоке состоялись первые демократические выборы, из «Солидарности» выделился ряд партий, а само движение стало функционировать как полноценный профсоюз⁷.

В период с 1990-го по 2015 год три правительства правого или прагматического толка проводили так называемую «шоковую терапию», пытаясь установить в качестве доминирующего механизма экономики рыночную координацию⁸. Первую серию реформ в 1990 году проводил министр финансов из правительства Тадеуша Мазовецкого – Лешек Бальцерович. Эти реформы способствовали относительно быстрому переходу от государственной социалистической экономики дефицита к рыночной конкуренции, основанной на частной собственности. За вторую шоковую терапию отвечало правительство Бузека (1997–2001), заместителем и министром финансов которого был Бальцерович. Значительные реформы проводились по четырем основным направлениям: образование, пенсии, государственное управление и здравоохранение. Наконец, при первом правительстве, сформированном партией «Право и справедливость» (которую создал Ярослав Качиньский; 2005–2007), усилия были направлены на борьбу с коррупцией, а также люстрации и «чистки» в спецслужбах. Ведущие политики и интеллектуалы из партии «Право и справедливость», бывшие в правительстве с 2005-го по 2007 год, и «Гражданская платформа», члены которой входили в правительство с 2007-го по 2015 год, были наследием администраций Мазовецкого и Бузека. Поль-

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

6 KEMP-WELCH A. *Op.cit.* P. 361–390.

7 SZCZERBIAK A. *Power without Love: Patterns of Party Politics in Post-1989 Poland // Post-Communist EU Member States: Parties and Party Systems.* New York: Routledge, 2006. P. 91–124.

8 BALCEROWICZ L. *Poland: Stabilization and Reforms under Extraordinary and Normal Politics // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism.* Washington: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 17–38.

ское правое крыло с самого начала видело своей целью свободный рынок и капитализм, а его представители не изменили своим основополагающим принципам даже после того, как правительства Мазовецкого, а затем Бузека, по сути, потерпели поражение.

Хотя Качиньский при поддержке «Права и справедливости» предпринял в 2015 году попытку установления автократии⁹, недостаточная легитимность государственного вмешательства в экономику, а также отсутствие крупных олигархов и полигархов объясняют, почему откат Польши от демократии привел не к *патрональному режиму*, а к *консервативной автократии*. Получив большинство голосов в парламенте (51%), которое, правда, не предполагает эффективной монополии на власть, Качиньский начал проводить политику, руководствуясь идеологическими принципами. Для него концентрация власти идет рука об руку с установлением гегемонии «христианско-националистической» системы ценностей, тогда как либеральная система ценностей, базирующаяся на автономии индивида, воспринимается как враждебная, поскольку нация ставит интересы польского народа выше индивидуальных. В экономике об этом свидетельствует то, что в качестве основных инструментов для развития страны вместо прямых иностранных инвестиций предпочтение отдается централизованному регулированию и государственным инвестициям, что сопровождается экономической ксенофобией и ползучей ренационализацией. Однако посткоммунистическое перераспределение собственности не проводилось, и никакой новый слой собственников не сформировался. Не существует никаких олигархов ближнего круга Качиньского или тех, кто пополнял бы их ряды через предоставление им защиты. Фактическое принятие решений также остается в рамках формальных институтов, причем Качиньский занимает место на вершине пирамиды власти как председатель партии «Право и справедливость». Странность правления Качиньского заключается в том, что он предпочитает роль простого депутата, а не премьер-министра¹⁰, но действует по-прежнему в рамках формальной институциональной структуры партии и не ведет деятельность, выходящую за рамки его формальных полномочий – такую, как личное обогащение. Лояльные члены пирамиды власти награждаются не богатством, а должностями, а экономика, согласно идеологии Качиньского, не подвергается неформальной патронализации, и лишь в некоторых сферах государство расширило свою собственность.

⁹ SADURSKI W. *Poland's Constitutional Breakdown*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

¹⁰ SATA R., KAROLEWSKI I.P. *Caesarean Politics in Hungary and Poland* // East European Politics. 2019. Vol. 36. № 2. P. 1–20.

Шансы на то, что попытки установления в Польше консервативной автократии потерпят поражение, велики даже при существующей демократической институциональной структуре. Такую ситуацию обеспечивают эффективные защитные механизмы, а именно: пропорциональная избирательная система, положения Конституции, предотвращающие чрезмерную концентрацию власти, и сильное гражданское общество. Последнее включает в себя общественные традиции сопротивления власти, построенное на этих традициях гражданское движение, существование умеренных правых и либеральных партий, составляющих основную долю оппозиционных сил, вытеснение партии «Право и справедливость» в крайне правый сектор политического спектра, политическое разнообразие муниципальных властей и устойчивые медиаплатформы, обеспечивающие свободу слова. Развитию патронально-автократических тенденций препятствует и сам характер правящей партии, ее состав, принципы и программа, а также традиции и современность польских правых. В своей нынешней форме «Право и справедливость» не может идти по третичной нисходящей траектории в пространстве треугольника, потому что для этого отсутствуют многие факторы и компоненты.

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

Недостаточная легитимность государственного вмешательства в экономику, а также отсутствие крупных олигархов и полигархов объясняют, почему откат Польши от демократии привел не к патрональному режиму, а к консервативной автократии.

Откат к патрональной демократии: Чехия

Чехия – еще одна страна, где в ходе относительно долгого периода либеральной демократии не предпринималось попыток смены конфигурации (илл. 2). После «бархатной революции» 1989 года Чехия (тогда Чехословакия) оказалась в числе стран с наименьшим патрональным наследием в регионе, что в сочетании с парламентским устройством¹¹ привело к установлению динамичного, но стабильного демократического режима. О его стабильности свидетельствуют рейтинги «Freedom House»¹² и индексы «V-Dem»¹³, тогда как динамичность проявляется в час-

11 Ibid. P. 459.

12 *Freedom in the World: Country and Territory Ratings and Statuses, 1973–2019.*

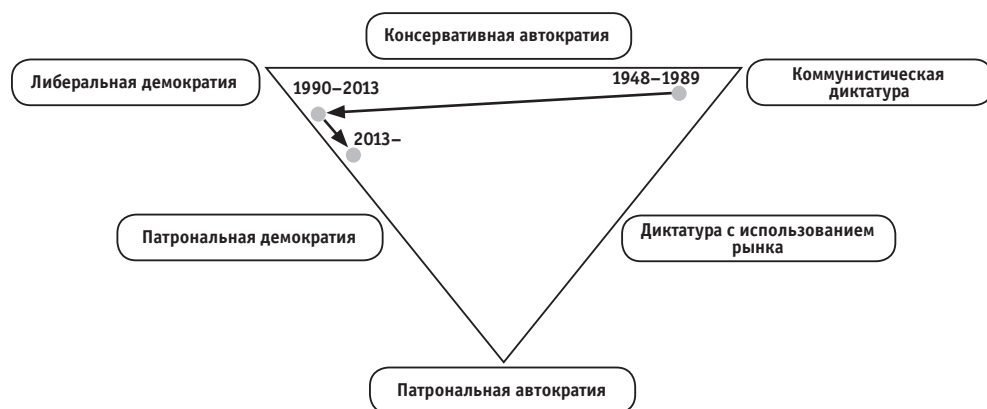
13 COPPEDGE M. ET AL. *V-Dem Country-Year Dataset 2019* (www.v-dem.net/en/data/archive/previous-data/data-version-9/).

тых сменах правительства, а также в почти полном обновлении партийной системы в 2010 году¹⁴. Это правда, что партии обвинялись в оторванности от народа¹⁵ и тесных связях с экономической элитой, а исследователи описывают так называемых «региональных крестных отцов», олигархов и лидеров «более мелких коррумпированных бизнес-групп, которые путем получившего широкую огласку захвата региональных отделений ключевых чешских партий, обрели в середине 2000-х все более возрастающее политическое влияние. [Предполагается], что они будут отстаивать [свои] интересы, [...] используя услуги лоббистов и юристов в сфере защиты активов, или путем финансирования неправительственных организаций, политиков или партий»¹⁶. С нашей точки зрения, такая деятельность в основном подпадает под определение лоббирования и протекции для «своих» и при этом не содержит признаков коррупции сверху вниз¹⁷. Другими словами, *правящая элита* в большинстве своем *не ставила свои интересы выше интересов других групп*, не стремилась монополизировать власть и накапливать состояние, в то время как гражданское общество и формальные институты сохраняли свою эффективность. Соответственно, ситуация 1990–2013 годов была ближе к либеральной демократии, чем к патрональной.

Однако в 2013 году Андрей Бабиш, член «полудюжины “семей” олигархов-миллиардеров»¹⁸ Чехии, решил заняться по-

Илл. 2. Смоделированная траектория Чехии (1964–2019).

14 HAUGHTON T., NOVOTNÁ T., DEEGAN-KRAUSE K. *The 2010 Czech and Slovak Parliamentary Elections: Red Cards to the «Winners»* // West European Politics. 2011. Vol. 34. № 2. P. 394–402.

15 ROBERTS A. *Czech Democracy in the Eyes of Czech Political Scientists* // East European Politics. 2017. Vol. 33. № 4. P. 562–572.

16 HANLEY S., VACHUDOVA M.A. *Understanding the Illiberal Turn: Democratic Backsliding in The Czech Republic* // East European Politics. 2018. Vol. 34. P. 285.

17 Непатрональный, направленный снизу вверх, мультипирамидальный характер чешских неформальных сетей становится также очевиден из всестороннего анализа: KLIMA M. *Informal Politics in Post-Communist Europe. Political Parties, Clientelism and State Capture*. London: Routledge, 2020.

18 HANLEY S., VACHUDOVA M.A. *Op. cit.* P. 284.

литикой. Партия вассалов ANO 2011¹⁹, основанная всего двумя годами ранее и пользующаяся поддержкой обширной бизнес- и медиаимперии Бабиша²⁰, получила места в чешском парламенте и стала партнером социал-демократов по коалиции. В этом правительстве Бабиш занимал пост министра финансов до 2017 года, когда ему удалось, став премьер-министром, сформировать правительство меньшинства²¹. Несмотря на отсутствие монополии на власть, ANO удалось *аккумулировать власть* в государственной администрации, а также на государственных предприятиях, в полиции и спецслужбах, в экономике и СМИ.

«Позиции, которые Бабиш и его соратники по ANO занимали в правительстве, дали им возможность формировать институты и политику, влияющие на экономическую сферу. Например, через контроль над Министерством финансов в 2014–2017 годах Бабиш получил контроль над государственными органами, которым было поручено проверять финансовую деятельность чешских предприятий и соблюдение ими налогового законодательства. Таким путем Бабиш получил доступ к информации о своих политических и бизнес-конкурентах и, следовательно, потенциальные рычаги воздействия на них. [...] Опасения относительно того, что Бабиш злоупотребляет государственной властью, основываются на его тесных связях с полицией, прокурорами и спецслужбами, а также на том, как эти связи могут повлиять на обеспечение верховенства закона. [Помимо этого,] количество высокопоставленных офицеров полиции и секретных служб, получивших за последние два десятилетия работу в отделе безопасности компании “Agrofert” [основная компания Бабиша] или возглавивших какую-либо из его компаний, поражает воображение. [...] Бабиш использовал “Agrofert”, чтобы собрать критическую массу людей, способных ненадлежащим образом использовать государственную информацию и шантажировать чиновников. С появлением ANO эти люди плавно сменили сферу деятельности на партийную политику и работу в правительстве»²².

Бабиш, похоже, использовал свои полномочия, чтобы угрожать изданию «ECHO24» (которое он считал враждебным) тем, что его основной инвестор Ян Кленор вскоре может стать объектом финансового расследования со стороны государства²³. Бабиша также обвиняли в том, что он перенаправил средства, полученные от ЕС, на финансирование своего бизнеса, что

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

19 Akce nespokojených občanů (чеш.) – Акция недовольных граждан. Аббревиатура ANO совпадает со словом *ano*, которое с чешского переводится как «да». – *Примеч. ред.*

20 Ibid. P. 285–387.

21 Ibid. P. 277.

22 Ibid. P. 288.

23 Ibid. P. 287.

в 2019 году стало толчком к крупнейшим после смены режима протестам в стране²⁴.

С одной стороны, тот факт, что олигарх становится *полигархом*, превращая экономическое предприятие в политическое, является явным шагом к *неформальному патронализму*, при котором глава исполнительной власти руководствуется принципами интересов элит. С другой стороны, демократический откат в Чехии привел только к патрональной демократии. Кроме попыток патронализации государственного управления, Бабиш не стремился разрушить формальную систему сдержек и противовесов, несмотря на то, что формальные механизмы контроля работали достаточно активно (чешские правоохранительные органы провели расследование в отношении Бабиша, а в 2017 году он был лишен депутатской неприкосновенности)²⁵. Таким образом, он пытался использовать государство для продвижения собственной сети, устраняя оппонентов так же, как это делает конкурирующая патрональная сеть в условиях патрональной демократии. Если его стратегия окажется успешной, сети олигарха-конкурента тоже могут вступить в партийную конкуренцию, увеличивая количество партий патрона и еще больше приближая страну к патрональной демократии. Тем не менее партии политиков, которые извлекают выгоду из народного сопротивления, могут препятствовать такому развитию в долгосрочной перспективе, а откат к автократии кажется немыслимым при отсутствии монополии на власть и при наличии сильных автономных олигархов, а также формальных институтов и гражданского общества.

Кроме попыток патронализации государственного управления, Бабиш не стремился разрушить формальную систему сдержек и противовесов, несмотря на то, что формальные механизмы контроля работали достаточно активно.

ОТКАТ ОТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ К ПАТРОНАЛЬНОЙ АВТОКРАТИИ: ВЕНГРИЯ

Венгрия, вероятно, прошла по самой длинной траектории из всех посткоммунистических стран в том смысле, что она претер-

24 *Billionaire Czech Prime Minister's Business Ties Fuel Corruption Scandal* // Deutsche Welle. 2019. June 25 (www.dw.com/en/billionaire-czech-prime-ministers-business-ties-fuel-corruption-scandal/a-49351488-0).

25 *Czech Election Front-Runner Charged with Subsidy Fraud* // Politico. 2017. October 9 (www.politico.eu/article/czech-election-front-runner-charged-with-subsidy-fraud/).

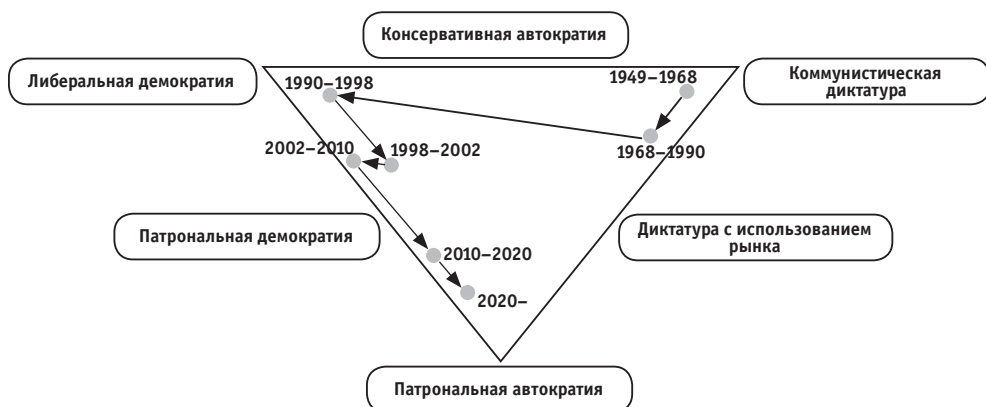
пела смену конфигурации с коммунистической диктатуры на либеральную демократию (первичная траектория) и с либеральной демократии на патрональную автократию (вторичная траектория). Этот путь (илл. 3) берет начало в 1949–1968 годах, то есть в период жесткой коммунистической диктатуры с принудительной коллективизацией и индустриализацией²⁶. В 1968-м начал действовать Новый экономический механизм (NEM), предусматривавший децентрализацию, либерализацию цен и оплаты труда, развитие вторичных производственных отраслей и небольших ферм, прикрепленных к государственным кооперативам. Результатом этого стала более гибкая, реформированная социалистическая модель, известная под названием «гуляшный коммунизм»²⁷, которая увеличила доходы рабочих и смягчила окостенелость плановой экономики. Таким образом, контролируемое сосуществование первой и второй экономик было шагом к диктатуре с использованием рынка, а Китай можно рассматривать как зрелого последователя этих ранних социалистических реформ²⁸.

Венгрия стала еще одной (помимо Польши) страной, которая прошла через отступление диктатуры. «Круглый стол» оппозиции, проходивший в 1989 году, объединил ее представителей для переговоров с коммунистической партией в целях обеспечения мирного транзита власти²⁹. По результатам переговоров коммунисты-реформаторы больше не могли обеспечить себе власть, не участвуя в политической конкуренции, как это сделал Сейм Польши. Вместо этого они стремились учредить президентский пост с достаточно широкими полномочиями. Сторонняя сделка между Венгерским демократическим форумом и коммунистами-реформаторами была предотвращена в конце 1989 года через референдум, инициированный Альянсом свободных демократов, который предшествовал первым свободным выборам в 1990 году. В 1990-х Венгрия рассматривалась как предвестница демократизации, благодаря экономической либерализации и сильным формальным институтам: Конституционному суду, конкурентной партийной системе и регулярной смене правительства на выборах.

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

- 26** Kovács J. Ö. *The Forced Collectivization of Agriculture in Hungary, 1948–1961 // The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe: Comparison and Entanglements*. Budapest; New York: CEU Press, 2014. P. 211–247. Для краткости, а также потому что в наши задачи входит лишь предоставление иллюстрации, а не исторической документации, мы не изображаем революцию 1956 года как новую стабильную точку.
- 27** Kornai J. *Paying the Bill for Goulash Communism. Hungarian Development and Macro Stabilization in a Political-Economy Perspective // Social Research*. 1996. Vol. 63. № 4. P. 943–1040.
- 28** Vámos P. *A Hungarian Model for China? Sino-Hungarian Relations in the Era of Economic Reforms, 1979–89 // Cold War History*. 2018. Vol. 18. № 3. P. 361–378; Csánádi M. *The «Chinese Style Reforms» and the Hungarian «Goulash Communism»*. IEHAS Discussion Papers. March 2009 (www.econstor.eu/bitstream/10419/108148/1/MTDP0903.pdf).
- 29** Vozóki A. *Hungary's Road to Systemic Change: The Opposition Roundtable // East European Politics and Societies*. 1993. Vol. 7. № 2. P. 276–308.

Илл. 3. Смоделированная траектория Венгрии (1949–2020).

Виктор Орбан со своей партией «Фидес» впервые пришли к власти в 1998 году. Суть его программы была сформулирована в слогане предвыборной кампании «Больше, чем смена правительства, меньше, чем смена режима», а также в выражении «решительное наступление». Слоган довольно точно описывает, что произошло на самом деле, а именно – переход от либеральной демократии к патрональной. Однако это было не просто демократическим откатом, но решительной попыткой установления автократии, в результате которой была нарушена автономия формальных институтов, а в экономической сфере возникла неформальная патрональная сеть с участием в том числе олигарха ближнего круга Лайошем Шимичкой (который в 1998–1999 годах был главой налоговой службы). Получается, что попытка Orbana могла бы быть успешной, если бы у него было большинство в две трети, то есть эффективная монополия на власть³⁰. Таким образом, демократическая институциональная система была подорвана, но, так или иначе, поддерживалась Конституцией страны и так называемыми «основными законами», изменение которых требовало квалифицированного большинства.

В 2002 году Орбан потерпел поражение, уступив коалиции либерально-социалистических сил, которая однако не вернула страну к либеральной демократии. Здесь стоит подробнее рассмотреть некоторые детали, потому что функционирование венгерской демократии в 2002–2010 годах можно описать как *неравную патрональную конкуренцию* без динамического равновесия, которая выродилась в итоге в патрональную автократию. Это произошло прежде всего потому, что «Фидес» сохранила неформальное доминирующее положение в прокуратуре, Государственном контроле и Конституционном суде, а президент Ласло Шойом, обладавший слабыми формальными

30 MAGYAR B. *Magyar Polip – a Szervezett Felvilág* // Magyar Hírlap. 2001. Február 21.

ми полномочиями, идеологически был ближе к «Фидес», чем к правящей коалиции. В этот период *популизм* получил широкое распространение, что привело к так называемой «холодной гражданской войне»: каждая из сторон объявила другую нелегитимной (особенно «Фидес» в своей риторике по отношению к правящей MSZP, Венгерской социалистической партии), а любой промах «одного из нас» получал индульгенцию перед угрозой, что «один из них» придет к власти (Орбан больше всего опасался MSZP)³¹. В то же время приемная «политическая семья» Орбана сотрудничала с конкурирующими правительственными силами, что порождало дружеские чувства в условиях «перемирия в окопе». Такое положение было известно широкой общественности, о чем свидетельствует расхожее выражение «семьдесят на тридцать», которое означало, что совместно добытые (или просто учтенные) нелегитимные доходы будут поделены и 70% из них получит правящая партия, а 30% – оппозиция³². Однако правительственные акторы были менее организованны и единодушны в своих мотивах. С одной стороны, в сферах, которые сулили коррупционные доходы, по собственной инициативе действовали «казначей» партии и местные олигархи (минигархи), а с другой стороны, третьи лица предпринимали неоднократные попытки разрушить устоявшиеся каналы коррупционного сотрудничества двух противоборствующих сторон. Напротив, «политическая семья» Орбана опиралась на одноканальный порядок экономической отчетности, наказывая частных собирателей наличности под флагом «Фидес», что обеспечило на всех уровнях сложившейся иерархии патронально-клиентарных отношений единство коррупционного «обложения данью», осуществляющегося с одобрения центра. Этот способ нелегитимного «наложения дани» обеспечил дорогостоящие, но надежные условия для коррупционных сделок: если кто-то платит цену, то услуга будет предоставлена (чего не могло обеспечить правительство, сформированное MSZP).

До 2010 года ни доступ к источникам ренты, ни к ресурсам насилия не были полностью монополизированы ни одной из политических сторон. Как правило, парламентское большинство было окружено пестрым составом партий в местных органах власти, и в рамках системы ряд объединенных или по крайней мере многопартийных комитетов имели право голоса в распределении ресурсов под контролем государства. Однако по второму либерально-социалистическому правительству были нанесены серьезные удары – сначала в 2006 году, когда

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

31 PAPPAS T. *Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary* // Government and Opposition. 2014. Vol. 49. № 1. P. 1–23.

32 MONG A. *Milliárdok Mágusai: A Brókerbotrány Titkai*. Budapest: Vízkapu, 2003.

разгорелся скандал с обнародованной записью выступления премьер-министра Ференца Дюрчяня, а затем в 2008-м, когда был проигран референдум и разразился глобальный финансовый кризис. В таких обстоятельствах уже на этапе избирательной кампании «Фидес» вознамерилась получить квалифицированное большинство в парламенте в две трети голосов. При содействии прокуратуры членам партии удалось в глазах общественности возложить всю ответственность за коррупцию на плечи правительства.

«Политическая семья» Орбана опиралась на одноканальный порядок экономической отчетности, наказывая частных собирателей наличности под флагом «Фидес», что обеспечило единство коррупционного «обложения данью», осуществляющегося с одобрения центра.

В 2010 году Орбан и его партия «Фидес» получили *абсолютное большинство мест* в парламенте, нарушив – в случае Венгрии и без того уязвимое – равновесие патрональной демократии. Получив достаточно власти, чтобы в одностороннем порядке изменить Конституцию и расставить в институтах сдержек и противовесов своих сторонников, Орбан совершил *автократический прорыв* и приблизил режим к патрональной автократии. Венгрия стала хрестоматийным примером *мафиозного государства*. Смена режима предполагает как качественные, так и количественные изменения, поскольку однопирамидальная патрональная сеть, созданная Орбаном, нарушила автономию государственных институтов, которые теперь используются для еще более масштабного коррупционного обогащения, чем при любой из патрональных сетей до 2010 года.

С 2010 года Орбану дважды удавалось получить квалифицированное большинство на манипулируемых выборах (в 2014-м и 2018 году). В 2020-м пандемия COVID-19 усугубила наиболее характерные черты венгерского мафиозного государства. Орбан, ссылаясь на чрезвычайное положение, продвинул закон о собственных чрезвычайных полномочиях, который позволил ему управлять страной с помощью указов сначала вообще без каких-либо временных ограничений, а затем, во время второй волны пандемии, в течение ограниченного, но тем не менее значимого периода времени. Эта смена формы неограниченного правления сопровождалась мерами, которые способствовали дальнейшей автократической консолидации и в обычном

режиме не были бы возможны в пределах границ ЕС. Речь идет о таких мерах, как сокращение партийного финансирования; получение особых налоговых поступлений от муниципалитетов; криминализация тех, кто публикует фейки либо «реальные факты, искажая их так, что это может помешать успешному обеспечению защиты от вируса»; отправка солдат для участия в «важнейших» кампаниях для обеспечения контроля в случае возникновения чрезвычайной ситуации и так далее. Во время второй волны Орбан даже изменил закон о выборах, чтобы сузить пространство для маневра и снизить координацию оппозиционных партий, а также принял поправку к Конституции, которая среди прочего определяет государственные средства таким образом, чтобы их можно было направлять для отмывания в частные (то есть патрональные) фонды³³. Одно это указывает на то, что, кроме концентрации власти, пандемия ускорила и процесс обогащения. Помимо все еще продолжающегося распределения ренты из бюджета, экономический кризис породил огромное количество ослабленных жертв для хищнического государства, которое приняло ряд мер в целях облегчения захвата власти приемной «политической семьей» (предлагая компаниям финансовую помощь в обмен на их акции, помогая только компаниям «государственного значения», выбранным непрозрачным образом, и так далее). В сборнике, опубликованном одним из журналистов-расследователей в начале 2021 года, перечисляются тринадцать ключевых отраслей – от природного газа и электрических сетей, банковских и ИТ-гигантов до железных дорог и военных заводов, – которым приемная «политическая семья» либо предоставила монопольное положение, либо укрепила и так преобладающую логику «кумовской» экономики.

**БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ**
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

Откат от олигархической анархии к патрональной автократии: Россия

Россия является примером *демократического отката от олигархической анархии к патрональной автократии (илл. 4)*. Можно возразить, что олигархическая анархия отсутствует в нашем треугольнике, устройство которого и правда не учитывает характеристику силы или несостоятельности государства. Однако олигархическая анархия во многом похожа на патрональную демократию в силу ее мультипирамидальной системы конкурирующих патрональных сетей, а также ограниченной власти правящей элиты, которая проводит нечестные

33 BALOGH E. *Viktor Orbán at Work: New Amendments, New Tricks* // Hungarian Spectrum [blog]. 2020. November 11 (<https://hungarianspectrum.org/2020/11/11/viktor-orban-at-work-new-amendments-new-tricks/>).

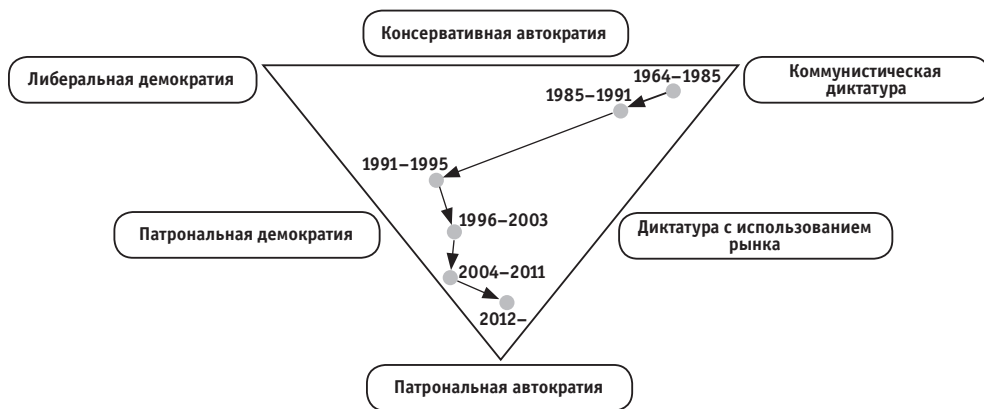

выборы и находится на грани электоральной демократии и конкурентного авторитаризма.

Довольно метко траектория России резюмируется фразой о том, что страна «экспериментировала с разными режимами с головокружительной скоростью: период застоя повлек за собой перестройку, которая привела к распаду Советского Союза, либеральной эйфории, экономической катастрофе, олигархии и мафиозному государству»³⁴. Из всего перечисленного период экономического бедствия и олигархии относятся к тому, что мы называем олигархической анархией, которая установилась в России в 1990-е. Такое государственное устройство представляло собой почти что несостоявшееся государство, окруженное и частично присвоенное неорганизованной, мультипирамидальной системой региональных и общенациональных олигархических сетей³⁵. Однако, поскольку «подвижные составляющие российской политики [...] изначально шли по спирали, решающий эпизод постсоветской политической истории России произошел в 1996 году»:

«Именно тогда [президент Борис] Ельцин [...] вооружился арсеналом кнутов и раскрыл свой рог изобилия с пряниками, чтобы организовать региональные политические аппараты и крупные финансово-промышленные группы в общенациональную пирамиду патрональных сетей, которая была бы способна одержать победу над главным политическим противником в президентской гонке того года. [...] Конкуренция 1996 года доказала всем, что президентская пирамида Ельцина была сильнее всех других»³⁶.

Илл. 4. Смоделированная траектория России (1964–2019).

34 POMERANZEV P. *Nothing Is True and Everything Is Possible. The Surreal Heart of the New Russia*. London: Faber & Faber, 2014. P. 71.

35 *Wealth & Power in the New Russia*. New York: Public Affairs, 2001.

36 HALE H. E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 71. Курсив наш.

В нашем треугольнике становление Ельцина верховным патроном представляет собой явный шаг к патрональной автократии и доминированию конкурентного авторитаризма, но все же для того, чтобы пересечь границы доминирования полуформальных институтов и рыночной координации, этого было недостаточно. Ельцину не хватало монополии на власть, а также сильного государства, без которых невозможно успешное функционирование мафиозного государства. Более того, его правление проходило в тени олигархов – в частности, Владимира Гусинского и Бориса Березовского, владевших крупнейшими медиаимпериями, а также Михаила Ходорковского, который, являясь генеральным директором нефтяной компании «ЮКОС», был самым богатым человеком страны и контролировал значительную часть природных ресурсов России. Владимир Путин, которого Ельцин назначил своим преемником в 1999 году, реформировал государство так, что оно стало сильным, а после убедительной победы своей партии «Единая Россия» консолидировал власть в политической сфере³⁷. Его очередная победа в 2003 году позволила ему совершить то, что Бен Джуда называет «великим поворотом». По мнению Джуда, в этот момент «завершилась эпоха, когда он [Путин] правил как наследник Ельцина. И тогда же Россия резко накренилась в сторону авторитарного режима»³⁸. По имеющимся сведениям, Путин устроил встречу с 21 олигархом, сообщив им, что они должны быть лояльны и не вмешиваться в политику самостоятельно³⁹. Он также продемонстрировал, во что для них выльется неповиновение: Гусинский и Березовский были вынуждены покинуть страну, передав свои медиаимперии патрональной сети Путина, тогда как Ходорковский получил тюремный срок, а его компании подверглись захвату⁴⁰.

**БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ**
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

**Становление Ельцина верховным патроном
представляет собой явный шаг к патрональной
автократии и доминированию конкурентного
авторитаризма, но все же для того, чтобы пересечь
границы доминирования полуформальных институтов
и рыночной координации, этого было недостаточно.**

37 Ibid. P. 270–274.

38 JUDAH B. *Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love with Vladimir Putin*. London: Yale University Press, 2014. P. 55.

39 Ibid. P. 43.

40 SAKWA R. *Putin and the Oligarchs* // *New Political Economy*. 2008. Vol. 13. № 2 (www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13563460802018513).

Начиная с 2003 года Россия представляет собой образец патрональной автократии, в рамках которой Путин твердой рукой управляет однопирамидальной патрональной сетью. Особенно ярко это было продемонстрировано, когда Путин столкнулся с ограничением в два срока, но сумел избежать статуса «хромой утки», посадив в президентское кресло свое политическое подставное лицо, Дмитрия Медведева, после чего вернулся к власти в 2012 году⁴¹. Провалившаяся попытка «цветной революции» в 2012 году привела к тому, что режим в условиях автократической консолидации стал проводить более репрессивную политику, постепенно разрушая гражданское общество и нарушая автономию СМИ, предпринимателей, неправительственных организаций и граждан.

*Перевод с английского Юлии Игнатъевой
и Анатолия Решетникова*

41 HALE H.E. *Op. cit.* P. 276–291.

По ту сторону нелиберальной демократии: случай Венгрии¹

АНДРАШ
БОЗОКИ

ВСТУПЛЕНИЕ

С момента окончания «парадигмы перехода»², периода оптимистической веры в политический прогресс, аналитикам пришлось признать, что развитие общества от диктатуры к демократии может быть остановлено или обращено вспять. Несмотря на общие ожидания, демократический поворот 1989–1991 годов не закончился превращением всех диктатур в либеральные демократии. Не только страны – «демократии по умолчанию»³ стали авторитарными, но даже прежде консолидированные либеральные демократии могли откатиться к гибридным режимам, «сочетающим демократические и авторитарные элементы»⁴. Хотя число либеральных демократий существенно возросло, куда важнее отметить разрастающуюся «серую зону» между демократиями и диктатурами, где и процветают гибридные режимы.

Далее я главным образом сосредоточусь на типах режимов, а не на политических речах и предполагаемых намерениях политиков. Как мы знаем, какими бы важными они ни были, политические речи часто скрывают, а не выражают реальные политические намерения. «Не обращайтесь внимания на то, что я говорю, следите за тем, что я делаю», – сказал, как мы помним, Виктор Орбан послу США в Будапеште, еще будучи оппозиционным политиком⁵. Кроме того, гибридные режимы в своем стремлении сохранить демократический фасад с еще большей вероятностью используют публичные выступления, чтобы напустить туману, а отнюдь не затем, чтобы показать, как они работают изнутри.

Таким образом, в данной статье я исследую академическую проблему: «серую зону», в которой находятся несколько смешанных режимов, и место нелиберальной демократии в этом

Андраш Бозоки (р. 1959) – социолог, профессор факультета политологии Центрально-Европейского университета (Будапешт), в 2005–2006 годах – министр культуры Венгрии.

- 1 Перевод по изданию: BOZÓKI A. *Beyond «Illiberal Democracy»: The Case of Hungary* // BESIREVIC V. (Ed.). *New Politics of Decisionism*. The Hague: Eleven International Publishing, 2019. P. 93–105.
- 2 CAROTHERS T. *The End of Transition Paradigm* // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 1. P. 12–27.
- 3 WAY L.A. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2015.
- 4 DIAMOND L. *Elections without Democracy: Thinking about Hybrid Regimes* // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2. P. 21–35.
- 5 Фраза, произнесенная Орбаном в 2006 году, стала широко известной из материалов «Wikileaks» в 2011-м: www.origo.hu/itthon/20110906-orban-viktor-reagalt-a-wikileaks-iratokban-szereplo-kijelentesekre.html.

пространстве. Эти режимы называли по-разному: полудемократии, полудиктатуры, «управляемые», «суверенные» или «регулируемые» демократии, делегативные демократии, нелиберальные демократии, либеральные автократии, электоральный авторитаризм, конкурентный авторитаризм и тому подобное⁶. О’Доннел и Шмиттер еще в 1986 году признавали существование отдельных переходных режимов – таких, как *демократура* и *диктабланда*, – основываясь на опыте Латинской Америки⁷. Вскоре стало ясно, что дать определение демократии и диктатуре – это не просто провести разграничение «или-или», но ответить на вопрос «более или менее». Страны, находящиеся в «серой зоне», разом демонстрируют элементы и демократии, и авторитаризма, но в различной пропорции. Однако, даже если речь идет о «более или менее», необходимо иметь возможность выявить Рубикон, конкретный исторический рубеж или момент, который должен быть перейден или пройден во время смены режима. Может, и правда, что диктатуры не превращаются в демократии в одночасье и наоборот, но мы все равно должны иметь возможность определять границы между либеральными демократиями, гибридными режимами и диктатурами. Даже на оси «более или менее» есть поворотные точки, которые отделяют три различных режима друг от друга.

Дать определение демократии и диктатуре – это не просто провести разграничение «или-или», но ответить на вопрос «более или менее». Страны, находящиеся в «серой зоне», разом демонстрируют элементы и демократии, и авторитаризма, но в различной пропорции.

У гибридных режимов есть одна общая черта: во всех них существует конкуренция, хотя находящаяся у власти политическая элита намеренно перестраивает государственное регулирование и политическую арену таким образом, чтобы обеспечить себе неоправданные преимущества. На практике все они являются бенефициарами «неравных условий игры». Стивен Левицкий и Лукан Вэй пишут:

- 6 Примеры подобных работ: O’DONNELL G. *Delegative Democracy* // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. № 1. P. 55–69; BROWN A. *From Democratization to Guided Democracy* // *Journal of Democracy*. 2001. Vol. 12. № 4. P. 35–41; SCHEDLER A. (Ed.). *Electoral Authoritarianism: The Rise of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2006; LEVITSKY S., WAY L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- 7 O’DONNELL G., SCHMITTER P.C. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.

«Конкурентные авторитарные режимы – это гражданские режимы, в которых демократические институты формально существуют и обычно рассматриваются как главные средства достижения власти, однако злоупотребления государством со стороны тех, кто занимает выборные должности, дают последним существенное преимущество перед оппонентами. Такие режимы конкурентоспособны в том смысле, что оппозиционные партии используют демократические институты для серьезной борьбы за власть, но сами эти институты не являются демократическими, поскольку игровое поле сильно перекошено в пользу инкумбентов, – то есть конкуренция реальна, но несправедлива»⁸.

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

ПОЧЕМУ НЕЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО НЕ ДЕМОКРАТИЯ

В последние годы концепция нелиберальной демократии, предложенная Фаридом Закарией⁹, переживает поразительный ренессанс, что кажется несколько странным. Если Закария определял эту концепцию как негативную, считая ее подходящим описанием для стран, не имеющих сильной конституционно-либеральной традиции, то сегодня некоторые авторитарные лидеры с гордостью провозглашают ее как позитивное понятие. Ее представляют как голос периферии, направленный против якобы элитистской, бюрократически-технократической, либеральной демократии, которая благоприятствует высшим классам стран Запада. Нелиберальная демократия преподносилась как мажоритарная, идущая снизу, заново политизированная демократическая альтернатива демократическому же элитизму, в условиях которой трудящиеся возвращают себе власть, отбирая ее у политически корректных (но социально менее чувствительных) элит. Однако в реальности это не привело ни к более широкому участию населения, ни к народовластию; результатом скорее стали социальная апатия и практически неограниченная власть суверенного лидера.

Теоретически некоторые сторонники нелиберальной демократии возвращаются к веберовскому понятию «демократии лидеров» (*Führerdemokratie*), забывая при этом, что Вебер понимал значимость лидеров в рамках демократии либеральной¹⁰. Другие предлагают правую, националистическую, интерпретацию теории гегемонии Антонио Грамши¹¹, считая, что в политическом дискурсе должна доминировать неустанная пропаганда. Кто-то ссылается на теорию «политического» у Карла Шмитта,

8 LEVITSKY S., WAY L. *Op. cit.* P. 5.

9 ZAKARIA F. *The Rise of Illiberal Democracy* // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 6. P. 22–46.

10 WEBER M. *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1978.

11 GRAMSCI A. *Selections from the Prison Notebooks*. London: Lawrence & Wishart, 1971.

в которой говорится, что основным конститутивным элементом политики является конфликт между другом и врагом¹². Другие не прочь заново интерпретировать понимание радикальной политики у Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф¹³ с целью подчеркнуть важность возвращения к реальной политике «реальных людей». Такой подход к политике превозносит добродетель, общинность и артикуляцию конфликтов в отношении доминирующего, нейтрализующего правового и морального дискурса либеральных элит. Чтобы оживить политику, как они считают, обязательно нужна значительная доза популизма, а возникновение популистских демократий¹⁴, по их мнению, следует считать здоровой реакцией на западные демократии, где граждане превращаются в отчужденных потребителей (а не энергичных участников) демократической политики.

Однако гибридные режимы, популистская политика и нелиберальные демократии, несмотря на все усилия по их оправданию, сдерживают политическую активность граждан и движутся в направлении авторитаризма. Причина, по которой авторитарным лидерам так нравится концепция нелиберальной демократии, заключается в том, что она дает им возможность выставлять себя демократами (в своем роде). Даже новоиспеченные диктаторы хотят представить себя демократами. Пусть «суверенными», пусть «незападными», пусть «нелиберальными», но все-таки демократами. Участвуя в разрушении верховенства права, они прилагают максимум усилий, чтобы убедить всех в том, что были избраны народом. Автократы прошлого не так уж настаивали на законности своего избрания. Концепция же нелиберальной демократии помогает новым лидерам-автократам скрывать свои авторитарные намерения как можно дольше.

Добавляя к понятию «демократия» разнообразные характеристики с тем, чтобы указать на ее извращенную суть, наука прилагает отчаянные усилия, чтобы попытаться спасти саму концепцию, оставаясь верной некоторым ее частям. Однако это приводит к ситуации, когда «у семи нянек дитя без глаза». В конечном счете они начинают описывать как демократии режимы, которые на самом деле не имеют ничего общего с изначальным смыслом этой концепции. Как оказалось, популизм или нелиберализм не делают режимы более демократичными, а скорее наоборот.

Что же нам тогда делать с нелиберальными демократиями? Во-первых, существуют ли они вообще? Если да, то куда их

12 SCHMITT C. *The Concept of the Political*. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

13 LASCLAU E., MOUFFE C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 1985.

14 Объяснение подобного подхода см. у: PAPPAS T.S. *Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary* // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 49. № 1. P. 1–23.

отнести – к группе демократий или к гибридным режимам? В какой степени либеральные ценности – верховенство права, сдержки и противовесы, конституционализм, гражданские свободы, разделение властей, права человека и защита меньшинств – относятся к демократическим ценностям? Принадлежит ли демократия всем гражданам политического сообщества или только большинству? Эти вопросы одинаково важны как для политических теоретиков и тех, кто занимается сравнительной политологией, так и для граждан. Что есть демократия – универсальная ценность или просто конкретное благо? Следует ли считать ее исключительно западной ценностью и бывают ли вообще незападные демократии?¹⁵ Старые вопросы, похоже, снова возвращаются.

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

**Нелиберальная демократия преподносилась
как мажоритарная, идущая снизу, заново
политизированная демократическая альтернатива
демократическому же элитизму, в условиях которой
трудящиеся возвращают себе власть, отбирая ее
у политически корректных элит.**

Примерно в 1989 году мы узнали, что демократия означает западную, либеральную демократию. Это единственный режим, основанный на политическом плюрализме, участии, конкуренции и гражданских свободах. Как следствие, некоторые ученые справедливо поставили под сомнение обоснованность существования нелиберальной демократии как подтипа в семействе демократий. Джеффри Исаак в своем эссе уже упоминал ряд исследователей, подвергших эту концепцию серьезной критике, в том числе Яна-Вернера Мюллера¹⁶, Яноша Корнаи¹⁷ и других. Венгерский политический философ Янош Киш¹⁸ приводит аналогичный аргумент. Он утверждает, что ключевым аспектом демократии является то, что даже меньшинство признает законность решений. Однако это происходит лишь в том случае, когда система беспристрастна, а люди, чье мнение оказалось в меньшинстве, остаются законными участниками демократического процесса, поскольку решения большинства не используются для того, чтобы лишить меньшинство граж-

15 YOUNGS R. *The Puzzle of Non-Western Democracy*. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, 2015.

16 MÜLLER J.W. *The Problem with Illiberal Democracy* // Project Syndicate. 2016. January 21.

17 KORNAI J. *Hungary's U-Turn: Retreating from Democracy* // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 3. P. 34–48.

18 KIS J. *Illiberális demokrácia nem létezik* // Hvg.hu. 2014. November 24.

данских прав. В современной демократии недопустимо маргинализировать, игнорировать меньшинство или избавляться от него – то есть за пределами либеральной демократии демократии не существует. Следовательно, по Кишу, не существует и нелиберальной демократии, поскольку нелиберальный режим демократией считаться не может.

Если мы рассуждаем в рамках нормативной демократической теории, я с этим согласен. Тех, кто систематически нападает на верховенство права, вряд ли можно считать защитниками демократии. Концепция демократии постепенно менялась, и сегодня она стала охватывать либеральную и конституционную составляющие. Трудно назвать какой-либо политический режим «демократией» за пределами мира либеральных демократий, даже если мы знаем, что демократия *никогда* не бывает идеальной и что существуют дефектные демократии, которые не отвечают полностью всем критериям.

Мой подход можно обобщить в следующей типологии: демократия – это либеральные демократии, консенсусные или мажоритарные; *гибридный режим* – это различные режимы, в том числе нелиберальная демократия и конкурентный авторитаризм; *диктатура* – целиком и полностью авторитарные или тоталитарные режимы.

Другие исследователи видят картину иначе. Так Чиллаг и Селени¹⁹ приводят аргумент выборной демократии. Режим Орбана в Венгрии они, например, оценивают как демократический, так как он пришел к власти демократическим путем и по-прежнему существует возможность смены правительства. Они работают с относительно низким «порогом» и утверждают, что можно говорить о демократии, когда легитимация власти основана на воле большинства. Они принимают минималистские доводы Хантингтона о том, что свободные и справедливые выборы являются неременным условием демократии, а фактический способ управления, с точки зрения легитимизации, относительно менее релевантен²⁰. Авторы не задаются вопросом, соответствовали ли выборы 2014 года в Венгрии критерию свободного и справедливого волеизъявления.

В 1990-е в посткоммунистической Европе действительно существовали режимы, которые мы можем ретроспективно обозначить как электоральные или нелиберальные демократии, – такие, как Словакия при Мечъяре, Югославия при Милошевиче, Румыния при Илиеску или Хорватия при Туджмане. В исполненном оптимизма состоянии перехода многие

19 CSILLAG T., SZELÉNYI I. *Drifting from Liberal Democracy: Neo-Conservative Ideology of Managed Illiberal Democratic Capitalism in Post-Communist Europe* // *Intersections*. 2015. Vol. 1. № 1. P. 18–48.

20 HUNTINGTON S.P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: Oklahoma University Press, 1991.

полагали, что эти режимы будут развиваться в направлении либеральной демократии. Поскольку три из этих четырех стран в настоящее время являются членами Европейского союза, нелиберальная демократия могла быть истолкована как «болезнь» новых демократий.

Чиллаг и Селени изначально подчеркивают тот факт, что руководство избирается путем свободных выборов. Если этот критерий соблюден, они считают режим демократическим, будь он либеральным или нелиберальным. Если принцип свободных выборов не соблюдается, они автоматически рассматривают режим как авторитарный – такой режим тоже может быть либеральным или нелиберальным. Либеральные автократии, по их мнению, представляют собой нечто среднее между демократией и диктатурой, диктатурами же они считают только нелиберальные автократии. Типология этих авторов выглядит следующим образом:

	Демократия	Автократия
Либеральная	либеральная демократия	гибридный режим
Нелиберальная	нелиберальная демократия	диктатура

Я безусловно согласен с Чиллагом и Селени в том, что эмпирическая реальность демонстрирует больше вариантов режимов, нежели нормативная демократическая теория, и что нелиберальные демократии могут возникать в реальном мире. Но я не согласен с ними, когда они рассматривают нелиберальную демократию как разновидность демократии. На мой взгляд, нелиберальная демократия относится к гибридным режимам. Если кто-то принимает нелиберальную демократию как форму демократии, то он или она не только отрицает нормативный консенсус демократий, но и девальвирует само понятие демократии. В конце концов, мы потеряем возможность распознавать демократии и отличать их от других режимов. Исаак прав, утверждая, что нам нужно принять эмпирическую реальность, но и концептуальных натяжек нам тоже следует избегать²¹.

То, что люди часто называют «нелиберальной демократией», на самом деле является эмпирически существующим гибридным режимом – иными словами, недемократией. Называя это «демократией», мы вводим людей в заблуждение с научной точки зрения и политически их обезоруживаем. Для демонстрации последнего достаточно упомянуть, что Европейский союз использует эту концепцию в своем политическом дискурсе дипломатически, с целью уменьшить значимость отклонения Венгрии и Польши от мейнстримных европейских демо-

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

21 ISAAC J. *Is There Illiberal Democracy? A Problem with No Semantic Solution* // Public Seminar. 2017. July 12.

кратий. Это, по-видимому, оправдывает мягкое отношение ЕС к этим странам, несмотря на их неуважение к общепринятым стандартным либерально-демократическим ценностям. До тех пор, пока ЕС рассматривает Венгрию и Польшу как (своего рода) демократии, он будет оправдывать собственную неспособность ввести санкции в отношении этих стран.

ВЕНГЕРСКАЯ «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ»

Может ли в Европейском союзе существовать все более процветающий авторитарный режим? В конце концов, ЕС строился на либерально-демократических ценностях, как сообщество, где сотрудничество становится «все более тесным». Предполагается, что государства – члены Европейского союза являются либеральными демократиями, но Венгрия, скрывая авторитарные черты под потрескавшейся маской демократии, справедливо называется «гибридным режимом». Таким образом, это первое недемократическое государство-член в истории ЕС.

Деконсолидация демократии, широко воспринимаемой в стране в качестве элитарной системы, началась в Венгрии в 2006 году. Оппозиционная партия «Фидес», возглавляемая Виктором Орбаном, вела себя не столько как соперник, сколько как явный враг коалиционного правительства по мере того, как политический дискурс – и без того поляризованный – все более руководствовался ненавистью. Экономический кризис 2008 года привел к политической буре на выборах 2011-го, когда «Фидес» получила квалифицированное большинство в парламенте. С тех пор качество демократии неуклонно ухудшалось. Вначале сторонники режима говорили о «мажоритарной демократии», как будто либеральная демократия могла при этом выжить без потерь. Задним числом можно утверждать, что в период с 2011-го по 2015-й режим функционировал как своего рода ущербная, ослабленная или нелиберальная демократия.

Демократические институты пользовались все меньшим уважением со стороны правительства, однако важнейшие демократические принципы из списка Джеффри Исаака²² все еще действовали. В их число входили открытая политическая борьба, свобода слова, свобода создания объединений, правовое равенство, эгалитарная концепция гражданства, гендерно нейтральный гражданский статус – хотя все эти принципы так или иначе подвергались искажениям. Тем не менее в конечном счете режим отказался от нелиберальной демократии и стал опираться на все более авторитарные меры. Фактор времени

22 Ibid.

имеет значение: книга «Венгерский пациент», содержащая в подзаголовке термин «нелиберальная демократия», вышедшая под редакцией Питера Крастева и Йона Ван Тиля²³, описывает политические процессы, происходившие до 2015 года. Любая серьезная дискуссия об ущербных, ослабленных, дефектных или нелиберальных демократиях должна учитывать постоянно меняющийся характер этих режимов.

В 2016 году, когда грубая «гражданская» сила с молчаливого согласия государства лишила венгерских граждан возможности выдвинуть вопрос на референдум – то есть гражданам не дали осуществить свое конституционное право, – пришло время снова задать вопрос: имеет ли вообще смысл говорить о демократии в Венгрии? Ссылаясь на делегированное внешним исполнителям насилие, используя план изменения Конституции в связи, как утверждалось, с «террористической угрозой», режим Орбана в начале 2016 года сделал еще один шаг на пути к установлению монополии на власть. По аналогии с существовавшим прежде военизированным крылом крайне правой партии «Йоббик» вот-вот должна была появиться похожая группа из условно организованных головорезов под эгидой «Фидес»: не будучи одеты в форму, они были призваны запугивать демонстрантов и членов оппозиции. Исходя из политических соображений режим с гордостью утверждал, что его силовые структуры непосредственно силу не применяют (вместо этого он постепенно перешел к экзистенциальным угрозам), и работа по запугиванию была отдана на «внешний подряд» уличным бойцам «в гражданском», организованным фанатам-ультрас ряда футбольных клубов и так далее.

В разваливающейся Югославии Милошевича конца прошлого века такого не было. Такая политика идеально соответствует стратегии управления, выработанной режимом Орбана, – для этой стратегии характерны намеренные усилия по устранению различий между официальными и неофициальными агентами, между тем, кто несет ответственность, и тем, кто, наоборот, никому не подотчетен. Решения принимаются вне установленных институтов, за их спиной, в невидимой и серой зоне, в мире теневых организаций, не несущих никакой политической ответственности и не обремененных обязательствами. В соответствии с этой схемой акты насилия, которые могут поставить в неловкое положение тех, кто находится у власти, совершаются привычными к таким делам скинхедами, от которых «Фидес» в свою очередь может легко откеститься. Аналогичным образом бюджет не обязательно составляется соответствующим министром – этим занимаются частные фирмы

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

23 KRASZTEV P., TIL J. VAN (Eds.). *The Hungarian Patient: Social Opposition to an Illiberal Democracy*. Budapest; New York: CEU Press, 2015.

(обеспечивающие операции по отмыванию денег, по свидетельству одного из бывших сотрудников), юридически не связанные с правительством, члены которых также могут иметь доступ к секретной информации.

Есть точка, в которой даже ослабленной демократии приходит конец. Это момент, когда стирается грань между частными и общественными интересами, исчезает разница между национализацией и приватизацией, когда общественные интересы становятся неотличимыми от интересов политиков / экономических игроков, захватывающих государство, где, при прочих равных, система в конечном счете защищает этих предпринимателей. Коррупция легализуется. Венгрия к этому моменту уже подошла: «То, что называют коррупцией, на самом деле – важнейшая политическая цель партии “Фидес”», – с поразительной откровенностью заявляет главный идеолог режима Андраш Ланци²⁴. Сегодня коррупция в Венгрии больше не рассматривается как девиантное поведение, но является неотъемлемой частью самой системы. Нарушение закона стало новой нормой. То, что когда-то называлось «злоупотреблением властью», сегодня стало определяющей чертой режима. Как сформулировал Балинт Мадьяр, «мафиозное государство – приватизированная форма паразитического государства», где отношения патрона/клиента больше не относятся к системе протекций, также наблюдаемой в демократиях; по сути это «искоренение основ индивидуальной автономии и включение экзистенциальных проблем в систему зависимостей»²⁵. А это уже опасно приближается к определению авторитарных режимов.

Концепция мафиозного государства является одним из наиболее последовательных теоретических аргументов для описания режима, и ее оруэлловские коннотации можно использовать не только для оппозиционной критики, но и для академически обоснованного анализа политической системы Венгрии. Мы подошли к тому моменту, когда режим Орбана уже оказывается за рамками определений демократии в самом широком смысле, он уже даже не «дефектная», «избирательная», «минимальная» демократия. Слишком много дефектов, выборы не являются чистыми, и демократический минимум испаряется. Пришло ли время еще раз оценить ситуацию и изменить статус режима Орбана в политическом континууме?

Я считаю централизацию и персонализацию власти, пропаганду национального объединения в сочетании с дискриминацией и маргинализацией низших слоев общества, насильственной смену элит хищническим (или мафиозным) государством

24 LÁNCZI A. *Viccpártok színvonalán áll az ellenzék* // Magyar Idők. 2015. December 21.

25 Мадьяр Б. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства на примере Венгрии*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 16.

и практику силовой политики структурными элементами этого режима. Последний коренится в убежденности премьер-министра, будто «революционные обстоятельства» требуют проведения исключительной политики²⁶.

Режим Орбана в модификации 2018 года существенно отличается от более раннего периода его нахождения у власти (2010–2011), хотя истоки авторитаризма прослеживаются уже в самом начале. С 2010-го режим претерпел постепенную трансформацию. На ранней стадии развития риторика его была главным образом мажоритарной²⁷. Первым шагом к нелиберальной демократии стала новая Конституция – Основной закон, написанный и утвержденный единолично правящей партией. В результате, злоупотребив демократически узаконенной властью, правительство покончило с верховенством закона. Наиболее ярким примером этого является четвертая модификация Основного закона весной 2013 года, которая позволила Конституционному суду юридически игнорировать свои же решения, принятые до 2010 года²⁸. (Аналогичные процессы наблюдаются в сегодняшней Польше, хотя правящий блок не имеет квалифицированного большинства для изменения Конституции. Как следствие, польская правящая ультраправая партия «Право и справедливость», возглавляемая Ярославом Качиньским, открыто идет против Конституции в надежде, что кастрированный Конституционный суд даст им зеленый свет.)

В Венгрии вплоть до всеобщих выборов 2014 года нельзя было исключать возможности проведения свободных и справедливых выборов. Однако выборы 2014-го не соответствовали минимальным требованиям демократического процесса из-за «неравного игрового поля» для конкурирующих политиков. Заявление Орбана о построении нелиберального государства в июле 2014-го, вместо того, чтобы указать дату запуска нового порядка, просто обещало дальнейшие меры, направленные на укрепление авторитарной системы. К тому моменту режим уже успешно провел нечестные выборы и как раз закончил менять правила проведения муниципальных выборов в Будапеште – всего за несколько месяцев до голосования.

За эти годы система претерпела огромные изменения. К 2014 году пограничный столб с надписью «нелиберальная демократия» был уже далеко позади. Сегодня, после выборов

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

26 Bozóki A. *Broken Democracy, Predatory State and Nationalist Populism* // KRASZTEV P., TIL J. VAN (Eds.). *Op. cit.* P. 3–36.

27 Bozóki A. *Die autoritäre Versuchung: Die Krise der ungarischen Demokratie* // Osteuropa. 2011. Vol. 61. № 12. S. 65–88.

28 Vörös I. *Hungary's Constitutional Evolution during the Last 25 Years* // Südosteuropa. 2015. Vol. 63. № 2. P. 173–200.

2018 года, у нас нет подходящих терминов, чтобы описать то, что находится у нас перед глазами²⁹, но определение «конкурентный авторитаризм», возможно, лучше всего соответствует природе режима. Результаты выборов спровоцировали серию масштабных протестов на улицах Будапешта, в ходе которых протестующие неоднократно обвиняли оппозиционные партии в сотрудничестве с растущей автократией. Движение режима к авторитаризму продолжается, о чем лучше всего свидетельствуют некоторые недавние действия:

– Использование полукриминальных элементов для насильственного подавления попытки оппозиции инициировать референдум и неспособность прокуратуры выдвинуть обвинения. Передача насилия на аутсорсинг футбольным хулиганам и военизированным группировкам напоминает о первых путинских годах в России.

– Яростная пропагандистская кампания государства против иммигрантов во время инициированного правительством референдума в 2016 году, а также в ходе избирательной кампании 2018-го.

– Пользуясь всеобъемлющей политической и экономической властью, правительство в 2016 году закрыло крупнейшую леволиберальную ежедневную газету «Непсабадшаг» («Népszabadság»).

– Попытка закрыть базирующийся в Будапеште венгерско-американский частный вуз – Центрально-Европейский университет³⁰.

– Руководство правящей партии провело «избирательную кампанию, задействуя непропорциональные ресурсы и пользуясь явной поддержкой государственных институтов, которые сосредоточились на нагнетании страха, обращались к теориям заговора, использовали фейковые новости и высказывали открытые угрозы. Правящая партия не участвовала в открытых публичных дебатах с обсуждением результатов своего нахождения у власти и не представила конкретных политических планов»³¹.

– Еще одна характерная черта режима – агрессивное обращение с организациями гражданского общества. Как заявил представитель правящей партии, независимые НПО «должны быть вычеркнуты из венгерской общественной жизни», поскольку они вмешиваются в политику. За этим заявлением по-

29 TRENCSENYI B. *What Should I Call You? The Crisis of Hungarian Democracy in a Regional Interpretative Framework* // MAGYAR B., VÁSÁRHELYI J. (Eds.). *Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State*. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 3–26.

30 В октябре 2019 года ЦЕУ вынужденно перевел учебный процесс в Вену в связи с новыми требованиями властей к учебным заведениям. – *Примеч. перев.*

31 LACZÓ F. *The Illusion of Choice* // Visegrad Insight. 2018. April 24.

следовало дискриминационное законодательство в отношении НПО, получавших финансирование из иностранных фондов.

Язык, которым пользуется режим, служит для того, чтобы скрыть реальность. Пропагандистская массовая коммуникация – анкеты с набором предвзятых или манипуляторных вопросов, рассылаемые всем гражданам, – получила название «национальная консультация». При этом главной целью «Фидес» было обновление списка своих сторонников. «Защита» означает сбор денег на защиту. На самом деле «защита» пенсионных пособий означает реквизицию пенсий государством. Сокращение расходов на коммунальные услуги привело к повышению цен и ухудшению качества услуг. Защита венгерского народа привела к обнищанию значительной части населения. Поскольку коррупция стала нормой и частью повседневной жизни, для общественности она стала невидимой. Помимо программ по организации общественных работ для самых бедных групп населения, сокращения расходов на коммунальные услуги в интересах состоятельных и сохранения фиксированной ставки для налога с физлиц, система обретает легитимность через инвестиции, демонстрирующие символическую власть правящей элиты (например новый офис премьер-министра – дворец в Будайской крепости), националистические кампании и ксенофобию, генерируемую на государственном уровне.

Как показывает литература по этой теме (и ее появляется все больше), режим Орбана постепенно эволюционировал, вышел из личиночной стадии и на сегодня уже полностью сформировался (если вообще можно говорить об «окончательном формировании») ³². Это не означает, будто лидер режима следует заранее просчитанному плану. То, что он движется в направлении авторитаризма, было понятно, но было и много случайных событий, спонтанных реакций и противоречивых политических решений; перемены происходили с большей или меньшей скоростью – насколько позволяла политическая ситуация. С 2014 года главная проблема с режимом не только в том, что он нелиберален, но и в том, что он становится все более антидемократическим.

Более того, из-за сдерживающей силы Европейского союза к настоящему времени режим Орбана выглядит не столько демократическим, сколько более либеральным. ЕС более компетентен в охране прав человека, нежели в защите демократии от демонтажа. Некоторые фундаментальные права (свобода слова, свобода собраний, право на неприкосновенность частной жизни, свобода передвижения) в рамках этого режима по-

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

32 Ср.: WILKIN P. *Hungary's Crisis of Democracy: The Road to Serfdom*. Lanham: Lexington Books, 2016; PAPP A. L. *Democratic Decline in Hungary: Law and Society in an Illiberal Democracy*. London: Routledge, 2017; MAGYAR B., VÁSÁRHELYI J. (Eds.). *Op. cit.*

прежнему защищены – несмотря на автократическую монополизацию политики. По сути, мы имеем дело с формирующейся авторитарной структурой, которую Евросоюз мог бы до какой-то степени сдерживать в том, что касается нарушений фундаментальных прав человека и гражданских свобод³³. Иными словами, встроенность режима Орбана в международную систему препятствует его сползанию в авторитаризм или по крайней мере замедляет этот процесс. В силу данного внешнего ограничения лидеры режима Орбана вынуждены действовать не напрямую – следовать двойным стандартам, говорить одно, а думать другое, формально заявляя о приверженности демократическим ценностям, короче говоря, вести себя лицемерно, чего они не стали бы делать при других обстоятельствах. Правительство пытается оправдать свою антидемократическую политику, апеллируя к демократическим нормам, что смягчает автократическую природу режима. С целью избавиться от либерального демократического верховенства права, принятого в Европейском союзе, режим, пусть и без особого успеха, задействует риторику, эксплуатирующую ксенофобские настроения, и обращается к национальной трактовке христианства³⁴. То, что происходит в последнее время в политике за рубежом, в особенности в Турции и России, побуждает противников плюралистической демократии продолжать попытки устранения либеральных элементов в режиме.

В целом сложившийся в Венгрии порядок можно описать как гибридный режим со структурой мафиозного государства, неортодоксальной экономической политикой, стимулирующей социальное неравенство, этническим национализмом и возвратом к феодализации. Этот режим можно было бы называть конкурентным авторитаризмом³⁵, если бы он допускал подлинную конкуренцию – но он этого не делает. Мы имеем дело с партийной системой, где доминирует одна партия, конкуренция ограничена, а выборы проводятся без реальных вариантов. Оппозиционные силы могут побеждать в нескольких избирательных округах на дополнительных выборах, однако их надежды на победу на всеобщих выборах значительно ограничены. Для поддержания своей власти правящая политическая клика сочетает политические и экономические инструменты, однако ей не хватает интеллектуальной и моральной поддержки большей части общества. Режим полагается на своих политических сторонников, а потенциальных противников

33 Bozóki A., Hegedüs D. *An Externally Constrained Hybrid Regime: Hungary in the European Union* // Democratization. 2018. Vol. 25. № 7. P. 1173–1189.

34 Ádám Z., Bozóki A. «The God of Hungarians»: Religion and Right-Wing Populism in Hungary // MARZOUKI N. ET AL. (Eds.). *Saving the People: How Populists Hijack Religion*. London: Hurst & Company, 2016. P. 129–148.

35 Levitsky S., Way L. *Op. cit.*

разделяет и нейтрализует – независимо от того, пассивны они или активны³⁶.

Спираль продолжает идти вниз, несмотря на членство страны в Европейском союзе. Венгерскую политику «наихудших практик» быстро скопировал режим Качиньского в Польше. Когда гражданам отказывают в конституционном праве на проведение референдума – даже по такому, казалось бы, тривиальному поводу, как вопрос о том, должны ли розничные магазины работать по воскресеньям, – какой арсенал развернут правящие силы, если их власть окажется под угрозой? Возможно, нам нужно изменить посылку нашего анализа: вместо того, чтобы пытаться понять, почему венгерская политическая система, которую прежде называли «демократией», не либеральна, давайте попробуем разобраться, что делает эту европейскую автократию относительно либеральной.

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

Встроенность режима Орбана в международную систему препятствует его сползанию в авторитаризм или по крайней мере замедляет этот процесс. Лидеры режима вынуждены следовать двойным стандартам, формально заявляя о приверженности демократическим ценностям.

Выводы

Наконец, нам необходимо понять, как распространяется эпидемия авторитаризма и какое место в этой серой зоне занимает нелиберальная демократия. Для меня нелиберальная демократия не столько популярный политический проект, сколько относительно редкая эмпирическая конфигурация среди гибридных режимов. Это изменчивый, относительно менее авторитарный и менее насильственный режим, нежели другие гибридные режимы, один из случаев «раздемократизации» бывших демократических стран. Противоречивый характер нелиберальной демократии также может быть объяснен наличием реальной напряженности между внутренними и внешними силами в рамках международных организаций (типа ЕС). Нелиберальная демократия – так же, как либеральная автократия или конкурентный авторитаризм, – может быть описана как временное сосуществование политических структур, кото-

36 В этом смысле он вписывается в модель, предложенную Мескитой и Смитом: MESQUITA B.B. DE, SMITH A. *The Dictator's Handbook*. New York: Public Affairs, 2011.

рые частично друг друга дублируют и друг другу противоречат. Эти режимы могут обладать следующими характеристиками:

1. Во главе режима стоит авторитарный лидер, который приходит к власти путем выборов и которого на международном уровне поддерживают лидеры, придерживающиеся схожих авторитарных взглядов.

2. Лидер создает высоко персонализированную, неформальную, централизованную, вертикально действующую систему управления, где лояльность преобладает над опытом, а социальные автономии (вроде независимых СМИ и независимых групп гражданского общества) считаются опасными.

3. Политическая клика, оккупирующая государство изнутри, может вести себя как приемная «политическая семья», выборочно принимая в свои ряды формальных членов партии и лояльную клиентуру.

4. Режим находится в постоянном движении, он «движущаяся цель», консолидация в нем маловероятна. В отсутствие внешних ограничений режим часто является переходным на пути к полному авторитаризму (как показывает пример России).

5. Выступая от имени коренного населения, лидер осуждает международные элиты (политиков Евросоюза, международный бизнес и так далее) и мигрантов, считая их врагами.

6. Тем не менее нелиберальный лидер предпочитает «чистые», а не открыто насильственные методы, регулярно проводит (нечестные) выборы с целью обеспечить себе долгосрочное правление и возможность представлять себя «демократом» на международном уровне.

7. Режим обещает вновь политизировать общественную сферу и мобилизовать политическое сообщество, но в итоге никакой политики нет, есть только централизованная пропаганда и запутанный, хаотичный государственный аппарат. Так называемое «сильное государство» на самом деле является мафиозным государством, где коррупция не отклонение от нормы, пришедшее извне, а встроенное в систему, законодательно закрепленное и сетевое явление.

8. Режим предпочитает основываться на страхах и традиционном менталитете граждан, а не на последовательной идеологии.

9. Лидеры нелиберальной демократии, как и любого гибридного режима, учатся друг у друга: подобные автократические методы и нарративы циркулируют между собой (иногда это называют «популяризацией автократии»).

10. При этом в рамках подобных режимов происходит множество случайных и непредсказуемых событий, для них характерны спонтанные действия. Хотя авторитарные лидеры и учатся друг у друга, они не обязательно реализуют один и тот же план или следуют заранее рассчитанному политическому проекту.

11. Если страна принадлежит к сообществу демократических государств, авторитарным лидерам сложнее проводить свою политику. Принцип subsidiarity, формальная приверженность основным демократическим ценностям, многоуровневое управление, институциональное сотрудничество и так далее, которые существуют в Европейском союзе, – внешние факторы, определяющие поведение национального лидера. В такой ситуации лидер нелиберального режима вступает в циничную и лицемерную игру с представителями международного сообщества, принимая доступные материальные блага из общей корзины, не уважая при этом общие демократические нормы.

12. В посткоммунистическом контексте нелиберальная демократия часто подразумевает жесткое перераспределение собственности между старыми и новыми элитами. Члены новой властной элиты используют законодательство для новой национализации частной собственности с целью впоследствии реприватизировать ее для себя и своих клиентов.

Вывод можно сформулировать одной фразой: теоретически нелиберальная демократия звучит как оксюморон, но она может существовать в реальном мире как изменчивая, не оформленная окончательно и частично ограниченная извне модель общества – особый тип гибридного режима внутри серой зоны.

Перевод с английского Оксаны Якименко

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

Взлом системы: перспективы правления Владимира Зеленского для украинской политики

Денис Павлович Юдин
(р. 1979) – журналист,
сотрудник украинского
Интернет-издания
LIGA.net.

За три десятилетия постсоветского транзита в Украине сформировался политический режим, сочетающий возможность смены власти в ходе демократических процедур с высокой степенью зависимости политики от неформальных отношений внутри олигархических кланов и между ними. Такая зависимость существенно сужает возможности для граждан добиться представительства своих интересов, а не только довольствоваться правом менять не оправдавших ожидания политиков, выступая в качестве аудитории, одобряющей или не одобряющей происходящее на политической сцене.

Неожиданная и убедительная победа на президентских и парламентских выборах 2019 года новичка в политике Владимира Зеленского и его партии, пришедших к власти на обещаниях смены политических элит и правил игры, создала новую ситуацию, которая может привести к трансформации политического режима Украины. Рассмотрим, какие характерные черты сложившейся в стране политической системы сделали возможным избрание Зеленского и каковы открывающиеся возможности.

УКРАИНА КАК НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Политический режим в Украине вслед за Александром Фисуным будем рассматривать как неопатримониальную демократию. Такой режим установился в Украине после конституционной реформы 2004 года, перераспределившей часть полномочий между президентом и Верховной Радой в пользу последней, и восстановился после событий Евромайдана в 2014-м¹.

Можно выделить следующие основные черты неопатримониализма и неопатримониальной демократии как его разновидности:

1 FISUN O. *Ukrainian Constitutional Politics: Neopatrimonialism, Rent-seeking, and Regime Change* // HALE H., ORTTUNG R. (Eds.). *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Stanford: Stanford University Press, 2016. P. 106–119.

– Правящие группы при неопатримониализме представляют собой патрон-клиентские сети, «кланы», в которых экономические и властные ресурсы «патрона» обмениваются на политическую и электоральную лояльность «клиентов», – в современных политических и экономических отношениях воспроизводятся этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи².

– Правящие группы рассматривают общество как свою частную собственность, а государственные должности – как средство собственного обогащения.

– Патримониальная логика правления соединена с институтами современного государства, такими, как парламент, многопартийность и выборы, но рационально-легальные отношения играют роль фасада для патрон-клиентских связей.

– Для неопатримониализма характерна та или иная степень персонализации власти: глава государства становится воплощением политической системы, а другие политические институты представляются второстепенными, являющимися лишь средством реализации его политики; избиратели идентифицируют себя не столько с политическими программами, сколько с личностью лидера.

– Для неопатримониализма в Украине характерна концентрация власти в руках президента, который сохраняет контроль путем распределения патронажа среди политических предпринимателей, экономических магнатов, региональных баронов, лояльных элит, определенных социальных групп, друзей и родственников, полностью доминирует и контролирует политическую и административную элиту вокруг себя.

– Для неопатримониальной демократии в Украине характерно сосуществование различных патрон-клиентских сетей, которые создают политические партии не для защиты интересов электората, а для конкуренции на выборах за контроль над позициями в государственном управлении и ключевых секторах экономики, позволяющими генерировать ренту.

Формирование неопатримониализма в ряде постсоветских стран, включая Украину, Фисун объясняет тем, что их развитие – в отличие от демократического транзита во многих странах Латинской Америки, Южной и Центральной Европы – проходило в условиях неоконченного национального строительства и незавершенной рационально-бюрократической трансформации государства.

Фисун отмечает, что участники патрон-клиентских сетей, как правило, не проявляют интереса к демократической трансформации политики, в результате которой политической и эко-

2 Фисун А. *Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология* // Отечественные записки. 2007. Т. 39. № 6. С. 13–16.

ДЕНИС ЮДИН

ВЗЛОМ СИСТЕМЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЛЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНКОГО...

номической конкуренцией будут управлять демократические правила. При этом особенность украинской неопатримониальной демократии после Евромайдана он видит в том, что «победители определяются в жесткой политической борьбе, а результаты заранее неизвестны»³.

Для неопатримониальной демократии в Украине характерно сосуществование различных патрон-клиентских сетей, которые создают политические партии не для защиты интересов электората, а для конкуренции на выборах за контроль над позициями в государственном управлении и ключевых секторах экономики.

АУДИТОРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Модель аудиторной демократии была предложена Бернаром Маненом для описания ситуации, когда избиратели склоняются к голосованию за личность политика, а не за партии или платформы⁴.

Манен отмечает, что партии неспособны в прежней степени обеспечить долгосрочную лояльность избирателей. Снижается количество тех, кто идентифицирует себя с конкретной партией. Доля голосов, которые получает партия от выборов к выборам, варьируется сильнее, чем полвека назад. Все больше избирателей решают, за кого голосовать, в ходе кампании или в день выборов. Избиратель в большей степени реагирует на поднимаемые в ходе кампаний вопросы, чем выражает социальную или культурную идентичность, и может голосовать за разные партии в ходе президентских, парламентских и местных выборов.

Если в партийной демократии партии были фундаментальными политическими единицами, отражавшими долговременные социоэкономические и культурные расколы, формировавшими долгосрочную лояльность, то в аудиторной демократии партии все еще играют очень важную роль, но не являются четко определенными единицами, сохраняющими устойчивую идентичность. Они ищут поддержку на каждом новых выборах, подгоняя тематику кампании под меняющиеся интересы избирателей и меняя в соответствии с этим конфигурацию своей целевой аудитории.

³ FISUN O. *Op. cit.* P. 119.

⁴ МАНЕН Б. *Принципы представительного правления*. СПб.: Издательство Европейского университета, 2008. С. 271–311.

Манен отмечает персонализацию отношений между избирателями и политиками. В условиях, когда различные медиа дают кандидатам возможность общаться с избирателями напрямую, без посредничества партийных структур, успешными кандидатами становятся люди, владеющие техникой медийной коммуникации лучше, чем другие. Из этого, в частности, следует, что возможность контакта с избирателями через Интернет отчасти снижает зависимость политиков и от посредничества СМИ. Другой причиной персонализации политики Манен считает усложнение среды, в которой действуют политические акторы. Она формируется в результате решений постоянно увеличивающегося круга действующих лиц, и проблемы, с которыми сталкиваются политики, становятся все менее предсказуемыми. Поэтому они не желают связывать себе руки программами, а с точки зрения избирателей, личное доверие к кандидату становится более подходящим основанием для выбора, чем оценка его планов. При этом партии остаются главными действующими лицами в парламентской политике и ведут кампании, в которых личности кандидатов и лидера партии выходят на первый план.

Социальные расколы также продолжают играть важную роль, являясь для политиков ресурсом для мобилизации «своих» и дистанцирования от «других». Выбор раскола не произволен, общество нельзя поделить как угодно, но оно содержит множество потенциальных расколов. Политики выбирают наиболее эффективные и выгодные с их точки зрения расколы и используют их для получения электоральной поддержки. Конечная конфигурация электорального выбора складывается из нескоординированных действий политиков, предлагающих избирателям реагировать на те или иные расколы, и реакции избирателей на их предложение.

В аудиторной демократии условия электорального выбора предлагают политики, а не электорат, выбор избирателя носит реактивный характер: «Электорат выступает прежде всего как аудитория, которая реагирует на условия, представленные на политической сцене»⁵. При этом Манен отмечает, что избиратель сохраняет за собой решающую власть, которой он наделен в представительном правлении: власть сменять правителей, чьей деятельностью он недоволен.

ДЕНИС ЮДИН

ВЗЛОМ СИСТЕМЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЛЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНСКОГО...

УКРАИНА КАК АУДИТОРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Манен предложил модель аудиторной демократии для стран с устоявшимися партийными системами, в большинстве имею-

5 Там же. С. 277.

ДЕНИС ЮДИН

ВЗЛОМ СИСТЕМЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЛЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНКОГО...

щими долгу историю развития. В случае Украины партийная система складывалась в условиях слабого гражданского общества, формирующегося неопатримониализма и одновременно развитой медийной среды – прежде всего телевидения. В таких условиях вряд ли можно было ожидать появления чего-то, похожего на «классические партии» – с развитой партийной структурой, с опорой на интересы широких социальных групп и долгосрочной приверженностью электората. Напротив, легкость доступа к избирателям через медиа в сочетании со сравнительно высокими затратами на проведение кампаний и сосредоточением ресурсов у неопатримониальных олигархических кланов привели к тому, что эффективными оказались партии с олигархической поддержкой. Речь преимущественно идет о лидерских проектах, которые можно сравнительно легко перебирать под текущие задачи. Отмеченные Маненом черты партий в условиях аудиторной демократии – лидерский характер, сосредоточенность на избирательных кампаниях, размывание четкой идеологии – в украинской ситуации только усилились.

Константин Федоренко, Елена Рыбий и Андреас Умланд, отмечая нестабильность партийной системы Украины, в качестве причин этой нестабильности называют появление на каждых выборах новых хорошо финансируемых и публично заметных партий, высокий уровень электоральной волатильности, низкий уровень партийной организации (в том числе и влиятельных партий), слабое укоренение партий в обществе и недостаточность коммуникации с избирателями⁶.

В период с 1998-го по 2014 год средний показатель электоральной волатильности (который позволяет оценить изменение поддержки партий от выборов к выборам) в Украине составил 48,15%⁷. Для части Верховной Рады, избираемой по партийным спискам (225 депутатов из 450), на выборах в 2019 году показатель волатильности составил 70,2%, если считать «Европейскую солидарность» наследницей «Блока Петра Порошенко», а «Оппозиционную платформу – За жизнь» – наследницей «Оппозиционного блока».

Сильно меняется и партийный состав парламента. В 2012 году в Верховную Раду прошли две новые партии («Свобода» и «УДАР» Виталия Кличко), в 2014-м – пять («Блок Петра Порошенко», «Народный фронт», «Оппозиционный блок», «Самопомощь» и «Радикальная партия Олега Ляшко»)⁸, в 2019-м – две («Слуга народа» и «Голос»), причем «Слуга народа» получила 254 места в парламенте из 450.

6 Федоренко К., РИБИЙ О., Умланд А. *Українська партійна система до та після Євромайдану 2013–2014 рр.* // Наукові записки. 2019. № 2(98). Р. 10.

7 Ibid. Р. 14.

8 Ibid. Р. 15.

При этом в период с 2012-го по 2019 год в течение всех трех электоральных циклов в Верховной Раде оказывалась только «Батькивщина». Остальные парламентские партии либо теряли популярность и не проходили пятипроцентного барьера («Свобода» в 2014-м и 2019-м; «Радикальная партия Олега Ляшко», «Самопомощь» и «Народный фронт» в 2019-м), либо существенно преобразовывались и сливались с другими проектами («УДАР» в 2014-м вошел в «Блок Петра Порошенко», а в 2019-м не выставлял партийного списка; сам «Блок Петра Порошенко» преобразовался в «Европейскую солидарность»; «Оппозиционный блок» в 2014-м был построен на руинах «Партии регионов», а в 2019-м от него откололась «Оппозиционная платформа – За жизнь», которая и прошла в Раду, в отличие от самого «Оппозиционного блока»).

Еще одна особенность украинской партийной политики, проявляющая «проектный» характер партий, – большое количество попадающих в парламент по партийным спискам беспартийных кандидатов. В 2014 году это касалось 70% депутатов от «Блока Петра Порошенко», 94% от «Самопомощи» и всех депутатов от «Оппозиционного блока». Всего в Раде на момент избрания в 2014 году 310 из 423 депутатов не принадлежали ни к одной партии⁹. В 2019 году на момент избрания в Раду беспартийными были 35% депутатов от «Голоса», 33% от «Батькивщины», 40% от «Европейской солидарности» и 88% от «Слуги народа» (позже несколько десятков депутатов президентской фракции вступили в партию). Всего беспартийными были 296 депутатов из 424 избранных.

Федоренко с соавторами отмечают как характерную особенность идеологическую неопределенность партийных программ, на фоне которой решающую роль в выборах играют партийные лидеры, часто выступающие финансовыми донорами своих партий. Персонализация отражается и в названиях партий, например: «Блок Петра Порошенко», партия «УДАР» Виталия Кличко, «Радикальная партия Олега Ляшко»¹⁰.

Эксперты Украинского центра экономических и политических исследований имени Александра Разумкова («Центр Разумкова») в 2018 году на основе анализа данных опросов отмечали:

«Подавляющее большинство респондентов склонны поддерживать те партии, с которыми ассоциируются понравившиеся им кандидаты в президенты (и наоборот); практически каждая партия имеет в своих рядах по крайней мере потенциальных кандидатов в президенты, чаще всего им является лидер партии»¹¹.

⁹ Ibid. P. 20.

¹⁰ Ibid. P. 11.

¹¹ *Україна 2018–2019: обережний оптимізм напередодні виборів*. Київ, 2019 (https://razumkov.org.ua/uploads/article/2019_Pidsumky_2018.pdf).

ДЕНИС ЮДИН

ВЗЛОМ СИСТЕМЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЛЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНКОГО...

При этом опрос, проведенный «Центром Разумкова» в августе 2018 года, показал, что наиболее весомыми причинами выбора кандидата в президенты респонденты считают его личные качества (57%), предыдущую деятельность (43%) и программу и предложения (40%)¹².

В целом можно констатировать, что в Украине сформировалась система, в которой партии не связаны стабильной поддержкой каких-либо широких социальных групп и часто носят характер электоральных проектов, которые строятся вокруг лидера, способного претендовать на пост президента. Ключевыми для них являются популярность лидера, наличие финансовых и организационных ресурсов для избирательных кампаний и медийных ресурсов для позиционирования в электоральном поле.

Голосование в условиях совмещения модели аудиторной демократии и неопатримониализма представляет собой выбор из предложенных олигархическими группами вариантов и является не столько способом реализации интересов избирателя, сколько упомянутой Маненом властью менять правителей и выражать им недоверие. Украинские избиратели быстро разочаровываются в тех, кого избрали, что приводит к кратковременности партийных проектов и высокой волатильности партийной системы, подкрепляя электоральный характер партий.

В Украине сформировалась система, в которой партии не связаны стабильной поддержкой каких-либо широких социальных групп и часто носят характер электоральных проектов, которые строятся вокруг лидера, способного претендовать на пост президента.

Взлом неопатримониальной демократии

В 2019 году президентские выборы в Украине выиграл шоумен Владимир Зеленский, заняв первое место в первом туре с 30,24% голосов избирателей, а во втором выиграв с 73,22%. На волне его популярности партия «Слуга народа», существовавшая на тот момент, по сути, формально, выиграла выборы в Верховную Раду, получив 43,16% голосов избирателей и заняв 124 места в парламенте по партийным спискам и 130 мест по одномандатным округам. Партии Зеленского удалось получить в Раде однопартийное большинство (254 депутата из 424 избранных) и возможность сформировать правительство.

¹² За півроку до виборів: рейтинги кандидатів і партій, мотивації вибору, очікування громадян. Київ, 2018 (https://razumkov.org.ua/uploads/socio/2018_press_release_1808.pdf).

Необычность этой ситуации для Украины заключается в том, что Зеленский не был непосредственно связан с устоявшимися патрон-клиентскими сетями. Во время выборов ему оказывали существенную поддержку медиаресурсы олигарха Игоря Коломойского, с которым у Зеленского до политической карьеры были бизнес-отношения, а во фракции «Слуги народа» выделяются группы влияния, связанные с Коломойским¹³ или с бизнесменом Ильей Павлюком¹⁴. Тем не менее ни Коломойский, ни кто-либо другой из украинских олигархов не получили определяющего влияния на новую власть. Ключевым фактором в успехе Зеленского стало сочетание огромного, возникшего еще до политической карьеры ресурса узнаваемости и популярности у избирателя с контрэлитной повесткой, отвечавшей пониманию избирателями выборов как способа сменить не оправдавших надежды правителей.

С начала 2000-х и до выборов 2014 года основным расколом, вокруг которого формировалась политическая повестка избирательных кампаний, был региональный этнокультурный раскол восток–запад. Места в Верховной Раде делились между партиями, получавшими выраженную региональную поддержку, совпадающую с декларируемой ориентацией партий на сближение с НАТО и ЕС или с Россией¹⁵.

Президентские и парламентские выборы, прошедшие после Евромайдана, показали существенное уменьшение значимости этого раскола. Петр Порошенко был избран президентом в первом туре, получив 54,7% голосов. В Раде была сформирована коалиция «Европейская Украина», объединившая 302 депутатов из 423 избранных. Такое существенное изменение можно связать как с ростом прозападных настроений в Украине, так и с тем, что часть избирателей, поддерживающих пророссийскую ориентацию, оказались на неподконтрольных правительству территориях и не принимали участие в выборах. Также в восточных областях Украины, где были наиболее сильны позиции пророссийской «Партии регионов», наблюдалась сравнительно низкая явка избирателей.

В президентской кампании 2019 года Порошенко, идущий на второй срок, пытался использовать раскол по внешнеполитической ориентации и патриотическую повестку, предложив избирателям кампанию под лозунгом «Армия, язык, вера» и альтернативу «или Порошенко, или Путин». Но Зелен-

ДЕНИС ЮДИН

ВЗЛОМ СИСТЕМЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЛЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНСКОГО...

13 Смирнов Ю. *Серые кардиналы Рады: кто будет влиять на этот парламент, кроме Коломойского* // LIGA.net. 2019. 30 сентября (www.liga.net/politics/articles/vlastetomy-serye-kardinaly-rady-kto-budet-vliyat-na-etot-parlament-krome-kolomoyskogo).

14 Он же. *«Я – главный, я от президента». Как Илья Павлюк стал влиятельным политиком. Ненадолго* // LIGA.net. 2019. 6 декабря (www.liga.net/politics/articles/ya-glavnyy-ya-ot-prezidenta-kak-ilya-pavlyuk-stal-vliyatelnyy-politikom-nenadolgo).

15 Федоренко К., Рибий О., Умланд А. *Op. cit.* P. 11.

скому удалось представить оказавшуюся куда более привлекательной контрэлитную повестку, направленную против «старых политиков». В августе 2018 года, по данным «Центра Разумкова», 66,2% украинцев считали, что стране нужны новые лидеры¹⁶. Такая повестка, будучи востребованной в еще большей степени, чем в 2014-м, снизила влияние регионального раскола. Готовность избирателя реагировать скорее на конкретные предложения, чем на социокультурные факторы, позволила Зеленскому сформировать широкое большинство, представители которого еще недавно были электоратом других партий.

Другой составляющей успеха Зеленского стала его медийная известность и популярность в качестве актера. Причем нужно отметить, что объектом его юмористических выступлений часто была именно политика и политики, а в популярном сериале «Слуга народа», давшем название партии Зеленского, он сыграл учителя, случайно ставшего президентом Украины и борющегося со «старыми элитами» и олигархами в интересах «простого народа». Будучи новичком собственно в политике, Зеленский еще до выборов воспринимался аудиторией именно в политическом контексте и еще до начала политической карьеры выражал разделяемое своей аудиторией отношение к политике и политикам.

До 2019 года неопатримониальные элиты Украины успешно сохраняли контроль над парламентом и исполнительной властью, несмотря на подъем активности гражданского общества после Евромайдана и связанных с ним надежд на обновление, демократизацию и деолигархизацию украинской политики. В то же время вернувшаяся после 2014 года неопатримониальная демократия благодаря отсутствию доминирующего игрока и сохранению конкуренции между элитными группами (которая не позволяла соперникам в полную силу использовать на выборах административный ресурс или не допускать к ним неудобных кандидатов) обеспечивала проведение сравнительно честных выборов.

«Вход» в политическую игру ограничивался прежде всего цензом в виде необходимой узнаваемости и медийного образа, финансовых, организационных и медийных возможностей для проведения успешной кампании. Такой ценз не могли пройти партийные проекты, которые пытались строить «классическую партию». А вот проекту Зеленского это удалось. Даже не будучи встроенным в существующую патрон-клиентскую сеть, он, как оказалось, вполне соответствовал минимальному набору необходимых критериев успешности в условиях сочетания

16 *Партійна система України після 2019 року: особливості та перспективи розвитку*. Київ, 2020 (https://razumkov.org.ua/uploads/article/2020_part_sistem.pdf).

неопатримониальной и аудиторной демократий. Отсутствие необходимости опираться на институализированную партийную структуру для участия в предвыборной гонке позволило несистемному игроку «взломать» закрытый контур украинских элит, имеющих доступ к власти. За два года президентства поддержка Зеленского – его ключевой ресурс – снизилась, но остается сравнительно высокой. Например, рейтинг доверия на начало каденции у Зеленского и Порошенко был сопоставим – 65% и 61% соответственно, при недоверии в 26% и 29%. Через 24 месяца президентства доверие к Порошенко упало до 20% при недоверии в 71%. Доверие к четвертому президенту Виктору Януковичу за аналогичный период снизилось с 56% до 22%, а недоверие выросло с 35% до 70%. Зеленскому через два года во власти, в мае 2021 года, доверяли 46%, а не доверяли 51%. Минимум доверия – 38% – наблюдался в августе 2020-го и в феврале 2021-го¹⁷.

Сохраняет Зеленский и высокий электоральный рейтинг, а преимущество над соперниками позволяет всерьез задумываться о втором президентском сроке: по данным «Центра Разумкова», в начале августа в первом туре выборов за Зеленского готовы были голосовать 28,8% определившихся с выбором избирателей, за его ближайших соперников – Порошенко и одного из лидеров «Оппозиционной платформы – За жизнь» Юрия Бойко – 15,9% и 14,6% соответственно. Во втором туре выборов Зеленский выиграл бы у Порошенко с результатом 60,7% против 39,3%, у Бойко – с результатом 68% против 32%¹⁸.

ВОЙНА С ОЛИГАРХАМИ?

Придя во власть на контрэлитной повестке и критике разочаровавших избирателей предшественников, Зеленский оказался в ситуации жесткой политической конфронтации с предыдущим президентом Петром Порошенко, который вполне соответствует представлениям об олигархе: он один из ведущих политиков и бизнесменов страны, располагающий значительными медиаресурсами. По утверждению адвокатов Порошенко, на август 2020 года против него были открыты 58 уголовных дел¹⁹. В то же время до сих пор ни одно из них не вышло из стадии досудебного расследования.

17 Два роки президента Зеленського: оцінки громадян (http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_ukraine_2y_president_052021_press.pdf).

18 Довіра до інститутів суспільства та політиків, електоральні орієнтації громадян України (липень–серпень 2021 р.). Київ, 2021 (<https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/dovira-do-instytutiv-suspilstva-ta-politykiv-elektoralni-orientatsii-gromadian-ukrainy>).

19 Кизилов Е. Против Порошенко уже открыли 58 уголовных дел – адвокаты // Украинская правда. 2020. 18 сентября (www.pravda.com.ua/rus/news/2020/09/18/7266836/).

ДЕНИС ЮДИН

ВЗЛОМ СИСТЕМЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЛЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНСКОГО...

Несколько иной была поначалу линия отношений Зеленского с другими крупными игроками бизнеса и политики. Нужно отметить, что в предвыборной программе Зеленского говорилось о борьбе со старыми политическими элитами, но не упоминалась борьба с олигархами²⁰. Зеленский, по мнению экспертов «Центра Разумкова», пытался построить модель «равноудаленности» в отношениях с финансово-промышленными группами, предлагая им вкладываться в решение общественных проблем²¹. Так, в марте 2020 года в Офисе президента прошла встреча с представителями крупного бизнеса, на которой Зеленский просил помощи в борьбе с эпидемией COVID-19.

В то же время эксперты «Центра Разумкова» отмечали, что некоторые парламентские, правительственные и кадровые решения при Зеленском говорят о сохранении влияния олигархических групп, в том числе и на действующую власть²².

До зимы 2021 года крупнейшим конфликтом Зеленского с олигархами было принятие закона об «усовершенствовании некоторых механизмов регулирования банковской деятельности», названного в украинской прессе «антиколомойским». Вопреки опасениям, что из-за связей с Коломойским Зеленский позволит тому успешно оспорить в суде состоявшуюся в 2016 году национализацию «ПриватБанка», принятый закон фактически исключил такое развитие событий. Его принятие сопровождалось сильным сопротивлением со стороны депутатов, которых связывают с олигархом (к законопроекту были поданы более 16 000 поправок – парламент утверждал специальную разовую процедуру его принятия, чтобы процесс не затянулся на месяцы).

С февраля 2021 года, с момента, когда рейтинг Зеленского опустился до низшей точки, президент фактически начал «войну с олигархами», уже коснувшуюся некоторых из них напрямую. Основным инструментом стали санкции, которые вводит возглавляемый президентом Совет национальной безопасности и обороны (СНБО). К августу 2021 года под санкциями СНБО оказались один из лидеров «Оппозиционной платформы – За жизнь», миллионер Виктор Медведчук, миллионеры Дмитрий Фирташ и Павел Фукс. Против Медведчука открыто уголовное дело по обвинению в государственной измене, в нарушении правил ведения войны и разграблении национальных ресурсов. На август 2021-го он находился под домашним арестом, дело было передано в суд.

20 Розумний О. *Антиолигархічний наступ Зеленського: мотиви, інструменти і перспективи* (<https://razumkov.org.ua/statti/antyoлигарhichnyi-nastup-zelenskogo-motyvy-instrumenty-i-perspektyvy>).

21 *Рік діяльності Президента Володимира Зеленського: здобутки і прорахунки*. Київ, 2020 (https://razumkov.org.ua/uploads/article/2020_Rik_diyalnosti_Prezydenta.pdf).

22 Там же.

Другим путем наступления на «старые» патрон-клиентские сети стали законодательные инициативы. В июне 2021 года Зеленский подал в Верховную Раду проект закона № 5599, известный как «закон об олигархах». Законопроект содержит критерии, по которым лицо может быть внесено в реестр олигархов по решению СНБО. Олигархам будет запрещено прямо или косвенно финансировать политические партии и участвовать в приватизации ряда объектов госсобственности. Их обяжут подавать декларации о доходах наряду с чиновниками. Также предлагается обязать госслужащих подавать декларации о контактах с олигархами за рамками официальных мероприятий. В сентябре 2021 года Рада приняла законопроект, несмотря на сопротивление оппозиционных партий.

Поданный Кабинетом министров так же в июне 2021-го и принятый в первом чтении Радой законопроект № 5600 назвали «антиахметовским», поскольку он предполагает повышение ренты на добычу железной руды и акцизы на солнечную и ветровую электроэнергию – сферы специализации компаний богатейшего человека Украины Рината Ахметова. Ко второму чтению законопроекта поданы более 10 000 поправок.

Поскольку поддержка избирателей является основным ресурсом сохранения и продления власти, Зеленский вынужден предъявлять хотя бы попытки борьбы со «старыми элитами», выполняя функцию представительства интересов избирателей. Это ведет к тому, что вряд ли «война с олигархами» станет проходным эпизодом.

Можно предположить, что, помимо желания избавиться от чужого влияния и усилить контроль над структурами государства, Зеленским движет необходимость следовать электро-ральному запросу: постольку, поскольку поддержка избирателей является для него пока основным ресурсом сохранения и продления власти, Зеленский вынужден предъявлять хотя бы попытки борьбы со «старыми элитами», таким образом выполняя функцию представительства интересов избирателей. Это ведет к тому, что вряд ли «война с олигархами» станет проходным эпизодом и быстро завершится договоренностями, которые позволят олигархическим кланам сохранить прежний уровень влияния. Скорее следует ожидать эскалации конфликта или вынужденного согласия со стороны олигархов принять новые правила игры.

ДЕНИС ЮДИН

ВЗЛОМ СИСТЕМЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЛЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНСКОГО...

Что дальше?

Политическая ситуация в Украине находится в развитии, и делать предсказания об итогах было бы опрометчивым шагом. В то же время можно предположить сценарии развития ситуации в случае, если Зеленскому удастся в той или иной мере ослабить влияние олигархических кланов на украинскую политику.

Ослабление влияния патрон-клиентских сетей может открыть дорогу как движению Украины в сторону авторитаризма, с возвращением модели неопатримониализма с президентским кланом, который вытеснит прежние элиты и займет место в центре патронажных отношений, так и к преодолению неопатримониализма и усилению роли рационально-легальных отношений в государстве.

О возможности авторитарного пути говорит слабость институциональных ограничений для максимизации Зеленским власти в условиях, когда он занимает должность президента с большими полномочиями, а парламентское большинство его партии обеспечивает контроль за правительством, которое в других условиях могло бы быть уравновешивающим центром влияния. В пользу возможности авторитарного развития правления Зеленского говорит концентрация им контроля над правоохранительными ведомствами, практически завершенная с отставкой в июле 2021 года влиятельного и самостоятельного министра внутренних дел Арсена Авакова и заменой его на депутата из президентской фракции Дениса Монастырского. Можно отметить и склонность Зеленского к вольной трактовке своих полномочий, примером чего стала отмена указов Януковича о назначении двух судей Конституционного суда, уже признанная Верховным судом противоправной (решение обжаловано Офисом президента, окончательного вердикта еще нет).

В отсутствие институционального противовеса президенту (за исключением судебной власти) и в условиях ослабления неформального влияния патрон-клиентских сетей ограничить попытку ликвидации демократии в Украине может сопротивление общества. Сложной для Зеленского и его команды выглядит и задача получить в следующем электоральном цикле контроль над парламентом: при сохранении нынешних тенденций «Слуга народа» не сможет в одиночку сформировать большинство, обладая поддержкой менее 30% избирателей²³. В такой электоральной ситуации попытки фальсификации результатов выборов для получения большинства должны быть очень масштабными, что создает высокие риски протестных

23 *Общественно-политические настроения населения (23–25 июля 2021)* (http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/obschestvenno-politicheskie_nastroeniya_naseleniya_23-25_ilyulya_2021.html).

акций и в целом вряд ли возможно при нынешнем уровне лояльности местных элит центру.

В то же время и риторика Зеленского, подчеркивающего приверженность курсу на евроинтеграцию, и готовность на деле воплощать ряд реформ, призванных снизить уровень коррупции и усилить институты правового государства²⁴, говорят о том, что авторитарный путь не предопределен для Украины в случае удачной кампании по деолигархизации. Свою роль может сыграть и чувствительность украинской власти к международной поддержке и общественному мнению, которая до некоторой степени ограничивает потенциальные авторитарные тенденции. В таком случае Украина получит шанс на дальнейший транзит в сторону правового и демократического государства.

В любом варианте развития событий можно предположить, что представительство в Украине сохранит в ближайшее время аудиторный характер и вряд ли следует ожидать трансформации партийной системы в сторону «классических» образцов.

ДЕНИС ЮДИН

ВЗЛОМ СИСТЕМЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЛЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНСКОГО...

24 Например, в августе Зеленский подписал принятые Верховной Радой законы о реформе Высшего совета правосудия и Высшей квалификационной комиссии судей, которые получили положительную оценку Венецианской комиссии.

Александр Кустарев (р. 1938) – независимый исследователь, публицист. Сфера научных интересов – типология и эволюция политической сферы. Публиковался в журналах «Pro et Contra» (Фонд Карнеги, 1999–2014), «Космополис» (МГИМО, 2002–2008). Колумнист «НЗ» с 2006 года.

На повестке дня – делиберативная согласительная демократия. Интерес к ней растет, потому что партийно-представительная конкурентная демократия, по видимости, приходит в упадок.

Во-первых, она становится дисфункциональной, поскольку неадекватна содержанию и конфигурации социального конфликта. Один сегмент общества деполитизируется, а другой становится все более фрагментированным и хаотичным. Избирательные предпочтения публики все более субъективны и сильнее мотивированы потребностью в знаковом самоутверждении, чем интересами общества и даже материально-потребительскими и социальными ожиданиями разных агентур, либо уже вполне удовлетворенных своим благообеспечением, либо не сознающих, что их политический выбор грозит потерями им же самим.

В результате стерилизуется центральная процедура демократии – выборы. Они не обеспечивают устойчивого режима переменного правления убедительного большинства и теряют (уже потеряли) свой главный, если не единственный *raison d'être*: способность держать власть под угрозой устранения (так называемое «ретроспективное голосование») и таким образом хотя бы как-то контролировать работу правительства или ставить ему условия.

Во-вторых, демократия теряет моральный авторитет. Устранив старый господствующий слой, она не только не смогла блокировать появления нового, но и привела к его возникновению. А поскольку новый истеблишмент продолжает себя обозначать как агентуру демократии, антигосподский инстинкт масс поворачивает их парадоксальным образом против демократии, с которой теперь в его глазах ассоциируется истеблишмент.

Что это может означать или что за этим последует? Чисто умозрительно вообразимы три варианта. Или «евродемократия», в согласии с давно известной циклической схемой Аристотеля–Полибия, вырождаясь, заменяется аристократией (элитократией) или даже монархией – с тем, чтобы вернуться обратно, когда они в свою очередь деградируют. Или, в согласии с представлением о поступательном социогенезе, демократия кончается навсегда как непригодная для управления сложносоставными совокупностями индивидов и их партикулярных кластеров. Или, наоборот, демократия установилась

навсегда и теперь будет трансформироваться из одного своего временного состояния в другое – экспериментально и на ощупь, как это видел Джон Дьюи¹. Теперь, в частности, партийно-представительная демократия преобразуется в делиберативную – пусть не сразу и не полностью, но во всяком случае напрямую.

Циклическую и эволюционную модели нетрудно совместить. Для этого достаточно представить себе, что социогенез идет не по прямой, а по спирали, то есть через циклы, в ходе которых один из вариантов, хотя и неизвестно заранее, какой именно, обнаруживает свое превосходство и, в конце концов, вытесняет другие. Сколько таких циклов еще предстоит, неизвестно, но какой-то финал неизбежен.

Сравнивать шансы этих вариантов можно до бесконечности. Избежим этой казуистики и попытаемся обсудить, в какой мере и как именно делиберация и демократия совместимы, – что само по себе является неочевидным состоянием.

Сейчас термин «делиберация» употребляется исключительно в связке с термином «демократия». Это приводит к некоторой аберрации, создавая впечатление, что делиберация соединима только с демократией. На самом деле она может быть демократической и недемократической в зависимости от того, кто и как в ней участвует. Круг участников делиберации, аналогично электорату, может расширяться и сужаться.

Историческая летопись делиберации в условиях монархии и элитократии выглядит весьма внушительно. В этом нет ничего неожиданного. Если делиберация – это спокойное и всестороннее обсуждение с целью найти согласие, а не конфронтация с целью навязать свою точку зрения остальным участникам разговора, где все сводится к сколачиванию большинства любыми средствами (торги, шантаж, подкуп, харизматическое гипнотизирование и прочее), то делиберация имманентна прежде всего коллегиальному правлению, ибо «правление более основательно и обдуманно в условиях коллегиальности», как замечает Макс Вебер, а «коллегиальность чисто совещательных органов существовала всегда и будет существовать всегда»². В практике коллегиальности прежде всего отрабатывается техника делиберации, привычка к рациональному обсуждению чужих резонов, развивается аналитический навык и исследовательский инстинкт; укрепляется способность оценивать последствия ранее принятых решений, признавать неудачи и исправлять ошибки.

Рациональное обдумывание проблемы как умственная операция появляется уже на заре антропогенеза и в дальнейшем

1 DEWEY J. *The Public and Its Problem*. New York, 1927.

2 WEBER M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tuebingen, 1985. S. 161–164. Вебер дает детальный обзор разных вариантов коллегиальности в третьем параграфе третьей главы первой части «Хозяйства и общества».

развивается и институционализируется как коллегиальность. Любой верховный правитель, даже полный хозяин положения, если он не психопат и не социопат (что, конечно, случается), так или иначе обдумывает свои решения, взвешивая «за» и «против» с помощью советников. Он вынужден допустить де-libерацию, а иногда даже поощряет ее.

А в органах коллективной власти режим постоянного открытого кругового консультирования просто неизбежен – иначе трудно сохранить их единство даже при устойчивом единстве материальных интересов. Можно думать, что именно в коллективных тираниях, как бы они ни третировали своих подвластных, консультации ближе всего к скрупулезной де-libерации, не коррумпированной тщеславием участников и их симпатиями и предрассудками.

Если де-libерация – это спокойное и всестороннее обсуждение с целью найти согласие, а не конфронтация с целью навязать свою точку зрения остальным участникам разговора, то де-libерация имманентна прежде всего коллегиальному правлению.

Фактура де-libерации в совещательных органах плохо изучена. До сих пор на нее вообще не обращали внимания как на особый стиль человеческих отношений, но, кроме этого, она неадекватно документирована, поскольку де-libерация вплоть до совсем недавнего времени была устной и не протоколировалась. Она, конечно, оставила какой-то след в мемуарах и переписке релевантных персонажей, даже если они, участвуя в де-libерации, не понимали, чем занимаются (как мольеровский Журден не знал, что говорит прозой), но мобилизовать этот ресурс и извлечь из него информацию смогут только те, кто знает, что ищет.

Практика коллегиальности давно стала общим местом в наставлениях правителям как главном жанре ранней нормативной политологии. На новый уровень она выходит на рубеже XVII–XVIII веков в концепции просвещенной монархии. «Просвещенность» обычно иллюстрируется модернизаторскими реформами, но она не меньше ассоциируется с практикой совещательности (де-libеративности). Эта практика недостаточно хорошо видна под горами летописного мусора в виде анекдотов об авторитарных выходках таких фигур, как Людовик XIV или Петр I и Екатерина II, и трудно распознается из-за того, что рациональные дискурсы прошлого вполне могут показаться вовсе не рациональными современному наблюдателю и

казуисту. Практики совещательности лучше просматриваются в правлении Марии-Терезии и Иосифа (Габсбурги), а особенно – под председательством Фридриха II в Пруссии и, конечно же, в правлении российского императора Александра II. Назвать такое правление «делиберативной монархией» мешает только то, что делиберация при традиционной монархии не была обязательна по закону, то есть не была конституционализована, а ее орган не был полномочен принимать решения без санкции государя.

К этому, однако, дело шло: появилась идея конституционной монархии, которая развивалась адептами монархии (особенно в Пруссии/Германии) в надежде спасти ее от демократизации точно так же, как проект делиберативной демократии теперь предлагается твердыми демократами в надежде спасти демократию («от себя самой», как добавляют многие).

В просвещенной монархии локусом коллегиальности–делиберации все еще остается двор, как его интерпретировал Норберт Элиас³ и что мы теперь назовем «ближним кругом» властителя или ядром истеблишмента, хотя монарх, случалось, разгонял свой ближний круг и вербовал новый. Но тенденцию к конституционной сублимации у двора перехватил словесный парламент, возникший на месте феодального, в свое время почти повсюду фактически забытого. Здесь лидировала Англия. Джон Стюарт Милль, в сущности, концептуализирует парламент как орган делиберации:

«[Парламент] – арена, где высказываются во всем свете и могут выступить на борьбу не только общие мнения нации, но даже каждой ее партии [...] и даже каждой замечательной личности; где каждый, чье мнение отвергнуто, имеет то утешение, что оно по крайней мере было выслушано и отвергнуто не вследствие каприза, а вследствие того, что большинство нашло против него более сильные доводы. [...] Противники называют собрания представителей местом пустословия и разговоров. Едва ли когда выходила более неуместная шутка. Я не знаю, чем именно, как не разговорами, представительное собрание может принести больше пользы»⁴.

Но коллегиальность правления, как подчеркивал Макс Вебер, сама по себе не имеет ничего общего с демократией⁵. Особенно если совещательные органы (менее или более формализованные в системе управления) комплектуются самим правителем. Соответственно, делиберация остается монополией (привилегией) ограниченного меньшинства.

3 ELIAS N. *Die höfische Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969.

4 Милль Дж. Ст. *Размышления о представительном правлении*. New York: Chaldize Publications, 1988. С. 74 (перепечатка с русского перевода 1863 года, изданного в Санкт-Петербурге).

5 WEBER M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 162.

Вклад демократии в культуру делиберации выглядит намного скромнее. В пределах еврохристианского культурного круга сама демократия как модус почти не практиковалась – разве что в эфемерных (чаще всего конфессиональных) очагах нонконформного самоуправления. Но в условиях модерна демократии уже не нужно было изобретать делиберацию. Она уже вполне сублимировалась в условиях «старого режима»⁶, и ее только предстояло осваивать. Посмотрим теперь, как демократия с этой задачей справлялась.

Прежде всего: делиберация не была идеалом (проектом) демократического движения модерна. Демократы не только не знали этого слова (никто его тогда не знал), но и не думали ни о чем таком, что можно было бы теперь этим словом обозначить. Даже те, кто вслед за Руссо понимал демократию не как политическое устройство, а как естественный образ жизни и мечтал о возвращении к изначальной человеческой общности⁷, больше уповали на ее спонтанное единодушие, чем на выработку наиболее обоснованного мнения. Массы же со своей стороны видели в демократии не более чем средство добиться материальных уступок со стороны господ («взять свое») и не имели ни малейшего представления об отправлении власти как профессии.

Но, как бы ни были мотивированы агентуры демократии с конца XVIII века, в условиях обострения социального конфликта после разрушения традиционного общества исторической миссией представительной демократии оказалось прекращение (предотвращение) смуты и насилия. Демократизация не сопровождалась устранением конфронтации. Она ввела конфронтацию в цивилизные рамки, когда общество не было способно ни к какой делиберации. Как тогда каламбурили, «ballot, not bullets»⁸. Все выглядит так, что партийно-представительная демократия скорее оказалась альтернативой делиберации.

Первой жертвой этой диспозиции оказался парламент. После перенесения конфронтации с улицы в зал заседаний он теряет способность к коллегиальности, еще свойственную парламенту времен Милля (тоже уже сильно им идеализированному) и, стало быть, способность поддерживать практику делиберации. Делиберация в нем вырождается в обоюдную обструкцию сторон – чистой пропаганды в расчете на будущие выборы или риторической оркестровки внутрипарламентской интриги с целью добиться вотума недоверия правительству и досрочных выборов.

6 «Старый режим» (фр. *l'ancien régime*) – политический и социальный уклад во Франции с конца XVIII века до начала революции 1789 года.

7 Последние отголоски этого умонастроения – Парижская коммуна и русский левый популизм под лозунгом «Вся власть Советам».

8 Этот каламбур можно приблизительно перевести как «вместо пуль [выборная] пулька». «Пулька» – графа, куда вписывают результаты игры в преферанс; в широком смысле – графа в любом списке.

Зато появляется новый локус – политические партии, претендующие на власть, с их руководством как теневым (альтернативным) правительством. Эта практика очень нужна партиям, как когда-то коллегиальным тиранам. И – по той же причине конкуренции за власть – каждая агентура должна быть едина, если хочет длительно существовать и добиться успеха. Это единство может быть инстинктивно-изначальным (прототип – братство) или производным на базе осознанной общности интересов (материальных, эмоциональных и идейных), но эти узы солидарности не способны долго держать вместе массивные множества. И если партийность добровольна, то партии не могут стать большими политическими силами только с помощью дисциплинирования своих рядов. Несогласные подчиняться будут просто их покидать. Не говоря уже о тех, кто обнаруживает свою партийность только на выборах – они дезертируют по малейшему поводу. Меньшинства могут быть удержаны на орбите партии только участием в добросовестной делиберации. Большие партии власти всегда любят называть себя «широкая церковь», и это долго так и было в самом деле. Такова же была первоначальная ВКП(б). Ее делиберативная активность в 1920-е выглядит очень внушительно – вероятно, более внушительно, чем любой другой партии в Европе.

АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ
ДЕЛИБЕРАЦИЯ
И ДЕМОКРАТИЯ

Демократизация не сопровождалась устранением конфронтации. Она ввела конфронтацию в гражданские рамки, когда общество не было способно ни к какой делиберации. Все выглядит так, что партийно-представительная демократия скорее оказалась альтернативой делиберации.

Постреволюционная ВКП(б) – вообще истинная жемчужина для политической теории. Она очень наглядно демонстрирует родство партий власти с коллегиальными тиранами. Она сама себя аттестовала как диктатура (пролетариата). Западная конкурентная демократия отличалась от нее тем, что в условиях многопартийности таких «тираний» было две (а то и больше) и они все время грозили друг другу смещением.

Но в обоих случаях внутрипартийная делиберация, называвшаяся (неудачно) в российском однопартийном варианте «внутрипартийной демократией», оказалась обреченной на угасание – и через десять лет прекратилась совсем с уничтожением ее агентуры. Магистральный комментарий не заду-

мываясь объявил это концом демократии. Между тем сама клика, захватившая власть, была искренне убеждена, что именно она обеспечивает «настоящую» демократию. И если отнестись к этому всерьез, то трудно отказаться от подозрения, что демократия в этом случае возобладала над делиберацией.

Многопартийные демократии демонстрируют ту же тенденцию, хотя ее труднее разглядеть в тумане гораздо более интенсивной и содержательной дискурсивной активности «западного» общества в условиях либерального габитуса. При новой конфигурации социального конфликта (смотри выше) большие партии власти уже не могут поддерживать свой рейтинг ни дисциплиной, ни делиберацией и уповают все больше – как и обыкновенные интересантские и самоопределяющие партии и движения – на естественную (инстинктивную) корпоративную сплоченность «своих/наших», повязанных общим делом. Фракции в них остаются, но делиберацию в них вытесняет конфронтация – как в ВКП(б) в свое время.

Но, отмирая в самих органах власти, делиберация как необходимый элемент практики правления не атрофируется и находит себе другие локусы – например, вторые («верхние») палаты парламента. Вебер концептуализирует их как совещательно-консультативный беспартийный государственный совет⁹. Он характеризует их примерно так же, как Милль – английский парламент. Британская палата лордов, стилистически теперь более близкая к парламентскому идеалу Милля, дает некоторое представление о таком органе. Общественная палата Российской Федерации, до сих пор, кажется, никем не воспринимаемая всерьез, неожиданно может оказаться в этом плане гораздо более интересной инициативой, чем российский поддельный парламентаризм.

Другой орган делиберации – межпартийные парламентские комиссии, где разрабатываются обоснования политических решений и готовятся законопроекты. В работе комиссий участвуют все партии, представленные в парламенте, и делиберация – единственно возможный для них метод работы.

Наконец, еще один локус, где находит себе прибежище делиберация, – это бюрократический аппарат, хотя парадигма и строение его делиберации, то есть ее рационалитет, выглядят иначе, чем в других локусах.

Но все эти локусы – совещательные органы при демократически избираемой, но монолитной и безапелляционной власти. Функционально они аналогичны локусам делиберации при господской власти. Они даже используют те же самые институты (особенно «бюро»). Это, в сущности, реликты господского прав-

9 WEBER M. *Wahlrecht und Demokratie in Deutschland* // ИДЕМ. *Gesammelte Politische Schriften*. Tuebingen, 1988. S. 259–260.

ления благодаря своей чистой совещательности и (это, наверное, еще важнее) благодаря тому, что они все больше монополизируют де-libерацию, делая ее привилегией ограниченного меньшинства – де-libеративной элиты, если угодно. Оседание де-libерации в этих локусах ни в коем случае не ведет к де-libеративной демократии. Их функциональность в условиях демократии именно в том и состоит, что они ее корректируют и ограничивают – к худу или к добру. Усиление их влияния и затем, возможно, полная эмансипация от политической власти означает, в сущности, поворот к экспертократии или элитократии любого иного рода. Как бы они ни культивировали практику де-libерации и как бы ни были благорасположены к интересам масс, это господская власть... Как будто бы тупик? Не совсем.

В условиях демократии появляется – как совершенно неожиданное, хотя, глядя назад, абсолютно логичное ее порождение, – еще один локус де-libерации: многопартийная правительственная коалиция. Они у всех на виду, и в Европе практикуются уже давно, но до сих пор многопартийная коалиция не вызвала интереса в этом качестве. Остается незамеченным и необдуманым то, что именно коалиция – локус коллегиальности и, стало быть, де-libерации *par excellence*. Вебер считал нужным упомянуть ее в своей разветвленной систематике форм коллегиальности¹⁰. Де-libерация в них часто не совершенна и легко обрывается, а сами такие коалиции не сохраняются долго. Разные коалиции возникают и исчезают, но остается простое правило: нет де-libерации – нет коалиции. Как только мы это заметили, коалиции выглядят уже не как патология демократии, а как указание на ее новое состояние в ходе ее непрерывной эволюции.

Дорога через этот эволюционный зигзаг тоже, конечно, может вести в сторону авторитарного правления. Долгая череда коалиций провоцирует антидемократические реформы и даже государственные перевороты, потому что неустойчивость коалиций ассоциируется с хаосом, что подрывает авторитет демократии и порождает антидемократическую реакцию при активной поддержке масс – правопопулистская реакция, уже имевшая однажды место между двумя эпизодами «тридцатилетней войны XX века»¹¹. В лучшем случае это ведет напрямую в сторону экспертократии, как это регулярно случалось в Италии и только что случилось опять (нынешнее правительство технократа Марио Драги).

Но демократический вариант тоже вполне вообразим. Например, тематические и интересантские партии (движения)

10 А именно как пример того, что он назвал «электоральной коллегиальностью» (*Abstimmungskollegialitaet* – буквально: голосовательная), коль скоро она может заключаться, хотя и неформально, уже до выборов.

11 Автор называет так Первую и Вторую мировые войны. – *Примеч. ред.*

полностью вытеснят из политического пространства партии, ориентированные на весь электорат (*catch all parties*). И тогда избиратель будет сознательно участвовать в создании коалиций, особенно если его будет стимулировать к этому регламентация процедуры выборов. Такое впечатление, что в Германии это происходит уже сейчас, что особенно многозначительно, если вспомнить, во что выродилась такая же диспозиция в 1930-е годы. Или партии сами по себе ликвидируются совсем, а орган управления делами страны, как бы он ни комплектовался, выбирая тематику делиберации или даже принимая стратегические решения, будет по процедуре учитывать общественное мнение. Мнение это может выражаться в независимых или заказных опросах публики, равно как и официально учрежденных фокус-групп, инициативах интеллектуальных лобби («мозговые тресты») или петициях по образцу британской практики первой половины XIX века. Эта тенденция быстро нарастает уже сейчас.

Долгая череда коалиций провоцирует антидемократические реформы и даже государственные перевороты, потому что неустойчивость коалиций ассоциируется с хаосом, что подрывает авторитет демократии и порождает антидемократическую реакцию при активной поддержке масс.

В обоих вариантах делиберация окончательно вытесняет конфронтацию (конкуренцию), но не демократию, и на этом основании такой порядок может быть назван делиберативной демократией. При этом в первом варианте демократия остается представительной (косвенной); во втором случае – становится прямой.

Таким образом, если возможно и в самом деле желательно не вынужденное и не устойчивое совмещение делиберации и демократии, а их органическое и устойчивое единство, то путь к нему лежит через коалиционно-правительственную коллегиальность. Она появляется спонтанно, но, будучи творчески отрефлексирована, может сублимироваться и конституционализироваться. Сейчас или после временного возобладания авторитарной альтернативы. Навсегда ли – открытый вопрос.

Циклическая схема Аристотеля–Полибия, а точнее, ее циклопоступательный вариант, позволяет думать, что не навсегда. И, если мы захотим воспользоваться этим представлением, мы сможем обнаружить иное содержание социогенеза вместо дви-

жения от господского правления к народному или в обратном направлении. Это содержание – экспансия делиберации. Словами Джона Дьюи: «Самое главное – поднять качество и улучшить условия обсуждения, дискуссии и аргументации общественного разговора. Это проблема “общества”»¹². Сам Дьюи был убежден, что эта проблема может быть решена, только если в делиберации (общественном обсуждении – *public debate*, как он это называл) будут так или иначе участвовать массы, что будет означать становление демократии как образа жизни. Мы, пожалуй, можем сказать сегодня, что делиберация совершенствуется и ширится, возбуждая постоянные колебания архитектуры политического пространства – чистая демократия, элитократия или их смеси. До тех пор, когда этот маятник перестанет качаться и различие господского и народного правления потеряет смысл, поскольку на смену им обоим придет делиберация как образ жизни общества.

АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ

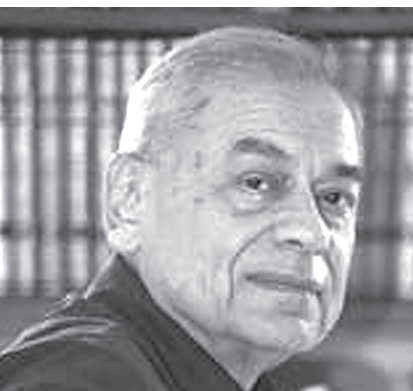
ДЕЛИБЕРАЦИЯ
И ДЕМОКРАТИЯ

12 «The essential need, in other words, is the improvement of the methods and conditions of debate, discussions and persuasion. This is the problem of the public» (DEWEY J. *Op. cit.* P. 208).

ПЕРВАЯ ГЛАВА (ФРАГМЕНТ)

1

Мы добрались до аэропорта Лода на закате. Это был очень холодный день середины декабря 1947-го. Дороги были пустые, если не считать британских броневиков, и машина «Хамбер» Юсуфа Сайига была единственным гражданским автомобилем на пути из Иерусалима в Лод². Юсуф отвез нас, своего брата Фаиза³ и меня, в аэропорт, откуда нам предстояло лететь на учебу в Америку: Фаизу – в Джорджтаунский университет в Вашингтоне, а мне – в Университет Чикаго.

Вчера мы были в Иерусалиме, в отеле «Кларидж», в районе аль-Катамон, которым управляет Фарид Атая. Вчера мы – Жо-

- 1** В статье представлены отрывки из первой автобиографии Шараби: SHARABI H. *al-Jamr wa-r-Ramād*. Beirut, 1978. В этой работе он рассуждает об арабском обществе 1940-х, а также вспоминает о своих связях с Сирийской социальной националистической партией (ССНП) и отношениях с ее основателем, православным ливанцем Антуном Сааде. Автобиографические произведения Шараби представляют интерес и как источники по истории национализма в арабском мире. См., например: SCHUMANN C. *Radikalnationalismus in Syrien und Libanon. Politische Sozialisation und Elitenbildung 1930–1958*. Berlin, 2001. S. 35–48, 111–136. Здесь и далее – примечания переводчика.
- 2** Аэропорт в Лоде появился в период британского мандата на Палестину (1920–1948). Сейчас это аэропорт имени первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона.
- 3** Фаиз Сайиг (1922–1980) – американский профессор палестинского происхождения, основатель Палестинского центра исследований (не путать с Institute for Palestine Studies). Как и его друг Хишам Шараби, в конце 1940-х Фаиз Сайиг учился в Американском университете Бейрута и состоял в ССНП.

АРХИВ «НЗ»

зеф Саляме и я – ходили смотреть фильм «Хабиб аль-Омар» с Фаридом аль-Атрашем⁴ и Самией Джамаль⁵ в кинотеатре «Рекс». Зал был полон зрителей, и жизнь текла, как обычно, как будто в Палестине ничего не происходило.

В маленьком безлюдном аэропорту сотрудник компании «TWA» сказал нам, что наш самолет задерживается и что вылет перенесли на следующее утро. Мы вернулись в Лод и провели ночь в небольшом отеле, куда нас отвез Юсуф, прежде чем вернуться в Иерусалим. Это была последняя ночь, которую я провел в Палестине.

Следующим утром мы садимся в самолет. Из иллюминатора я в последний раз смотрю на мой город – Яффу. Я вижу Яффу со стороны моря, с точки над портом, различаю район Аджамы и белую православную церковь по соседству с нашим домом. Мне кажется, что я даже увидел наш дом на вершине холма аль-Арктанджи... Через несколько мгновений Яффа исчезает из поля моего зрения, и я вижу только длинный белый берег, за которым до горизонта тянутся сады апельсиновых деревьев⁶.

ХИШАМ ШАРАБИ

УГЛИ И ПЕПЕЛ

Хишам Шараби (1927–2005) – историк палестинского происхождения, много лет преподавал историю европейской мысли в Джорджтаунском университете (США).

2

Сейчас, когда я пишу эти строки много лет спустя, я спрашиваю себя, как мы могли уехать из нашей страны и от войны, которая там шла, и от евреев, готовящихся захватить ее...

Тогда этот вопрос не приходил мне в голову, и, думаю, мой друг Фаиз не задумывался о том, что евреи нашего возраста, в том числе их девушки, становились солдатами; мы не думали об этом, как не думали о том, чтобы отложить нашу учебу и остаться на родине, чтобы сражаться. Есть те, кто может сражаться за нас. Как те, кто сражался в восстании 1936 года⁷ и кто еще будет сражаться в будущем. Крестьяне, которым нет нужды получать специальность на Западе. Тут, на этой земле, их естественное место. Что же касается нас – нас, интеллигенции, – то мы действуем на другом поприще... Мы боремся на фронте мысли и ведем тяжелую интеллектуальную борьбу.

4 Фарид аль-Атраш (1915–1974) – актер и певец, один из самых известных деятелей арабской культуры в XX веке. Родился в городе ас-Сувейде на юге современной Сирии.

5 Самия Джамаль (1924–1994) – египетская актриса и танцовщица.

6 Образ апельсинов из Яффы стал важным символом в культуре и национальном самосознании палестинцев. См. рассказ палестинского писателя Гассана Канафаани (1936–1972) «Земля печального апельсина» в одноименном сборнике (1963).

7 Имеется в виду восстание в Палестине 1936–1939 годов.

Сейчас я вспоминаю одно событие, случившееся в период, когда я покидал свою страну. В конце 1947 года страну накрыла бурная волна энтузиазма из-за решения о разделе⁸. Студенты Американского университета в Бейруте⁹ проводили уличные демонстрации и призывали записываться в добровольцы «Армии спасения»¹⁰. Я принимал их прошения в пункте записи и записал большое количество людей. Я проинструктировал их прибыть на площадь аль-Бурдж на следующий день, чтобы затем отправиться в Хомс¹¹ для боевой подготовки. Из сотен записавшихся пришло ничтожное количество, которое можно было пересчитать по пальцам одной руки.

А мой друг Юсуф Айбаш рассказывал мне о другом случае, произошедшем в тот же период с одним из его коллег. Юсуф был одним из первых, кто загорелся энтузиазмом [бороться с Израилем], и они с другом решили присоединиться к «Армии спасения». Они направились прямо в Дамаск (Юсуф принадлежал к знатной и известной дамасской семье), где пошли в офис Тахи-паши аль-Хашими, лидера «Армии спасения», и потребовали встречи с ним. После недолгого ожидания Таха-паша вежливо и с улыбкой принял их, предложил им кофе, но отказался записать их в ополчение, сказав:

«Сыны вы мои, война – это не для молодых людей вроде вас. Я искренне советую вам вернуться к учебе. Вы из хороших семей, вы служите родине наукой и познанием, а не войной и винтовкой. И без вас найдется тот, кто может носить винтовку».

4

Самое странное в этом – то, что мы, Фаиз и я, были политически ответственными (мы оба были активными членами Сирийской социальной националистической партии¹²) и очень социально

- 8** Речь идет о плане ООН по разделу территории бывшего британского мандата на арабское и еврейское государства. Принят 29 ноября 1947 года резолюцией № 181 Генеральной ассамблеи ООН.
- 9** Престижное частное учебное заведение, основанное американскими пресвитерианскими миссионерами в 1866 году как Американский протестантский колледж (American Protestant College). В университете учились и преподавали многие видные деятели арабской культуры второй половины XIX века, а также множество деятелей культуры и представителей политической элиты Ливана, Сирии, Ирака, Иордании и других стран. Про историю университета и политического активизма в нем см.: ANDERSON B.S. *The American University of Beirut. Arab Nationalism and Liberal Education*. Austin, 2011.
- 10** «Арабская армия спасения», или просто «Армия спасения», – добровольческие вооруженные формирования, которые участвовали в Палестинской войне (1948–1949; в Израиле известна как Война за независимость) на стороне арабской коалиции.
- 11** Город в Сирии.
- 12** Сирийская социальная националистическая партия – политическая партия, основанная в 1932 году в Ливане. В основе ее идеологии лежит доктрина сирийского национализма, сформулированная Антуном Сааде. Целью партии является «возрождение» Сирии в ее «естественных границах»: изначально подразу-

сознательными. И при этом мы покинули нашу страну в минуту испытаний без колебаний и чувства вины. Как будто это было естественно и не требовало обдумывания и переоценки. В моей нынешней попытке истолковать свои действия (а отнюдь не оправдать) я оказался полностью бессилён. Возможно, то, что мы были интеллектуалами, несколько затуманило наше зрение, и мы стали смотреть на происходящее из чисто интеллектуальной перспективы, и, таким образом, весь мир казался нам темой для наших слов и умозаключений, а не пространством, где можно действовать и прилагать наш труд. Как будто бы было достаточно любить нашу родину всем сердцем, мечтать о великом будущем нашей нации, не требуя от себя ничего, кроме искренности наших чувств.

ХИШАМ ШАРАБИ

УГЛИ И ПЕПЕЛ

6

Я вошел в свою комнату и закрыл за собой дверь. В первый раз с того момента, как я покинул аэропорт Лода, я мог спокойно подумать. Вот я наконец-то в Америке... Сбылись мои мечты, я приехал в Университет Чикаго, и я сейчас в своей собственной комнате в «International House»... Я почувствовал, как меня охватило одиночество... Мое сердце практически разрывается... и я близок к тому, чтобы заплакать. Я захотел вернуться. Захотел вернуться на мою родину, к моим близким и к партии, которую я покинул.

Мечта, если она сбывается, как и желание, если его удовлетворяют, оставляют после себя мрачную пустоту. В тот момент я решил вернуться как можно скорее. Окончу только магистратуру и вернусь через год. Мной овладело спокойствие. Тогда я не знал, что проведу большую часть своей жизни в Америке и что мое возвращение на родину продлится недолго и будет трагическим...

ВТОРАЯ ГЛАВА (ФРАГМЕНТЫ)

1

Все, кто учился в Американском университете в Бейруте, были из богатых, или по меньшей мере зажиточных, семей. Мы были

мевались территории французского мандата на Ливан и Сирию и британского мандата на Палестину и Трансиорданию, позднее понятие «естественной Сирии» было расширено. Другим ключевым элементом партийной идеологии был крайний секуляризм: стремление преодолеть религиозные различия между населением Сирии («сирийской нацией») и полный запрет на прямое и косвенное вмешательство духовных лиц в политику. Как и некоторые другие молодежные движения 1930-х, ССНП вдохновлялась эстетикой европейских фашистских движений. Сегодня партия представлена в парламентах Сирии и Ливана.

меньшинством среди десятков тысяч молодых людей нашего народа, способным получить доступ к науке/знаниям и высокой культуре. При этом мы не чувствовали, что обладаем привилегиями, которых были лишены другие. Мы привыкли жить в просторных домах и наслаждаться жизнью как хотим, не зная лишений, как если бы счастье было нашим естественным правом. С детства мы учились смотреть на бедных по-особому. Бедность была частью нашего мира, но не касалась нашей жизни и была от нее далека, как хижины, разбросанные вокруг наших роскошных кварталов. Нищие были несчастными людьми, мы их жалели, и их бедность ранила нас, но они принадлежали к совершенно другому миру. Вид просящих милостыню, которые наполняли улицы наших городов, казался чем-то естественным, не беспокоил нас и не вызывал угрызений совести. Мы не задумывались о том, что наше богатство и их нищета как-то связаны между собой. Мы испытывали жалость к этим несчастным созданиям, и это чувство давало нам глубокое моральное удовлетворение. Всякий раз, когда мы давали горсть монет бедняку и он начинал взывать к Аллаху, чтобы тот благоволит нам, хранил молодежь и был добр к нашим отцам и матерям, мы чувствовали, что Аллах доволен нашими хорошими поступками. Нас наполняло довольство собой, и наши добродетели казались нам больше в собственных глазах.

Моя бабушка была из религиозной аристократической семьи. Каждую пятницу, после полуденной молитвы она давала садаку¹³ бедным и настраивала радио на максимальную громкость, чтобы было слышно, как читают Священный Коран. Голос чтеца и запах благовоний наполняли дом, распространяясь по комнатам вместе с повторяющимися молитвами и призывами к Богу. После пятничной проповеди нищие приходили десятками и усаживались в саду, около восточного входа в дом, который располагался у кухни. Им предлагали еду, и они съедали ее молча, стоя на солнце или сидя на крыльце. После этого бабушка раздавала им старую одежду, небольшие суммы денег и лепешки, которыми она предварительно «массировала» меня и трижды читала над моей головой суру аль-Курси¹⁴. И, несмотря на мое недовольство «массажем» и бабушкиным бор-

13 Добровольные пожертвования бедным, поощряемые в исламе.

14 Имеется в виду аят (стих) Корана 2:255. В исламской традиции этот аят считается одним из важнейших в Коране. Как и некоторые другие части Корана, аят о троне нередко цитируют по различным ритуальным поводам. В переводе Игнатия Краковского он звучит так: «Аллах – нет божества, кроме Него, живого, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них, а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их; поистине, Он – высокий, великий!» Сам по себе ритуал, когда предметами, предназначенными для раздачи бедным, «массируют», обтирают, тело одного из дающих (или просто дотрагиваются до него), нам не известен.

мотанием, я принимал эти обряды без вопросов. Раздражение и стыд в связи с религиозно-набожными действиями моей бабушки я почувствовал лишь много лет спустя, когда бабушка скончалась, а я стал смотреть на жизнь по-другому.

Важнейшими ценностями социального класса, к которому я принадлежал, были общественное положение, знатность семьи и демонстративное великодушие по отношению к гостям. Понятие чести (*karāma*) имело особое значения для этого класса, и что угодно могло ее задеть. Так что, хотя в период оккупации¹⁵ среди этого класса распространились патриотические чувства, оскорбление чести представлялось куда более значимым, чем попрание свободы или национальных прав, как если бы честь семьи и национальные права и свободы были одним и тем же. Что же касается народа, то он жил в унижении и нищете, его честь попиралась ежедневно, но об этом наш класс не задумывался. А потому в понятии национального самосознания, которое мы возвращали, не было связи между нашей жизнью, нашими действиями – и реальным положением нашего народа с его жизнью. Независимость значила избавление от иностранцев, которые занимали ключевые посты в нашей стране и не давали нам пользоваться ими. Что же касается освобождения народа и освобождения общества в значении возвращения человеку его человеческого достоинства, а обществу – его свободы, то об этом мы никогда не задумывались.

Предводители этого класса и его мыслители, которые формировали наше мировоззрение, смотрели на общество и историю с точки зрения положения своего класса, его ценностей и интересов. Для них прошлое было золотым веком, веком силы и могущества. Сравнение прошлого с настоящим огорчало: слишком прошлое от настоящего отличалось. Наши предводители и наши ученые мужи ненавидели человека Запада и одновременно страстно его любили. Для них Запад был источником всего, о чем они мечтали, и в то же время источником их унижения и несчастий. Так в нас возвращали комплекс неполноценности перед лицом Запада и в то же время учили маниакально поклоняться ему, а наши националистические представления стали фанатичными и максимально далекими от настоящих социальных и исторических понятий.

3

Для меня колониальное господство было чем-то реальным и осязаемым. Я, как и все мои товарищи, ненавидел колониализм,

15 Имеется в виду британский мандатный режим.

однако в моем случае ненависть проистекала из моего личного опыта как палестинца.

Летом 1941 года правительство Свободной Франции заняло Ливан при помощи британских войск. Как-то раз в следующем году я отправил письмо своей семье в Яффу, передав через одного из водителей, возивших пассажиров между Бейрутом, Хайфой и моим родным городом. В своем следующем письме, которое я послал почтой, я спросил отца, получил ли тот письмо, которое я отправил с водителем. И выяснилось, что мое письмо попало в руки цензуры, откуда ее передали французской военной разведке. Началось расследование, которое продолжалось некоторое время. Почти каждую неделю меня приглашали в службу общей безопасности в [бейрутском квартале] ас-Санаи, где в трех старых комнатах сидели три человека в гражданском, попивали кофе и курили.

Независимость значила избавление от иностранцев, которые занимали ключевые посты в нашей стране и не давали нам пользоваться ими. Что же касается освобождения народа и освобождения общества в значении возвращения человеку его человеческого достоинства, а обществу – его свободы, то об этом мы никогда не задумывались.

Я дожидался, пока они закончат пить кофе и болтать, и мне задавали вопросы, которые уже задавались на прошлой неделе и на неделе до нее, после чего я подписывал бумаги, которые мне давали. Таким образом расследование продолжалось около года, и за это время я успел окончить подготовительное обучение и зачислиться на первый курс. После начала учебы и уже после кризиса ноября 1943-го и демонстраций¹⁶ меня уведомили, что я должен предстать перед военным судом. Он находился в правительственном дворце, справа от лестницы, выходящей на собор Святого Людовика. Я пришел на полчаса раньше и ждал, сидя на ступеньках. Когда время пришло, пристав позвал меня, и я вошел в длинное мрачное помещение, в одном конце которого стояла деревянная кафедра, с трех сторон окруженная деревянными перегородками. В другом кон-

16 В ноябре 1943 года Свободная Франция Шарля де Голля арестовала новое руководство Ливана, взявшее курс на независимость, и назначила главой республики бывшего президента Эмиля Эдде, известного своими профранцузскими взглядами. Демонстрации, забастовки и давление Великобритании вынудили Францию уступить: 22 ноября президент, премьер-министр и члены правительства были освобождены, и с тех пор этот день отмечается как День независимости Ливана.

це комнаты сидел французский офицер, читавший лежавшие перед ним бумаги. Когда я вошел, молодой ливанец, выполнявший роль переводчика, отвел меня к кафедре и встал ровно между мной и офицером, который продолжал изучать свои бумаги, не поднимая головы и не подавая виду, что он знает о моем присутствии. Я покорно встал к кафедре, положил руки на ограждение и скрестил ноги, как делает мужчина, вышедший на балкон посмотреть, что происходит на улице.

Внезапно я услышал, как офицер гаркнул по-французски: «Стой ровно, скотина. Где ты, по-твоему, находишься?»

Я вздрогнул и машинально выпрямился, как солдат, которому отдали приказ. Мое сердце забилося быстрее, на лбу выступил пот. Я испугался, и меня тут же наполнило чувство презрения к себе, стоящему перед этим иностранцем. Заседание длилось меньше пяти минут, в итоге офицер объявил, что меня оправдали (по обвинению в шпионаже!), и предупредил, чтобы я посылал письма за границу только официальной почтой. Я вышел понурый и чуть не заплакал от злой обиды. Этот француз унизил меня.

[...]

С одним моим другом случился подобный случай. Он рассказал мне о нем, когда я вернулся в Акку¹⁷, где тогда жил мой дедушка, на летние каникулы. Мой друг Камиль Арнаут работал в нефтеперерабатывающей компании неподалеку от Хайфы. Однажды несколько его коллег-американцев предложили посетить достопримечательности в Акке. После посещения старого города они пошли в крепость, которую британцы тогда использовали как тюрьму. Начальником тюрьмы был британский офицер, женатый на еврейке и известный своей ненавистью к арабам. Когда приходили иностранные посетители, он обычно лично показывал им крепость и рассказывал ее историю. Этот офицер принял американских друзей Камиля с большим радушием, устроил им экскурсию, познакомил с историей крепости и рассказал о ее особенностях. Но, пока офицер что-то рассказывал, он обратил внимание на то, что среди посетителей был и Камиль. Тогда он замолчал, побагровел от гнева и сказал так, что его услышали все, находившиеся в помещении: «Я не экскурсовод для туземцев [*natives*]. Просьба покинуть замок и подождать снаружи».

Когда Камиль рассказал мне об этом, меня снова наполнили чувства отвращения, гнева и злобы к иностранцам, которые по любому поводу унижают нас на земле нашей родины.

17 Сейчас город Акко, расположенный на севере Израиля.

Еще до переезда в общежитие я присоединился к тайному обществу, целью которого было освобождение и объединение арабской родины¹⁸. Я до сих пор не знаю, кто стоял за этой организацией, впоследствии одной из предтеч Движения арабских националистов. Наша ячейка состояла из некоторого числа перво- и второкурсников, мы собирались раз в неделю в одной из комнат и обсуждали различные темы под руководством председателя. Темы собраний были обширными, а обсуждения бурными, но вскоре мне это наскучило. Все-таки я присоединился к ячейке, чтобы преодолеть чувства беспокойства, неясности и бессилия, а не чтобы испытывать их еще чаще!

Я покинул ячейку и перестал появляться на еженедельных собраниях. В то время мои воззрения оставались консервативными, и я продолжал следовать за традиционной националистической мыслью, которую исповедовало предыдущее поколение. Это поколение боролось с османским империализмом, но после Первой мировой войны стало жертвой империализма британского и французского, с которым потом сотрудничало. Мои мысли были сосредоточены на лозунгах свободы и независимости, этим дело и ограничивалось. Но после того, как я перестал быть членом ячейки, я жаждал преодолеть свое политическое одиночество. Дружба не была достаточной (хотя и оставалась крайне важной) для удовлетворения потребности в групповой принадлежности, ведь «я» и «ты» еще мало для формирования «мы» в подлинно групповом значении. Я страстно желал стать частью чего-то большего, чтобы моя идентичность слилась с полноценной групповой идентичностью. Я думал, что дружба, не подкрепленная подобной более широкой связью и общей целью, ограничена и неполноценна. В конце концов, это подтолкнуло меня к вступлению в Сирийскую [социальную] националистическую партию.

В партию я вступил главным образом из-за курса политологии, на который ходил на третьем году моей учебы в Американском университете. Этот предмет у нас вел Шарль Иссауи¹⁹, и он предложил нам выбрать тему [доклада] об одном из современных правительств или партий. И я выбрал Сирийскую националистическую партию: не от большой любви к ней, а из любопытства к партии, которая была главным врагом арабов и

18 *al-Watan al-'arabi* (букв. «арабская родина») – понятие, равнозначное словосочетанию «арабский мир».

19 Ливанский исследователь, помимо прочего, написал ряд работ по экономической истории Ливана.

арабского национализма, – по мнению ячейки, к которой я принадлежал в мой первый год учебы. Я провел месяцы, изучая партию и ее историю, и прочитал все, что было о ней написано. Я изучал ее принципы, речи и статьи ее основателя Антуна Сааде²⁰, который с 1938 года был в бегах в Аргентине. Я проинтервьюировал множество партийных руководителей, много говорил с Наамой Табетом, лидером партии в то время, встречался с Жоржем Абдель-Масихом, первым членом партии, и с аппаратчиками. Все принимали меня благожелательно и добродушно, помогали с любыми вопросами. В начале марта 1946 года нас с Фуадом Наджаром позвали отмечать день рождения Сааде (первое марта было важнейшим официальным праздником в партии) в дом Наамы Табета в Гобейри²¹ (сейчас там находится дом посла Алжира, неподалеку от аэропорта). Район Гобейри располагался тогда за пределами Бейрута, к югу от старого аэропорта, где сейчас расположен спортивный городок.

Мы пришли в дом Наамы Табета около семи вечера. Это оказался старый особняк, окруженный просторным садом, полным цветов ранней весны. Мы вошли в вестибюль и обнаружили, что он кишит парнями и девушками, и атмосфера, царившая там, была для меня новой. Мероприятие началось с военного построения и партийного салюта²². Это поразило и меня, и Фуада. Потом начались речи. Они следовали одна за другой, и последним выступал Наама Табет. Его тон был спокойным и степенным. К концу собрания я покинул зал и почувствовал, как остатки моей вражды к партии испарились, уступив место глубокому чувству признания и уважения.

Позже я еще раз – последний – встретился с Наамой Табетом. Это было осенью 1946 года (до его исключения из партии после возвращения вождя в Ливан оставался где-то год). Я сопровождал его в поездке из Бейрута на юг, где нам предстояло присутствовать на ряде партийных мероприятий в Тире, Марджъюне и Рашае аль-Фуэхаре. С нами в машине ехал молодой шиит, который недавно присоединился к партии. Его звали Рияд Таха

20 Антун Сааде (1904–1949) – ливанский политик, журналист и писатель, основавший в 1932 году Сирийскую социальную националистическую партию, ее вождь и идеолог. Сааде родился в деревне Духур аш-Шуэйр в Горном Ливане в семье православных христиан. В 1920 году Антун Сааде переехал в Южную Америку, где тогда уже находился его отец, врач и журналист Халиль Сааде. Вместе отец и сын издавали газету и журнал. В 1930 году Антун Сааде вернулся в Ливан, где устроился преподавателем немецкого в Американский университет в Бейруте. В университете он создал секретную политическую организацию, из которой выросла Сирийская социальная националистическая партия. В 1949 году был обвинен в подготовке вооруженного восстания и переворота, приговорен военным судом к расстрелу. См.: BESHARA A. *Outright Assassination: The Trial and Execution of Antun Sa'adeh, 1949*. Reading, 1995; IDEM. *Introduction* // IDEM (Ed.). *Antun Sa'adeh: The Man, His Thought. An Anthology*. Reading: Ithaca Press, 2007. P. 1–16.

21 *al-Ghubayrī* – район Бейрута.

22 Партийное приветствие ССНП выглядит следующим образом: человек поднимает правую руку так, чтобы кисть и выпрямленные пальцы были направлены вверх; при этом рука согнута в районе локтя на 90 градусов. Салют сопровождается фразой «Да здравствует Сирия! Да здравствует Сааде!»

(впоследствии он покинул партию и стал видным журналистом и политиком), и он всю дорогу говорил с Наамой Табетом, что не позволило мне побеседовать с ним и познакомиться ближе.

Несмотря на то, что идеологически я перешел из лагеря арабского национализма к его сирийско-националистической противоположности, по части мыслей и чувств атмосфера моего нового лагеря мало отличалась от атмосферы арабизма, в которой я жил ранее. Потому что ценности, фразы и смыслы остались, в общем-то, теми же. Только их форма местами отличалась. Когда сегодня – по прошествии всех этих долгих лет – я пытаюсь проанализировать свою идеологическую эволюцию в тот период и понять, почему я перешел от одной точки зрения к противоположной, я понимаю, что у меня нет ответа. И вещи, которые тогда казались мне истиной в последней инстанции, мало что значат для меня теперь. Что значит для меня сегодня вопрос о нации? История нации и ее цивилизация, будь она арабской или сирийской – в чем смысл этого? Мысли, заложенные в ту или иную теорию, больше не кажутся мне исключительно важными. Сегодня меня волнует жизнь этого истерзанного народа и судьба этих поработанных, эксплуатируемых народных масс. Все мысли, ценности и цели, которые не связаны с жизнью народа и судьбой масс, меня не волнуют и ничего для меня не значат.

Мысли, заложенные в ту или иную теорию, больше не кажутся мне исключительно важными. Сегодня меня волнует жизнь истерзанного народа и судьба поработанных, эксплуатируемых народных масс.

23

Самолет, вернувший Антуна Сааде на родину после девяти лет в Латинской Америке, приземлился 2 марта 1947 года. В старом аэропорту Бейрута и Бир Хасане – теперь неподалеку, на кладбище Святого Или, находится его могила – его встречали тысячи социал-националистов. В тот день ему исполнилось 42 года. (Когда он покидал Бейрут в 1938 году, ему было 33.) В тот день ни ему, ни нам не приходило в голову, что через пару лет в окрестности этих мест появится его могила.

В самолете, на котором Сааде прибыл из Египта, находился также Фаузи аль-Кавукджи²³, возвращавшийся из Германии, где он провел годы войны. Аль-Кавукджи подумал, что тысячи людей, собравшиеся в аэропорту, приехали туда, чтобы встретить

23 Фаузи аль-Кавукджи (1890–1977) – бывший офицер османской армии, арабский националист, в ходе войны в Палестине (1948–1949) был полевым командиром «Армии спасения».

его, и вышел из самолета, улыбаясь. Он понял, что толпа собралась приветствовать кого-то другого только после того, как сам Сааде вышел из самолета и социал-националисты начали выкрикивать лозунг «Да здравствует Сирия! Да здравствует Сааде!» Я увидел Кавукджи со своего места за территорией маленького аэропорта. Оттуда мы с Фуадом Наджаром, Лабибом Зувией и нашими товарищами выкрикивали партийное приветствие. Когда Кавукджи понял свою ошибку, он пропустил Сааде вперед и прошел за ним до выхода.

Шествие тысяч партийцев, пришедших приветствовать вождя, проследовали из аэропорта до дома Наамы Табета в Гобейри. Там Сааде выступил с известной речью, в которой заявил, что партия не отступится от своей сирийско-националистической идеологии, обрушился с критикой на ливанский изоляционизм и конфессиональный режим в Ливане и призвал к объединению «Плодородного полумесяца»²⁴ и борьбе за освобождение Палестины. Мы с Фуадом стояли неподалеку от него. Я до сих пор помню каждое слово, произнесенное тогда Сааде:

«Сегодня – самый счастливый день моей жизни: вернуться домой после почти девяти лет изгнания, воссоединиться с этой растущей группой, которая представляет нацию, не желающую оказаться на свалке истории. После пятнадцати лет организованной борьбы, какой давно не видел мир, сегодня мы живая нация-победитель. Мы посрамили иностранный план расколоть нас на конфессии и религиозные направления. Прибежище религии – одни только небеса. А наши националистические доктрины создадут новый мир и вознесут эту нацию в вечность».

Толпа зааплодировала и вновь принялась скандировать «Да здравствует Сирия!» и «Да здравствует Сааде!». Я огляделся и увидел, как слезы текут по щекам старых партийцев. Они неподвижно смотрели на Сааде, как будто не верили тому, что видели и слышали, и я видел, как некоторые обнимались и перешептывались: «Сааде вернулся, вернулся Сааде, партия вернулась».

Сааде продолжал речь:

«Чего хотят ливанцы от своего [территориального] образования?²⁵ Чтобы в нем был свет, а кругом была тьма? Но если и есть в Ливане

24 Под «Плодородным полумесяцем» подразумевается часть Западной Азии, расположенная между Средиземным морем на западе, Турцией и Ираном на севере и востоке и Сирийской пустыней и Аравийским полуостровом на юге (территории современных Ирака, Сирии, Ливана, Израиля, Палестины и Иордании). Уже в древности (IV–III тысячелетия до нашей эры) значительные водные ресурсы «Плодородного полумесяца» способствовали появлению первых земледельческих цивилизаций в Древней Месопотамии (Ирак) и сиро-палестинском регионе.

25 *al-kiyān* – понятие, в дискурсе арабских националистов обозначающее искусственное территориальное образование, появление которого часто связано с колониализмом. В 1920–1940-х оно широко применялось противниками создания Ливана в границах 1920 года. См.: EL-SOLH R. *Lebanon and Arabism: National Identity and State Formation*. London, 2004.

свет, то он достоин того, чтобы распространиться по всей естественной Сирии».

И вновь раздались лозунги. Слово «Сирия» произносилось публично в первый раз с тех пор, как партия – в отсутствие Сааде – переименовалась в «националистическую», и каждый стремился выкрикнуть погромче: «Да здравствует Сирия!», «Да здравствует Сирия!»

Сааде перешел к теме арабов и арабизма²⁶.

«Вы одолели и вздорные толки, будто бы социальные националисты – враги арабов и арабизма. Ведь если и есть в этом мире подлинный, чистый арабизм, так это арабизм Социал-националистической партии.

Чем по сути является Лига арабских государств, которая сегодня представляет арабский мир? Разве это плод фантазии заигравшихся арабистов, которые грезят арабской империей и арабским национальным единством? Или это воплощение того, к чему призывала наша партия: создать фронт арабских наций, чтобы противостоять колониальным поползновениям и стать реальной силой на международной арене, способной реализовать чаяния этих наций?

Лига арабских государств сегодня – это реализация того, к чему призывала социальная националистическая партия. Все это время мы были носителями подлинного арабизма, а все остальные – проповедниками арабизма ложного. И теперь мы – часть единого фронта арабского мира, и мы – его сердце, мы – его меч, и мы – его щит».

И вновь лозунги прогремели до небес.
И, наконец, он заговорил о Палестине.

«Наша борьба продолжается, и вы должны постоянно помнить, что сирийская Палестина, это [наше] южное крыло, находится в чудовищной опасности. Социальные националисты хотя и избавить Палестину от поползновений евреев и их поделщиков.

И вы услышите голоса тех, кто говорит, будто спасение Палестины вредно для Ливана и ливанцев и что Ливану не должно быть до этого дела. Но в сущности спасение Палестины – это настолько же ливанская проблема, насколько она и сирийская, и палестинская. Еврейская угроза Палестине – это угроза всей Сирии, угроза для всех этих (искусственных территориальных) образований.

И вновь я говорю, что эти образования должны быть не оковами нации, а ее твердынями, из которых она отбивается от посягательств на ее права.

Я говорю вам, социальные националисты, что мы возвращаемся на путь борьбы».

26 Имеется в виду арабский национализм (панарабизм).

Мы вернулись в университет; сердца наши были полны радости и уверенности. Только на следующий день я узнал, что был выдан ордер на арест Сааде, что он отказался сдаваться и бежал в горы.

Впервые я встретился с вождем в горах, когда он пригласил нас с Фуадом в свое временное пристанище в Бешамуне. Я помню точную дату нашей встречи, потому что это был день моего двадцатилетия. Когда мы приехали, Сааде приветствовал нас с такой теплотой, как будто мы были старыми друзьями.

У него была колоссальная харизма, силу которой сложно объяснить. Он был среднего роста, спортивного телосложения, со смуглой кожей, заостренными чертами лица и пронизательными глазами. В своих словах и движениях он демонстрировал полное самообладание: не повышал голос, не размахивал руками. Со всеми, с кем общался, он был приветлив и вежлив. На протяжении всего нашего знакомства я ни разу не видел, чтобы он обошелся с кем-то грубо или высокомерно – напротив, он был вежлив и с уважением относился к чувствам других. И я не припомню, чтобы Сааде хоть раз приказал мне что-то сделать. Если он хотел чего-либо, он просил это не напрямую, а намекал или говорил о необходимости сделать это, оставляя инициативу за тем, кому предназначалось поручение. Так он разбирался со всеми вопросами и проблемами.

И я не забуду, как вскоре после моего возвращения из Чикаго в 1949 году Сааде – за несколько месяцев до своей трагической смерти – узнал, что я полюбил американскую девушку и подумывал вернуться в Чикаго, чтобы получать докторскую степень. Он не сказал мне: «Забудь девушку! У тебя есть другие обязанности, от которых нельзя отказываться». Он не давал мне наставлений, и не читал нотаций, и никоим образом не выражал своего мнения. Но однажды он вызвал меня к себе в офис и спросил, могу ли я провести с ним следующий день. И я, конечно же, согласился. На следующий день я пришел к его дому, расположенному неподалеку от больницы Халиди. Сааде был готов провести весь день на берегу моря, где он снял шале на пляже Сен-Симон. Мы поплавали, побегали и пообедали на веранде с видом на море. Мы говорили на разные темы. И, в конце концов, он сказал мне:

«Ты знаешь, что чувства – это такая вещь в нашей жизни, с которой необходимо бороться и которую нужно одолеть. Если мы не сделаем этого, то мы не сможем реализовать ничего важного в этой жизни. [...] Я знаю и ценю твои чувства. У меня был похожий опыт. Но я заявляю тебе со всей искренностью, что и в моей жизни чувства и долг часто сталкиваются и противоречат друг другу, но я всегда ставлю долг на первое место. А чувства я сбросил на землю и топтал».

Это было все, что он сказал, и больше мы к этой теме не возвращались. Я решил остаться в Бейруте и отложил свое возвращение в Чикаго на неопределенное время. [...]

25

В то время, несмотря на постоянные перемещения, вождь постоянно – почти рутинно – занимался партийными делами. Он регулярно проводил встречи партийного руководства, и члены партии приезжали по вызову Сааде в его очередное временное место пребывания. С собой они привозили портфели, полные документов по вопросам, за которые отвечал тот или иной партиец. Многие заседания проходили с заката и до рассвета следующего дня.

На этих встречах вождь демонстрировал внимание к деталям, полностью разрешал все вопросы, и к концу заседания не оставалось вопроса, на который он не ответил, и проблемы, которой он не решил. От ведущего заседания Сааде требовал читать официальные отчеты окружных ячеек и исполкомов из разных областей, а также письма от членов партии.

Поначалу делегаты приезжали с пустыми руками, если не считать пачки сигарет, как будто они собирались на вечеринку. Однако все изменилось, когда они осознали важность этих встреч. Я помню, как после третьей или четвертой встречи в убежище в [родной деревне Сааде] Духуре аш-Шуэйре все стали прибывать с отчетами, документами, в сопровождении помощников, и все были в высшей степени готовы решить любой вопрос, связанный с их округом.

За короткое время присутствия вождя атмосфера в партии преобразилась, и в ней забились новая жизнь. Округа и исполкомы по всей стране возрождались и снова начинали расти, а партийные делегации прибывали из разных уголков Ливана, Сирии, Иордании и Палестины, чтобы встретиться с вождем.

В июле того года еженедельное партийное издание произвело настоящий фурор. Вождь распорядился, чтобы на передовице в партийных цветах (черный, белый и красный) была опубликована большая эмблема, символ урагана²⁷, которым партия не пользовалась с отъезда вождя. Такое появление урагана бросало вызов властям и давало понять, что партия вернулась на путь борьбы. И это сильно повлияло на членов партии в моральном плане, и в употребление вернулись старые партийные лозунги, и вновь распространилось слово «Сирия» и старое партийное приветствие «Да здравствует Сирия!». По

27 «Красный ураган» – символ партии, недвусмысленно напоминающий свастику.

партии распространилось чувство, что она вернулась к своей идеологии после того, как почти «ливанизировалась». В этот период к ней примкнули тысячи новых членов, и в Ливане, Сирии, Палестине и Трансиордании возникли десятки окружных секций и исполкомов.

26

Личность Сааде полностью покорила меня. Вопросы по поводу базовых тезисов партии, ее идеологии и организации, которые задавали люди вроде Фаиза Сайига, Гассана Туэйни²⁸ и Карима Азкуля, не производили на меня никакого впечатления. Я был на сто процентов за Сааде и отрицал всякую критику со стороны оппозиции. И я не обсуждал с Сааде (хотя, возможно, и следовало бы) нововведения в идеологии, появившиеся после его возвращения из Аргентины, а именно – его новое определение сирийской родины, которая превратилась в «сирийский “Плодородный полумесяц”», после того как к исторической Сирии (Ливан, Сирия, Палестина и Трансиордания) добавились Ирак, Кувейт, Кипр. Все эти изменения произошли без консультаций с членами партии и без одобрения верховным советом.

Я без колебаний принял новые идеи Сааде, даже если они вызывали у меня некоторые сомнения – например, его идея коллективизма и признания коллектива высшей ценностью. Индивида он видел лишь инструментом, с помощью которого коллектив достигает своих целей, и именно коллектив является прочной «кистиной», которая остается, а что касается индивидов, то «они опадают, как листья по осени». Также и его призыв к национальной экономике, построенной на капиталистическом производстве, без изменений в области прав на средства производства. Я не выражал никаких возражений по поводу его образа мысли, а подчинялся ему, как ученик подчиняется учителю или сын – власти отца. Вероятно, это можно объяснить тем, что тогда я не испытывал отвращения, какое испытываю теперь, ко всякой системе, построенной на подчинении вышестоящим. Тогда я был не способен морально критиковать Сааде и спорить с ним.

Я верил в Сааде всеми своими мыслями и чувствами. Для меня он был предводителем и героем (идеальным отцом), я любил и уважал его, как не уважал никого больше. И таким Сааде останется для меня навсегда, даже когда – и если – мне будет 70.

28 Гассан Туэйни (1926–2012) – ливанский журналист, политик и дипломат. Много лет руководил газетой «an-Nahār» (основана его отцом Джибраном Туэйни в 1933 году).

Если бы Сааде было суждено выжить, ему было бы 70 с небольшим и он был бы ровесником Камиля Шамуна²⁹ и Пьера Жмайеля³⁰. Иногда я задаюсь вопросом: если бы он выжил, остался ли бы я верным ему членом Сирийской социальной националистической партии?

И я не сомневаюсь в ответе на этот вопрос: нет. Из последователя Сааде и партии я не мог не превратиться в их критика. Это было неизбежно по мере созревания моей личности, душевного развития и достижения мной некоторой сознательности. При этом авторитарные ценности не могли не смениться на ценности критического мышления, и мысль должна была пробудиться свободной, не принимающей веру за критерий истины и не готовой построить всю жизнь вокруг нее. И так и произошло.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

- 29** Камиль Шамун (1900–1987) – ливанский политик и дипломат, второй президент Ливана (1952–1958). После отставки продолжил заниматься политикой и основал Национал-либеральную партию. На первых этапах гражданской войны (1975–1990) заметную роль играло партийное ополчение этой партии (Милиция Тигров), которое сражалось на стороне Ливанского фронта (коалиции преимущественно христианских националистических партий и ополчений) против ливанских левых и палестинских партий и ополчений. Шамун был бескомпромиссным сторонником независимости Ливана и капитализма, пользовался значительной поддержкой среди ливанско-националистически настроенных христиан.
- 30** Пьер Жмайель (1905–1984) – ливанский политик, один из основателей и многолетний лидер партии Ливанских фаланг. Большого влияния в политике фалангисты достигли к концу 1950-х. В годы гражданской войны (1975–1990) партия стала основной силой, претендующей на представительство интересов христианского – в особенности маронитского – населения. Как и ССНП, фалангисты появились в 1930-х как военизированное молодежное движение, вдохновленное европейскими крайне правыми экстремистами (в частности, фалангисты активно использовали так называемое «римское приветствие»).

Федерализм и насилие

«**НЗ**» ежегодно поднимает на своих страницах тему федерализма не только потому, что наша страна, продолжая именоваться «Российской Федерацией», почти никак не проявляет себя в качестве таковой – хотя и одно это было бы вполне достаточным основанием для неослабного внимания к теме. Дело еще и в том, что федеративный образ правления давно и прочно зарекомендовал себя в качестве довольно эффективного средства для умиротворения мятущихся, конфликтных, расколотых обществ, к числу которых, вопреки заверениям государственной пропаганды, мы склонны отнести и современный российский социум. Будучи нацеленным на защиту прав тех, кого меньше, федералистский этос отстаивает и продвигает режимы толерантности, не позволяющие одним группам притеснять другие исходя из соображений чистой математики. В настоящем федеративном государстве «больше» не значит «сильнее» или «лучше»: как утверждает Даниэл Элазар, классик федералистской мысли XX века, здесь нет больших и малых политических площадок – все площадки равновесны, их размер вообще не имеет значения:

«Любые разновидности федерализма основаны на децентрализации, то есть на множественности властных центров, которая не

**ФЕДЕРАТИВНЫЙ
ТОРГ И
КОНФЛИКТЫ
БУДУЩЕГО**

079

только препятствует принятию решений в одной точке, но и предотвращает само формирование монопольного источника власти»¹.

Сказанное, кстати, означает, что федеративная идея должна волновать сердца не только тех граждан, кто принадлежит к этническим или языковым меньшинствам: она откликается на более универсальную общественную заботу. История последних веков красноречиво свидетельствует, что в социальных системах, где государственная власть железной рукой регламентирует жизнь малых национальных групп, в обязательном порядке преследуются и иные меньшинства – религиозные, политические, культурные. Столь же верно, кстати, и обратное: если перед вами социум, где политическое меньшинство игнорируется, презирается и третируется, то будьте уверены, что в этом обществе вы не найдете ни национальной, ни вероисповедной, ни культурной свободы самовыражения.

Будучи нацеленным на защиту прав тех, кого меньше, федералистский этос отстаивает и продвигает режимы толерантности, не позволяющие одним группам притеснять другие. В настоящем федеративном государстве «больше» не значит «сильнее» или «лучше».

Но применение такого подхода незамедлительно влечет за собой естественный вопрос: так что же получается – если тема территориально сконцентрированных меньшинств для какого-то общества не слишком актуальна, то ему федерализм вообще без всякой пользы? Но почему тогда в ряду нынешних федераций мы обнаруживаем не только Индию с Нигерией, но и Аргентину с Германией? И вот здесь открывается другая грань федеративного этоса. То, что в одном из публикуемых ниже текстов именуется «федеральным принципом», было придумано для того, чтобы рассредоточить, рассеять, распылить власть в тех масштабных политических пространствах, в которых стягивание ее в одну точку представляется пугающей и гнетущей перспективой. Любая федерация в политико-правовом отношении устроена так, что власть в ней как бы принудительно делится: ни институции, ни территории, ни группы не обладают в государствах подобного типа «контрольным пакетом», позволяющим принимать своевольные и

1 ELAZAR D. *Constitutionalizing Globalization: The Postmodern Revival of Confederal Arrangements*. Lanham: Rowman & Littlefield, 1998. P. 55.

не согласованные с партнерами решения. Трагуемый в таком смысле федерализм предстает своеобразной прививкой от насилия; он минимизирует грубые и жестокие управленческие методики, заставляя политическую систему быть гуманнее – и тем самым беречь человеческие жизни. Именно поэтому его особенно ценят и почитают в обществах, которые не понаслышке знакомы с тем, как функционируют диктаторы и их диктатуры. Если, конечно, по той или иной причине подобные общества не утрачивают – к счастью, временно! – способности мыслить, проваливаясь в беспомыслие.

Будущее, которое сулит нам XXI век, обещает, судя по всему, быть нелегким. словно предчувствуя это и желая наперед смягчить неизбежные шоки и судороги, некоторые государственные системы становятся более пластичными и гибкими: они нарочито минимизируют элемент «вертикальности», осваивая и усваивая федерализм с присущей ему дисперсией власти. В подобных решениях не надо искать прекрасодушие или добросердечие, ибо политические элиты всегда идут на них вынужденно, когда открыто конфликтовать становится невозможным. Именно таким был случай Непала, описываемый в нашей рубрике Вадимом Корольковым, где федерализация оказалась единственным способом остановить многолетнее гражданское братоубийство. С одной стороны, конечно, непальский вариант не стоит превозносить до небес, но, с другой стороны, никакая федерация как творение рук человеческих не может быть идеальной. Более того, не стоит забывать, что творцы федералистских конституций и не обещают согражданам райской жизни – им достаточно уверенности в том, что сценарий кромешного ада федерализмом пусть чуточку, но блокируется. При этом, однако, считать федералистскую перестройку эксклюзивным лекарством, способным умиротворить расколотое общество, тоже нельзя. Бывают такие ситуации, когда федерация, теоретически представляющаяся очень привлекательной, не реализуема по причинам технического свойства, а именно – из-за того, что многочисленные плюсы потенциальной новой системы подавляются ее неизбежными побочными эффектами, усугубляемыми местным контекстом. Именно таким можно считать кейс Ливана, чрезмерная этноконфессиональная пестрота которого вкупе с миниатюрностью страны не позволяет внедрить федеральный принцип в его канонической разновидности. И, как ярко показано в представляемом ниже тексте Полины Максимовой, ливанцы, понимая это, пытаются вырабатывать паллиативные и промежуточные решения, которые, намекая на «книгу рецептов» федерализма, остаются своего рода творчеством в стиле «фьюжн», новаторски смешивая федеративные подходы с ингредиентами иных моделей.

В принципе, это нормально: в современной федералистской компаративистике давно утвердилось мнение, согласно которому «идеальный тип» федерализма в политическом бытии вообще отсутствует. Вместо него теоретикам и практикам приходится работать с континуумом, на шкале которого разбросано великое множество моделей, в большей или меньшей степени приближающихся к образцу, задаваемому федеральным принципом. Кстати, именно по этой причине один из самых популярных на сегодняшний день академических ресурсов, аккумулирующих информацию о бытовании федераций в современном мире, получил нетривиальное название «50 оттенков федерализма»². Но из парадигмы континуума вытекает и еще одна любопытная вещь: многоликость федерализма означает, что идти к нему можно бесконечно – «текучей современности» под стать столь же текущие общественно-политические формы. Это вечное искание федерации и невозможность обрести ее выразительно представлены в статье Андрея Захарова и Леонида Исаева, рассказывающей о нескончаемых и безуспешных попытках арабских государств и их лидеров добиться хотя бы какого-то подобия политического единства. Основу для подобных экспериментов может предоставить исключительно федерализм, и поэтому арабская политическая культура с потрясающей воображение плодовитостью генерирует, генерирует и генерирует объединительные, интеграционные, панарабские проекты и инициативы. Этому перманентному странствию, начавшемуся почти сто лет назад, пока не видно конца.

Наконец, центральным материалом нашей рубрики с полным основанием может считаться глава из книги Кеннета Уэйра (1907–1979) «Федеральное правление». Этот австралиец, который преподавал в Оксфорде, уже при жизни стал классиком федералистских исследований, а цитаты из упомянутой работы, впервые опубликованной в 1947 году и позже выдержавшей несколько переизданий, в англосаксонской политической науке считаются столь же обязательным признаком хорошего тона, как и цитирование «Федералиста». Между тем российским читателем Уэйр не очень известен и понятен, что, впрочем, не слишком удивительно: прежде он вообще не переводился на наш язык, а его книга почему-то осталась в стороне от федералистского бума 1990-х, когда многие классические тексты из этой области были введены в отечественный научный оборот. Иначе говоря, «НЗ» с удовольствием восполняет явную лакуну. Что же касается главной идеи Уэйра, то, забегая вперед, можно сказать: он видит в федерализме прежде всего верховенство

2 См.: <http://50shadesoffederalism.com/index/>.

автономии, которое не позволяет верховной власти выкручивать руки властям, не столь верховным. Федерация, интерпретированная в подобном ключе, выступает тонким механизмом минимизации насилия в политической жизни, ибо она не терпит концентрированных, неограниченных, стянутых в кулак государственных прерогатив.

Любая федерация в политико-правовом отношении устроена так, что ни институции, ни территории, ни группы не обладают в государствах подобного типа «контрольным пакетом», позволяющим принимать своевольные и не согласованные с партнерами решения. Трактующий в таком смысле федерализм предстает своеобразной прививкой от насилия.

И в заключение еще несколько слов о том, зачем нам все это. Россия как сложносоставное общество остается федеративным государством в юридическом смысле – причем, несмотря на утверждение в стране отчетливо авторитарного режима, апологеты которого не умеют даже выговаривать слово «федерализм». Федеративные начала не упраздняются не из-за великодушия нынешних властителей: в нашей стране отказ от них повлек бы за собой колоссальные издержки, ибо Россия – отнюдь не «государство русских», это родной дом для множества народов. В итоге федерация у нас как бы есть, но в то же время ее как бы и нет; она впала в спячку, или же ее усыпили. Важный пункт здесь в том, что спящие институты и спящие нормы имеют обыкновение просыпаться, поскольку весна наступает обязательно, рано или поздно. Иными словами, знать и понимать, что такое федерализм, весьма полезно. Бесспорно, пока наше общество не использует потенциал этого удивительного приспособления в полной мере, но так будет отнюдь не всегда. Поэтому будем готовиться. [НЗ]

Что такое федеральное правление¹ Федеральный принцип

1

Кеннет Уэйр (1907–1979) – австралийский ученый, классик федералистской мысли XX века, профессор Оксфордского университета.

П риступая к изучению того, как функционирует федеральное правление, необходимо прояснить смысл базового понятия. Термин «федеральное правление» используется в политических дискуссиях весьма широко, но его редко наделяют смыслом, который был бы четким и ясным одновременно. Разумеется, большая часть обращающихся к нему специалистов соглашаются в том, что они имеют в виду ассоциацию государств, учрежденную для реализации каких-то общих замыслов и целей, но при этом сохраняющую за государствами-членами значительную степень их изначальной независимости. Но, подтверждая сказанное, ученые расходятся по поводу того, какую форму или тип ассоциации государств можно было бы с наибольшим основанием охарактеризовать как федеральное правление. Из-за этого получается, что указанный термин в равной мере применяется и к Австро-Венгерской империи, и к Германской империи 1871–1918 годов, и к Соединенным Штатам Америки, и к Южно-Африканскому Союзу. Между тем каждое из этих объединений, действительно представляя собой ассоциацию государств, отличается от всех прочих той формой, которую принимает эта ассоциация. С одной стороны, если общеупотребительный термин столь беспредельно широк, то исследователю нужно избегать слишком жестких его определений. С другой стороны, ему необходимо проследить, чтобы более узкое применение термина «федеральное правление» тоже оставалось оправданным.

Современное понимание того, что такое федеральное правление, было предопределено Соединенными Штатами Америки. И дело не в том, что Конституция США 1787 года некогда учредила ассоциацию государств, определяемых именно этим термином: ведь слова «федеральный» или «федерация» в американской Конституции отсутствуют². Тем не менее этот до-

1 Перевод осуществлен по: WHEARE K.C. *Federal Government*. New York; London: Oxford University Press, 1947. P. 1–15. Для удобства читателя редакция «НЗ» привела в порядок научный аппарат, который в исходной версии книги страдает неполнотой.

2 В ней один раз встречается термин «конфедерация», но он не используется для описания союза: просто в разделе 10 статьи I установлено, что «ни один штат не может заключать какого-либо договора, вступать в альянс или конфедерацию».

кумент неизменно именуют «федеральной конституцией»³, а в наши дни едва ли не каждый рассматривает США в качестве типичного образчика федерального правления. Более того, многие считают этот пример самым важным и самым удачным. Любое определение федерального правления, не включающее Соединенные Штаты, нужно отвергнуть как неполное. Следовательно, занимаясь поиском легитимного и пригодного определения федерального правления, целесообразно начать с анализа Конституции США.

Эта Конституция состоит из первоначального документа, принятого в 1787 году, а также набора поправок к нему. Ее можно изучать под разными углами зрения. В нашем случае внимание фокусируется на единственном аспекте: нас интересует, каким образом этот документ регулирует функционирование ассоциации государств (штатов). Мы обращаемся к ней, желая выяснить, какова природа учрежденной ею ассоциации – или, иначе говоря, перед нами вопрос: каковы фундаментальные характеристики США, рассматриваемых в качестве ассоциации государств?

Ответ на него, как представляется, заключается в следующем: Конституция США⁴ учреждает ассоциацию государств, устроенную так, что власть в ней делится между, с одной стороны, общенациональным правительством, которое в определенных вопросах – среди них, скажем, заключение международных договоров и денежная эмиссия – не зависит от правительств ассоциированных штатов, и, с другой стороны, правительствами штатов, которые в свою очередь в определенных вопросах независимы от центрального правительства. Такое положение вещей с необходимостью влечет за собой то, что и федеральные, и региональные власти взаимодействуют с населением *напрямую*; каждый гражданин одновременно соприкасается с обоими управленческими уровнями. Не всегда легко разобраться, как делятся компетенции федерального и региональных правительств, ибо формулировки Конституции порой двусмысленны, противоречивы или туманны. Но, каким бы расплывчатым ни был конституционный текст в отношении того, где проходит разграничительная линия между федерацией и штатами, одно обстоятельство остается предельно ясным: в том случае, когда то или иное правительство действует в пределах отведенных для него полномочий, оно не подчиняется никакому иному правительству, имеющемуся в США. Изучив американскую Конституцию, мы не можем не прийти к выводу, что в начертанных ею рамках поле власти разделено между общенациональным и ре-

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

3 MORISON S. E. *The Oxford History of the United States, 1783–1917*. Oxford: Oxford University Press, 1927. Vol. I. P. 87.

4 Следует подчеркнуть, что я везде говорю о Конституции США как о едином целом, включающем и первоначальный текст, и последующие поправки.

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

гиональными правительствами, в отношениях между которыми господствует не субординация, а координация. Современный американский историк утверждает:

«[Федеральное правительство] полностью верховенствует в собственной сфере, но эта сфера четко очерчена. Десятая поправка, принятая в 1791 году, недвусмысленно постулирует, что “полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми не запрещено ею отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом”. Штаты, таким образом, пользуются верховенством в отведенной им сфере; поэтому их нельзя считать подчиненными ни в каком правовом смысле»⁵.

Таким образом, организационный принцип, на котором базируется американская ассоциация, предполагает разграничение полномочий между обособленными властями, которые тем не менее координируют свои усилия друг с другом.

Изучив американскую Конституцию, мы не можем прийти к выводу, что в начертанных ею рамках поле власти разделено между общенациональным и региональными правительствами, в отношениях между которыми господствует не субординация, а координация.

Справедливости ради стоит заметить, что далеко не все американцы в 1787 году разделяли подобные воззрения на природу их Конституции. Действительно, сразу после вступления этого акта в силу, а также на протяжении последующих десятилетий многие отстаивали точку зрения, согласно которой федеральное правительство учреждено конституционными положениями не для того, чтобы на равных сотрудничать с правительствами штатов, координируя с ними свои действия, а для того, чтобы быть их агентом или даже подчиненным⁶. Этот взгляд подвергся окончательному развенчанию лишь после гражданской войны 1861–1865 годов. Более того, в изначальной версии конституционного текста, принятой в 1787 году, существовало по меньшей мере одно положение, которое подкрепляло пред-

⁵ Ibid. P. 88.

⁶ Наиболее видным сторонником такой позиции был Джон Кэлхун из Южной Каролины, вице-президент США в 1825–1832 годах, а потом сенатор от своего штата. Классическую формулировку его воззрений можно найти в тексте под названием «Разъяснение Южной Каролины» 1828 года – манифесте, обнародованном законодательством этого штата для обоснования собственного предложения нуллифицировать акты Конгресса. Эта работа напечатана в шестом томе сочинений Кэлхуна [CALHOUN J.C. *The South Carolina Exposition // ИДЕМ. The Works. Vol. VI: Reports and Public Letters. New York: Appleton and Company, 1870. P. 1–58*].

ставление о субординации федеральной власти в отношении властей штатов. Речь идет о норме, согласно которой члены верхней палаты федерального Конгресса, сенаторы, должны избираться legislatures штатов. Это означало, что одна часть федерального законодательного органа в какой-то мере зависит от правительств отдельно взятых штатов⁷.

В ответ на эти размышления я готов заявить, что мое собственное восприятие Конституции, описанное выше, все-таки кажется более верным, поскольку, несмотря на очевидное исключение, касающееся Сената, *преобладающим* в первоначальном варианте Конституции принципом оставалось координируемое разделение полномочий⁸. Изъятие, связанное с формированием состава сенаторов, видится весьма важным, но отнюдь не решающим. В конце концов, Сенат – лишь часть федеральной legislatures, а не ее целое. Далее, как бы ни трактовался этот пункт в 1787 году, самой истории суждено было доказать, что приоритетным остается принцип координируемого разграничения. Гражданская война урегулировала этот вопрос раз и навсегда. Семнадцатая поправка, внесенная в Конституцию в 1913 году, формально завершила этот процесс, передав прерогативу избрания сенаторов от законодательных собраний штатов всему населению каждого штата. Тем самым исключение из правила было устранено. Современная Конституция признает систему координации – и как раз об этой Конституции я здесь и рассуждаю.

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

2

Однако, если даже мы признаем, что описанный принцип организации присущ Соединенным Штатам, рассматриваемым в качестве ассоциации государств, законно ли провозглашать его *первостепенной* их характеристикой? Выделяет ли он США из ряда иных государств, иногда приводимых в качестве примеров федерального правления?

Приступая к ответу на этот вопрос, стоит взглянуть на ту форму ассоциации, которую американские штаты практиковали до принятия Конституции 1787 года. Ибо, как хорошо известно всем интересовавшимся американской историей, нынешняя Конституция Соединенных Штатов не единственная консти-

7 Таковую точку зрения высказывал Джеймс Уилсон, член делегации Пенсильвании на Филадельфийском конвенте. См.: FARRAND M. (Ed.). *The Records of the Federal Convention of 1787*. New Haven: Yale University Press, 1911. Vol. I. P. 413.

8 Мое понимание природы Конституции США разделяется большинством современных американских историков; среди них, например, Сэмюэл Морисон и Генри Коммаджер. Кроме того, оно согласуется с позициями, которые в свое время высказывались такими людьми, как Джеймс Уилсон (FARRAND M. (Ed.). *Op. cit.* Vol. I. P. 413) и Джеймс Мэдисон (Ibid. Vol. II. P. 93).

туция страны. Поднимаясь на борьбу с Британией, североамериканские колонии в 1777 году приняли Статьи конфедерации Соединенных Штатов Америки⁹. Этот документ весьма примечательным образом отличается от Конституции 1787 года.

Как и Конституция 1787 года, Статьи конфедерации утверждали, что Конгресс США должен иметь неотчуждаемую и исключительную власть решать среди прочего вопросы войны и мира, направлять и принимать послов, заключать договоры и вступать в альянсы, производить денежную эмиссию и, за некоторыми исключениями, управлять вооруженными силами и военным флотом. В то же время предусматривалось, что Конгресс, реализуя эти и прочие свои полномочия, не должен быть независимым от правительств штатов. Сам Конгресс в ту пору состоял из одной палаты, комплектуемой делегатами, которые избирались на один год способом, устанавливаемым законодательством каждого штата самостоятельно. По истечении года эти делегаты отзывались. Несмотря на то, что численность делегаций варьировала от двух до семи представителей, каждая из них обладала лишь одним голосом. Иначе говоря, делегаты не только назначались законодательной и исполнительной властью своих штатов, но и жестко контролировались ею. Далее, хотя именно Конгресс санкционировал ассигнования на нужды обороны и войны, за введение и сбор налогов отвечали законодательные собрания штатов. Несмотря на то, что Конгресс устанавливал общую численность вооруженных сил и разрабатывал квоты реквизиций для каждого штата, именно законодательные собрания штатов должны были назначать командиров, производить мобилизацию, одевать, экипировать и вооружать солдат от имени государства. Законодателям штатов принадлежало также последнее слово в вопросах о том, следует ли поднимать региональную квоту набора в армию, если с подобным предложением выступал общенациональный Конгресс. Таким образом, сложилась форма правления, которую великий Александр Гамильтон описывал в следующих словах: «В нашем случае требуется совпадение воли тринадцати отдельных суверенных частей конфедерации для полного исполнения любой важной меры, исходящей от Союза»¹⁰.

Организационным принципом, на котором базировалась эта американская ассоциация государств, оказывался принцип подчинения общенационального правительства региональным правительствам. Подтверждением служит то, что общее правительство было уполномочено контактировать только с властями шта-

9 См. текст Статей конфедерации: NEWTON A.P. (Ed.). *Federal and Unified Constitutions: A Collection of Constitutional Documents for the Use of Students*. London: Longman, 1923; COMMAGER H.S. (Ed.). *Documents of American History*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1963.

10 *The Federalist*. № 15. [Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэддисона и Джона Джея. М.: Весь мир, 2000. С. 117].

тов и не взаимодействовало с народом напрямую. После того, как ассоциация описанного типа проработала какое-то время и показала себя, было решено, что она не адекватна требованиям времени; так состоялся переход к новой форме ассоциации, сначала получившей теоретическое обоснование, а потом и юридическое воплощение в Конституции 1787 года. Главное различие между ныне действующей Конституцией США и Статьями конфедерации обусловлено тем фактом, что нынешняя Конституция замещает принцип субординации федерального правительства перед лицом региональных правительств и его зависимости перед ними принципом координации усилий федеральных и региональных властей и их независимости в очерченных для них сферах. Иначе говоря, особенность, обнаруженная нами в действующей ассоциации американских штатов, кардинально отличает ее от предшественницы.

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

3

Мы придем к аналогичному выводу, если сравним Конституцию США с конституциями других ассоциаций, упомянутых в начале этой главы и зачастую приводимых в качестве примеров федерального правления. Прежде всего обратимся к Австро-Венгерской империи после утверждения в ней Компромисса 1867 года (*Ausgleich*), действовавшего до 1918 года¹¹.

В 1867 году император Франц-Иосиф наделил Венгрию, прежде пользовавшуюся в Габсбургской монархии самой незначительной автономией, довольно широкой независимостью; так состоялось учреждение дуалистической монархии, состоящей из Австрийской империи и Венгерского королевства¹². Внешняя политика, оборона и финансы были в ней признаны сферами, общими для составных частей государства: для руководства каждым из этих направлений назначался министр, общий для обеих стран. Назначение указанных министров производилось Францем-Иосифом в качестве императора Австрии и короля

11 Джеймс Брюс называет эту форму федеральным правлением в своих «Исследованиях истории и юриспруденции», но делает это лишь между прочим и словно нехотя. См.: BRYCE J. *Studies in History and Jurisprudence*. New York: Oxford University Press, 1901. Vol. I. P. 393, note.

12 Здесь уместно заметить, что нижеследующий обзор функционирования дуалистической монархии не претендует на полноту. Дело в том, что никакое краткое описание не способно вместить все сложности и затруднения, с которыми сталкивалась система управления в монархии Габсбургов; между тем именно нюансы в данном случае представляются особенно важными. В своем изложении я опирался на две статьи, которые недавно опубликовал Роберт Уильям Сетон-Уотсон [SETON-WATSON R.W. *The Austro-Hungarian Ausgleich of 1867 // The Slavonic Year Book*. 1939–1940. Vol. XIX. № 53–54. P. 123–140; ИДЕМ. *Jugoslav Obituary // Ibid*. P. 318–321]. Подспорьем для читателя может послужить также книга Уикхэма Стида: STEED W. *The Habsburg Monarchy*. London: Constable and Company, 1913. Классическим описанием этой системы считается работа Луи Айземана: EISENMANN L. *Le Compromis Austro-Hongrois de 1867: Étude sur le dualisme*. Paris: Société nouvelle de librairie et de édition, 1904.

Венгрии, но одновременно все они были подотчетны еще и особому органу, называемому Делегациями. Эта структура, по-другому именуемая Имперской представительной ассамблеей, состояла из двух частей по шестьдесят членов в каждой: одна избиралась Австрийским парламентом, другая – Венгерским парламентом, причем две трети членов представляли нижние палаты, а одна треть верхние палаты. Поочередно созываемые императором то в Вене, то в Будапеште Делегации должны были принимать общий бюджет, обсуждавшийся и голосовавшийся ими раздельно друг от друга или же – в случае разногласий – выносившийся на их совместную сессию, которая предусматривала лишь голосование без дебатов. Прочие общие дела решались совместными усилиями либо австрийского и венгерского кабинетов министров, либо специально образуемых депутаций. Делегации не занимались законотворчеством. Любое законодательство, необходимое для реализации их решений, принималось обособленными парламентами. Следовательно, в законодательном отношении Австро-Венгрия была не более чем лигой или конфедерацией. Австрия и Венгрия действовали как самостоятельные государства, имеющие общего суверена¹³. Но в административном плане наличие общего государя сообщало им черты унитарного государства. Все министры и чиновники, а также армейское и флотское командование были ответственны перед императором-королем. Отличие этой системы от американской очевидно. Делегации никогда не заседали вместе и поэтому не составляли единой ассамблеи. Они не обладали реальной законодательной властью. В административной жизни империи сочетались разные типы контроля. В той мере, в какой министры общеимперских служб контролировались Делегациями – а этот контроль не мог быть значительным, поскольку Делегации заседали лишь две недели в году, – общее правительство Австро-Венгрии подчинялось Австрийскому и Венгерскому парламентам. Но в той мере, в какой император-король реализовывал высшую исполнительную власть, как общеимперское, так и региональные правительства, в отличие от властей разного уровня в Соединенных Штатах, не обладали никакой независимостью. Австро-Венгерская империя одновременно была и лигой, и унитарным государством; о США ничего подобного сказать нельзя.

Конституцию Германской империи 1871–1918 годов нередко описывают как федеральную¹⁴. Но принципы, заложенные в ее

13 Общего гражданства у них, однако, не было.

14 Джеймс Брюс, например, называет ее федерацией. При этом, однако, делается оговорка, что Германская империя была «федеральной монархией, особенности устройства которой отличали ее как от других монархий, так и от прочих федераций». См.: БРУСЕ J. *The Holy Roman Empire*. London: Macmillan and Company, 1911. Ch. XXIV. Текст ее конституции см.: NEWTON A.P. (Ed.). *Op. cit.*

основание, также отличались от тех, которые нашли воплощение в Конституции Соединенных Штатов Америки. Империя образца 1871 года¹⁵ представляла собой ассоциацию 25 государств, размеры которых варьировали от Пруссии с 33-миллионным населением до Шаумбурга-Липпе, где проживали всего 42 тысячи человек. Ею управляли император, Совет конфедерации и имперский парламент (Рейхстаг). В законодательном плане важнейшим органом был Совет конфедерации. В его состав входили представители всех ассоциированных государств, но если Пруссия направляла в него семнадцать делегатов, то остальные участники, как правило, по одному. Хотя каждому представителю принадлежал отдельный голос, делегаты любого из государств-членов обязаны были голосовать солидарно; это означало, что они работали под жестким контролем собственных правительств. Таким образом, Совет конфедерации зависел от правительств государств-членов, и в первую очередь от крупнейшего из них. Влияние Пруссии не ограничивалось лишь семнадцатью местами в этом органе: ее король одновременно был германским императором, а премьер-министр – имперским канцлером и президентом Совета конфедерации. Именно сила и престиж Пруссии позволяли ей требовать безоговорочной поддержки со стороны иных участников союза. Иначе говоря, здесь не было и намека на ту органическую самостоятельность общенационального правительства относительно региональных правительств, каковой первое пользуется согласно Конституции США.

Установив, что Австро-Венгерская империя и Германская империя строились на принципе зависимости общенационального правительства от региональных правительств, без труда можно убедиться, что и Лига Наций была устроена точно так же. Ее устав и ее практическая деятельность¹⁶ ясно свидетельствуют, что в действительности эта организация была лигой государств, а не лигой наций. Ее основные органы в лице Совета и Ассамблеи состояли из представителей правительств государств-членов. Ключевой принцип ее деятельности предусматривал, что решения, принимаемые даже по наиважнейшим вопросам, не могли быть обязывающими для ее членов без их на то согласия. Здесь имела место определенная зависимость от суверенных волей ассоциированных государств, превышавшая аналогичную зависимость, предусмотренную Статьями конфедерации 1777 года.

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

15 О том, как работала эта система, подробнее см.: KRUGER F.-K. *Government and Politics of the German Empire*. New York: World Book, 1915; LOWELL A.L. *Governments and Parties in Continental Europe*. Cambridge: Harvard University Press, 1896. Vol. I; SHOTWELL J.T. ET AL. *Governments of Continental Europe*. New York: Macmillan and Company, 1940.

16 См.: ZIMMERN A.E. *The League of Nations and the Rule of Law, 1918–1935*. London: Macmillan and Company, 1936.

В указанном смысле принципиальные различия между уставом Лиги Наций и Конституцией США бесспорны.

Принцип ассоциации, на котором базируется Конституция Южно-Африканского Союза¹⁷, несколько отличается от аналогичных основ Статей конфедерации, Австро-Венгерского компромисса, Конституции Германской империи и устава Лиги Наций. При этом, однако, он не похож и на принцип, обусловивший природу Соединенных Штатов Америки. В Южной Африке региональные правительства полностью подчинены общенациональному правительству. Когда самоуправляющиеся британские владения в лице Капской колонии, колонии Наталь, колонии Оранжевой реки и колонии Трансвааль в 1909 году решили объединиться, они учредили общенациональный парламент и четыре выборных совета, по одному на каждую из объединяющихся колоний, ныне ставших провинциями Союза. Эти провинциальные советы были уполномочены заниматься регулированием ряда сфер, перечисленных в Конституции. В список входили образование (за исключением высшего), сельское хозяйство, здравоохранение, муниципальное развитие, дороги и прочие предметы местной или частной природы. Но решения, принимаемые провинциальными советами, подлежали одобрению союзного правительства и вступали в силу только в том случае, если они не противоречили актам союзного парламента. Этот парламент обладал властью в любой момент пересмотреть решение провинциального совета, расширить или сократить его полномочия или вовсе упразднить этот орган. Не вызывает никаких сомнений, что в данном случае нет и намека на наличие той координации между региональными и федеральными властями, каковая имеется в Соединенных Штатах.

Таким образом, очевидно, что в Конституции Соединенных Штатов Америки обнаруживается такой организационный принцип, который отличает их как ассоциацию государств от иных ассоциаций государств, затронутых выше и порой перечисляемых наряду с США в качестве примеров федерального правления.

4

Прочитав все вышеизложенное, какой-нибудь практичный ум может заявить нам, что у него нет сомнений относительно наличия между ассоциациями государств, воздвигнутых на зависимости общенациональной власти от региональных властей

17 Текст Конституции ЮАС см.: NEWTON A.P. (Ed.). *Op. cit.* Подробный комментарий к этому документу можно найти в работе: KENNEDY W.P.M., SCHLOSBERG H.J. *The Law and Custom of the South African Constitution*. London: Oxford University Press, 1935.

(или *vice versa*), и ассоциациями, где, подобно Соединенным Штатам Америки, общенациональные и региональные правительства координируют свои действия друг с другом, очевидной разницы. Но, спросит он, достаточно ли этой разницы для того, чтобы поместить США в отдельную категорию, обособляющую их от прочих ассоциаций государств? И не относится ли такое разграничение к числу тех, которые, увлекая теоретиков, игнорируются политиками?

Ответ на этот вопрос предлагает сама история Соединенных Штатов. Пережив опыт Конституции 1781 года¹⁸, основанной на одном фундаменте, «практичные умы», организующие систему государственного управления, подвели под Конституцию 1787 года совершенно другой фундамент¹⁹. По их мнению, различие между двумя фундаментами состояло в том, что один обеспечивал лишь неадекватное, неэффективное и непрактичное правление, в то время как другой мог действительно регулировать вопросы, затрагивавшие все общество, и поддерживать в стране спокойствие и порядок. Трое из этих политических деятелей – Александр Гамильтон, позже возглавивший федеральное казначейство при президенте Вашингтоне; Джон Джей, потом сделавшийся первым председателем Верховного суда, и Джеймс Мэдисон, затем ставший президентом страны, – в 1787–1788 годах объединили свои усилия, подготовив серию статей, впоследствии объединенных под заголовком «Федералист». Предпринимая этот коллективный труд, они хотели убедить американскую публику в том, что принципы, воплощенные в Конституции 1787 года, не просто отличаются от принципов, заложенных в Статьи конфедерации 1777 года: это различие настолько важно, что лишь первый из упомянутых принципов способен вселить надежду на качественное управление ассоциацией американских штатов. Здесь не место выяснять, оказались ли авторы «Федералиста» правы или же они ошибались. Главная идея их книги состояла в том, что различие в принципах, закладываемых в основание американской Конституции, имеет важнейшее практическое значение.

Подтверждение тому можно найти и в лагере их оппонентов. Противники Конституции 1787 года, которые сами были «практичными политиками», неистово и жестко критиковали основания новой Конституции. Они отдавали предпочтение старому принципу. Подобно Гамильтону и его единомышленникам, они четко понимали, что различие в основополагающих

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

18 Это год, когда Статьи конфедерации вступили в силу.

19 О том, как это происходило, можно почитать в следующих работах: MCLAUGHLIN A.C. *The Confederation and the Constitution: 1783–1789*. New York; London: Harper & Brothers, 1905; SCHUYLER R.L. *The Constitution of the United States: An Historical Survey of Its Formation*. New York: The Macmillan Company, 1923; WARREN C. *The Making of the Constitution*. Boston: Little, Brown and Company, 1937.

принципах имеет огромное значение²⁰. С принятием Конституции эта борьба отнюдь не завершилась. Долгая распря между теми, кто, с одной стороны, считал федеральное правительство сугубо агентом штатов, и кто, с другой стороны, полагал, что оно является или должно быть независимым органом, продолжалась до завершения гражданской войны 1861–1865 годов²¹. Действительно, для того, чтобы снять конфликт между двумя базовыми принципами, потребовалась, говоря словами Вудро Вильсона, «ужасающая процедура затяжной бойни»²². Короче говоря, сама история Соединенных Штатов вполне способна убедить в трех вещах: что принцип, на котором строится Конституция 1787 года, отличается от предыдущего государствообразующего принципа; что это отличие позволяет считать его абсолютно особенным и что эта особенность крайне важна.

То же самое подтверждается и примером Южно-Африканского Союза. Когда делегаты четырех колоний встретились в 1909 году, чтобы выработать форму будущей ассоциации, они, естественно, обсуждали основания, на которых ее следует учредить. Некоторые из них, в основном представлявшие колонию Наталь, отстаивали принцип, используемый Соединенными Штатами. Эта идея, однако, была намеренно отвергнута делегатами других колоний, которые, будь они правы или нет, решили, что установление, за которое выступал Наталь, хуже другого принципа, а именно субординации региональных правительств относительно общенационального правительства. Иначе говоря, африканские «практичные политики» тоже осознавали специфичность обсуждаемого принципа, приписывая ему практическое значение²³.

В свете интересующих нас вопросов показательна и следующая дискуссия. Как-то утром в начале лета 1911 года пять премьер-министров сидели за круглым столом в Министерстве иностранных дел в Лондоне, обсуждая наилучшую форму ассоциации для самоуправляемых частей Британской империи. В то время ходило много разговоров о том, что весьма туманно называли «имперской федерацией». Касаясь этого вопроса, сэр Джозеф Уорд, премьер-министр Новой Зеландии, вынес на обсуждение проект резолюции, предусматривающей создание при имперском правительстве нового совещательного органа –

20 Спор между двумя лагерями наилучшим образом освещен в четырехтомнике, который подготовил Макс Фарранд: FARRAND M. (Ed.). *Op. cit.*

21 Прекрасной иллюстрацией этого столкновения стали дебаты, имевшие место в Сенате в декабре 1829-го – январе 1830 года; первую точку зрения в них представлял сенатор Артур Хейн от Южной Каролины, а вторую сенатор Даниэл Уэбстер от Массачусетса. О позиции Уэбстера подробнее см.: BIRLEY R. *Speeches and Documents in American History: 1776–1815*. New York: Oxford University Press, 1944. Vol. II.

22 WILSON W. *Division and Reunion, 1829–1889*. London: Longmans, Green, and Company, 1893. P. 254.

23 См., например: WALKER E. A. *Lord de Villiers and his Times: South Africa, 1842–1914*. London: Constable, 1925; WALTON E. H. *The Inner History of the National Convention of South Africa*. Cape Town, 1912.

имперского государственного совета. У нас есть стенограмма того, что тогда было сказано²⁴. Ниже следуют выдержки из нее²⁵.

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

Сэр Джозеф Уорд, премьер-министр Новой Зеландии: По моему мнению, необходимо учредить имперский совет, или имперский парламент, который будет действовать в интересах...

Сэр Уилфрид Лорье, премьер-министр Канады: Есть большая разница между советом и парламентом. Что именно вы предлагаете? Требуется четкое определение того, что вы имеете в виду, но пока такое определение не прозвучало.

Сэр Джозеф Уорд: Я предпочел бы называть это новое учреждение парламентом.

Сэр Уилфрид Лорье: Но вы использовали слово «совет». Так это все-таки совет или же парламент? Нам хотелось бы знать, в чем конкретно состоит ваше предложение.

Сэр Джозеф Уорд: Я предпочитаю говорить о парламенте.

Сэр Уилфрид Лорье: Очень хорошо; теперь мы понимаем, что вы имеете в виду.

Сэр Джозеф Уорд: Я предпочитаю говорить о парламенте, поскольку понимаю, что в названии заложено очень многое.

Сэр Уилфрид Лорье: Название – это практически сама суть.

Мистер Эндрю Фишер, премьер-министр Австралии: Так не стоит ли и вашу резолюцию поправить соответствующим образом?

Сэр Джозеф Уорд: Нет, я не собираюсь ее поправлять; но если в дальнейшем будет сочтено необходимым сделать это, то с моей стороны возражений не будет.

Сэр Уилфрид Лорье: В резолюции вы предлагаете совет, но на деле защищаете парламент.

Сэр Джозеф Уорд: Если вам угодно, вы тоже можете называть его советом.

Мистер Герберт Генри Асквит, премьер-министр Великобритании: Но нам важно знать, как именно вы его называете.

Сэр Джозеф Уорд: Я предложил бы именовать предлагаемый мной орган парламентом. Но его можно называть и любым другим подходящим именем.

Генерал Луи Бота, премьер-министр Южной Африки²⁶: Как будет назначаться такой совет? Кто будет решать, какие вопросы должны выноситься на его обсуждение? Какими полномочиями он будет наделен? Перед каким представительным органом этот совет должен отчитываться? Это лишь несколько вопросов из числа тех, что встают незамедлительно, и, как мне представляется, пока на них нет удовлетворительных ответов.

Здесь, как мы видим, «практичные люди» Британской империи, подчеркивая отличия парламента от совета, вновь обращают внимание на разницу между органом, уполномоченным

24 *Minutes of Proceedings of the Imperial Conference, 1911* (Cd. 5745). P. 46 ff.

25 *Ibid.* P. 55 ff.

26 *Ibid.* P. 69.

принимать решения, и органом, способным лишь советовать, между общенациональным правительством и общенациональной конференцией. Как пронизательно отметил сэр Уилфрид Лорье, «название – это практически сама суть».

5

Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что различие в основополагающих принципах, на которых строятся, с одной стороны, форма ассоциации, воплощенная в Конституции США, а с другой стороны, иные упомянутые выше формы ассоциации, является практически важным. Оно настолько важно, что позволяет нам помещать Соединенные Штаты Америки в отдельную категорию в ряду прочих ассоциаций государств. И, далее, поскольку США выступают универсально признанным примером федерального правления, мы вполне обоснованно можем назвать принцип, выделяющий их столь явно и значимо, *федеральным принципом*. Под федеральным принципом я имею в виду такой метод распределения власти, при котором общенациональное и региональные правительства, действуя в очерченных для них сферах, координируют свои усилия друг с другом, оставаясь при этом независимыми.

Такое ограниченное толкование слова «федеральный» может быть оспорено кем-нибудь из историков. Они укажут, и вполне справедливо, на то, что, например, авторы «Федералиста» используют слова «федеральный» и «федерация» для описания обеих систем сразу – и для учрежденной Статьями конфедерации 1777 года²⁷, и для предложенной Конституцией 1787 года. Действительно, в 1787-м словом «федерация» обозначали не более чем лигу государств, солидарно действующих по их доброй воле²⁸: оно считалось естественным описанием государства, установленного Статьями конфедерации. Та система, которую авторы «Федералиста» связывали с Конституцией 1787 года, меняла не лигу на федерацию, а неэффективную федерацию на эффективную федерацию. В то же время новая конституция, отстаиваемая этими политиками, учреждала правление, которое, по их собственным словам, базировалось на ином и новом принципе – на разделении власти между общенациональным и региональными правительствами, каждое из которых оставалось самостоятельным в сферах собственной компетенции.

27 См. самую первую фразу «Федералиста»: «После того, как вы на собственном опыте убедились в неэффективности федерального правления, вам предлагается рассмотреть новую конституцию для Соединенных Штатов Америки». Или же см. письмо ХХII, где говорится о «дефектах существующей федеральной системы» [*Федералист*. С. 29, 151.]

28 MORISON S.E. *Op. cit.* Vol. I. P. 87.

И хотя, если строго следовать словоупотреблению того времени, рассматриваемый нами принцип нельзя было назвать в полном смысле «федеральным»²⁹, его *все-таки назвали именно так* – как и само правление, учрежденное на базе этого принципа. По мере того, как эта форма правления укоренялась, новый принцип упрочивался, и к 1865 году, когда завершилась гражданская война, сделался признанной конституционной доктриной. Ученому, таким образом, остается сделать один из двух выводов. В качестве первой опции он может заявить, что понятие «федеральный» с 1787 года расширило свое значение таким образом, что вобрало в себя сразу оба принципа ассоциации – и 1777 года, и 1787 года. Следуя второй опции, более близкой мне лично, он предпочтет заявить, что поскольку оба упомянутых принципа серьезно отличаются друг от друга, а нынешние Соединенные Штаты принято расценивать как федеральное правление, то целесообразно ограничить применение термина «федеральный» лишь одним принципом: тем, который реализован в американском конституционном порядке 1787 года. Возможно, определяя в качестве «федерального» принцип, отстаиваемый в «Федералисте», мы действуем не совсем безупречно, ибо на наш выбор, несомненно, влияет то, что Конституция, в которой он воплотился и которую эти люди поддерживали, триумфально распространила славу этого принципа по всему миру. Но это едва ли страшно: ведь федеральный принцип стал тем, чем он стал, из-за того, что США сделали тем, что они есть.

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

Под федеральным принципом я имею в виду такой метод распределения власти, при котором общенациональное и региональные правительства, действуя в очерченных для них сферах, координируют свои усилия друг с другом, оставаясь при этом независимыми.

6

К сказанному уместно добавить, что приводимое выше определение федерального принципа принимается далеко не всеми

29 Противники Конституции 1787 года представлены в «Федералисте» (XXXIX) как люди, которые утверждают, что новый конституционный проект предлагает вообще не федерацию, а консолидацию штатов. При федеральной форме, по их словам, «Союз является *конфедерацией* штатов, тогда как проект предполагает *национальное* правительство, при каковом Союз будет *ассоциацией* штатов» [Федералист. С. 256]. Создатели «Федералиста» не принимали ограниченной трактовки термина «федеральный».

специалистами. Часть авторитетных ученых усматривает суть федерализма в иных установках. С точки зрения некоторых, например, федеральный принцип сводится к такому способу раздела власти, при котором четко обозначаются полномочия центрального правительства, а все, что в них не входит, достается региональным правительствам. Иначе говоря, мало того, что общенациональная и региональная власть должны оставаться независимыми в установленных для них сферах компетенции; эти сферы в придачу должны быть разграничены вполне определенным образом. То, что принято называть остаточными полномочиями, должно закрепляться за региональными правительствами. В подобной оптике правление не будет федеральным в том случае, если полномочия региональных властей конституционно определены и зафиксированы, а все оставшееся за их рамками передано центральной власти. Конституция США, подвергнутая такому тесту, оказывается федеральной, поскольку она перечисляет определенные вопросы, контролируемые общенациональной легислатурой, и устанавливает, что полномочия, не делегированные федеральному правительству, остаются за штатами.

По моему мнению, такая проверка на федерализм берет за основу отнюдь не главную характеристику американской Конституции. Ведь по-настоящему принципиальным моментом является не то, что при распределении полномочий за региональными властями конституционно закрепляется вся остаточная компетенция, но то, что вне зависимости от метода распределения остаточных полномочий ни общенациональное, ни региональные правительства не демонстрируют субординации относительно друг друга. Бесспорно, вопрос, кому передаются остаточные компетенции, является при федеральном правлении важным структурным вопросом, который сказывается на общем властном балансе в федерации. Как правило, когда суверенные прежде государства начинают организовывать федеративный союз, они стараются передавать вновь образуемому федеральному правительству лишь ограниченный набор полномочий, желая оставить все остальное за собой. Им не хочется подписывать незаполненный вексель. Но для федерального принципа подобные признаки не существенны. Они, конечно же, могут быть присущи федеральным системам, но вовсе не их наличие делает правление федеральным.

Похожий способ тестирования федерального принципа был предложен лордом Холдейном в 1941 году при вынесении судебного решения по делу «Attorney-General for the Commonwealth of Australia v. Colonial Sugar Refining Company Ltd»³⁰.

Он заявил тогда, что буквальная интерпретация термина «федеральный» применима только в тех случаях, когда штаты, соглашаясь делегировать толику своей власти общенациональному правительству, продолжают руководствоваться своими прежними конституциями. Как полагал этот судья, указанный термин не применим к тем штатам, которые, согласившись передать часть своих полномочий, одновременно обновили собственную государственность, приняв новые конституции. Опираясь на этот аргумент, лорд Холдейн заявлял, что Канада не является подлинной федерацией, поскольку Акт о Британской Северной Америке 1867 года учредил не только новое общенациональное правительство, но и новые провинциальные правительства, полномочия которых были эксклюзивно ограничены перечнем предметов, перечисленных в статье 92 упомянутого закона³¹. И, напротив, США и Австралия, по его оценке, были по-настоящему федеральными государствами, так как их региональные правительства после учреждения общенациональной власти остались в неизменности – за исключением того, что некоторые их полномочия, строго описанные и многочисленные, перешли к федеральному правительству.

Предлагаемый здесь критерий федерального принципа, как представляется, вновь обходит стороной важный момент. Выступают ли стороны, между которыми делятся прерогативы и полномочия, в качестве независимых акторов, состоящих в отношениях координации, или же они не таковы? Вот в чем заключается главнейший вопрос³². Что же касается самого раздела, то его можно провести двумя путями: либо зафиксировав полномочия общенационального правительства и ограничив его исключительно этим кругом, а потом заявив, что региональные конституции продолжают работать, как и прежде, – причем прерогативы властей штатов будут включать в себя все, что осталось; либо же маркировав и определив полномочия не только центра, но и регионов, создав тем самым для последних новые конституции. По моему мнению, оба способа приведут к такому разделу власти, который характерен для федерального принципа. Выбор в пользу конкретного варианта будет предопределяться обстоятельствами.

В третьем определении федерального принципа его базовой чертой выставляется то, что при федеральном правлении и общенациональное, и региональные правительства взаимодействуют с народом напрямую, в то время как в лиге или конфедерации такое взаимодействие доступно лишь властям регионов, поскольку общенациональные власти контактируют

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

31 Позиция лорда Холдейна была подвергнута критике. См., например: KENNEDY W.P.M. *The Constitution of Canada: An Introduction to Its Development and Law*. London; Toronto: Oxford University Press, 1922. Ch. XXIII.

32 Ibid. P. 412.

исключительно с региональными правительствами³³. На первый взгляд, подобную трактовку можно подкрепить опытом Соединенных Штатов Америки. Действительно, одно из заметных отличий между системами, которые создали Статьи конфедерации 1777 года и Конституция 1787 года, состояло как раз в упомянутой разнице. Обращали на нее внимание и авторы «Федералиста»:

«Величайшим и самым большим пороком конструкции существующей конфедерации является принцип *законодательства штатов* или правительств в их *корпоративном* или *коллективном* качестве в противовес *индивидуумам*, из которых они состоят»³⁴.

Общенациональное правительство, учрежденное Конституцией США 1787 года, было призвано взаимодействовать с народом напрямую – ровно так же, как это делали и региональные правительства.

Теперь у нас не осталось ни малейших сомнений, что эта особенность в способе функционирования, присущем общенациональному правительству, и есть тот признак, который отделяет федерацию от лиги или конфедерации. Однако ее недостаточно, чтобы обособить федеративное государство от некоторых других форм ассоциации. Например, он не позволяет противопоставить Конституцию Соединенных Штатов Конституции Южно-Африканского Союза или какой-нибудь иной деволюционной или децентрализованной системе: ведь в Южной Африке, как и в США, и союзные, и региональные власти тоже взаимодействуют с народом напрямую. Тем не менее, как было отмечено выше, между положениями двух конституций есть существенная разница: в Южной Африке два уровня власти связаны отношениями субординации, а в Соединенных Штатах их скрепляет координация. Это различие поистине фундаментально, и именно им обусловлена реальная непохожесть двух порядков правления.

Отмеченный пункт можно пояснить следующим образом. В конституциях того же типа, что и американская конституция образца 1777 года, общенациональное правительство до некоторой степени зависит от региональных правительств. Иллюстрацией подобной зависимости служит то, что в некоторых важных вопросах общенациональное правительство не может взаимодействовать с народом напрямую, действуя сугубо через региональные правительства. Но данный факт – лишь одно из проявлений более глубинного организационного принципа: принципа субординации общенационального правительства

33 К этому критерию обращается, в частности, Брюс: ВРУСЕ Ж. *Op. cit.* Vol. I. P. 392, 408–409. Упоминает о нем и Джон Стюарт Милль в «Рассуждениях о представительном правлении» (гл. XVII).

34 Письмо XV, написанное Гамильтоном [*Федералист*. С. 113].

относительно региональных правительств. Такова коренная и специфическая характеристика конфедерации, а косвенно-опосредованное воздействие центральной власти на население – лишь проявление этого. Аналогичным образом в случае федерации ключевой организационный принцип предполагает, что центральные и региональные власти координируют свои действия друг с другом. Тот факт, что оба уровня напрямую взаимодействуют с народом, служит подтверждением этого принципа, но, как свидетельствует южноафриканский пример, это еще не гарантирует, что они состоят в отношениях координации. Для воплощения федерального принципа недостаточно лишь того, чтобы общенациональное правительство, подобно региональным правительствам, работало с населением непосредственно; вдобавок к этому требуется, чтобы компетенции обоих уровней власти ограничивались бы закрепленными за ними сферами и чтобы внутри этих сфер оба уровня оставались бы независимыми друг от друга³⁵.

КЕННЕТ УЭЙР
ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

Перевод с английского Андрея Захарова, доцента факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук РГГУ

35 Мое определение согласуется с воззрениями целого ряда специалистов. См.: FREEMAN E. *History of Federal Government in Greece and Italy*. New York: Macmillan and Company, 1893. P. 12; JETHRO BROWN W. *Nature of a Federal Commonwealth* // *Law Quarterly Review*. 1914. Vol. 30. P. 305; KENNEDY W.P.M. *Op. cit.* P. 407–408; QUICK J., GARRAN R. *The Annotated Constitution of the Australian Commonwealth*. Sydney: Angus and Robertson, 1901. P. 333; HARRISON MOORE W. *Constitution of the Commonwealth of Australia*. Melbourne: Maxwell, 1910. P. 68; DICEY A.W. *Introduction to the Study to the Law of the Constitution*. London: Macmillan and Company, 1931. P. 144. Пожалуй, наилучшее краткое определение предложил сэр Роберт Гэррен: федерация, по его словам, есть «форма правления, при которой суверенитет или политическая власть делятся между центральным и местными правительствами таким образом, что каждое из них в рамках своей компетенции независимо от остальных» (*Report of the Royal Commission on the Australian Constitution*. Canberra: Government Printer, 1929. P. 230).

АНДРЕЙ
ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД
ИСАЕВ

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – арабист, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Африки РАН, старший научный сотрудник Российского университета дружбы народов.

Бесконечная история: федерализм и арабская идея¹

У арабского федерализма есть собственная пред- история, с полным основанием позволяющая говорить о том, что федералистские проекты, запущенные недавней «арабской весной», родились отнюдь не на пустом месте. Она, безусловно, не была слишком длинной, поскольку впервые арабы заговорили о федерации лишь накануне Первой мировой войны, но зато ей трудно отказать в разнообразии: наряду с проектами реформирования Османской империи в дуалистическую турецко-арабскую монархию в стиле Австро-Венгрии, обсуждаемыми накануне 1914 года, среди ее репрезентаций можно найти многочисленные интеграционные инициативы межвоенного и послевоенного панарабизма, а также неоднократно (удачные и неудачные) попытки федерализации отдельных арабских государств, предпринимаемые на волне деколонизации и национализации. К концу бурного XX века страны Ближнего Востока и Северной Африки были вовлечены как минимум в семнадцать интеграционных проектов с участием независимых государств, содержавших те или иные признаки федерации, причем десять из них приходились на долю панарабских союзов Сирии и Ирака. Весь этот богатый опыт, взятый в своей совокупности, во-первых, дезавуирует рассуждения о том, что арабская культура государственности не сочетается с принципами, на которых основана любая федерация², а во-вторых, позволяет более или менее оптимистично оценить нынешние перспективы федерализации обществ, в XXI веке ввергнутых в хаос «арабской весной» и пытающихся выбраться из своего печального состояния, децентрализуя свои управленческие системы.

ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ПЛОДЫ НАЦИОНАЛИЗМА

Межвоенные попытки арабских обществ создать единое политико-территориальное пространство – как правило, на федеративных началах – были обусловлены подъемом арабского

1 Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (№ 19-18-00155).

2 «В исламе суверенитет не может делиться, как в американском федерализме, поскольку он принадлежит только Аллаху, а политика не может быть автономной сферой человеческой деятельности», – пишет, например, Халид Хабиб. См.: НАВИВ К. *Federalism or Islam? Ibn Khaldun on Islam and Politics* // WARD A., WARD L. (Eds.). *The Ashgate Research Companion to Federalism*. Ashgate: Farnham, 2009. P. 548.

национализма, начавшимся на рубеже XIX и XX веков и достигшим апогея к середине прошлого столетия. Стоит отметить, что исходный импульс, инициировавший этот процесс, вызревал не внутри самого арабского мира, а за его пределами: пробуждению арабского самосознания, базовым ареалом становления которого была Османская империя, способствовала прежде всего «младотурецкая» революция 1908 года. Ее идеологи выдвинули новую версию османизма, которая предполагала целенаправленное формирование турецкой нации как государствообразующей нации империи – и тем самым противопоставляла турок всем прочим группам, населявшим владения султана³. Естественно, такая постановка вопроса вынуждала арабское интеллектуальное сообщество к реакции: оно приступило к эмансипирующему обособлению себя от единоверцев-турок и поискам духовного субстрата, сплывающего арабов как особую национально-лингвистическую общность. Если до той поры, по словам Бернарда Льюиса, «арабы, пусть даже гордясь своим происхождением и своей культурой, соглашались с турецким доминированием во всемирной мусульманской умме, подобно тому, как Данте Алигьери в свое время принимал верховенство немцев в Священной Римской империи»⁴, то теперь обязательства перед привычным сюзереном начали казаться им слишком обременительными и сковывающими. Намечающийся раскол был зафиксирован и терминологически: современный арабский термин, обозначающий национализм (*qawmiyya*), отсылает к размежеванию, отчуждению и фракционности.

Брожение в рядах арабских интеллектуалов усилилось после масштабной кампании по закрытию их культурно-литературных клубов, политических комитетов и газет, развернутой младотурками по всей территории империи в 1909–1910 годах. Реакция на эти административные меры была вполне закономерной: если раньше вся эта деятельность не вызывала в арабской среде особого интереса, поскольку лояльность султану считалась приоритетным принципом социального поведения, то сейчас силы, продвигающие «арабскую идею», встречали у арабов больше понимания и сочувствия. Именно с этого момента арабские националисты все громче начинают ставить вопрос о децентрализации империи и предоставлении

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

- 3 Подробнее см.: КОСАЧ Г.Г. *Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса* // *Национализм в мировой истории* / Под. ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 259–331; КУДРЯШОВА И.В. *Нациестроительство на Ближнем Востоке: от мусульманской уммы к нации-государству?* // *Политическая наука*. 2008. № 1. С. 132–166; ЛЕВИН З.И. *Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. Идеальный аспект*. М.: Наука, 1988; SNOUEIRI Y. *Modern Arab Historiography: Historical Discourse and the Nation-State*. London: Taylor & Francis, 2003; MCMEEKIN S. *The Ottoman Endgame: War, Revolution and the Making of the Modern Middle East*. London: Penguin, 2015; ТИВІ В. *Arab Nationalism: Between Islam and the Nation-State*. New York: St. Martin's Press, 1989.
- 4 LEWIS B. *From Babel to Dragomans: Interpreting the Middle East*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 157.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

ее арабским землям широкой автономии. В 1913 году в Париже состоялся Первый арабский конгресс, делегаты которого открыто потребовали автономии для Леванта, или «Великой Сирии», включавшей в себя территории таких современных образований, как Израиль, Иордания, Ливан, Палестина и Сирия⁵. В момент проведения это событие осталось почти не замеченным, но зато в будущем обозначенная на нем размова между турками и арабами повлекла за собой серьезнейшие геополитические последствия, которые сказывались на судьбах арабского мира в течение нескольких десятилетий. Дело в том, что расколом, разделившим турецкие и арабские элиты империи, не замедлили воспользоваться европейские державы, расширявшие в тот период свою колониальную экспансию на периферии Османской империи. (Так, Франция активно продвигала себя в Марокко, Великобритания утверждалась на берегах Персидского залива, а Италия пыталась закрепиться в Ливии.) В 1910-е европейцы, желая упрочить свои позиции «на местах», налаживали тесные связи с ближневосточными элитами. Как будет показано далее, это внешнее воздействие самым непосредственным образом влияло на оформление и включение в повестку дня тех или иных объединительных проектов, разрабатываемых арабскими политиками и интеллектуалами. В подобных инициативах они видели своеобразное противодействие нарастающему их давлению Европы.

К концу бурного XX века страны Ближнего Востока и Северной Африки были вовлечены как минимум в семнадцать интеграционных проектов с участием независимых государств, содержавших те или иные признаки федерации.

Таким образом, складывание в арабском мире первых интеграционных инициатив, начавшееся на рубеже веков, неотделимо от становления арабского национализма. Объединительному порыву вполне логично должны были предшествовать выявление и утверждение той сущности, которую предстояло собрать воедино. Новое идейное течение возникло в начале XX века, набирая силу преимущественно в двух локациях – египетской и велико-сирийской, – которые в рамках Османской империи во многих отношениях были особенными. При этом стоит отметить, что арабская национальная идея в интерпре-

5 Подробнее см.: Луцкий В.Б. *Предисловие* // Сайд А. *Великое арабское восстание. Подробная история, охватывающая арабское движение за четверть века*. М.: Московский институт востоковедения, 1940. Т. I. Вып. 2. С. 12–15.

тации египетских мыслителей отличалась от того концептуального конструкта, который позже породила базовая ветвь арабского национализма: на это обстоятельство стоит обратить особое внимание, ибо оно не раз напомнит о себе в будущем. Прежде всего эта разница объяснялась уникальностью места, которое было отведено Египту в политическом устройстве Османской империи: он всегда состоял в особых отношениях с «Блистательной Портой», не упуская ни одной возможности, чтобы подчеркнуть собственную самостоятельность. Как отмечает российский востоковед Константин Труевцев, комбинируя в своей социально-политической структуре три непохожих друг на друга слоя в лице христиан-коптов, до XVIII века составлявших большинство населения; арабов, появившихся в египетских землях в VII веке, и мамлюков, перебравшихся в Африку из нетурецких областей Османской империи, «Египет тяготел к оформлению собственного национально-государственного устройства»⁶. Это не могло не сказаться на характере местной арабской общественно-политической мысли и ассортименте прорабатываемых ею сюжетов: после завершения Первой мировой войны внимание египетских националистов в основном ограничивалось Долиной Нила и прилегающим к Египту Суданом, а также путями отделения от Великобритании и перспективами самостоятельной внутренней и внешней политики⁷. Для образованного египтянина начала XX века лояльность родине (*al-wataniyya*) и лояльность своей национальной группе (*al-qawmiyya*) совпадали друг с другом.

Но, воодушевляясь величием исторической миссии, приписываемой сугубо Египту, и абстрагируясь от остального арабского мира, расцениваемого в качестве египетской периферии, здешние интеллектуалы обрекали себя на неспособность сформулировать общеарабский политический нарратив. Именно поэтому первая треть XX века была отмечена «почти полным безразличием – или вообще враждебностью – египетской публики к арабской национальной идее и арабскому националистическому движению»⁸. Впрочем, антипатия была обоюдной: так, сирийский националист Наджиб Азури писал в 1905 году:

«Мы отбрасываем мысль об объединении Египта и Арабской империи под скипетром одного монарха, египтяне не принадлежат к арабской расе, они часть африканской берберской семьи, а язык, на котором они говорили до ислама, не имеет никакого сходства с арабским языком»⁹.

6 ТРУЕВЦЕВ К. М. *Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи* // Полития. 2003. № 3. С. 105.

7 Подробнее см.: ИСАЕВ Л. М. *Арабская весна и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром* // Восток. 2013. № 3. С. 55–63; ROGAN E. *The Arabs: A History*. London: Penguin, 2012.

8 GERSHONI I. *The Emergence of Pan-Arabism in Egypt*. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1981. P. 25.

9 Цит. по: КОСАЧ Г. Г. *Указ. соч.* С. 269.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

Следовательно, нельзя считать случайностью то, что сами понятия «арабской нации» и «арабской родины» в конечном счете были артикулированы не в Египте, а в Леванте; именно в левантской интерпретации они составили ключевые элементы арабской национальной идеи, которая в будущем воплощалась в конкретные политические начинания и инициативы. Здесь же был введен в оборот и сам этноним «араб»¹⁰. Египтяне, однако, даже возводя свою генеалогию к «эпохе фараонов», отнюдь не полностью отворачивались от проблематики арабского единства, ситуационно обращаясь к ней ради собственной пользы. В имперский период египетские и левантские конструкты иногда сочетались, а иногда сталкивались. В этом смысле показательна судьба политического проекта, который в конце XIX века выдвинул Абд аль-Рахман аль-Кавакиби: этот мыслитель, который жил и работал в Сирии, но в конце жизни переехал в Египет, в своей трактовке обновленного халифата одним из первых наметил контуры арабской уммы, понимаемой как универсальная политическая целостность. Османская империя объявлялась им государством деспотическим, что, по мнению аль-Кавакиби, подрывало духовные прерогативы ее руководителя¹¹. Открыто отвергая османский халифат, реформатор противопоставлял ему халифат нового типа, опирающийся на арабскую культурно-религиозную традицию и возглавляемый прямым наследником Пророка. И если по своему духу построения аль-Кавакиби были вполне «левантийскими», то их воплощение было отчасти «египетским»: находясь в Каире, мыслитель поступил на службу к хедиву, нарочито дерзившему туркам, – и поэтому не исключено, что критика османского государства вменялась ему в служебные обязанности и велась на египетские деньги¹².

Как бы то ни было, этот проект получил определенную известность, сделавшись предметом дискуссии, в которую в последующее десятилетие включились представители политических и интеллектуальных элит Арабского Машрика – Сирии, Ливана, Палестины, Месопотамии и Аравии. Примерно та же схема легла и в основу переговоров, которые в годы Первой мировой войны и сразу после нее велись высокопоставленными арабами с европейскими эмиссарами и на которых обсуждалось обособление этой части арабского мира от Османской империи. Сторонники объединительной инициативы предполагали, что ее должно увенчать учреждение единого арабского государства во главе с общенациональным лидером – пред-

10 Там же. С. 261.

11 Всестороннюю критику деспотизма, основанную по большей части на размышлениях европейских авторов, см. в его работе: Аль-Кавакиби А.Р. *Природа деспотизма и гибельность порабощения*. М.: Наука, 1964.

12 Lewis V. *Op. cit.* P. 161.

ставлявшим династию Хашимитов шерифом Мекки, который был потомком Мухаммада. Соответственно, халифат, возглавляемый османским султаном, в этой оптике выглядел вынужденной, устаревшей и опасной aberrацией. Впрочем, вплоть до середины 1930-х общественный интерес к подобным планам оставался незначительным.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

Панисламистское видение единства бывших османских владений продолжало определять панарабские концепции вплоть до середины 1930-х, когда в моду в арабском мире вошли националистические нарративы фашистской Италии и нацистской Германии.

После окончания Первой мировой войны и последующего крушения Османской империи идеология арабского национализма утратила свою антитурецкую заостренность. Теперь на первый план в ней вышли мотивы антиколониализма и антизападничества, которые подогревались негодованием и возмущением, повсеместно вызванными обнародованием в 1918 году тайных статей соглашения Марка Сайкса, Франсуа Жоржа-Пико и Сергея Сазонова¹³. Но, хотя эта договоренность, которая была достигнута державами Антанты в 1916 году, предусматривала – помимо передачи России черноморских проливов – раздел арабских земель между Англией и Францией¹⁴, в то время лишь узкая прослойка политически озабоченных интеллектуалов воспринимала вытекающую из нее невозможность создания общеарабского государства как серьезную травму. Когда жителям Сирии, Ливана, Ирака и прочих новоявленных политических образований послевоенной поры вдруг доводилось размышлять о своей принадлежности к чему-то большему, нежели их только что обретенные «родины», они по-прежнему делали это в религиозных, а не национальных терминах¹⁵. Панисламистское видение единства бывших османских владений продолжало определять панарабские концепции вплоть до середины 1930-х, когда в моду в арабском мире вошли националистические нарративы фашистской Италии и нацистской Германии. В частнос-

13 См., в частности: BARR J. *A Line in the Sand: Britain, France and the Struggle that Shaped the Middle East*. New York: Simon & Schuster, 2012; МСМЕЕКИН S. *Op. cit.*

14 ANDERSON B. *A History of the Modern Middle East: Rulers, Rebels, and Rogues*. Stanford: Stanford University Press, 2016; НАУМКИН В.В. *Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 2. С. 27–43.

15 LEWIS B. *Op. cit.* P. 167.

ти, лишь к концу этого десятилетия «сложилось убеждение, что арабизм и арабское единство не должны быть для интеллектуальной и политической элиты Египта чем-то чужеродным»¹⁶. Именно в тот период географическим наполнением концепта «арабская нация» становится весь ареал проживания арабов. Интересно, что выработанная тогда трактовка – «арабская умма едина от Океана (Атлантического) до Залива (Персидского)» – остается неизменной и сегодня¹⁷.

Дальнейшему распространению идеи арабского национального единства способствовало так называемое «второе поколение» арабских националистов, активность которого пришла на конец 1930-х и последующее десятилетие. Именно тогда (и с более чем вековым опозданием) у немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте заимствуется положение о «национальной исключительности», посредством которого сирийский историк и публицист Константин Зуррейк обосновывал «великую миссию арабской уммы»¹⁸. Опираясь на этот подход, еще два сирийца, философ Мишель Афляк и политик Салах Битар, приступили к практическому осуществлению первых панарабских проектов политического толка, которыми стали Партия арабского возрождения и Арабская социалистическая партия, объединившиеся в 1947 году в Партию арабского социалистического возрождения («Аль-Баас»). Занимаясь этим интегрирующим партстроительством, Афляк, в частности, не раз подчеркивал, что «в иерархии ценностей [баасистов] единство превосходит социализм»¹⁹. Получив организационно-инструментальное оформление, идея арабской национальной исключительности, о которой говорил Зуррейк, трансформировалась в идеологическое кредо баасизма в частности и арабского национализма в целом: «Арабская умма едина, а миссия ее священна». Уместно подчеркнуть, что в последующие десятилетия именно баасистский универсализм предоставил идейный фундамент для неоднократных попыток федерализации тех или иных частей арабского мира. И, хотя ни один из этих проектов не увенчался полноценным успехом, децентрализованный политический ландшафт арабского языка и арабской культуры даже спустя полвека с удивительным постоянством продолжал воспроизводить интеграционный нарратив. «Кончина панарабизма фиксируется с такой удивительной регулярностью, что порой кажется, будто кому-то просто нравится посвящать ему

16 GERSHONI I. *Op. cit.* P. 14.

17 ТРУЕВЦЕВ К. *Указ. соч.* С. 109.

18 Подробнее о «втором поколении» см.: KASSAB E. *Contemporary Arab Thought: Cultural Critique in Comparative Perspective*. New York: Columbia University Press, 2009.

19 Цит. по: MUFTI M. *Sovereign Creations: Pan-Arabism and Political Order in Syria and Iraq*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1996. P. 48.

некрологи, – писали в конце 1980-х Джакомо Лучиани и Гасан Саламе. – Но идеал единой арабской нации упорно отказывается умирать»²⁰.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ РОЖДЕНИЕ: ФЕДЕРАЦИЯ «ПЛОДОРОДНОГО ПОЛУМЕСЯЦА»

Анализируя объединительные инициативы, рождавшиеся под сенью панарабизма, Малик Муфти отмечает, что в каждом из этих случаев участники руководствовались либо мотивом *экспансии*, желая взять под контроль более слабого партнера, либо мотивом *обороны*, стремясь с помощью более сильного партнера устранить внутренние или внешние угрозы²¹. Такой подход в полной мере сочетается с базовыми условиями образования федераций, выделенными более полувека назад Уильямом Райкером²². Исходя из этого совпадения можно предположить, что концептуальный инструментарий, применяемый в компаративных федералистских исследованиях, будет весьма полезным и при изучении интеграционных проектов в арабском мире.

Многочисленные подтверждения тому являют объединительные (хотя и по большей части тщетные) усилия, предпринимаемые Хашимитскими монархиями «Плодородного полумесяца» в 1920–1940-е. Пионером на этом поле выступил иракский король Фейсал, новорожденное государство которого, во-первых, соседствовало с амбициозными и дерзкими соседями в лице республиканской Турции и шахского Ирана (обе страны были готовы территориально расширяться за счет иракских земель и ждали лишь удобного случая для этого), а во-вторых, переживало глубокий раскол между правящим арабо-суннитским меньшинством и бесправным шиитским большинством (арабы-сунниты могли «уравновесить» шиитов, только привлекая на свою сторону курдов, считавшихся крайне ненадежными партнерами)²³. Притязания Хашимитов на Сирию озвучивались еще в конце Первой мировой войны, но в той ситуации, в которой иракское королевство оказалось к середине 1920-х, импульсы, подталкивавшие его к той или иной интеграции с Сирией, были уже не столько экспансионистскими, сколько оборонительными: объединяясь с соседя-

20 LUCIANI G., SALAMÉ G. *Introduction* // IDEM (Eds.). *The Politics of Arab Integration* [1988]. London: Routledge, 2016. P. 1.

21 MUFTI M. *Op. cit.* P. 6.

22 См.: RIKER W. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1964. P. 12–13.

23 В 1920 году 56% жителей Ирака составляли шииты, 36% – сунниты, 8% – представители немусульманских конфессий. См.: MUFTI M. *Op. cit.* P. 24.

ми, оно желало обезопасить себя от угроз изнутри и снаружи. В свою очередь Франция, после войны распорядившаяся сирийскими землями в соответствии с мандатом Лиги Наций, и неспособная справиться с бесконечными националистическими восстаниями, не раз намекала, что готова к переговорам о превращении Сирии в еще одну Хашимитскую монархию – только теперь под патронажем не Англии, а Франции. Но, несмотря на то, что на протяжении 1920-х Фейсал предлагал свои услуги в качестве короля Сирии неоднократно и настойчиво – в 1920 году ему даже удалось кратковременно попробовать себя в этом качестве, ненадолго утвердив свою власть в Дамаске, – сирийские элиты, как и сирийская публика в целом, все-таки воспринимали его инициативы с беспокойством. Скажем, в его планах превратить оба государства в двуединую монархию с поочередным пребыванием королевского двора в каждой из столиц по полгода усматривали завуалированную попытку Ирака, который к тому моменту уже был более или менее похож на государство, аннексировать Сирию, где самостоятельность пока оставалась мечтой²⁴.

Попытки Фейсала обзавестись сирийской короной сделались особенно настойчивыми с 1929 года, когда пришедшее к власти в Великобритании лейбористское правительство объявило о своей готовности предоставить Ираку независимость. Ожидаемый статус первого суверенного государства арабского мира, по мнению Фейсала, автоматически превращал его страну в главного адепта арабского единства – или как минимум в поборника федеративного союза «Плодородного полумесяца». В 1930 году монарх выступил с проектом учреждения широкой арабской федерации, включавшей, помимо Ирака, Сирии и Трансиордании, Йемен и аравийские земли. Но главным предметом его вождений по-прежнему оставался трон в Дамаске, по поводу которого иракский монарх вел бесконечные и многотрудные переговоры и с французскими властями, и с сирийскими националистами, и со своими британскими покровителями. При этом и первые, и вторые, и третьи видели в заявке Фейсала как плюсы, так и минусы; были моменты, когда все интересы казались согласованными, а вопрос представлялся решенным – но в последний миг все срывалось. В 1931–1932 годах, когда французы вновь ввели в действие сирийскую конституцию, «замороженную» после мощного восстания 1925–1926 годов, а в Сирии были назначены парламентские выборы, эмиссары иракского короля развернули в Леванте беспрецедентную пропагандистскую кампанию в пользу его восшествия на сирийский трон. Агитация, в которой Фейсал изображался главным

24 PORATH Y. *In Search of Arab Unity: 1930–1945*. London; New York: Routledge, 2013. P. 6.

поборником сирийской независимости, а федерация представляла основным инструментом ее достижения, разворачивалась на фоне горячей внутривосточной борьбы в Сирии. Однако прямое обращение к сирийской общественности не дало желаемых результатов: федеративно-монархический проект не впечатлил местных избирателей, которые провалили на парламентских выборах большую часть кандидатов, ориентированных на Фейсала. Конец этой увлекательной эпопеи положила лишь скоропостижная кончина первого иракского монарха в сентябре 1933 года. Усилия Фейсала, однако, успели воодушевить арабских националистов, увидевших в Ираке «арабский Пьемонт» или «арабскую Пруссию» (в зависимости от личных симпатий) и превративших Багдад в базу для создания организаций и выработки программ, нацеленных на воплощение панарабских федеративных проектов²⁵. Неудивительно, что за этой провалившейся инициативой последовали новые проекты федерализации.

Сирийское предприятие иракского короля Фейсала вызывало плохо скрываемую ревность у его старшего брата, трансйорданского эмира Абдаллы. Дело в том, что осенью 1920 года, после того как временно обосновавшегося в Дамаске Фейсала изгнали оттуда французы, вступившие в обладание Левантом согласно послевоенным договоренностям, он, подхватывая семейный почин, провозгласил себя вице-королем Сирии, – и англичанам пришлось потратить немало сил, убеждая его не конфликтовать с недавними «братьями по оружию». В начале 1920-х, не имея возможности, в силу ряда причин, помешать «братскому» натиску в Сирии, Абдалла временно отступил. Тем не менее в своих статьях, декларациях и письмах он продолжал продвигать панарабизм в федералистском его разрезе. «Несущей конструкцией» его построений выступала «Великая Сирия», объединенная под скипетром Хашимитского монарха. Согласно его концепции, освободившись в ходе арабского восстания 1916–1918 годов от безбожного младотурецкого гнета, Хашимиты позволили наделить политическими правами Неджд, Йемен, Ирак, Трансиорданию и Сирию. Теперь эту государственную субъектность предстояло укрепить. Как отмечают исследователи, «обширные горизонты, не вмещавшиеся в пределы доставшегося Абдалле маленького и бедного владения, манили его всю жизнь – этот импульс до самого конца правления формировал проводимый им политический курс»²⁶. Акцентируя этот аспект еще жестче, некоторые говорят даже об «очевидном презрении», которое новоявленный владыка питал к «Трансиордании, своему нежизнеспособному

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

25 Ibid. P. 14.

26 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Jordan: A Hashemite Legacy*. London; New York: Routledge, 2009. P. 19.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

государству»²⁷. Старшему сыну шерифа Мекки негде было вернуться, и это поневоле делало его неумным федералистом, мыслящим в масштабах едва ли не всего арабского мира.

Дело, однако, осложнялось тем, что эмиру Трансиордании, в отличие от короля Ирака, было гораздо сложнее отстаивать идею общеарабской федерации: если второй лидер, в особенности с 1930 года, был суверенным и полноправным владыкой, то первый пользовался лишь ограниченной автономией и потому в своих замыслах и делах всецело зависел от англичан²⁸. Это обстоятельство превращало Великобританию в активного участника предполагаемой федерализации «Плодородного полумесяца». В 1936 году Абдалла, воспользовавшись очередным обострением обстановки в Сирии, решил действовать самостоятельно, предложив сирийскому «Национальному блоку» и французскому верховному комиссару подумать о таком рецепте умиротворения мятежного региона, как объединение Трансиордании и Сирии под его собственным началом. Но оба партнера его разочаровали: вполне справедливо считая Абдаллу вассалом англичан, французы не хотели поступаться своим влиянием в регионе, а сирийские националисты, ощущая свою силу, считали, что смогут добиться желаемого и без внешних патронов, связывающих им руки. Убедившись в тщетности своих трудов, иорданский властитель вынужден был дожидаться какого-то внятного сигнала из Лондона.

Федерализация «Плодородного полумесяца» была призвана минимизировать влияние внешних сил – европейских колониальных держав – на их политику, но утвердить федерализм на арабских землях можно было только с санкции Лондона и Парижа.

В буксующей федерализации межвоенных лет от раза к разу воспроизводилась базовая ущербность интеграционных инициатив, исходящих от Хашимитов: федерализация «Плодородного полумесяца» была призвана минимизировать влияние внешних сил – европейских колониальных держав – на их политику, но утвердить федерализм на арабских землях можно было только с санкции Лондона и Парижа²⁹. Причем после кончины Фейсала дело усугублялось еще и тем, что теперь в Хашимитских владения прорабатывались две федералистские инициативы одновременно: иорданские планы Абдаллы

27 ROBINS P. *A History of Jordan. 2nd ed.* Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 17.

28 PORATH Y. *Op. cit.* P. 25.

29 См.: MUFTI M. *Op. cit.* P. 22.

оспаривались иракскими продолжателями дела Фейсала, главным из которых стал Нури ас-Саид, неоднократный премьер-министр Ирака. Европейцы же, как и следовало ожидать, способствовали конкуренции между ними.

Весной 1941 года, после подавления весьма обеспокоившего союзников прогерманского мятежа Рашида Али аль-Гайлани в Ираке, английское правительство решило официально поддержать интеграционные замыслы панарабистов, мечтавших о федеративной «Великой Сирии». По-видимому, одной из причин этого сдвига послужило то обстоятельство, что годом ранее руководство «третьего рейха» посулило аль-Гайлани содействие в создании объединенного (и, разумеется, настроенного против англичан) арабского государства во главе с Ираком: иракский лидер разработал даже специальный план федерализации, который предстояло одобрить в Берлине³⁰. В конце мая 1941-го министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден объявил о запуске новой политики на Ближнем Востоке, предполагающей выстраивание широкого регионального союза арабских стран:

«С окончания последней войны арабский мир достиг значительных успехов, и многие арабские деятели задумываются о гораздо большей степени единства, нежели та, которая присуща ему сейчас. В обретении желаемого они рассчитывают на нашу поддержку. Укрепление культурных, экономических, политических связей между арабскими странами представляется нам естественным и правильным. И в этом смысле британское правительство окажет содействие любому проекту, направленному на эти цели и пользующемуся общим одобрением»³¹.

Разворачиваясь в сторону интеграции, англичане рассчитывали обезопасить себя в будущем от неприятностей, похожих на иракский мятеж: в задуманном ими консолидированном политическом образовании подобного рода выступления было бы сложнее готовить и проще усмирять. Кроме того, смене тональности способствовало и недавнее изгнание из Сирии администрации, утвержденной там марионеточным правительством Виши.

Абдалла, воодушевленный переменами, искал содействия в самых неожиданных местах. В частности, он попытался привлечь к себе на службу Еврейское агентство, действующее в Палестине: причем, как полагали многие, сам факт обращения за сионистской помощью в продвижении арабского единства – владыка Трансиордании желал, чтобы Еврейское агентство финансово поддержало агитационную работу его сирийских сто-

30 Подробнее см.: PORATH Y. *Op. cit.* P. 193.

31 Цит. по: LEWIS B. *Op. cit.* P. 173.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

ронников, – свидетельствовал исключительно о его слабости³². Впрочем, более основательной ему все-таки представлялась ставка на англичан, которых он неустанно (и безуспешно, несмотря на сделанные ими декларации) обхаживал. Шансы Абдаллы стали чуть более радужными после того, как реверансы в его адрес начали делать лидеры сирийского «Национального блока»: они надеялись, что после изгнания вишистов «Свободная Франция» генерала Шарля де Голля сочтет их законными представителями сирийского народа, но этого не случилось – и теперь, желая насолить французам, они стали поощрять интеграционные притязания Абдаллы. Их неискренность, однако, проявилась довольно быстро, а Абдалла осознал, что придется дожидаться другого шанса.

Новая возможность заявить о Хашимитских федеративных устремлениях – в амманском их исполнении – представилась довольно скоро. После того, как осенью 1942 года британцы под командованием Монтгомери разгромили армию Роммеля при Эль-Аламейне, эмир Трансиордании представил британскому резиденту на Ближнем Востоке очередной и еще более полный план политического преобразования «Плодородного полумесяца». К традиционному пожеланию учредить под началом иорданских Хашимитов «полноценный союз» четырех компонентов «Великой Сирии» (Трансиордании, Сирии, Палестины и Ливана) добавился пункт о «культурном союзе» между ней и Ираком, а также определенная рецептура разрешения палестинской проблемы. Подходящую для нового государственного образования форму правления, по мысли Абдаллы, должен был установить конгресс народных представителей, вовлеченных в проект регионов. Кроме того, эмир обещал, что в новом союзе будут гарантированы права религиозных и национальных меньшинств.

Главный изъян этой радикальной инициативы состоял в том, что она не сочеталась с той линией, которую Великобритания проводила в Палестине. У палестинской независимости в те годы было слишком много противников, а перспектива объединения самостоятельной Палестины с Трансиорданией тревожила лидеров сионистского движения, оказывавших ощутимое влияние на британскую администрацию. В итоге англичане предпочли отложить рассмотрение неудобной проблемы, ссылаясь на Белую книгу 1939 года – утвержденный парламентом отчет о реализации британского мандата в отношении Палестины, вступавший в противоречие с предложением арабских элит. Кроме того, план не встретил понимания в рядах тех,

32 РОРАТН У. *Op. cit.* P. 31. О многолетнем и многостороннем сотрудничестве Абдаллы сначала с сионистскими организациями, а потом с государством Израиль см. также: MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.*; ROVINS P. *Op. cit.*

кого предполагалось объединять. Если иракские власти сразу же после его обнародования заявили, что конкретные формы приобщения к союзу должны устанавливаться не иорданским властителем, а самими интегрирующимися сторонами, то сирийский «Национальный блок» вообще усомнился в целесообразности монархического правления в качестве базы новой государственности. Наконец, начинание Абдаллы весьма пострадало из-за почти одновременного выдвижения двух альтернативных проектов, также содержавших в себе ту или иную толику федерализма. Первый из них родился в Ираке, а второй – в Египте.

Нури ас-Саид, видный иракский политик, на протяжении своей карьеры восемь раз занимавший пост премьер-министра, с самого начала поддерживал панарабский федерализм своего монарха, короля Фейсала. Поначалу в качестве потенциальных участников процесса он рассматривал только Ирак, Трансиорданию и Палестину, но, оказавшись в изгнании после переворота 1936 года, он включил в свои расчеты и Сирию – не в последнюю очередь рассматривая идею арабской конфедерации в качестве инструмента, способного вернуть ему личную власть. Именно последним обстоятельством объяснялось то, что, в отличие от иных панарабских проектов, в видении Нури ас-Саида важное место отводилось Саудовской Аравии, которая, как известно, состояла в более чем сложных отношениях с династией Хашимитов. В конце 1930-х он не раз пытался рекомендовать свой план англичанам, подчеркивая, что федерализация «Великой Сирии» поможет разрешить палестинскую проблему. Вернувшись в 1938 году в премьерское кресло, он взялся за дело с удвоенной энергией. Поскольку притязания двух ветвей Хашимитов на сирийский трон постоянно сталкивались друг с другом, ас-Саид в 1939 году предпринял ряд шагов по «умиротворению» эмира Абдаллы и дезавуированию его интеграционных планов. Сначала он тщетно пытался убедить иорданского правителя в том, что создание федерации в составе Ирака, Трансиордании, Сирии и Палестины следует рассматривать в качестве консолидированного проекта всего Хашимитского дома и что иракским и иорданским Хашимитам необходимо консолидировать свои усилия. Затем, убедившись, что успехи антигитлеровской коалиции в войне не сулят арабам ничего хорошего, он форсировал реализацию своих планов, не связываясь больше с Абдаллой и продвигая исключительно иракские интересы. С одной стороны, он выступил главным сторонником объявления Ираком войны нацистской Германии, состоявшегося в январе 1943 года; с другой стороны, он сконструировал собственную, ориентированную на Ирак, модель панарабской федерации.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

Проект был обнародован – с согласия англичан – в феврале 1943 года. Увязывая свое начинание с урегулированием палестинского вопроса, Нури ас-Саид считал единение арабских народов оправданным политически и морально, а потому необходимым. Обращаясь в лице союзных держав к Объединенным Нациям, иракский премьер-министр предлагал: а) объединить Сирию, Ливан, Палестину и Трансиорданию в одно государство; б) форму будущего устройства, будь то монархия или республика, унитаризм или федерализм, оставить на усмотрение народов объединяющихся стран; в) создать Арабскую лигу, в которую обновленная «Великая Сирия» и Ирак вступят одновременно; г) Иерусалиму предоставить статус свободного города, а для христиан в Ливане и евреев в Палестине создать специальные автономные округа. Высшим органом исполнительной власти будущей федерации в лице Арабской лиги должен был стать Постоянный совет, состоящий из делегатов всех представленных стран и занимающийся вопросами обороны, внешней политики, таможи, коммуникаций, денежного обращения, а также защиты меньшинств. Обращало на себя внимание то, что, рассуждая о перспективах общеарабского государства, Нури ас-Саид говорил о воссоединении, а не об объединении, подчеркивая тем самым тот факт, что арабский мир уже был единым во времена существования арабо-мусульманского халифата³³.

Иракский деятель попытался комбинировать друг с другом два прежних конкурирующих проекта федерации «Плодородного полумесяца», выдвигавшихся венценосными братьями, – с одной стороны, королем Фейсалом, а с другой стороны, эмиром Абдаллой. Главным пунктом, способствовавшим примирению, выступало то, что нынешний план не предполагал непосредственного слияния Ирака и Сирии, вызывавшего раньше горячие споры и приступы ревности: воссоединение должно было состояться, во-первых, после предварительного оформления «Великой Сирии», а во-вторых, не напрямую, а в рамках Арабской лиги. Разбивая процесс на две стадии, ас-Саид стремился успокоить Абдаллу. Однако, несмотря на все предохранители, встроенные в тщательно проработанную схему, она сразу же начала давать сбои. Заинтересованные стороны так и не договорились о двух принципиальных вещах: о том, кто же займет трон в Дамаске, если «Великая Сирия» откажется от республиканского режима и решит стать монархией, а также о том, какой должна быть степень вовлечения в проект давнего врага Хашимитов – Саудовской Аравии. Поскольку британские власти устами Энтони Идена объявили о готовности поддержать лишь

33 AL-SAID N. *Istiqlal al-Arab wa Wihdatuhum Mudhakkira fi al-Qadiyya al-Arabiyya* [Независимость арабов и их единство в меморандуме по арабской проблеме]. Багдад, 1943. С. 19.

те объединительные планы, которые «пользуются всеобщим одобрением», они тоже встретили инициативу ас-Саида без энтузиазма, увидев в ней только пролог к очередному раунду внутриарабских склок. В итоге и Лондон, и Багдад решили обратиться за помощью к Египту, предопределив тем самым роковой выбор, который, собственно, и поставил крест на федерации «Плодородного полумесяца» в исполнении Хашимитов. Очень скоро египетское вмешательство обернулось тем, что, вместо федеративного союза, воздвигаемого на добровольном отказе его участников от части государственного суверенитета, была учреждена лига независимых государств – естественно, оставляющая суверенитет каждого из них в неприкосновенности.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

ЕГИПЕТ, АРАБСКОЕ ЕДИНСТВО И ЛИГА ВМЕСТО ФЕДЕРАЦИИ

Исследователи не раз обращали внимание на то обстоятельство, что «появление понятий “арабизм” и “арабское отечество” как терминов, принятых египетской политической речью, и, соответственно, определение Египта как части этого “отечества” не может рассматриваться как явление исторически далекого времени»³⁴. Только во второй половине 1930-х египетское интеллектуальное сообщество начало пересматривать собственные приоритеты, касающиеся взаимоотношений Египта с арабским миром. Если прежде египетский национализм был склонен решительно противопоставлять себя панарабскому национализму, то теперь верх брали представления о неразрывном родстве Египта с «арабской семьей», причем эта идентичность утверждалась на фоне все более острой критики изоляционистских теорий, связывающих родословную египетской государственности с «чуждой исламу эпохой фараонов». Установки египетских адептов панарабизма были, однако, противоречивыми: выраженный интеграционный порыв сочетался в них с твердым нежеланием растворить египетскую уникальность в «арабском братстве». Соответственно, будущая унификация арабского мира связывалась ими не с унитарным общеарабским государством, стирающим национальные особенности, а с децентрализованным образованием федерального или квазифедерального типа. Эта гипотетическая федерация, в разных интерпретациях именуемая «арабским союзом», «арабской лигой», «арабским альянсом» или «арабским блоком», по мысли египетских панарабистов, «должна была гарантировать каждой из арабских стран ее законную автономию и видеть свою

34 Косач Г.Г. *Указ. соч.* С. 273.

главную цель в поддержании гармонии между ними»³⁵. Как утверждал, например, один из видных пропагандистов федералистского проекта Мухаммад Али Аллуба, «смысл арабского единства не предполагает попрания независимости ни одного из арабских государств»³⁶. Интересно также, что этот деятель, как и его единомышленники-федералисты, в будущей федерации резервировал за Египтом особую и главенствующую роль.

Состоявшееся в 1936 году подписание англо-египетского договора, предоставившего египтянам частичную независимость во внутренней и внешней политике, позволило Каиру переосмыслить свое место в арабском мире и более активно включиться в его дела. Этому способствовало и утверждение в 1937 году на египетском престоле молодого и энергичного короля Фарука, который поощрял панисламистские и панарабские настроения, считал свою страну неоспоримым флагманом арабского мира и окружал себя политиками и администраторами, разделяющими подобные взгляды. Некоторые приближенные даже начали называть юного монарха «халифом всех правоверных», причем он сам очень дорожил таким наименованием. (Идея, впрочем, не получила особого развития из-за враждебности Турции, Саудовской Аравии и британской администрации.) Иначе говоря, к тому моменту, когда Египту предложили найти выход из федералистского тупика Хашимитов, там уже сложилось самобытное и деятельное видение интеграционного процесса, ключевой особенностью которого было то, что египетское государство считалось единственным потенциальным локомотивом сближения. Интересно, что эта позиция разделялась как политическим классом, так и гражданским обществом. Согласно распространенному мнению, которое в 1936 году выразил Сати аль-Хусри, один из ведущих сторонников светского панарабизма, само географическое положение Египта, его размеры, богатства и культурное наследие превращали его в «естественного лидера арабского национализма»³⁷. Те же настроения фиксировались и в египетских властных структурах: прежде всего к тому времени они прочно господствовали в рядах либерально-националистической партии «Вафд», победившей на парламентских выборах, которые состоялись весной 1936 года. (Несмотря на то, что в декабре 1937-го король отправил правительство этой партии в отставку, в феврале 1942-го ее лидер Мустафа Наххас-паша вернулся в кресло премьер-министра.)

Иначе говоря, к 1943 году египетское руководство было всесторонне готово к тому, чтобы вывести интеграционный

35 GERSHONI I. *Op. cit.* P. 73.

36 Цит. по: Ibid. P. 74.

37 Цит. по: PORATH Y. *Op. cit.* P. 157.

процесс из паралича, в котором он оказался из-за бесконечных дрязг Хашимитов. В марте 1943-го Наххас-паша выступил с заявлением, в котором официально подчеркнул заинтересованность своего кабинета в объединении арабской нации. Это была очевидная заявка на перехват инициативы у былых пионеров панарабизма, иракского и иорданского монархов, а также менее явная, но очевидная попытка обойти короля Фарука, с которым партия «Вафд» негласно, но ревностно конкурировала. Изложенный главой египетского кабинета план предполагал, во-первых, предварительное прояснение позиции каждой арабской страны относительно интеграции (федерализации); во-вторых, проведение в Каире неформальной встречи арабских лидеров, посвященной улаживанию возможных разногласий; в-третьих, проведение общеарабской конференции, призванной правовым образом оформить консолидированную позицию. Наблюдатели сразу обратили внимание на то, что в представленном египетском видении федерализм не занимал такого выдающегося места, которое отводили ему в своих предначертаниях властители Ирака и Трансиордании³⁸.

После обнародования новой инициативы в Каир один за другим стали прибывать лидеры арабского мира. Первым видным гостем, с которым премьер-министр Египта начал обсуждать эти вопросы, стал премьер-министр Ирака. Нури ас-Саид, к объединительным демаршам которого Наххас-паша относился «с подозрением и ревностью»³⁹, посетил египетскую столицу во второй половине июля 1943 года. В Багдаде внезапную активность Египта на интеграционном поле тоже оценивали неоднозначно. За пару месяцев до этого Таха аль-Хашими, иракский генерал, политик и двукратный глава правительства, писал в своем дневнике:

«Нынешний интерес Египта к арабскому вопросу выглядит весьма странным, поскольку совсем недавно в этой стране вообще не принято было упоминать об “арабской нации”, вместо которой предпочитали говорить о “восточных” народах и странах»⁴⁰.

Наххас-паша сразу же указал своему иракскому визави на главный, по его мнению, камень преткновения: таковым был вопрос о центральном правительстве нового объединения, которому – в случае федерализации – предстояло отчасти урезать суверенитет арабских стран. Нури ас-Саид в свою очередь понимал, что после выхода на сцену Египта разработанная иракцами схема федерализации «Плодородного полумесяца» утратила актуальность, оказавшись заведомо непроходной.

38 Подробнее см.: ИСАЕВ Л. *Лига арабских государств: история создания* // Восток. 2011. № 3. С. 87–94.

39 RORATH Y. *Op. cit.* P. 258.

40 Цит. по: Ibid. P. 259.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

Фактически, иракский деятель не без досады сдался: после нескольких встреч с Наххас-пашой он оставил тему артикулированного федеративного союза арабских стран, переключившись на более расплывчатый вариант их «всестороннего сотрудничества» в политике, экономике и культуре.

Следующим в конце августа в Каир приехал премьер-министр Трансиордании Тауфик Абу аль-Худа. Как и следовало ожидать, им была поднята тема «Великой Сирии»: по словам иорданского политика, этот «несправедливо разделенный» европейцами кусок Османской империи требовалось восстановить из тех четырех частей, на которые его раздробили, – в качестве пролога к подлинному арабскому единству. Среди возможных вариантов этого предварительного союза аль-Худа не исключал образование федерации по образцу США или Швейцарии. Касаясь формы правления будущей «Великой Сирии», иорданец, допуская учреждение республики – если на том будут настаивать сами сирийцы, – сам энергично высказывался за монархию, видя на троне исключительно представителя Хашимитов. Шансы на реализацию этого плана, однако, были не слишком велики, что подтвердилось в ходе дальнейших переговоров с саудовскими и сирийскими делегатами.

Надо сказать, что привлечение к диалогу Саудовской Аравии давалось египтянам непросто. Поначалу король Абдель Азиз ибн Сауд вообще отказался направлять своего посланца в Каир, заявляя, что рассмотрение вопроса об арабском союзе, по его мнению, будет преждевременным. Когда же Наххас-паша, настояв на своем, в сентябре все-таки встретил высокопоставленного саудовского собеседника – им оказался личный секретарь короля шейх Юсуф Ясин, – разговор не очень получался: Саудовскую Аравию очень настораживала перспектива того, что под прикрытием общеарабской интеграционной инициативы Хашимиты сумеют все-таки выстроить столь лелеемую ими и столь же неприемлемую для аравийцев «Великую Сирию»⁴¹. В результате переговоров, однако, саудовской стороне стало ясно, что в Египте идея укрепления Хашимитов тоже не вызывает особого восторга, а раз так, то возникает почва для тактического партнерства. Через год, в ходе учредительной конференции в Каире, именно поддержка Саудовской Аравии (а также Йемена) позволила египетскому руководству убедить делегатов в бесплодности общеарабского федеративного проекта и целесообразности Лиги арабских государств.

Несостоятельность планов по созданию «Великой Сирии» была засвидетельствована еще раз, когда в октябре для прове-

41 См.: MADDY-WEITZMAN B. *Jordan and Iraq: Efforts at Intra-Hashimite Unity* // Middle Eastern Studies. 1990. Vol. 26. № 1. P. 65–75.

дения объединительных консультаций в Каир прибыл премьер-министр Сирии Саадаллах аль-Джабири. Его подход к созданию арабского союза базировался на трех тезисах: формой правления будущего государства должна стать республика, его столицу следует разместить в Дамаске, а за каждой арабской страной надо зарезервировать свободу вступления или невступления в союз. Представляя сирийскую олигархию, не нашедшую общего языка с Фейсалом, когда тот в 1920 году ненадолго обосновался на сирийском троне, Саадаллах аль-Джабири не желал возвращения Хашимитов. О союзе Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании, по его мнению, можно было размышлять двадцать лет назад, но за это время каждая из арабских стран развивалась по-своему, все заметнее обособляясь от остальных. Разумеется, рассуждения и о непримиримом республиканизме сирийцев, и о расходящихся путях молодых наций были адресованы одному и тому же лицу: иорданскому эмиру Абдалле. Кстати, именно в ходе «сирийского раунда» консультаций Наххас-паша впервые гласно высказал собственные сомнения в том, что «Великая Сирия» когда-либо появится на свет, будь в унитарной или конфедеративной форме. Та же позиция была подтверждена и на последующей встрече с ливанскими представителями, для которых – по причинам, вполне понятным, – тема уступки даже части своего только что обретенного суверенитета в пользу Сирии представлялась крайне болезненной. Наконец, в унисон с ливанцами выступил и последний из знатных переговорщиков – йеменский имам Яхья, побывавший в Каире в феврале 1944 года. Он довольно твердо заявил египетскому премьер-министру, что Северный Йемен примет любую форму сотрудничества с арабскими странами, кроме той, которая посягает на суверенитет его имамата, и без того неустанно отбивающего посягательства со стороны то Саудовской Аравии, то английских владений в Южном Йемене.

Таким образом, в процессе двухсторонних переговоров египетского руководства с представителями шести арабских государств Каир обзавелся колоссальным тактическим преимуществом: поскольку все контакты были сугубо двусторонними, Наххас-паша оказался единственным, кто представлял себе полную палитру идей и настроений, касающихся будущего арабского союза. Собрав уникальный массив информации, египтяне получили возможность скрупулезно продумать последовательность дальнейших действий и сценарий работы будущего форума, который предстояло созвать для учреждения нового интеграционного объединения. Дальнейшие события показали, что они блестяще справились с этой задачей, на несколько десятилетий обеспечив Каиру репутацию главного защитника чаяний и интересов арабского мира.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

После того, как предварительная работа была завершена, наступал черед следующего шага: проводникам интеграции нужно было созвать подготовительный комитет, который определил бы форму будущего межгосударственного объединения и подготовил бы его учредительное заседание. Вопрос о месте работы этого органа вновь выявил разобщенность в арабских рядах, поскольку саудовский монарх настаивал на Мекке; египтянам, однако, удалось противостоять его притязаниям, указав на то, что руководство Ирака – ключевого члена будущего арабского ансамбля – никогда не придет в Мекку, откуда саудиты позорно изгнали его правящую династию. В итоге сошлись все же на Каире, в котором к египтянам пообещали полноправно присоединиться представители Сирии, Трансиордании, Ливана и Ирака, в то время как делегаты Ливии, Палестины и Йемена решили удовлетвориться лишь статусом наблюдателей. Саудовская Аравия на первых порах от участия вообще отказалась – опять-таки из-за вечных трений с Хашимитами, но Наххас-паша со свойственной ему дипломатичностью сумел уговорить саудовского венценосца прислать на встречу хотя бы наблюдателя. Свой вклад в убеждение Эр-Рияда внесли и англичане, которые всеми силами пытались поддерживать равновесие между двумя ключевыми династиями Ближнего Востока.

Пока шла вся эта работа, Нури ас-Саид, глубоко разочарованный тактическим поражением, которое *de facto* нанес ему египетский премьер-министр, занимался челночной дипломатией, путешествуя между Дамаском и Амманом в попытках опередить египтян – и все-таки успеть сформировать какое-то подобие столь волновавшей Хашимитов «Великой Сирии». Удача, однако, отвернулась от иракца-подвижника: иорданцы заявляли ему, что если они и создадут «Великую Сирию», то без посредничества Ирака, а сирийцы настойчиво предлагали для гипотетической федерации республиканскую форму правления, что иракских монархистов категорически не устраивало. Уязвленный несговорчивостью партнеров, ас-Саид решил взять паузу – но не сдаваться, поскольку суннитская элита Багдада по-прежнему была заинтересована в федерации, – и в мае 1944 года сложил полномочия премьер-министра Ирака.

В самом Египте все тоже складывалось не слишком гладко. Король Фарук изначально с большой завистью воспринимал усилия лидера партии «Вафд» на интеграционном поприще, и, «как только монарх осознал, что Наххас-паша уверенно возглавил все предприятие, он незамедлительно начал выражать сомнения по поводу целесообразности арабского единения»⁴².

42 Porath Y. *Op. cit.* P. 270.

Он демонстративно воздерживался от личного участия в межарабских консультациях, пренебрежительно называя их «шоу Наххас-паши» и не скрывая своего отношения от дипломатов других арабских государств. Ожесточение Фарука усугублялось еще и тем, что его премьер-министр не уделял ни малейшего внимания страстному стремлению своего короля сделаться «халифом правоверных». Соперничество между первым лицом и вторым лицом достигло апогея к октябрю 1944 года, когда даже заступничество могущественных англичан не смогло спасти премьер-министра от отставки.

Впрочем, за месяц до своего ухода Наххас-паша успел собрать в Александрии подготовительный комитет будущего объединения. Фактически главная задача делегатов – исходя из совокупного итога предыдущих шестисторонних консультаций – заключалась в том, чтобы придумать такую схему межарабской кооперации, которая позволила бы избежать учреждения *реального* политического союза федеративного типа. В своих предварительных расчетах египетский премьер-министр делал ставку на ключевую для него поддержку со стороны двух стран: Сирии и Саудовской Аравии, полагая, что содействии первой повлечет за собой лояльность Ливана, а благорасположение второй склонит к предлагаемой схеме Северный Йемен. Тем самым, по его мнению, должна будет сложиться мощная коалиция влиятельных арабских стран, которая одолеет Хашимитов Ирака и Трансиордании, попутно погубив оба их федеративных проекта – и «Великую Сирию», и «Плодородный полумесяц».

На деле, однако, участники встречи раскололись не на два, а на целых три блока: в первый вошли политические консерваторы (Ирак и Трансиордания), во второй – приверженцы республиканизма (Сирия и Ливан), в третий – религиозные консерваторы (Саудовская Аравия и Северный Йемен). Наххас-паша понимал, что присоединение его страны к Хашимитам обострит династическое соперничество между ними и египетской монархией, а принятие Египтом республиканской позиции Сирии вызовет, во-первых, резкое неприятие со стороны его собственного короля, а во-вторых, гнев англичан, не желавших упрочения французского влияния в Египте, которое при таком раскладе делалось вполне вероятным. Соответственно, наиболее предпочтительным в подобной ситуации оказывался вариант, который в принципе не предполагал элементов общеарабской государственности, разом снимая тем самым все неудобные политические вопросы – включая и палестинский, самый тяжелый и бесперспективный.

Сирия наиболее болезненно отнеслась к снятию с повестки дня вопроса о создании подлинно союзного арабского госу-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

дарства. В недели и месяцы, предшествовавшие конференции, сирийские официальные лица неоднократно говорили о том, что Ливан, Трансиордания и Палестина представляют собой неотторжимые части «Великой Сирии» и потому надо позволить им воссоединиться. Более того, последовательно отклоняя интеграционные схемы Хашимитов, Дамаск руководствовался не тем, что они казались ему никуда не годными – это делалось по иной причине: из-за того, что сирийским элитам в них отводилось второстепенное место. Например, в сентябре 1944 года, накануне заседания в Александрии, премьер-министр Сирии заявил, что сирийский народ с радостью вступит в альянс с Трансиорданией при условии принятия новым государством республиканской формы правления, добавив, что этот вопрос можно было бы вынести на плебисцит. (Учитывая, что сирийцы в тот момент девятикратно превосходили иорданцев по численности, граничивший с оскорблением демарш был сделан для того, чтобы умерить амбиции эмира Абдаллы⁴³.)

Но перспектива политического союза в какой бы то ни было форме не слишком устраивала дирижировавший всем мероприятием Египет, который намеревался и дальше оставаться «матерью арабских стран», каковой он внезапно осознал себя в предшествующее десятилетие. Увещевая участников процесса, что надо двигаться постепенно и что пирамиду строят не с вершины, а с основания, египетское руководство настойчиво убеждало делегатов оставить – пока! – идею формирования *единого арабского государства* и в качестве первого шага на пути к нему согласиться на вариант всесторонней схемы арабского *межгосударственного сотрудничества*. Реализации этой цели, позволявшей отодвинуть Ирак и Сирию с лидирующих позиций в борьбе за арабское единство, весьма способствовала поддержка, которую Египту оказали Саудовская Аравия и Йемен, ни с кем объединяться не собиравшиеся. Опираясь на содействие религиозных консерваторов, Египет смог не только склонить участников подготовительного комитета к принятию своей позиции, но и отвергнуть предложенные Сирией, Ираком и Трансиорданией разнообразные варианты единого политического управления. На сессиях в Александрии с таковыми выступал, в частности, бывший глава правительства Ирака Нури ас-Саид, теперь представлявший свою страну в подготовительном комитете.

Все резолюции, принятые подготовительным комитетом, были собраны воедино в так называемый «Александрийский протокол», одобренный 7 октября 1944 года. В нем впервые

43 Ibid. P. 280–281.

появилась формулировка «Лига арабских государств». Целью нового объединения объявлялась консолидация межарабских связей: Лиге предписывалось координировать политические планы, а также защищать независимость и суверенитет арабских стран. Новая терминология глубоко возмутила представителей Ирака и Сирии, которые, уже понимая к тому моменту, что общеарабское государство превратилось в мираж, рассчитывали все же на что-то большее, нежели такая невнятная и рыхлая форма, как «лига». Им, однако, не дали даже «конфедерации» – под тем предлогом, что конфедеративные узы могут скреплять только чуждые друг другу страны, а «арабские сестры» к таковым не относятся. Иными словами, «Александрийский протокол» подводил черту под федеративными экспериментами, призванными политически объединить весь арабский мир. Это, разумеется, не означало полной гибели федералистских инициатив с арабской спецификой – просто отныне им предстояло быть более скромными по своему охвату, объединяя либо две страны, либо небольшие группы стран. После этого последовала полоса жестких препирательств будущих членов Лиги по поводу тех или иных положений ее учредительных документов, но в описываемом здесь аспекте дело уже было сделано: 23 марта 1945 года мир уведомили о появлении на свет нового политического объединения арабских стран, которое ничуть не походило на федерацию, чаемую многими, – более того, сам термин «арабское единство» в итоговых документах вообще не упоминался. «Желание охватить все арабские государства с неизбежностью снижало градус их единства», – отмечает в этой связи Иешуа Порат⁴⁴.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

23 марта 1945 года мир уведомили о появлении на свет нового политического объединения арабских стран, которое ничуть не походило на федерацию, чаемую многими, – более того, сам термин «арабское единство» в итоговых документах вообще не упоминался.

БАГДАД – ДАМАСК – КАИР

Несмотря на скромные результаты, которыми борьба за арабское единство увенчалась к 1945 году, даже после создания Лиги арабских государств общеарабская национальная идея

⁴⁴ Ibid. P. 289.

не угадала полностью, хотя ее интеграционный потенциал заметно снизился. Тот факт, что понятие «федерация» в 1950–1960-е по-прежнему занимало видное место в дискурсе арабских политиков, причем в различных странах, объяснялся тремя обстоятельствами.

Во-первых, Хашимитские монархии, пусть даже поначалу травмированные «Александрийским протоколом», не собирались отказываться от своих былых объединительных мечтаний: скорее понесенное в Каире поражение, немало огорчившее местных федералистов, в конечном счете раззадорило их. И если Амман вел себя более или менее сдержанно, то Багдад даже после создания Лиги продолжал – благодаря титаническим усилиям Нури ас-Саида, в очередной раз назначенного премьер-министром, – возделывать ту же ниву. Уже в апреле 1947 года был заключен договор о добрососедстве и союзе между Трансиорданией и Ираком, получивший одобрение англичан, опекавших обе монархии. Правда, после этого федералистский импульс вновь выдохся: когда в 1950–1951 годах иракцы предложили иорданцам настоящую федерацию, причем Абдалла должен был стать первым ее королем, а Фейсал II соглашался на второе место в очереди, их идея снова не встретила понимания. Смерть иорданского монарха, павшего от руки палестинского террориста в июле 1951-го, открывала, казалось бы, возможность для нового старта, но сменившееся иорданское правительство публично и громко отвергло планы федерализации. Время еще не пришло – оно подойдет чуть позже.

Во-вторых, в начале 1950-х восприятие арабского единства изменилось и в самом Египте, оппортунистическая позиция которого в начале 1940-х нанесла огромный ущерб идее политического сплочения арабских государств. Очень скоро, после антимонархической революции 1952 года, в результате которой у власти оказались Гамаль Абдель Насер и его «молодые офицеры», в египетском общественно-политическом сознании произошел фундаментальный сдвиг: египтяне начали ощущать себя не только составной частью арабской уммы (как мы помним, в прежние десятилетия у них были с этим проблемы), но и самим ее ядром⁴⁵. И если еще в конце 1940-х даже умеренные сторонники арабского национализма – такие, как премьер-министр Наххас-паша или первый генеральный секретарь Лиги арабских государств Аззам-паша, – считались в египетском интеллектуальном сообществе чуть ли не маргиналами, то в постреволюционную эпоху идея общеарабского единства буквально захватила египетское общество.

45 См., например: VATIKIOTIS P.J. *Arab and Regional Politics in the Middle East*. London: Routledge, 1984.

В-третьих, интеграционные импульсы подстегнуло растущее влияние Партии арабского социалистического возрождения («Аль-Баас»), сторонники которой в 1960-е пришли к власти в Ираке и Сирии. Считая основной целью своей организации формирование единой арабской нации, они стремились к преодолению «фальшивой» государственности арабских стран, созданной колонизаторами и противной воле их народов. В партийных документах начала 1960-х об этом говорилось так:

«Единство – не простое соби́рание частей арабского мира, но сплавление этих частей воедино. [...] Единство – революция в полном смысле слова, так как оно ликвидирует местнические интересы, которые утверждались и существовали веками. Это революция, так как она противостоит интересам и классам, отвергающим единство»⁴⁶.

В ходе реализации этой программы части «сплавлялись воедино» в разных комбинациях и на разные временные периоды, но – независимо от успехов или неудач этих предприятий – все они в будущем послужили, во-первых, важной федералистской школой для арабских наций и, во-вторых, бесценным материалом для специалистов по сравнительному федерализму.

С конца 1940-х главным объектом почти всех интеграционных инициатив, рождавшихся на Ближнем Востоке, стала Сирия. О притязаниях, многократно предъявляемых на эту страну и иракскими, и иорданскими Хашимитами, уже говорилось выше; причем создание Лиги отнюдь не поставило крест на этих амбициях. Став в 1946 году суверенным государством, Сирия вступила в полосу нестабильности, обусловленную привычной для нее слабостью центральной власти и характеризующую длинной чередой военных переворотов. Иракская монархия неустанно предлагала проекты федеративного объединения сирийским режимам, приходившим на смену друг другу с невероятной быстротой – в одном только 1949 году власть в Дамаске сменилась трижды, – но ни разу не преуспела, поскольку трудно вести диалог с партнерами, чуть ли не ежемесячно меняющими своих переговорщиков. Тем не менее в Сирии всегда имелись политические круги, для которых союз с Ираком представлялся выгодным делом – либо в политическом, либо в военном, либо в экономическом смысле – и которые отстаивали интеграционную повестку, несмотря на частое обновление политических декораций. Иракское правительство, естественно, старалось поддерживать эти сантименты: например, когда в мае 1951 года Сирия, ввязавшаяся в приграничный конфликт с Израилем, обратилась к арабским странам за во-

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

46 FI SAVIL AL-BAATH [Во имя возрождения. Сборник документов, принятых национальным руководством партии]. Багдад, 1963. С. 45.

енной помощью, на ее призыв откликнулся один только Ирак. Подразделения иракской армии, промаршировавшие тогда по улицам Дамаска, заставили многих сирийцев задуматься о том, что, возможно, федеративный союз с Иракским королевством – неплохая вещь.

На протяжении 1950-х Сирия оставалась слабым государством, которое не могли консолидировать ни военные, ни гражданские правительства. Такое положение вещей объяснялось не только разобщающими управленческими практиками ушедшей французской администрации, которая в свое время разделила страну на несколько полугосударственных автономных образований, обладавших не только собственными управленческими, законотворческими и финансовыми системами, но и самобытными механизмами налогообложения. Заметную негативную роль сыграл тот факт, что в Сирии, в отличие от ее соседей, после Первой мировой войны не удалось учредить монархию, которая смогла бы нивелировать местнические интересы и обуздать региональные олигархии; столь же значимым было и отсутствие у страны нефтегазовых доходов⁴⁷. Иначе говоря, в послевоенной Сирии наличествовала та предпосылка федеративного союза, которую Уильям Райкер называл «условием обороны»: страна нуждалась в такой сделке с соседями, которая поддержала бы ее шаткие политические структуры и укрепила бы столь же ненадежную безопасность. Указанное обстоятельство представляется исключительно важным, поскольку именно из-за него сирийские элиты отвергали «экспансионистский» федерализм Багдада; они нуждались в федерализации иного толка, в первую очередь способной справиться с внутренними проблемами сирийцев, а не удовлетворить внешние амбиции иракцев. И когда на арене межарабской политики появился революционный Египет, многим сирийцам показалось, что подходящий момент настал.

В принципе, золотая эра панарабизма началась в 1954 году не только из-за того, что новые египетские власти, решив за два предшествующих года ключевые проблемы консолидации, теперь могли заявить о своих внешнеполитических планах. Интеграционные усилия энергично продвигались также Ираком и Сирией, которые с 1954-го по 1964 год подписали шесть соглашений об объединении. В обеих странах отсутствовали институциональные основания, позволявшие закреплять итоги очередных раундов нескончаемой борьбы между консервативными и прогрессистскими силами, и эта особенность внутренней политики толкала их в объятия друг друга, хотя Сирия, как более слабый партнер, всегда побаивалась Ирака с его

47 MUFTI M. *Op. cit.* P. 56–57.

геополитическими амбициями. И вообще, главным фактором, стимулировавшим в 1950–1960-е панарабские политические проекты, была именно неустойчивость молодых арабских режимов: посредством федералистских схем они пытались внутренне укрепиться, обеспечив себе если не поступательное развитие, то хотя бы элементарное выживание.

Однако внешнеполитическая активность постреволюционного Египта серьезно скорректировала все эти процессы, сделав их более динамичными. В отличие от Хашимитских монархий, Египет эпохи Насера, стремившийся к доминированию в арабском мире, основывал свои интеграционные притязания на антиимпериалистических и антимонархических мотивах. Суэцкий кризис 1956–1957 годов, завершившийся морально-политической победой нового египетского руководства, сделал Насера едва ли не самой популярной политической фигурой Ближнего Востока, а республиканский режим «молодых офицеров» превратился в пример для подражания в глазах многих деятелей, освобождавших свои народы от колониального гнета. Кроме того, в борьбе за симпатии сирийских элит у Каира были два важных преимущества перед конкурентами: во-первых, он не казался политикам Дамаска таким угрожающе непредсказуемым, как, например, королевский Ирак, – хотя бы потому, что находился далеко, отделяясь к тому же израильским барьером; во-вторых, ориентируясь на интеграцию, египетское руководство опиралось на своего рода «пятую колонну», с конца 1940-х интенсивно укреплявшую свои позиции в странах-партнерах, – на политические структуры баасистов, которые уже с лета 1955 года через своих парламентских представителей начали продвигать идею федеративного союза Сирии и Египта.

Между тем Ирак, вступивший в 1955 году в спонсируемый англичанами антикоммунистический Багдадский пакт, терял, с точки зрения его соседей, свою привлекательность в качестве партнера по объединению. Сохранявшиеся, а в некоторых аспектах и укреплявшиеся связи Хашимитов с Великобританией дискредитировали их в глазах арабских националистов: одним из результатов этого стало падение авторитета Ирака среди сирийцев, или, говоря точнее, вытеснение иракского влияния египетским. Дело усугублялось еще и тем, что летом 1954 года Дамаск раскрыл военный заговор, подготавливаемый сторонниками иракских монархистов из числа офицеров сирийской армии. Это был тяжелый удар по престижу Ирака, поскольку местное офицерство очень боялось утратить свой статус после слияния с более крупной иракской армией⁴⁸.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

48 Ibid. P. 70.

(Впрочем, ирония состоит в том, что, сумев сохранить себя в интеграционной эпохее с Ираком, вооруженные силы Сирии позже не смогли защититься от той же напасти в истории с Египтом.)

Летом 1956 года Гамаль Абдель Насер приветствовал идею федеративного союза с Сирией в своей знаменитой александрийской речи, в которой было объявлено о национализации Суэцкого канала. В последующие недели десятки тысяч демонстрантов, запрудивших улицы Дамаска, скандировали: «Один флаг, один народ, одна страна». Многочисленные просчеты западных держав в сочетании с императивами политической борьбы внутри Сирии сделали египетский натиск неудержимым. Очень скоро, как пишет Малик Муфти, сирийским баасистам и их радикальным союзникам предстояло обнаружить, что «монстр, созданию которого они своими руками способствовали, подмял их самих»⁴⁹. Между тем к 1957 году позиции этих сил упрочились: левые организации, включая коммунистов, оказывали ощутимое влияние на армию, а баасисты, к тому же завладев постами спикера парламента и министра иностранных дел (последним, кстати, стал упоминавшийся выше теоретик панарабизма Салах Битар), воздействовали на государственный аппарат. Ориентированные на Каир силы в сирийском истеблишменте все более настойчиво предлагали египетскому руководству оформить федеративный союз, но президент Насер колебался, не совсем понимая, зачем ему дополнять и без того огромное неформальное влияние официальным оформлением федерации.

Между тем партия «Аль-Баас», вступившая к тому моменту в довольно жесткую конкуренцию с коммунистами, очень нуждалась в могучем союзнике, которого нашла в лице египетского руководства. В ноябре 1957 года при ее активной поддержке в Дамаске состоялось объединенное заседание парламента двух стран, призвавшее два правительства немедленно начать переговоры о федеративном союзе. Инициаторы процесса испытывали сильнейшее давление слева: так, сирийские коммунисты, рассчитывая потеснить «Аль-Баас», неожиданно выступили с идеей полного слияния двух стран, предполагавшей вхождение Сирии в состав Египта, – и соответствующую реконструкцию сирийской политической системы. С похожим предложением к египетскому лидеру обратилась и влиятельная группа сирийских военных. Баасистов же между тем устраивал лишь такой союз, который предусматривал бы государственную автономию Сирии, сохраняя за ними их политические позиции.

Таким образом, как иронично замечает Юджин Роган, сирийские националисты восприняли призывы египетского лидера к арабскому единству «более буквально, чем он на то рассчитывал»⁵⁰. Насер не преминул воспользоваться этим. Реагируя на предложения полного государственного единения двух стран, президент Египта выдвинул два условия: во-первых, сирийские военные дают обещание больше не вмешиваться в политику; во-вторых, все сирийские политические партии соглашаются самораспуститься, объединившись потом в новую политическую организацию – Национальный союз под руководством самого египетского лидера. Насеру хотелось с самого начала установить свое безраздельное господство в новом унитарном, как ему представлялось, государстве. Как и следовало ожидать, столкнувшись с таким накалом «братской любви» и осознав, что речь *de facto* идет о мирной аннексии Сирии, местные сторонники единения с Египтом решили сдать назад. Высший военный совет, прежде выступавший главным проводником интеграционных планов, отказался от своей инициативы, предоставив решение проблемы гражданским властям. Последние в свою очередь разработали свой интеграционный проект, предусматривавший широкую степень автономии для объединяющихся государств. Насер, однако, ответил на их новую инициативу отказом, заняв позицию «или слияние, или вообще ничего». Сражаясь между собой, сирийские политики переиграли друг друга; они использовали идею полного слияния с Египтом сугубо для устрашения своих оппонентов, но в результате лишили себя любых возможностей для маневра. По сути, большинству сирийских деятелей реальный союз на условиях Насера был вовсе не нужен – но выступить против него после выданных ранее безответственных авансов они уже не могли.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

УНИТАРНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ЕЕ СТРАННОЕ *ALTER EGO*

Как бы то ни было, в феврале 1958 года маховик объединения привели в действие, и его ход был стремительным: уже к началу весны подписанное представителями двух стран соглашение о создании единого государства – Объединенной Арабской Республики (ОАР) – одобрили на двух национальных референдумах, а Насер был избран президентом формируемого объединения. В преамбуле Конституции ОАР подчеркивалось, что новое государство представляет собой не союз двух сущностей, а единое и неделимое образование; заявляя о том,

50 ROGAN E. *Op. cit.* P. 384.

что новорожденная страна является «демократической, независимой, суверенной республикой», статья 1 Конституции ставила крест на египетском и сирийском суверенитетах. Хотя статья 58 и указывала, что ОАР «состоит из двух регионов, Египта и Сирии», об автономных полномочиях каждого из них в тексте Основного закона не было ни слова. В соответствии с конституционными положениями местные законы, управленческие органы и бюджеты сохранялись лишь на переходный период – до их полной унификации. Наиболее динамично шло слияние структур исполнительной власти, в ходе которого создавались единые министерства. Впрочем, с первых же дней новой жизни было понятно, что все принципиальные вопросы существования страны отныне решаются лишь в одном месте: в президентской администрации. Приоритетное внимание власти уделяли интеграции в военной сфере: поскольку с 1955 года участники союза были связаны пактом о взаимной обороне, этот процесс, по крайней мере на первых порах, шел довольно гладко – всего за несколько месяцев была создана объединенная армия.

Если арабская улица встретила интеграционную инициативу с восторгом, то внешние силы оценивали учреждение ОАР в зависимости от собственных геополитических предпочтений – иначе говоря, диаметрально противоположным образом. Антагонисты «холодной войны» в лице США и СССР видели в нем либо угрозу, либо потакание своим геополитическим амбициям. Среди наблюдателей царило, однако, единодушие в том, что под началом Насера родилась какая-то принципиально новая, невиданная ранее интеграционная форма, «свежий феномен международной жизни»⁵¹. Действительно, необычного было довольно много: например, нередко именуясь федерацией, учрежденная Египтом и Сирией политико-правовая сущность обзавелась объединенной легислатурой и общим главой исполнительной власти, а это никак не вписывалось в федералистские критерии. Правоведы, однако, обращали внимание на то, что состоявшееся в 1958 году египетско-сирийское слияние все-таки отсылало к определенным историческим прецедентам. Как подчеркивал в тот период британский юрист Юджин Котран, учредительные документы, которые провозглашали не столько «союз», сколько «единство» («*unity*” rather than a “*union*”»), можно было сравнивать с унией Англии и Шотландии 1707 года, покончившей с их политической субъектностью с точки зрения международного права⁵².

51 *U.N. Trusteeship Council, Official Records, 21st Session, 880th Meeting, March 7, 1958.* New York: United Nations, 1958. P. 223.

52 COTRAN E. *Some Legal Aspects of the Formation of the United Arab Republic and the United Arab States // The International and Comparative Law Quarterly.* 1959. Vol. 8. № 2. P. 350.

Тем не менее множащиеся политические проблемы союза затмевали собой несурязицу его юридических оснований. В рамках новой государственности Сирия превратилась в египетскую провинцию, управляемую египетским губернатором. Консолидируя власть на присоединенных землях, Насер подверг преследованиям прежних союзников: его видение будущего не предусматривало наличия в Сирии политических сил, которые были бы способны мобилизовать население. Разгромив сначала коммунистов – справедливости ради нужно отметить, что это было сделано не только в Сирии, но и в самом Египте, – он обрушился на партию «Аль-Баас», недавно громче всех агитировавшую за унию. В итоге эта партия фактически раскололась: если одна часть местных партийцев, уstraшенная напористостью Насера, начала открыто призывать к выходу из новорожденного союза, то другая часть надеялась на взаимопонимание с новыми правителями и последующее укрепление своего влияния. «Нейтрализация баасистов устранила последнее препятствие к гегемонии египтян в Сирии», – заключает историк⁵³. Всего за пару лет проигрыш стал очевидным для всех сирийских элит: и политических, и экономических, и, самое главное, военных.

Для египетского президента тем не менее переживавший стрессы союз оставался весьма выгодным предприятием. Возглавляя сразу две крупные арабские страны, Насер мог претендовать на неоспоримое лидерство в арабском мире. А популярность этого объединения среди простых людей в других странах делала его могущественнее многих местных руководителей⁵⁴. Не собираясь ограничиваться союзом, состоящим из двух регионов, он после образования ОАР предложил присоединиться к объединенной республике и другим государствам. Более того, «арабские националисты, поддерживавшиеся активным образом египетскими спецслужбами, планировали осуществление панарабских переворотов в Ливане, Иордании, Ираке, Тунисе и других странах с целью прихода к власти в них юнионистских правительств, с участием которых можно было бы осуществить проект создания единого арабского государства»⁵⁵. В легальном же поле этот процесс получил дальнейшее развитие в марте 1958 года, когда ОАР начала диалог о создании новой государственной формы – Объединенных Арабских Государств (ОАГ) – с Северным Йеменом. В этом случае, впрочем, градус интеграции был значительно ниже: по сути, речь шла о формировании союза независимых стран, не предусматривавшего возникновения новой государственной сущности – то есть такого объединения, в котором «каждое го-

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

53 MUFTI M. *Op. cit.* P. 125.

54 ROGAN E. *Op. cit.* P. 387.

55 ТРУЕВЦЕВ К. *Указ. соч.* С. 144.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

сударство сохранит свою международную правосубъектность и систему правления» (статья 2 Хартии ОАГ)⁵⁶. Единые политические институты предполагались, но закрепляемые за ними полномочия позволяют говорить о том, что ориентиром для ОАГ выступала довольно рыхлая конфедерация. В тексте Хартии ОАГ выделяются всего три вопроса, подлежащих ведению наднационального центра: это выработка единой внешнеполитической линии, дипломатическое представительство, а также общие вооруженные силы. Что же касается формирования общего бюджета, а также создания единой валюты, то разрешение этих вопросов Хартия переносила на неопределенное будущее. Общая денежная эмиссия тоже осталась на проектной стадии.

Возглавляя сразу две крупные арабские страны, Насер мог претендовать на неоспоримое лидерство в арабском мире. А популярность этого объединения среди простых людей в других странах делала его могущественнее многих местных руководителей.

Включение Йемена в интеграционные процессы никак не сказалось на сложных взаимоотношениях внутри самой Объединенной Арабской Республики. К тому моменту наивысшая цель ОАР обозначилась довольно четко: объединение ориентировалось не столько на расширение за счет новых членов, сколько на сохранение египетско-сирийского альянса. Все три года, отведенные ему историей, этот проект держался на сакральных идеях арабского единения и личном авторитете Насера. Как справедливо отмечает Энн Александер, несмотря на ликующие толпы, неизменно и повсеместно приветствовавшие харизматичного египетского президента, в Сирии его престиж смог обеспечить создание лишь фасада, одной только видимости единства⁵⁷. К осени 1961 года былой энтузиазм, переполнявший сирийских сторонников панарабизма, полностью выветрился. Особое раздражение испытывали сирийские офицеры, которых намеренно переводили в Египет, где они находились под пристальным присмотром египетских командиров. Юджин Роган пишет:

«Политика египтян способствовала отчуждению сирийской политической элиты, полностью отстраненной от управленческих рычагов. Сирийское общество всегда отличалось бурной политической

56 См.: *The Charter of the United Arab States, March 8, 1958*. Basic Documents of the Arab Unifications. Documents Collection № 2. New York: Arab Information Center, 1958. P. 21–25.

57 Подробнее см.: ALEXANDER A. *Nasser*. London: Haus Publishing, 2005.

жизнью, а теперь сирийским политикам приходилось терпеть роспуск собственных партий и поглощение их однопартийной системой Египта»⁵⁸.

Последнее каплей стало состоявшееся в августе 1961 года упразднение Насером сирийских региональных правительств. Спустя месяц в сирийских армейских частях начался мятеж, оказавшийся успешным. Взяв власть на всей территории страны, армия незамедлительно передала ее гражданским политикам; сформированное ими правительство вышло из состава ОАР, превратив Сирию в унитарную республику⁵⁹. Вслед за крахом ОАР прекратила свое существование и ОАГ.

Неизбежным, хотя и не очень складным ответом на провозглашение Объединенной Арабской Республики стал долгожданный запуск Хашимитского интеграционного проекта: Арабского Союза, включившего в свой состав Ирак и Иорданию. Монархи двух стран учредили новое межгосударственное образование всего через две недели после создания ОАР, в чем наблюдатели усмотрели признаки их крайней обеспокоенности прогрессивной египетско-сирийской унией и исходившей от нее экспансионистской угрозой⁶⁰. К такому же шагу их подталкивали и влиятельные внешние акторы: так, Соединенные Штаты, усмотревшие в создании ОАР «победу Советов», хотели незамедлительно уравновесить ее каким-то консервативным и антикоммунистическим межарабским союзом. Хотя в идейно-политическом плане два объединения радикально отличались друг от друга, им было присуще важное структурное сходство: в каждом из двух случаев один член союза был заметно слабее своего партнера. И Сирия, и Иордания страдали от неустойчивости собственной государственности и немоги политических институтов, что вынуждало их искать надежную внешнюю опору; и если сирийским элитам на какой-то момент показалось, что консолидации выстроенного ими хрупкого политического режима поможет максимально тесное сотрудничество с революционным Египтом, то иорданские элиты нашли аналогичного патрона в лице династически родственного соседа. Иордания, менее года назад пережившая мятеж сторонников Насера, хотела от Ирака трех вещей: во-первых, защиты от внутренних беспорядков; во-вторых, доступа к расходным статьям более пухлого иракского бюджета; в-третьих, удовлет-

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

58 ROGAN E. *Op. cit.* P. 402.

59 Подробнее о крахе ОАР см.: JANKOWSKI J. *Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002; PALMER M. *The United Arab Republic: An Assessment of Its Failure* // Middle East Journal. 1966. Vol. 20. № 1. P. 50–67; PODEH E. *The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic*. Eastbourne: Sussex Academic Press, 1999.

60 Подробнее см.: MADDY-WEITZMAN B. *Op. cit.*; ROBINS P. *Op. cit.* P. 107–109; TRIPP C. *A History of Iraq*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 139–143.

ворения панарабских чувств собственного населения. Все это ей было обещано.

Но даже в свете того обстоятельства, что Багдад принимал на себя 80% расходов будущего консолидированного бюджета⁶¹, Амман, вполне обоснованно опасавшийся «братского поглощения», не собирался отказываться от собственного суверенитета. Еще на стадии обсуждения проекта стороны постановили, что каждая из них сохранит государственную целостность, национальный суверенитет и действующую форму правления – выйдя тем самым за рамки федеративного устройства⁶². Позже это условие было зафиксировано и в Конституции Арабского Союза. В итоге природа новоявленного объединения оказалась в полном смысле слова парадоксальной. С одной стороны, появлялись федеральное правительство и федеральный парламент, состоявшие из представителей обеих стран, на союзные органы возлагалось проведение единой внешней политики и представительство за рубежом, намечалась унификация вооруженных сил, таможенных правил, образовательных систем, формирование общего бюджета, а Багдаду и Амману предстояло каждые полгода сменять друг друга в роли общесоюзной столицы. С другой стороны, поскольку прежние формы правления официально оставались неприкосновенными, каждая из стран продолжала иметь собственное правительство и собственный парламент. Более того, король Хусейн назначался главнокомандующим всех «федеральных» вооруженных сил, базирующихся в Иордании; это позволяло ему по-прежнему держать под своим началом иорданскую армию. «Созданную Хашимитами конструкцию невозможно было назвать федерацией, – вполне справедливо пишет Малик Муфти. – В лучшем случае они учредили конфедерацию двух суверенных монархий»⁶³.

Организация властной системы Арабского Союза отличалась явным перекосом в сторону старшего партнера. Должность президента, возглавлявшего исполнительную власть Союза, конституционно закреплялась за иракским королем, и лишь в случае невозможности исполнения им соответствующих обязанностей эти функции переходили к королю Иордании. Несмотря на то, что Совет Союза (федеральный парламент) комплектовался на паритетной основе, президент, то есть монарх Ирака, во-первых, тоже объявлялся носителем законодательной власти (статья 9), во-вторых, получал право распускать союзную легислатуру (статья 27), а в-третьих, мог не только

61 Это было предусмотрено статьей 64 Конституции Арабского Союза. См.: *The Constitution of the Arab Union. Basic Documents of the Arab Unifications. Documents Collection № 2.* New York: Arab Information Center, 1958. P. 26–43.

62 *The Proclamation of the Arab Union. February 14, 1958.* Basic Documents of the Arab Unifications. Documents Collection № 2. New York: Arab Information Center, 1958. P. 7–9.

63 МУФТИ М. *Op. cit.* P. 105.

назначать премьер-министра и кабинет, но и отправлять их в отставку (статья 43). Поскольку Конституция не содержала предписаний относительно национальной принадлежности министров, теоретически допускалась ситуация, в которой союзное правительство могло состоять только из представителей Ирака или, с меньшей вероятностью, Иордании.

Арабской федерации Ирака и Иордании, по мнению специалистов, не хватило двух жизненно важных вещей: народной поддержки и денег⁶⁴. В арабском общественном сознании того времени едва ли не безраздельно доминировал антизападный и антиссионистский настрой, утверждаемый боевитым арабским национализмом Насера. В подобных условиях проект кузенов-Хашимитов не имел шансов на успех: подобно всякому консервативному начинанию, он был всего лишь реакцией на поступки и действия иных акторов, не обладая внутренними стимулами для развития. Расширению социальной, финансовой и идейной базы этого межгосударственного объединения могло бы содействовать вовлечение в него новых членов, но, во-первых, кандидатов было совсем мало, а во-вторых, никто из них так и не согласился на вступление. Самые большие надежды творцы Арабского Союза связывали с Кувейтом, но его монарх так и не поддался на уговоры – даже после того, как премьер-министр Ирака Нури ас-Саид пригрозил аннексировать половину кувейтской территории, если эмират не войдет в состав его детища.

В экономическом плане объединение Ирака и Иордании заведомо не могло послужить импульсом к становлению эффективной хозяйственной системы. В условиях единого государства основные экономические тяготы брал на себя Багдад, который, по сути, обеспечивал обе страны. Впрочем, практически опробовать предлагаемые Хашимитскими политиками методы и рецепты так и не удалось. Арабский Союз должен был начать свою государственную жизнь после принятия подготовленной для него Конституции национальными парламентами Ирака и Иордании и последующего проведения первой внеочередной сессии Совета Союза. Но это событие, которое должно было произойти не позднее декабря 1959 года, так и не случилось: в июле 1958-го монархия в Ираке была свергнута в ходе кровавого военного переворота, а почти все представители правящей династии физически уничтожены. Вместе с ними от рук повстанцев погиб и Нури ас-Саид – один из самых пламенных панарабских федералистов XX столетия. Его последнее творение юридически прекратило существование спустя месяц, в августе того же года. Армейских революционеров, пришед-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

⁶⁴ См.: McNAMARA R. *Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East, 1952–1967: From the Egyptian Revolution to the Six-Day War*. London: Cass, 2003.

ших к власти в Багдаде, больше привлекал проект Объединенной Арабской Республики, по поводу которого в их рядах почти сразу же после революции произошел первый идейный раскол.

ПОСЛЕДНИЕ АККОРДЫ

После горького прощания Египта с Сирией не раз предпринимались попытки возродить Объединенную Арабскую Республику с новым составом участников. Синхронный приход баасистов к власти, в 1963 году состоявшийся в Сирии и Ираке, опять оживил дискуссию о целесообразности учреждения единого арабского государства. Баасисты двух стран, укрепившие свои позиции и сплотившиеся в реализации общепартийного интереса, обсуждали разнообразные интеграционные комбинации. Давно манивший их идеологов образ дуалистичной сирийско-иракской федерации соседствовал с еще более масштабными замыслами, в которых в роли федеративных партнеров баасистской оси Багдад–Дамаск должны были выступить либо один лишь Египет, либо же, вдобавок, Алжир и Йемен. Проекты обсуждались параллельно, а временами и весьма интенсивно, но обстоятельства не благоприятствовали их воплощению в жизнь. Так, в апреле 1963 года Египет, Ирак и Сирия почти договорились о запуске объединительной процедуры, подписав совместное коммюнике на этот счет, но уже в июле был вынужден уйти в отставку скрепивший его своей подписью президент Сирии, а в ноябре очередная междоусобица в Ираке очистила, пусть и ненадолго, органы власти этой страны от сторонников партии «Аль-Баас».

Последний более или менее серьезный приступ интеграционной лихорадки наблюдался в регионе более полувека назад, на рубеже 1960-х и 1970-х. В декабре 1969-го Гамаль Абдель Насер, Джафар аль-Нимейри и Муаммар Каддафи – президенты Египта, Судана и Ливии – подписали Триполитанскую хартию, в которой провозглашалось стремление возглавляемых ими стран к оформлению федеративного союза. Вполне ожидаемым образом прогрессивные лидеры имели в виду ту модель федерализма, которая не предусматривает жесткого разграничения полномочий между составными частями федерации и федеральным центром, а также допускает наложение их компетенций друг на друга. (В англоязычной литературе эту разновидность принято называть «гибким федерализмом» – *flexible federalism*⁶⁵.) Переговорам в Триполи способствовали два заметных собы-

65 См., например: BOUDREAU J. *Flexible and Cooperative Federalism: Distinguishing the Two Approaches in the Interpretation and Application of the Division of Powers* // National Journal of Constitutional Law [Toronto]. 2020. Vol. 40. № 1. P. 1–35.

тия, произошедшие несколькими месяцами ранее⁶⁶. Речь идет о революциях в Ливии и Судане, в ходе которых в этих странах, с одной стороны, рухнули испытывавшие глубокую неприязнь к республиканскому Египту режимы короля Идриса I и председателя Верховного государственного совета Исмаила аль-Азхари, а с другой стороны, к власти пришли местные движения «свободных офицеров», для которых египетский президент был безусловным кумиром. Неудивительно, что Насер, остро нуждавшийся в союзниках после неудачных интеграционных экспериментов начала–конца 1950-х, с готовностью откликнулся на идею еще раз объединить несколько арабских стран в одно большое государство.

Однако неожиданная кончина египетского руководителя осенью 1970 года вполне ожидаемо изменила соотношение сил в треугольнике Каир–Триполи–Хартум. Функции ключевого идеолога и главного проводника очередного интеграционного проекта подхватил ливийский вождь, чья харизма к тому времени, кстати, была уже вполне сопоставима с харизмой скончавшегося египетского президента. Возвышению Каддафи способствовало и то обстоятельство, что лидеры Египта и Судана на тот момент были изрядно обременены собственными внутренними неурядицами, сковывавшими их активность на международной арене. Озабоченный консолидацией только что полученной власти египетский президент Анвар ас-Садат, стремясь потеснить политических конкурентов, был вынужден инициировать так называемое «майское исправительное движение»: его авторитет пока явно не дотягивал до авторитета предшественника, что вынуждало нового главу государства всеми силами искать ресурсы, позволяющие укрепить собственный престиж. В свою очередь президент Джафар аль-Нимейри также не мог уделить интеграционным замыслам столько внимания, сколько ему хотелось бы, поскольку в суданском обществе после революции 1969 года в отношении панарабизма не было единодушия. С одной стороны, этой доктрине безоговорочно противились африканские этносы, проживавшие на юге Судана: не желая отождествлять себя с арабами, они опасались ущемления своих прав в случае создания государства, вдохновляемого арабской националистической идеей. С другой стороны, панарабизм отвергался теми исламистскими организациями, которые считали себя последователями зародившегося в конце XIX века махдизма, а также довольно влиятельными суданскими коммунистами, состоявшими в весьма запутанных отношениях с аль-Нимейри: последние, помня о преследованиях, которые Насер в свое время

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

66 Подробнее см.: BESHTOLD P. *New Attempts at Arab Cooperation: The Federation of Arab Republics, 1971–?* // *Middle East Journal*. 1973. Vol. 27. № 2. P. 152–172.

обрушил на головы их египетских однопартийцев, полагали, что любая интеграция с египтянами приведет к избыточному и вредному вмешательству Каира во внутренние дела страны⁶⁷.

Как бы то ни было, в ноябре 1970 года на конференции в Каире главы Египта, Судана и Ливии, подписав так называемую Каирскую декларацию, договорились о создании первых межгосударственных институтов – Объединенного национального совета безопасности, Высшего комитета планирования, а также комитетов по политике, экономике, информации и культуре, – которым предстояло уже на подготовительной стадии поддерживать набирающую обороты координацию. Проект тем временем получил дополнительных приверженцев: после того, как сирийские военные, возглавляемые Хафизом аль-Асадом, в 1970 году свергли президента Нур ад-Дина аль-Атаси, гражданские баасисты в Сирии были вытеснены военными баасистами, а это означало, что в новых властных структурах теперь преобладали представители той части сирийского офицерства, которая была недовольна провалом предыдущего объединения с Египтом. В результате обновленное правительство в Дамаске сразу же заявило о своей готовности присоединиться к Триполитанской хартии.

В конце 1970 года Высший комитет по планированию принял решение о разделении сфер ответственности между странами, намеревавшимися объединиться: комиссия по информации отныне заседала под председательством Судана, комиссия по экономике – Египта, культурная комиссия – Сирии, а политическая комиссия – Ливии. Кульминацией же этого взаимного тяготения стал апрель 1971 года, когда на встрече в ливийском городе Бенгази президенты Анвар ас-Садат, Муаммар Каддафи и Хафиз аль-Асад подписали соглашение о создании Федерации Арабских Республик (ФАР). На встрече, правда, отсутствовал президент Джафар аль-Нимейри, который из-за обострившейся ситуации на родине был вынужден вернуться в Хартум. Кстати, попытка свержения суданского президента, которую чуть позже, в июле, при поддержке коммунистов предпринял его бывший сподвижник Хашем аль-Атта, привела шестеренки новорожденного союза в движение: спровоцированный неудачным путчем ввод в Судан египетских и ливийских войск обосновывался выполнением положений Триполитанской хартии, которая была подписана и суданскими властями тоже.

Новообразованная Федерация Арабских Республик во многом походила на Объединенную Арабскую Республику, прекратившую свое существование несколькими годами ранее. Статья 1 Конституции ФАР определяла ее как федеративное государств-

67 Подробнее см.: ВЕСТГОЛД Р. *Politics in the Sudan: Parliamentary and Military Rule in an Emerging African Nation*. New York: Praeger, 1971.

во – несмотря на то, что в изначальном проекте Основного закона она именовалась «конфедерацией». К федеральной юрисдикции относились такие вопросы, как внешняя политика, оборона, экономика, национальная безопасность, а также культура и образование. Высшим органом власти был Президентский совет, состоявший из руководителей входящих в ФАР стран, председатель которого избирался на два года. Члены Президентского совета определяли состав федерального Совета министров, реализовавшего исполнительную власть на уровне всего объединения. Кроме того, Президентский совет комплектовал Палату правосудия, которой предстояло решать спорные вопросы, возникающие между федерацией и ее субъектами. Что же касается высших законодательных полномочий, то ими наделялась Федеральная национальная ассамблея, в которую входили по двадцать представителей от каждого государства-члена⁶⁸.

В первые месяцы функционирования нового объединения Египет и Ливия вели переговоры о том, чтобы сделать интеграцию в рамках Федерации Арабских Республик еще более тесной. Но «медовый месяц» продолжался недолго: уже к 1973 году между национальными лидерами возникли трения, обусловленные прежде всего отходом президента ас-Садата от наследия насеризма, причем как во внутренней, так и во внешней политике. В частности, разворот Египта от сотрудничества со странами Восточного блока к более тесным связям с западными государствами воспринимался в Триполи чуть ли не как предательство идей панарабизма. Кстати, преамбула Конституции ФАР декларировала «борьбу с империализмом» (а также с «сионизмом», в пособничестве которому Садата будут обвинять через несколько лет) в качестве одного из проявлений борьбы за арабское единство. В дальнейшем противоречия между Каиром и Триполи не только углублялись, но и переросли в краткосрочную египетско-ливийскую войну 1977 года, предreshившую скорый крах юной квазифедерации.

Как ни удивительно, взаимная ссора не отвратила ни Египет, ни Ливию от автономного продолжения интеграционных экспериментов. Муаммар Каддафи нашел себе нового единомышленника в лице тунисского президента Хабиба Бургибы, который с 1950-х вынашивал собственный план интеграции стран Северной Африки, подразумевавший объединение Туниса, Ливии и Алжира⁶⁹. Правда, сами кандидаты на объединение воспринимали подобные проекты с немалой тревогой: преж-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

68 Подробнее см.: *The Constitution of the Federation of Arab Republics (FAR)* // *The Middle East Journal*. 1971. Vol. 25. № 4. P. 523–529.

69 См., например: НАНН L. *Last Chance in North Africa* // *Foreign Affairs*. 1958. Vol. 36. № 2. P. 302–314; ДЕЕВ М.-J. *Inter-Maghribi Relations since 1969: A Study of the Modalities of Unions and Mergers* // *The Middle East Journal*. 1989. Vol. 43. № 1. P. 20–33.

нее сближение Египта, Ливии, Сирии и Судана, увенчавшееся учреждением ФАР, рассматривалось их соседями в качестве угрозы сложившемуся в регионе балансу сил. Весьма показателен тот факт, что, как только предыдущее интеграционное объединение появилось на свет, встревоженные этим страны Магриба, а также Марокко едва ли не мгновенно сумели уладить разногласия по многим вопросам, которые оставались для них неразрешимыми на протяжении долгих лет⁷⁰.

В свете сказанного не стоит удивляться, что разлад между египтянами и ливийцами местные акторы восприняли с облегчением; более того, он объективно отвечал интересам небольших стран, которых устраивала любая формула, блокирующая альянс Ливии с Египтом и Суданом – и, следовательно, не допускавшая появление регионального гегемона-тяжеловеса. Именно поэтому президент Бургиба незамедлительно решил воспользоваться вновь сложившейся политической диспозицией и начать самостоятельное сближение с Триполи. В сентябре 1973 года в одном из своих интервью тунисский лидер заявил, что ему хотелось бы видеть единое североафриканское государство в составе Туниса, Алжира, Ливии и Мавритании со столицей в тунисском городе Кайруане. Развивая эту магистральную линию, в 1974 году Ливия и Тунис подписали Джербскую декларацию, выразив в ней свою готовность образовать Арабскую Исламскую Республику.

Однако этот проект тоже оказался мертворожденным. С одной стороны, к 1974 году уже было ясно, что никакого будущего у ливийско-египетского альянса нет, а значит, и противодействовать нечему; причем, как ни парадоксально, отсутствие угрозы с востока сказалось на интеграционных процессах внутри Магриба не позитивно, как можно было бы ожидать, а негативно. С другой стороны, в набравшем обороты альтернативном сближении Туниса и Ливии некоторые их соседи – прежде всего Алжир – усмотрели покушение на собственную национальную безопасность. Обеспокоенные алжирские власти не только отвергли возможность собственного присоединения к гипотетической ливийско-тунисской унии, но и пригрозили вводом своих войск в Тунис в течение 24 часов, если проект по созданию Арабской Исламской Республики все-таки перейдет в практическую плоскость. В ответ на эти действия Каддафи, беседуя с журналистом ливанской газеты, иронично заявил: «Алжирцы – странный народ: сами ни с кем не объединяются и другим не дают»⁷¹. Тем не менее из-за всех этих затруднений Бургиба в 1974 году был вынужден объявить об отказе Туниса от Джербских соглашений.

70 См.: ДЕЕВ М.-Ж. *Op. cit.*; GRIMAUD N. *La Politique Exterieur de L'Algerie*. Paris: Edition Karthala, 1984.

71 ДЕЕВ М.-Ж. *Op. cit.*

Египет же тем временем вел переговоры с Сирией о создании новой унии, но уже в рамках Федерации Арабских Республик. К 1977 году к диалогу между Дамаском и Каиром присоединился Хартум, власти которого заявили о желании воссоздать аналог ФАР, но теперь уже в составе Египта, Сирии и Судана. Однако и этому проекту не суждено было сбыться. Египетское «хождение в Каноссу», как прозвали визит Анвара ас-Садата в Иерусалим в ноябре 1977 года, и последующее заключение Кэмп-Дэвидских соглашений обрекли Египет на общеарабскую изоляцию, что надолго подвело черту под всеми интеграционными начинаниями «страны фараонов».

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

* * *

Несмотря на бесплодность федералистских экспериментов, регулярно затеваемых различными акторами ближневосточного политического процесса в 1940–1970-е, их все-таки нельзя объявить исключительно пустой и абсолютно бессмысленной тратой сил. Дело в том, что во всякой имплементации федеративной системы важнейшую роль играет предыдущий институциональный опыт: готовность воспринимать рассредоточение власти в качестве ценности, умение уступать партнерам по политическому диалогу и договариваться с ними, осознание миротворческого потенциала федералистских подходов. Однажды возникнув в недрах политической культуры той или иной страны, подобные вещи не исчезают бесследно, вновь и вновь напоминая о себе в подходящих ситуациях. Именно поэтому в политических, общественных, научных дебатах о гипотетической федерализации Йемена, Ливии, Сирии, других арабских стран, идущих в первые десятилетия XXI века, обязательно затрагиваются более ранние, пусть даже не слишком удачные или не очень значительные, явления федерализма. Причем такая связь не только естественна, но и продуктивна: она не позволяет дискредитировать федерализм как инструмент, якобы чуждый арабской политической культуре и потому отторгаемый ею.

Более того, за минувшие полвека выяснилась и еще одна любопытная деталь. Поскольку национальные государства Ближнего Востока и Северной Африки оказались не в состоянии удовлетворить тяготение к единству, мучающее арабский мир с самого распада Османской империи, за решение этой задачи в последние годы взялись иные, негосударственные, акторы. Сегодня проводниками межарабской интеграции, наглухо застопорившейся, но продолжающей будоражить арабское политическое воображение, выступают, как ни прискорбно это

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

признавать, интернациональные фундаменталистские и террористические группировки, вписывающие пункт о воссоздании той или иной разновидности панарабского халифата в свои программы⁷². Это тревожная, если не сказать больше, тенденция; и от того, как на нее отреагируют нынешние архитекторы арабской политики, будет зависеть многое. В принципе, нельзя исключать, что ответом на «альтернативную интеграцию», затевавшуюся не так давно запрещенным в России «Исламским государством» и ужаснувшую не только арабские, но и иные столицы, могут стать новые интеграционные импульсы, сплачивающие существующие государственные структуры перед лицом новоявленных негосударственных объединителей-«хищников». Ведь старая проблема никуда не делась, и, если неэффективная ближневосточная бюрократия не займется ею сама, в предстоящие годы у нее обязательно найдутся гораздо менее приятные «сменщики».

72 Некоторые авторы довольно давно обратили внимание на эту особенность. См., например: ZOLI C. *The Strategic Roots of Arab Federalism and Its Failure: Transnational Sovereign Power Issues, Military Rule, and Arab Identity* // KAVALSKI E., ZOLKOS M. (Eds.). *Defunct Federalisms: Critical Perspectives on Federal Failure*. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 103–113.

Ливан – государство-нация? Нациестроительство, федерализм и консоционализм в постконфликтном обществе

ПОЛИНА
МАКСИМОВА

ЗАГАДКА ЛИВАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Современная ливанская демократия – продукт многовекового опыта сосуществования расколотых по религиозным линиям идентичностей. Исключительность ливанского проекта, основанного на принципе раздела власти (*power-sharing*), заключается в поразительной живучести здешнего политического режима: пустовавшее с 2013-го по 2016 год президентское кресло, трехкратное продление полномочий парламентариев в 2009–2018 годах, регулярные массовые беспорядки, отставки премьер-министров и членов правительства, неоднократные политические убийства и террористические акты, крайне высокий уровень коррупции, экономический кризис на фоне эпидемии коронавируса – таков далеко не полный список показателей нездоровой политической системы, которая тем не менее на протяжении десятилетий остается на плаву.

Помимо внутривнутриполитических неурядиц, бывшая «ближневосточная Швейцария» не может похвастаться и миролюбивыми соседями, из-за которых на протяжении последних двадцати лет она ежегодно выделяет в среднем 14% из небогатого государственного бюджета на охрану территорий, поддержание систем противоздушной обороны и приобретение прочей военной техники¹. На северо-востоке республика граничит с Сирией, а на юге с Израилем, с которым – в связи с активностью на ливанской территории шиитской организации «Хизбалла» – у нее периодически происходят вооруженные столкновения.

Казалось бы, перечисленные характеристики должны предвещать государственный коллапс. Однако Ливан раз за разом находит выход из «системного пике», продолжая оставаться при этом заложником традиционно неустойчивого внешнеполитического положения и бесконечного политико-экономического

Полина Викторовна Максимова (р. 2000) – политолог, научный ассистент Центра теоретической и прикладной политологии Института общественных наук РАНХиГС.

¹ В среднем общемировая доля ежегодных военных затрат во всей совокупности общегосударственных расходов составляет 6%, что значительно меньше ливанских показателей. См.: *SIPRI Military Expenditure Index* (www.sipri.org/databases/milex).

кризиса. Одним из возможных объяснений столь поразительной способности к выживанию может послужить практикуемая в стране консоциальная система управления, которая – в теории по крайней мере – не должна позволять ни одной из соседствующих и конкурирующих сторон занять доминирующее положение в ущерб остальным акторам². При этом вопреки заявлениям сторонников консоциализма ливанскую систему нельзя назвать стабильной в конвенциональном понимании этого термина: по данным «Fragile States Index», определяющим степень недееспособности государств и их предрасположенность к коллапсу, Ливан в 2021 году находится между Мавританией и Анголой, занимая 34 место из 179 возможных (179 – максимально стабильное государство). Парадоксальное сочетание отмеченной квазистабильности с уникальностью местной модели демократии делает изучение ливанской системы управления весьма перспективным занятием. Причем, как представляется, занимаясь подобным анализом, целесообразно делать акцент на неотъемлемом элементе постконфликтной трансформации – на политике нациестроительства.

К ГОСУДАРСТВУ-НАЦИИ ЧЕРЕЗ КОНСОЦИАЦИЮ

На первый взгляд, консоциализм как ингредиент аккомодационной модели нациестроительства представляется наиболее подходящим вариантом для поляризованного населения Ливана. Однако очевидные сбои, которые время от времени демонстрирует эта система, вызывают закономерный вопрос: можно ли назвать нынешний Ливан, использующий подобную модель, государством-нацией – и нужно ли этой стране стремиться к ее закреплению? Иначе говоря, нет ли у консоциальной демократии, несмотря на ее способность удерживать вместе политически мобилизованные и противостоящие друг другу конфессиональные идентичности, каких-то непреодолимых внутренних изъянов?

На сегодняшний день накоплен большой массив литературы, посвященной как консоциальной политике в целом, так и ливанскому варианту ее реализации в частности, однако в ней консоциализм анализируется обособленно от политики нациестроительства, что не позволяет панорамно выделить институциональные факторы, мешающие стабилизации ли-

2 Подробнее о консоциальной модели см.: O'LEARY B. *Consociation: Refining the Theory and a Defense* // International Journal of Diversity in Organizations, Communities and Nations. 2003. Vol. 3. P. 693–755; ИДЕМ. *Debating Consociation: Normative and Explanatory Arguments* // NOEL S. (Eds.). *From Power-Sharing to Democracy: Post-Conflict Institutions in Ethnically Divided Societies*. Toronto: McGill-Queens University Press, 2005. P. 3–43.

ванского политического режима. Желая восполнить этот пробел, я начну анализ ливанского кейса с концептуальных основ «воображения» гражданского сообщества в поликультурных государствах, далее перейду к концепции консоционализма Арендта Лейпхарта и в итоге перенесу полученный теоретический фрейм на постконфликтную действительность Ливана 1989–2021 годов.

Привлечение таких понятий, как «воображаемое сообщество» и «нациестроительство», позволяет анализировать ливанский кейс в свете как конструктивизма, так и элитарного (социально-инженерного) инструментализма. Именно эти парадигмы более всего подходят для того, чтобы объяснить процессы формирования наций в гетерогенных обществах, изживающих последствия внутригосударственных «войн идентичностей» (*identity-based wars*). В такие исторические моменты политические элиты, желающие перейти к постконфликтному этапу и освоить практику компромиссов, ощущают потребность легитимизировать свое положение и обеспечить лояльность поликультурного населения центру³. Нация в подобных контекстах понимается как утилитарный политический конструкт, который формируется поверх фундамента, состоящего из предзаданных (*preexisting*) конфессиональных, этнических, языковых факторов. Нациестроительство, соответственно, предстает как операция по «воображению общностей», основанных на вере в то, что они скреплены естественными, природными узлами⁴. Национальная идентичность, как и любая другая, поддерживается посредством категоризации, государственных стратегий, образовательных практик, символической политики, медиа-дискурса и прочих методов.

Проекты нациестроительства включают в себя универсалистский и партикуляристский подходы, где первая логика апеллирует к формированию новой исторической общности и ассимиляции меньшинств под давлением доминирующей группы⁵, а вторая логика полагает необходимым развитие национальных культур и сохранение множества идентичностей. Но, говоря о гетерогенных обществах с высоким уровнем антагонизма, к числу которых относится и Ливан, необходимо учитывать риск того, что реализация классического варианта государства-нации через ассимиляцию чревата откатом к вооруженному противостоянию⁶. Поэтому в подобных случаях

3 BIRCH A. H. *Nationalism and National Integration*. London: Routledge, 1989. P. 8.

4 Тишков В., Филиппова Е. *Культурная сложность современных наций*. М.: РОССПЭН, 2016. С. 116.

5 Малахов В. *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 47.

6 STEPAN A., LINZ J. *Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2011. P. 3.

разумнее следовать второй логике: партикуляристской модели, направленной на развитие гражданской идентичности при условии сохранения и поддержания более чем одной культурной традиции⁷. Гражданская составляющая при этом должна реализовываться через активное политическое участие и доверие к государственным институтам⁸.

Альфред Степан и Хуан Линц, занимавшиеся партикуляристской стратегией нациестроительства, обозначаемой как государство-нация, предлагают семь базовых критериев, способствующих ее успешному функционированию:

- 1) асимметричный федерализм, *но не* симметричный федерализм или унитаризм;
- 2) парламентская, *но не* президентская или смешанная республика;
- 3) общегосударственные и прогосударственные региональные партии;
- 4) индивидуальные права *и* коллективное признание;
- 5) политически интегрированное, *но не* культурно ассимилированное население;
- 6) культурный, *но не* политический национализм;
- 7) поддержание множественных *и* комплементарных идентичностей⁹.

Предполагается, что перечисленные характеристики взаимосвязаны, причем каждая из них порождает следующую, поэтому для реализации политики государства-нации невозможно вырвать из контекста лишь пару пунктов – и далее наслаждаться результатом. Иными словами, удержание вместе множественных идентичностей кажется маловероятным без поощрения практики культурного национализма (не путать с политическим национализмом), а это в свою очередь невозможно без качественной интеграции поликультурных групп, которым необходимо коллективное признание и гарантии индивидуальных прав – и далее по нарастающей. Внедрение федерального порядка асимметричного типа занимает в этом списке почетное первое место, выступая, по мнению Степана и Линца, своеобразным опорным пунктом.

Опираясь на дефиницию федерализма, предложенную Робертом Далем¹⁰, разработчики идеи государства-нации делают упор именно на асимметрию. Они аргументируют это тем, что

7 Малахов В. *Указ. соч.* С. 47.

8 ALMOND G., VERBA S. *Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1963. P. 180.

9 СТЕПАН А., ЛИНЦ Ж. *Op. cit.* P. 18–19.

10 По Далю, федерализмом называется та «система, в которой ряд вопросов находится исключительно в ведении субъектов – кантонов, штатов, провинций – и выходит за рамки полномочий общенационального правительства». См.: ДАЛ Р. *Federalism and the Democratic Process* // ИДЕМ (Ed.). *Democracy, Liberty, and Equality*. Oslo: Norwegian University Press, 1986. P. 114.

некоторые политически мобилизованные и территориально сконцентрированные групповые идентичности, порой имеющие сепаратистские амбиции, могут потребовать сохранения или получения определенных культурных, религиозных или лингвистических прерогатив, выделяющих их из общего ряда. В отличие от симметричной системы, ее асимметричный аналог в большей степени предрасположен к переговорам и компромиссам, позволяющим удерживать вместе разрозненные общности¹¹.

Второй пункт – парламентаризм. Логика рассуждений здесь довольно проста: в президентской или смешанной системе исполнительную власть возглавляет один человек; в некоторых случаях он выполняет координирующие функции, но, какими бы обязанностями глава государства ни обладал, он все-таки неизменно будет представлять одну конкретную идентичность. Парламентская же система допускает создание правящей коалиции партиями, отражающими интересы различных групп, и потому она более удобна для выстраивания диалога между элитами и общественными силами. Если сформировать парламентское большинство или даже коалицию из-за сильных противоречий не удастся, то в формулу государства-нации вводится дополнительная переменная – раздел власти через консоциализм. Ключевой тезис Лейпхарта состоит в том, что территории, будь то отдельные регионы или государства, населенные враждебно настроенными этносами, религиозными или лингвистическими группами, способны эффективно управляться в соответствии с принципами добровольного объединения даже без взаимной интеграции¹².

В отличие от симметричной системы, ее асимметричный аналог в большей степени предрасположен к переговорам и компромиссам, позволяющим удерживать вместе разрозненные общности.

Потенциально дестабилизирующие факторы социальной фрагментации, проявляющиеся при консоциальном управлении, должны нейтрализоваться картелем элит (*cartel of elites*) посредством немажоритарных механизмов, инклюзивных политических коалиций и пропорциональных назначений на государственные должности. Подобная практика, называемая в англ-

11 СТЕПАН А., LINZ J. *Op. cit.* P. 19.

12 LEIPHART A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 340; ANDEWEG R. B. *Consociational Democracy* // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol. 3. № 1. P. 512.

лийской литературе «top-down» (сверху вниз), предполагает, что для устранения очагов социальных противоречий достаточно выстроить эффективную коммуникацию именно на высшем уровне – на уровне властей, и тогда заработает партиципаторная политическая культура¹³.

Наиболее популярным вариантом раздела власти на практике становится корпоративный консоциализм. Он подразумевает закрепление на законодательном уровне ключевых государственных и административных должностей за представителями конкретных групповых идентичностей (например в Ираке президентское кресло предназначается только для курдов)¹⁴. Корпоративный метод неоднократно подвергался критике из-за того, что в слабых переходных политических системах распределение ролей чревато детерриториализацией – чрезмерным внешним влиянием на принятие государственных решений и фактической потерей суверенитета из-за того, что религиозные/национальные/языковые устремления руководства часто выходят за рамки политических границ¹⁵. Это же может привести к столкновению интересов политических элит и перманентной борьбе за ротацию должностей ввиду демографических трансформаций. Исходя из сказанного либеральные теоретики консоциализма – например, Джон Макгэри и Брендан О’Лири – предлагают пересмотреть идею Лейпхарта о корпоративном принципе и указывают на необходимость смягчения линий размежевания идентичностей, например, через включение в политику межобщинных партий¹⁶.

Таким образом, получается, что для создания государства-нации идеального типа, где в мире и согласии проживали бы бывшие антагонисты, нужен набор из семи «-измов»: асимметричный федерализм, парламентаризм, либеральный (критический) консоциализм, регионализм, политический интеграционализм, культурный национализм, партиципаторный демократизм. К списку можно добавить еще одну переменную, перебивающую все вышеперечисленные: способность государства реализовывать принимаемые решения и контролировать индивидов – то есть, используя выражение Майкла Манна, применять инфраструктурную силу¹⁷. Предполагается, что через

13 МАКСИМОВА П.В. *Преодолевая кризис идентичностей: лимиты консоциативной системы и стагнация урегулирования североирландского конфликта* // Полития. 2021. № 2(101). С. 146.

14 SALAMEY I. *Failing Consociationalism in Lebanon and Integrative Options* // International Journal of Peace Studies. 2009. Vol. 12. № 2. P. 85.

15 ANDERSON G. *The Idea of a Nation-State is an Obstacle to Peace* // International Journal on World Peace. 2007. Vol. 23. № 1. P. 75–85; CASTLES S., DAVIDSON A. *Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging*. Houndmills: Macmillan Press, 2000.

16 MCGARRY J., O’LEARY B. *Consociational Theory, Northern Ireland’s Conflict, and its Agreement. Part 1: What Consociationalists Can Learn from Northern Ireland* // Government and Opposition. 2006. Vol. 41. № 1. P. 44.

17 MANN M. *The Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation States, 1760–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 59.

внедрение этих принципов в гетерогенных обществах можно заложить основы новой гражданской идентичности, обеспечивающие постконфликтную трансформацию и должное функционирование государственных институтов.

На уровне идей все это выглядит довольно просто и привлекательно, но насколько подобная программа реализуема в политической реальности, иногда оказывающейся весьма суровой? Здесь мы возвращаемся к кейсу Ливана в постконфликтный период, начавшийся после завершения гражданской войны.

ПОЛИНА МАКСИМОВА
ЛИВАН – ГОСУДАРСТВО-
НАЦИЯ?..

КОНСОЦИОНАЛИЗМ ЧЕРЕЗ КОНФЕССИОНАЛИЗМ

По словам Эрика Хобсбаума, нация существует в той мере, в какой идентифицирующие себя с ней люди оказываются политически мобилизованным сообществом¹⁸; наличие двух и более таких групп – фактор, определяющий необходимость следования аккомодационной модели государства-нации¹⁹. «Нация и есть именно то, что Фуко называл “дискурсивной формацией” – не просто аллегория или плод воображения, это понятие беременно политической структурой», – писал Тимоти Бреннан²⁰. Сунниты, шииты, марониты, друзы, греческие и армянские православные и католики, алавиты, евангелисты – все эти группы в случае Ливана предстают не просто словами, обозначающими религиозную принадлежность: это маркеры национальных идентичностей. При выражении коллективной политической воли первостепенное значение будет иметь именно вопрос идентификации.

Отдавая должное высокому уровню местного культурного разнообразия, отцы-основатели Ливанской республики в Конституции 1926 года и неписаном национальном пакте 1943-го закрепили принцип раздела власти между маронитской, суннитской и шиитской общинами. (Христиане тогда доминировали в ливанском обществе в соотношении 6:5²¹.) И если до гражданской войны 1975 года установления корпоративного консоционализма пользовались относительным успехом, то позже из-за притока палестинских беженцев, изменения численности мусульманских и христианских общин, а также со-

18 HOBBSBAWM E. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 8; WALKER C. *A Nation Is a Nation, Is a State, Is an Ethnic Group, Is a...* // *Ethnic and Racial Studies*. 1978. Vol. 1. № 4. P. 380.

19 STEPAN A., LINZ J. *Op. cit.* P. 18.

20 BRENNAN T. *The National Longing for Form* // ВНАВВА Н. (Ed.). *Nation and Narration*. London: Routledge, 1990. P. 47.

21 MÜHLBACHER T. *Democracy and Power-Sharing in Stormy Weather: The Case of Lebanon*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. P. 78.

путствующего подъема арабского и маронитского самосознания система потерпела крах²². Очевидно, институциональный дизайн не был приспособлен к динамичной политике и кризисным ситуациям, присущим нынешней эпохе.

Если ранее главной заботой ливанского государства действительно была конфронтация христианского и мусульманского населения, то сегодня ввиду изменившегося демографического баланса и обострения внешнеполитической ситуации на фоне войны в Сирии трения в основном наблюдаются между суннитской и шиитской общинами.

Несмотря на трагичный опыт гражданской войны, Таифские соглашения 1989 года не предназначались для преодоления религиозной демаркации, которая, собственно, и породила антагонизм; наоборот, институциональное закрепление конфессионализма – подтипа консоционализма, основанного на разделе власти между религиозными общинами²³, – рассматривалось как эффективная стратегия конфликтного менеджмента и сдерживания враждующих идентичностей²⁴. Согласно принципу конфессионализма, президентом Ливана становился маронит, премьер-министром – суннит, спикером парламента – шиит, вице-премьером – православный христианин²⁵. Такое распределение высших государственных должностей и принятый после гражданской войны принцип представительства 5:5 сегодня, спустя тридцать с небольшим лет, кажутся устаревшими: ведь если ранее главной заботой ливанского государства действительно была конфронтация христианского и мусульманского населения, то сегодня ввиду изменившегося демографического баланса и обострения внешнеполитической ситуации на фоне войны в Сирии трения в основном наблюдаются между суннитской и шиитской общинами. Соответственно, сейчас ключевой вопрос состоит в том, насколько рационально закреплять пост главы государства за представителем религиозного меньшинства²⁶.

22 NAGLE J. *Between Entrenchment, Reform and Transformation: Ethnicity and Lebanon's Consociational Democracy* // Democratization. 2015. Vol. 21. № 7. P. 60.

23 SALLOUKH B., BARAKHAT R., AL-HABBAL J. *The Politics of Sectarianism in Lebanon*. London: Pluto Press, 2015. P. 22.

24 BARCLAY S. *Consociationalism in Lebanon* // College Undergraduate Research Electronic Journal [College of Arts and Sciences, University of Pennsylvania]. 2007. March 30. P. 9.

25 SALAMEY I. *Op. cit.* P. 83.

26 MÜHLBACHER T. *Op. cit.* P. 80.

	1913	1932	1975	2011	2020
Христиане, всего (%)	79,5	51,2	40	37,2	32,4
<i>Марониты (%)</i>	58,3	28,8	23	21	20,1
<i>Греческие православные (%)</i>	12,6	9,8	7	8	4,1
<i>Греческие католики (%)</i>	7,7	5,9	5	4	4,2
<i>Другие (%)</i>	0,9	6,7	5	4,2	4
Мусульмане, всего (%)	20,5	48,8	60	59,4	66,3
<i>Шииты (%)</i>	5,6	19,6	27	27	30,5
<i>Сунниты (%)</i>	3,5	22,4	26	27	30,6
<i>Друзы (%)</i>	11,4	6,8	7	5,4	5,2
Население, всего (тыс. чел.)	414	786	2500	4800	5200

ПОЛИНА МАКСИМОВА
ЛИВАН – ГОСУДАРСТВО-
НАЦИЯ?..

Религиозные
группы в Ливане,
1913–2020 годы²⁷.

Внесенные в 1989 году в Конституцию поправки передали ряд президентских полномочий кабинету министров: это делалось, чтобы отреагировать на обновившийся баланс политических сил. Президент по-прежнему несет ответственность за подписание международных договоров, имеет право распустить парламент и снимать с должности премьер-министра, что формально ставит его на вершущку государственной иерархии, но фактически он остается подчиненным избравшей его Национальной ассамблее (Majlis Alnuwab)²⁸. И сегодня проблематичными оказываются не столько закрепленные за ним полномочия, сколько та символическая роль, которую приобретает человек, ставший первым лицом государства.

Функции премьер-министра и председателя ассамблеи также широки, но обратной стороной развитой системы сдержек и противовесов, основанной на феномене трех правителей, стал бинарный антагонизм: просирийская «Коалиция 8 марта», которую возглавляют президент Мишель Аун и спикер Национальной ассамблеи Набих Берри, воюет с прозападной «Коалицией 14 марта», руководимой бывшим премьер-министром Саадом Харири. Первый блок, поддерживаемый военизированной организацией «Хизбалла», служит своеобразным «прокси-сервером», обеспечивающим влияние Сирии и Ирана на ливанскую внутреннюю политику. Второй блок, наоборот, опирается на поддержку США и Саудовской Аравии, ориентирующих его на сдерживание Сирии и Ирана²⁹. Наиболее сильные партии, входящие во враждующие коалиции – «Свободное

27 Важно отметить, что последняя перепись населения в Ливане проводилась в 1932 году; более поздние данные собирались независимыми центрами и агентствами. Приводимые в таблице цифры были собраны воедино в сборнике: SALLOUKH B. ET AL. *Politics of Sectarianism in Post-War Lebanon*. London: Pluto Press, 2015.

28 См. статью 49 Конституции Ливана (www.presidency.gov.lb/English/LebaneseSystem/Documents/Lebanese%20Constitution.pdf).

29 SALLOUKH B., BARAKHAT R., AL-HABBAL J. *Op. cit.* P. 29.

патриотическое движение», «Движение за будущее», «Движение Амаль», «Хизбалла», – имеют в ассамблее стабильное большинство, гарантированное им пропорциональной системой. Такое распределение чревато частым возникновением политических тупиков, один из которых можно наблюдать сегодня: по состоянию на октябрь 2021 года парламент уже больше десяти месяцев не может прийти к консенсусу относительно формирования правительства, которое все стороны с готовностью признали бы легитимным, – несмотря на то, что президент Мишель Аун еще в середине августа предвещал его скорое создание³⁰. (Все это время в стране действует временный кабинет под руководством Хассана Диаба, которого поддерживает «Хизбалла».) Комментируя нынешний кризис, Берри сравнил Ливан с «Титаником», безоглядно и стремительно идущим ко дну³¹.

Таким образом, благое намерение идеально отрегулировать баланс политических сил воплотилось в хроническую неспособность государства принимать консолидированные и эффективные государственные решения³². Почему же здесь не работает аргумент Лейпхарта о диалоге картеля элит? Казалось бы, разделение властей, пусть даже ставшее в ливанской интерпретации предметом резкой критики, – весомая часть формулы государства-нации, и принятие консociональных принципов должно сигнализировать о том, что ливанские лидеры видят опасность, вытекающую из дальнейшего следования ассимиляционной модели. При этом, однако, в современном оформлении государства обращает на себя внимание важное расхождение с теорией Степана и Линца: Ливан – президентско-парламентская республика, а не чисто парламентская. Возможно, именно этот пункт частично объясняет недостижимость плодотворного внутринационального диалога.

Модель государства-нации предполагает формирование коалиционных правительств, где вместо вертикали власти руководители доминирующих фракций выстраивают горизонтальное представительство³³. Здесь, конечно, также существует большой риск тупиковых ситуаций, о чем свидетельствует, например, опыт Северной Ирландии. Тем не менее парламентская система в большей степени располагает к нахождению компромиссов³⁴,

30 См.: PERRY T., ELTHAIR N. *President Hopes for Lebanon Government in Days as Crisis Bites Deeper* // Reuters. 2021. August 3 (www.reuters.com/world/middle-east/pressure-builds-new-lebanon-government-chaos-deepens-2021-08-16/).

31 EL DAHAN M. *Lebanon Could Sink Like Titanic, Parliament Speaker Says* // Reuters. 2021. March 29 (www.reuters.com/article/lebanon-crisis-int-idUSKBN2BL11L).

32 ABU-RISH Z. *Municipal Politics in Lebanon. Middle East Research and Information Project 280* (<https://merip.org/2016/10/municipal-politics-in-lebanon/>).

33 SALAMEY I., PAYNE R. *Parliamentary Consociationalism in Lebanon: Equal Citizenry vs. Quotated Confessionalism* // *The Journal of Legislative Studies*. 2008. Vol. 14. № 4. P. 465–466.

34 BELLAMY R. *Democracy, Compromise and the Representation Paradox: Coalition Government and Political Integrity* // *Government and Opposition*. 2012. Vol. 47. № 3. P. 464.

поскольку власть в президентской или полупрезидентской системе – своеобразное неделимое благо, всецело сосредоточенное в руках представителя конкретной идентичности, в то время как парламентаризм создает возможность общего блага³⁵. В последнем случае не возникает расхождения между политическим доминированием и демографической репрезентативностью – как в ситуации с президентом-маронитом, представляющим лишь 15% всего населения.

Имеется и еще одно расхождение практики ливанского националстроительства с партикуляристской моделью Степана и Линца: если для них идеальный вариант государства-нации – асимметричная федерация³⁶, то Ливан, напротив, предстает унитарной и централизованной республикой. Страна разделена на четыре административных уровня: центральное правительство, восемь провинций, 26 районов и 1030 муниципалитетов. При этом региональные правительства *de facto* не имеют политического веса, несмотря на декрет № 118 от 1977 года, гарантирующий им финансовую и административную автономию³⁷. Руководители провинций и районов назначаются президентом; это выстраивает в стране жесткую вертикаль власти. Должность главы муниципалитета остается выборной, но в 2016 году явка на выборы составила всего 48,5%³⁸; из-за низкой вовлеченности населения в электоральный процесс посты, как правило, занимают приближенные к центру фигуры, обладающие необходимым финансированием. Возможно, низкий уровень электоральной мобилизации объясняется разочарованием избирателей в самой муниципальной схеме: ведь ливанское самоуправление ограничивается хозяйственными делами наподобие асфальтирования дорог и расстановки уличных знаков, в то время как все масштабные решения принимаются в столице Министерством внутренних дел и Советом по развитию и реконструкции, в руках которых сосредоточены основные денежные ресурсы³⁹. По словам бывшего премьер-министра Рафика Харири, ливанские муниципальные выборы еще с 1990-х служат платформой для обеспечения влияния центра

35 СТЕПАН А., LINZ J. *Op. cit.* P. 20.

36 Ibid. P. 23.

37 См.: *Municipal Act: Decree Law № 118* (www.pseau.org/outils/ouvrages/Ministry_of_interior_and_municipalities_1977.pdf).

38 Ливанские показатели явки соответствуют аналогичным ближневосточным и североафриканским показателям (36% в Иордании в 2016-м, 44,8% в Ираке в 2018-м, 37,1% в Алжире в 2017-м, 43% в Марокко в 2016-м, 41,7% в Тунисе в 2019-м), но они значительно ниже, чем в западных демократиях: так, средний показатель явки на выборах последних лет в странах Европейского союза составляет более 67%. См.: SANCHEZ D.G. *Understanding Turnout in Lebanese Elections*. Beirut: The Lebanese Center for Policy Studies, 2021 (www.lcps-lebanon.org/publications/1610694082-LCPS%20national%20reports%20Turnout%20final.pdf).

39 ATALLAH S. *How Well Is Lebanon Fiscally Decentralized? The Fourth Mediterranean Development Forum*. October 2002 (www.passia.org/goodgov/resources/Lebanon-decentralized.pdf).

на «местную демократию»⁴⁰. При этом связь столичных элит с регионами настолько слаба, что они не могут предложить населению каких-либо объединяющих ценностей. Это ведет к отчуждению самого политического пространства от граждан, ибо государство предстает в облике противника конфессионального сообщества, к которому принадлежит обычный человек⁴¹.

Этот тезис подводит нас к тому пункту партикуляристской теории, который касается прогосударственных региональных партий. В системе конфессионализма региональные партии замещаются девятнадцатью «партиями идентичностей». Причем ни одну из них невозможно назвать прогосударственной в понимании Степана и Линца: каждая подобная партия даже на муниципальных выборах получает подавляющее большинство голосов от представителей своей конфессии. Таким образом, логично предположить, что уровни доверия к институтам и самоидентификации электората с государством как общим целым остаются экстремально низкими⁴². Это подтверждается исследованием 2016 года, которое выявило следующее распределение доверия к ливанским государственным институтам: правительству доверяют 8% жителей, судебной власти – 17%; парламенту – 10%; политическим партиям – 14%; армии – 84%⁴³.

Поскольку последующие положения теории государства-нации вытекают из предыдущих, без реформирования институционального каркаса невозможно говорить о политической интеграции, коллективном признании и партиципаторной демократии. В итоге получается, что в настоящее время нельзя с уверенностью назвать Ливан государством-нацией в классическом смысле, и, видимо, именно здесь кроется объяснение причин неэффективности системы. Эта страна скорее следует по какому-то самобытному пути, выстраивая жесткую вертикаль власти и ведя «игру с нулевой суммой» за доминирование либо просирийских, либо антисирийских сил и настроений. Интересно, что выделенные паттерны сперва могут показаться спорными, поскольку партикуляристский консонализм по-прежнему остается своеобразной «визитной карточкой» Ливана.

40 Цит. по: LEENDERS R. *Spoils of Truce: Corruption and State Building in Postwar Lebanon*. Ithaca: Cornell University Press, 2012. P. 67.

41 EL-BACHA M. *Démocratie et culture politique libanaise* // *Confluences Méditerranée*. 2009. Vol. 70. № 3. P. 82.

42 СТЕПАН А., ЛИНЗ Ж. *Op. cit.* P. 20.

43 *Trust in Public Institutions: Opinions in Lebanon 2016* (www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/Lebanon-Trust-in-Public-Institutions-Identity-2016-1.pdf).

ФЕДЕРАТИВНЫЙ СТРОЙ: «ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ» СИСТЕМЫ?

ПОЛИНА МАКСИМОВА
ЛИВАН – ГОСУДАРСТВО-
НАЦИЯ?..

В теории нациестроительства консоциация и федерация предстают такими элементами, которые тесно взаимосвязаны. Как отмечалось выше, некоторые базовые характеристики ливанского общества как будто бы автоматически предопределяют ориентацию на модель государства-нации, которая в свою очередь базируется на идее федерализма. О преобразовании государственности на федеративных началах ливанские политики стали задумываться незадолго до гражданской войны 1975 года. Позднее, в 1980-х, военизированные группировки прочертили между регионами демаркационные линии и установили пограничные пункты; даже Бейрут тогда был разделен на две части – восточная стала христианской, а западная мусульманской. Не сумевшая оправдать возлагаемых на нее надежд система демаркации походила скорее на взаимный бойкот соседствующих областей.

Децентрализация через федерализм представляется не слишком привлекательной на фоне угроз, исходящих от Сирии и Израиля, а также от движения «Хизбалла», контролирующего южную часть страны.

Начиная с 2019 года в связи с обострением внутренних и внешних проблем некоторые политические группы вновь поднимают вопрос о федерализации. В июне 2021 года защитники федеративного проекта даже выступили в одной из популярных телевизионных программ, предложив среди прочего разделить Ливан на кантоны – каждый с собственным гражданским и уголовным законодательством, полицейскими силами, судебной системой⁴⁴. Амбициозный проект пока выглядит утопично, поскольку децентрализация через федерализм представляется не слишком привлекательной на фоне угроз, исходящих от Сирии и Израиля, а также от движения «Хизбалла», контролирующего южную часть страны. Тем не менее по-прежнему актуальным остается следующий вопрос: а есть ли вообще какая-нибудь формула, позволяющая гармонично синтезировать унитарную форму и партикуляристскую стратегию?

Теоретиков, выстраивающих модель государства-нации, в первую очередь заботит создание абстрактной федерации, в рамках которой доминирующие и политизированные иден-

⁴⁴ См.: KHOURI A. *Federalism in Lebanon, a Cure-All or a Sham?* // L'Orient-Le Jour. 2021. June 23 (<https://today.lorientlejour.com/article/amp/1266103/federalism-in-lebanon-a-cure-all-or-a-sham>).

тичности могли бы самостоятельно регулировать общественно-политическую повестку. Теоретически, отталкиваясь от этих положений, можно было бы при конвертации смешанной системы управления в асимметричную федерацию ожидать выздоровления политической системы. Допустим, это так; но когда дело доходит до имплементации идей, то политики-практики с первых же шагов испытывают затруднения. Перед ними незамедлительно возникает цепь побочных вопросов. Как географически будут выглядеть границы между федеральными единицами и сколько их будет? Какие из них получают привилегии, а какие нет? Как быть со смешанными регионами, в которых бок о бок проживают и христиане, и мусульмане? Как номинировать глав федеративных единиц? Каким образом выстроить асимметричные отношения между новообразованными единицами и центром и как организовать их представительство в центральных органах власти? И это только самый очевидный набор вопросов – так сказать «базовая комплектация».

Территориальная концентрация культурных идентичностей – пожалуй, ключевой признак, позволяющий создать федерацию, единицы которой разнятся по религиозным, этническим, лингвистическим критериям. Однако ливанские конфессиональные группы трудно назвать территориально сконцентрированными, ведь они неравномерно распределены по всей стране. Так, преимущественно шиитский юг имеет лишь небольшие анклавы с маронитским и суннитским населением. Учитывая это, допустим, что Южный Ливан становится федеральной единицей и получает соответствующую автономию в принятии решений; тогда господствующая в регионе «Хизбалла» при разработке региональных законов, вероятнее всего, будет основываться на положениях шиитского религиозного права, которое в свою очередь базируется на шариате. Но каким тогда будет статус христиан, проживающих в регионе? Так или иначе, но федерализм, основанный на религиозном разделении, может оказаться ретроградным проектом, лишь усугубляющим поляризацию населения.

Продолжая разговор о движении «Хизбалла» как одном из ключевых игроков ливанской политической сцены, уместно учитывать и аспекты безопасности. По своей военной мощи эта организация уже сегодня фактически превосходит вооруженные силы Ливана, и отсюда возникает новый ряд вопросов. Что произойдет после того, как за ней законодательно закрепят выполнение полицейских функций? Какие прерогативы «Хизбалла» получит в рамках асимметричного устройства и не станет ли институциональное укрепление этой группировки сигналом к милитаризации других федеральных образований?

И вообще, каким может быть конфессиональный состав федеральных правоохранительных органов и силовых структур? По всей видимости, демилитаризация шиитской организации была бы очень благотворной предпосылкой перехода к федерализму; но, поскольку ее вряд ли стоит ожидать в обозримом будущем, вопрос о государственной реформе тоже едва ли сдвинется с мертвой точки.

Другая проблема потенциальной федерализации связана с финансами. В теории каждая новообразованная единица должна обладать той или иной степенью экономической и инфраструктурной дееспособности. Безусловно, в любой федеративной системе можно наблюдать флагманов и аутсайдеров, которых сближают с помощью механизмов выравнивания, однако в ливанском случае о какой-то потенциальной самостоятельности подавляющего большинства территорий вообще говорить нельзя. Сейчас основные кластеры производственной и предпринимательской деятельности сосредоточены вдоль побережья, в основном в окрестностях Бейрута, в то время как другие районы находятся в перманентной финансовой зависимости от столицы. В пяти провинциях из восьми – Бекаа, Эн-Набатия, Аккар, Северный Ливан и Южный Ливан – концентрация производственных мощностей минимальна, а сельскохозяйственный сектор нуждается в масштабных инвестициях, возможных только из-за границы⁴⁵. По данным ООН, уровень безработицы в депрессивных мухафазах колеблется около 30% и достигает почти 62% в провинции Бекаа⁴⁶. Причем иностранные инвестиции, будь то американские или сирийские, тоже ставят бедные регионы в политическую зависимость, что, несомненно, чревато детерриториализацией. Иначе говоря, в финансовом плане федерализация также кажется не лучшим способом построения полноценной гражданской нации и выхода из «политического пике».

В итоге, как представляется, в ливанском случае «классическое» федеративное устройство влечет за собой риск дезинтеграции, чрезмерного влияния военизированных организаций и вмешательства иностранных государств в региональную политику. Но означает ли сказанное, что в случае бесперспективности федерализма у Ливана вообще не остается шансов стать государством-нацией? Степан и Линц предусмотрели подобные осложнения, поскольку такого рода опасности отличают не только Ливан. Поэтому они описывают устройство под названием *federacy* – за неимением адекватного русского термина

⁴⁵ *Lebanon Faces Up to Major Infrastructure Challenges*. The Economist Intelligence Unit. 2018. October 19 (<http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1627256146>).

⁴⁶ См.: http://ialebanon.unhcr.org/vasyr/files/vasyr_chapters/10%20VASyR%202019%20Livelihoods%20and%20Income.pdf.

это слово лучше всего переводить как «асимметричный унитаризм», – не фигурирующее в списке базовых критериев, но фактически замещающее собой асимметричный федерализм. *Federacy* предполагает такое структурирование унитарного государства, при котором отдельные регионы получают специфические прерогативы и эксклюзивные полномочия⁴⁷. В нашем случае мы говорим о сохранении высокого уровня подотчетности центру с деволуцией спектра прав, не угрожающих единству и одновременно способствующих политической интеграции через участие населения в региональной политике.

Федерализм, основанный на религиозном разделении, может оказаться ретроградным проектом, лишь усугубляющим поляризацию населения.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Анализ ливанского политического ландшафта в рамках проекта нациестроительства продемонстрировал, что ныне практикуемый раздел власти оказывается несостоятельным из-за трех ключевых препятствий: 1) президентско-парламентская система и закрепление должностей ведут не к лейпхартовскому диалогу элит, а к антагонистической борьбе за доминирование⁴⁸; 2) чрезмерная централизация создает жесткие барьеры для вхождения нерелигиозных акторов в круг политической элиты, препятствуя региональному экономическому развитию и завоеванию межобщинными организациями доверия; 3) корпоративная консолидация лишена механизмов адаптации к демографическим изменениям.

При этом сам по себе консоциализм никаким образом не противоречит выстраиванию партикуляристской модели государства-нации – наоборот, в теории он предстает эффективным способом трансформации конфликта. Подлинная проблема – в его ливанском варианте, то есть в конфессионализме. В любом проекте нации тесно переплетены гражданская и культурная составляющие, но вопрос заключается в пропорциях, в каких эти факторы сочетаются между собой: чем слабее гражданская составляющая, тем важнее культурный компонент⁴⁹. В Ливане же есть явный перекося в сторону культурной составляющей, тормозящей реформирование государ-

⁴⁷ СТЕРАН А., LINZ J. *Op. cit.* P. 204.

⁴⁸ SALAMEY I. *Op. cit.* P. 99.

⁴⁹ МИЛЛЕР А. *Нация, или Могущество мифа*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 137.

ственного каркаса и создание гражданской идентичности. Соответственно, федерализация с выделением субъектов по конфессиональному признаку способна лишь еще более усилить этот культурный элемент.

Что же можно сделать для преодоления кризиса? Прежде всего следует перейти к либеральному варианту консоционализма, который отстаивают такие специалисты, как Макгэри и О'Лири, и при котором будет гораздо проще выстраивать аккомодационную и интеграционную модель нациестроительства⁵⁰. Кроме этого, реализуя стратегию государства-нации, надо принимать во внимание исторические, территориальные, экономические и внешнеполитические обстоятельства, которые не позволяют на данном этапе говорить о федерализации Ливана, хотя на теоретическом уровне она и выглядит крайне привлекательно. На практике подобный переход не излечил бы систему, но, наоборот, еще больше дестабилизировал бы страну. С учетом сказанного можно выделить четыре основных институциональных механизма, которые могли бы способствовать выходу из кризиса:

1) установление бикамеральной системы, где нижняя палата представляет секулярные интересы граждан, а верхняя отстаивает регионально-конфессиональные интересы общин;

2) разделение функций местного и государственного управления через децентрализацию при сохранении унитарного строя (*federacy*);

3) внедрение смешанной избирательной системы и отказ от закрытых партийных списков;

4) поощрение участия межобщинных партий в политической деятельности на региональном и общенациональном уровнях⁵¹.

Таким образом, консоционализм – лишь часть большого проекта государства-нации, который должен также включать в себя реформирование формы правления, государственного строя, административно-территориального деления, конфессиональной, языковой, образовательной и исторической политики. Ливан будет обречен на дальнейшее пребывание в зоне политической неопределенности в двух случаях: во-первых, при сохранении *status quo* – высоком уровне поляризации идентичностей и соответствии большинства параметров концепции нации-государства; во-вторых, при переходе к «стандартному» федерализму, который на сегодняшний день скорее всего приведет либо к разделу государства, либо к сецессии отдельных регионов, либо к погружению в гражданскую войну из-за экономического кризиса, милитаризации и неподчинения центру.

50 MCGARRY J., O'LEARY B. *Op. cit.* P. 50.

51 SALAMEY I. *Op. cit.* P. 96.

Федерализм в Гималаях: трудное обновление государственности в Непале

TERRA INCOGNITA

Вадим Владимирович Корольков (р. 1997) – аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава Дискуссионного клуба федералистов.

В отечественной и зарубежной литературе о федерализме довольно давно устоялась ориентация на приоритетное изучение «классических» западных федераций и конфедераций: Соединенных Штатов Америки, Швейцарии, Канады, Германии. Устройство этих стран изучается как обособленно, так и в сопоставлении с иными государствами того же типа, причем в этом отношении накоплен довольно основательный массив научного знания. Вместе с тем очевидная потребность в более глубоком и объемном толковании федерализма требует расширения исследовательской выборки за счет других, более «экзотичных» и «проблемных», федераций, отличающихся от западных демократий не только экономическими показателями, но и правосознанием, политическим режимом, социальными условиями. На особое место в их ряду с полным основанием может претендовать Демократическая Федеративная Республика Непал – одна из самых молодых федераций в мире.

Непальская федеративная модель, утвержденная Временной Конституцией 2007 года, которая сначала была принята по итогам десятилетней гражданской войны, а потом закреплена в Конституции 2015 года, для российских специалистов остается настоящей *terra incognita*: отечественных публикаций по этой теме практически нет. В европейских странах и Северной Америке, однако, подобного пренебрежения мало изученными федеративными системами не наблюдается, о чем свидетельствуют свежие работы англоязычных авторов¹. Причем вполне можно согласиться с тем, что Непал считается перспективным объектом для изучения по меньшей мере в двух разрезах: во-первых, как любопытный кейс привлечения федералистского инструментария для снятия внутригосударственных конфлик-

1 Показательно, что в недавнем сборнике, намечающем программу федералистских исследований на ближайшую перспективу, маленький Непал затрагивается сразу в двух статьях. См.: KEIL S. *Federalism as a Tool of Conflict Resolution* // KINCAID J. (Ed.). *A Research Agenda for Federalism Studies*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 151–161; BHATTACHARYYA H. *Federalism in Asia: Beyond the Diversity Problematic* // Ibid. P. 187–197.

тов, а во-вторых, как необходимый элемент систематизации знаний о политических системах Азии.

Парадокс заключается в том, что подобные исследования, как представляется, гораздо более значимы для нашей страны, нежели для многих других государств. Подспудно идущие в России научные, публицистические, бытовые обсуждения того, как можно было бы усовершенствовать организацию нашего политического пространства, станут более продуктивными, если в распоряжении их участников наряду с «витринными» образцами федерализма (ценность которых несомненна) окажется еще и нелегкий опыт государственного строительства, которое уже полтора десятилетия продолжается в многосоставном обществе, управляемом гибридным режимом и отличающемся весьма необычной географией. На проблему можно взглянуть и еще шире: поскольку Непал является естественной буферной зоной, разделяющей две крупнейшие азиатские и мировые державы – Индию и Китай, – без понимания, как функционирует его государственность, трудно обеспечить системное видение азиатской геополитики, в которой у России есть свои очевидные ставки. Иначе говоря, федеративное устройство Непала, безусловно, ценно, если и не как объект для полноценного сопоставления с Российской Федерацией, то во всяком случае как самостоятельный и самобытный феномен, достойный отдельного изучения.

В настоящей статье мы постараемся ознакомить отечественного читателя с историей этой молодой федерации, ее конституционным закреплением, а также укажем на ключевые проблемы непальского федерализма – воодушевляясь желанием открыть дорогу для дальнейших, более глубоких и обстоятельных, исследований.

Откуда здесь федерализм?

Долина Катманду, расположенная на севере Индии, в предгорьях Гималаев, издревле была не только домом для многочисленных этнических групп, но и священным для индуистов местом. Непальцы восприняли кастовое деление, предусмотренное основами индуистского вероучения, которое в их стране одно время даже имело статус государственной религии. Через долину Катманду пролегали торговые пути, связывающие Индию и Китай, что на протяжении истории способствовало не только обогащению местных территорий, но и интенсивным культурно-интеграционным процессам².

2 Подробнее см.: GELLNER D.N. *The Idea of Nepal*. Kathmandu: Social Science Baha, 2016.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

ФЕДЕРАЛИЗМ В ГИМАЛАЯХ:
ТРУДНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В НЕПАЛЕ

На протяжении большей части непальской истории страной правили абсолютные монархи. В 1769 году, после того как Притхви Нараян Шах объединил раздробленные владения местных правителей, были заложены основы современной непальской государственности. Завоевательная политика этого властителя влекла за собой централизацию, которая, однако, внедрялась с большим трудом из-за крайнего этнического и регионального разнообразия Непала. Несмотря на то, что административный центр в лице Катманду, возобладав над региональными и местными кланами, заметно укрепился, он по-прежнему был скован в проведении собственной политики в отдаленных районах, поскольку местное управление основывалось на компромиссном разделении полномочий между элитами. Вместе с тем подъем центральной власти означал, что потенциальные сепаратистские движения, требовавшие независимости для отдельных частей страны, лишились питательной почвы и утратили сколько-нибудь серьезные перспективы³.

С 1775-го по 1951 год непальская политика характеризовалась конфронтацией между королевским домом и несколькими «благородными семействами», что привело к десятилетиям правления наследственных премьер-министров, принадлежавших к наиболее знатным кланам. Во времена наследников Притхви Нараян Шаха, мечтавшего о создании империи от Кашмира до Бутана, его амбициозным идеям не суждено было сбыться: череда поражений в войнах с Китаем и Тибетом (1788–1792), сикхским Пенджабом (1809), англичанами (1814–1816) и снова Тибетом (1854–1856), дестабилизировав Непал, предопределила нынешние территориальные пределы королевства Британское завоевание Индии угрожало независимости ослабленного государства, и поэтому между Катманду и Лондоном было достигнуто соглашение, согласно которому Непал отказывался от самостоятельной внешней политики, а взамен получал гарантии его невключения в состав британских колониальных владений. После ухода британцев из Индии, состоявшегося в 1947 году, доминировавший на тот момент клан Рана лишился важнейшего военного и экономического союзника – и был свергнут в 1950-м в ходе народной революции, которую, кстати, поддержал король Трибхуван, правивший до 1955 года.

В 1959 году была принята первая Конституция Непала, которую, впрочем, отменили три года спустя из-за непрекращающихся нападок на нее со стороны нового короля Махендры, убежденного приверженца автократии, пребывавшего на троне до 1972 года. Вскоре состоялось принятие новой Конститу-

3 Приводимый здесь краткий обзор истории Непала опирается на следующие источники: ROSE L.E. *History of Nepal* // *Britannica* (www.britannica.com/place/Nepal/History#ref23629); НАЖИМОВА Д.В. *Этническая политика в процессе демократизации Непала* // Армия и общество. 2014. № 4(41). С. 37–42.

ции, которая обозначала в качестве источника власти самого монарха и запрещала деятельность любых политических партий. Однако назревший переход к демократизации пользовался все большей поддержкой населения, и поэтому в мае 1980-го по инициативе короля Бирендры был проведен референдум о возможном внедрении многопартийности, который, однако, с незначительным перевесом вновь утвердил существовавшую на тот момент беспартийную систему. Несмотря на эту политическую победу, удержать ситуацию под контролем престола все же не удалось. Половинчатые конституционные реформы, инициированные монархом после голосования, возымели не тот эффект, на который рассчитывали власти: в 1990 году страну захлестнула волна массовых забастовок под демократическими лозунгами. Сформированное королем Временное правительство вынуждено было внести проект конституционных поправок, допускающих многопартийность, которые в конечном счете и были приняты.

Между тем в рядах добившегося очевидных успехов движения за демократизацию назревал раскол, обусловленный этнической природой непальских политических партий: очень скоро они в большинстве своем отошли от социально значимой повестки, сосредоточившись на решении сугубо партикулярных политических вопросов. В итоге многопартийная система вместо того, чтобы предотвратить эскалацию внутреннего конфликта, создала институциональные предпосылки для его перехода в более активную фазу. Стремительная либерализация конституционного законодательства, разворачивавшаяся в многосоставном обществе, изобилующем этническими, кастовыми и религиозными противоречиями, стала ключевым фактором, обусловившим радикализацию политического дискурса. Как и следовало ожидать, нарастающее напряжение вылилось в гражданское противостояние: в феврале 1996 года местные маоисты, выступавшие за упразднение индуистских каст, создание секулярного государства, конституционное закрепление прав лингвистических групп и предоставление этническим сообществам права на самоопределение, объявили «народную войну» правящему режиму. В 2001-м, когда в стране повсюду кипели кровопролитные бои, наследный принц Дипендра убил короля-реформатора Бирендру, после чего покончил с собой. (Мотивы его поступка остаются непроясненными до сих пор.) Авторитет непальской монархии, в корне подорванный этим трагическим происшествием, восстановить было невозможно.

В 2006 году при посредничестве ООН начались мирные переговоры между непальским правительством и маоистскими повстанцами. В начале следующего года была принята Временная Конституция Непала, призванная стабилизировать государство,

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

ФЕДЕРАЛИЗМ В ГИМАЛАЯХ:
ТРУДНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В НЕПАЛЕ

пережившее братоубийственную смуту и свержение монархии, а также регламентировать избрание Конституционной Ассамблеи, которой предстояло разработать постоянную конституцию. Одновременно с принятием этого переходного документа по инициативе группы мадхеси, довольно многочисленной, но неизменно дискриминируемой, в публичном дискурсе бескомпромиссным образом был поднят вопрос о федерализации страны. Мадхеси, будучи не этнической, а кастовой группой, являются вторыми по численности в Непале: на их долю приходится чуть более 15% населения⁴. В ходе гражданской войны их руководители поддерживали тесные связи с партией маоистов, обещавших им институциональное оформление их групповой самобытности в случае собственной победы. Поэтому, когда при поддержке тех же маоистов в январе 2007-го была принята Временная Конституция, не содержащая никаких упоминаний о федеративном устройстве, мадхеси почувствовали себя преданными и не только показательно сожгли копию этого документа, но и похитили нескольких маоистских политиков.

Стремительная либерализация конституционного законодательства, разворачивавшаяся в много-составном обществе, изобилующем этническими, кастовыми и религиозными противоречиями, стала ключевым фактором, обусловившим радикализацию политического дискурса.

Бунт мадхеси, в ходе которого погибли несколько десятков человек, явно угрожал хрупкому миру, недавно завершившему десятилетие смуты. Опасаясь возвращения к гражданскому конфликту, уже в феврале 2007 года премьер-министр Гириджа Прасад Коирала официально пообещал, что поправка, на которой настаивали мадхеси, будет внесена во Временную Конституцию, а в постоянной Конституции федералистские установления станут одной из основ нового строя. Действительно, 17 апреля 2007 года в статью 138 была внесена Первая поправка, устанавливающая, что одной из целей прогрессивной реорганизации государства выступает создание в нем демократической федеративной системы. Тем не менее звучащие иногда утверждения о том, что требование федерализации в начале 2000-х поддерживалось широкими непальскими массами или выдвигалось сразу несколькими угнетаемыми

⁴ Исследователи называют мадхеси «свободной региональной формацией идентичности, в которую могут быть включены мусульмане и далиты [неприкасаемые]». См.: LAWOTI M. *Constitution and Conflict: Mono-Ethnic Federalism in a Poly-Ethnic Nepal*. New Dehli: Routledge, 2016. P. 6–7.

этническими меньшинствами, не имеют под собой оснований. Кроме того, ни у самих меньшинств, ни у претендующих на отстаивание их интересов партийных структур не было единого понимания того, как должно быть устроено федеративное государство: принципиальные противоречия во взглядах на федерализм сохранились как среди его сторонников, так и среди его противников⁵.

Непальское общество отличает кризис идентичности, который особенно ярко проявляется с 1990-х годов. Его ключевой особенностью выступает то, что члены этого социума всегда были избавлены от необходимости персональной самоидентификации: граждане Непала относили себя к той или иной религиозной, региональной, лингвистической, социальной группе не по собственному желанию, а из-за того, что на определенном этапе этого требовало от них государство. Этническое самосознание в территориальном и религиозном его преломлении выступало тем базисом, на котором формировались эти предписываемые идентичности. Выраженная многосоставность местного социума препятствует сглаживанию социально-экономического неравенства, которое неизбежно затрагивает все сферы его жизнедеятельности. В этой связи непальцы возлагают большие надежды на институционализацию федерализма как способа межэтнической и межобщинной гармонизации.

По данным социологического опроса, проведенного во время местных выборов, организованных в соответствии с новой Конституцией в сентябре–октябре 2017 года, 59% населения считали, что отношения между людьми различных каст, национальностей и религий в Непале улучшаются⁶. Показателен также и тот факт, что в традиционно мятежных регионах проживания мадхеси большинство респондентов (58%) тоже полагают, что межнациональный климат в Непале становится мягче. И хотя представители именно этой территориально обособленной группы в 2007-м выступили с призывом к федерализации, десять лет спустя они же горячо протестовали против Конституции 2015 года из-за обозначенного в ней устройства федеративной системы, лишеной желаемой ими регионально-этнической составляющей (об этом речь пойдет ниже). Примечательно также и то, что тяготение к правовому оформлению непальской идентичности складывалось под влиянием исторически маргинализированных общин (не в последнюю очередь

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

ФЕДЕРАЛИЗМ В ГИМАЛАЯХ:
ТРУДНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В НЕПАЛЕ

5 Подробнее см.: LECOURE A. *The Question of Federalism in Nepal* // Publius. 2014. Vol. 44. № 4. P. 609–632; см. также текст Временной Конституции Непала с первыми тремя поправками: https://constitutionnet.org/sites/default/files/interim_constitution_of_nepal_2007_as_amended_by_first_second_and_third_amendments.pdf.

6 См.: RAI J., SHNEIDERMAN S. *Identity, Society, and State: The Politics of Change* // THAPA D. (Ed.). *Reflections on Contemporary Nepal*. Kathmandu: Himal Books, 2019. P. 94–108.

упомянутых выше маджеси), добивавшихся более широкого политического участия и признания со стороны государства, а также протестовавших против привилегированного гражданства: внешние факторы не сыграли здесь никакой роли. Обобщая, непальские исследователи заявляют о том, что социальные последствия внедрения федерализма не однозначны: укрепление мультикультурализма, с одной стороны, соседствует, с другой стороны, с построением такого национального государства, которое исключает из федеральной и региональной политики проживающие в стране меньшинства⁷.

ФЕДЕРАЛИЗМ В НЕПАЛЬСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Согласно преамбуле Конституции Непала 2015 года, непальский народ, принимая настоящий Основной закон, прекращает все формы дискриминации и угнетения, созданные феодальной, автократической, централизованной и унитарной властью; тем самым он реализует стремление к вечному миру, благу управлению, развитию и процветанию посредством федеративной демократической системы управления. В статьях 2 и 3 носителем государственного суверенитета объявляется народ Непала, состоящий из граждан, живущих в разных географических регионах. Среди качеств этого народа Конституция упоминает национальное, языковое, религиозное и культурное разнообразие, скрепляемое общей преданностью национальной независимости, территориальной целостности и процветанию Непала. В статье 4 Непал характеризуется как независимое, неделимое, суверенное федеративное государство. Кроме того, здесь же устанавливается, что изначальная территория Непала может расширяться за счет земель, которые могут быть приобретены государством после вступления Конституции в силу⁸.

Из сказанного очевидно, что непальцы подходят к нормативному закреплению формы государственно-территориального устройства с функциональных позиций: по логике создателей конституционного текста, если унитаризм связан с феодализмом, автократией и угнетением, то ему надлежит противопоставить демократический федерализм. Что касается упоминаемого в преамбуле «благого управления» (*good government*), то специалисты видят в нем целую комбинацию конституционных ценностей, среди которых ориентация на консенсус, транспарентность, верховенство права, гражданское участие в отправлении власти, подотчетность государственных органов, отстаивание

⁷ Ibid.

⁸ См. Конституцию Непала на официальном сайте правительственной Правовой комиссии: www.lawcommission.gov.np/en/archives/category/documents/prevaling-law/constitution/constitution-of-nepal.

справедливости, эффективность и результативность публичной власти. В подобной оптике федерализм сам по себе не является ценностью, однако он позволяет воплощать все перечисленные конституционные ценности в жизнь – иначе говоря, без него благое управление недостижимо⁹.

Эта доктринальная позиция подтверждается и тем, что предписываемое государству укрепление федеративной, демократической, республиканской системы, а также приверженность децентрализации власти напрямую увязываются с поддержанием такой общественной атмосферы, в которой уважаются демократические права и свободы (статья 50). Далее, среди приоритетных направлений политики постулируются укрепление национального единства, расширение и развитие отношений между федеральными единицами через партнерское управление ресурсами, поощрение и сохранение культурного многообразия, поддержание координации между провинциями, приоритетность слабо развитых регионов в развитии инфраструктуры (статья 51). Конституция Непала весьма гибко регулирует вопросы лингвистического разнообразия: в ней предусмотрено, что все исконные языки, на которых говорят в Непале, должны быть национальными (статья 6). Несмотря на то, что часть 1 статьи 7 провозглашает непальский язык официальным языком государства, часть 2 той же статьи обязывает провинции утвердить язык (или языки) большинства жителей провинции в качестве официальных для конкретного региона. Статус таких языков регулируется законом провинции.

Надо сказать, что правовые нормы, регулирующие бытование языков, играют в Непале более значимую роль, чем в других азиатских федерациях. Дело в том, что при разработке действующей Конституции рассматривались различные варианты федеративной «нарезки» – распределения территорий между этническими группами. По мнению специалистов, для полноценного учета мнений и интересов основных региональных этнических меньшинств нужно было учредить от десяти до четырнадцати провинций, однако вместо этого их появилось всего семь¹⁰. Специфика нового деления заключалась в том, что в каждой из созданных территориальных единиц представители хас арья – доминирующего в Непале этноса, составляющего около 31% всего населения, – оказались в большинстве. Инструменты для подобной инженерии были весьма просты-

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

ФЕДЕРАЛИЗМ В ГИМАЛАЯХ:
ТРУДНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В НЕПАЛЕ

9 См.: ДАНАЛ К. *The Constitution of Nepal: On the Touchstone of Constitutionalism and Good Governance* // Journal of Political Science. 2017. Vol. 17. P. 43–48.

10 До федерализации унитарное устройство Непала предусматривало пять регионов развития, в которые входили 14 административных зон и 75 округов. Пореформенное территориальное устройство, с одной стороны, увеличило количество крупнейших территориальных единиц с пяти до семи и отчасти изменило их границы, но, с другой стороны, границы округов, входящих в состав провинций, оставило практически неизменным.

ми. Так, вместо того, чтобы создать для этноса магаров (7,13% населения) одну провинцию, его разделили между тремя провинциями, а этносы раи (2,3%), лимбу (1,46%), шерма (0,42%) были, напротив, объединены в одной провинции вместе с народами таманг (5,81%) и ньюар (5%).

Интересно, что на момент принятия Конституции 2015 года провинции в Непале не имели названий, но маркировались номерами: Провинция № 1, Провинция № 2 и так далее. В некоторых местах Основного закона (в частности, в статьях 18, 42, 84, 176) указываются основные этнические группы, которые, как представляется, обладали потенциалом дать названия соответствующим провинциям, однако, поскольку субъекты непальской федерации образованы по принципу не национальному, а территориальному – при весьма своеобразном, как только что было показано, учете национального фактора, – ни в одной из составных частей федеративного целого не имеется какой-либо титульной нации, представляющей собой демографически преобладающий и компактно проживающий этнос. (Впрочем, наименования некоторых провинций позже все-таки были изменены: к августу 2021 года пять из семи уже обзавелись собственными названиями по итогам региональных референдумов: 3-я провинция стала провинцией Багмати, 4-я провинция – Гандаки, 5-я провинция – Лумбини, 6-я провинция – Карнали, 7-я провинция – Судурпаштин.)

В предельно централизованной непальской федерации этнический фактор лишь принимается во внимание, но не берется за основу образования составных частей федеративного союза.

Таким образом, в предельно централизованной непальской федерации этнический фактор лишь принимается во внимание, но не берется за основу образования составных частей федеративного союза. Махендра Лавоти называет это явление «моноэтническим федерализмом в полиэтническом государстве»¹¹, хотя, на наш взгляд, правильнее было бы определять Непал как «антиэтническую федерацию», учрежденную в интересах самой большой национальной группы¹². В этом усматривается определенный парадокс: государство, которое исторически настаивало на этнической, региональной и иной социальной

11 LAWOTI M. *Op. cit.* P. 5–18.

12 О феномене антиэтнического федерализма подробнее см.: ANDERSON L.D. *Federal Solutions to Ethnic Problems: Accommodating Diversity*. London: Routledge, 2013. P. 6–7; O'LEARY B. *An Iron Law of Federations? A (Neo-Diceyan) Theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue. The 5th Ernest Gellner Memorial Lecture // Nations and Nationalism*. 2001. Vol. 7. № 3. P. 278–284.

маркировке собственных подданных, теперь, с переходом к федерализму, отказывает гражданам в институционализации усвоенной ими идентичности. Максимум, на который оно согласнo, – это допустить одновременное использование в одной провинции нескольких языков тех этнических групп, которые остаются меньшинствами и в федеральном, и в региональном масштабе. Кризис непальской идентичности, упоминавшийся выше, не в последнюю очередь стал следствием подобной национальной политики, воплотившейся в самобытном федеративном строительстве.

Централизованная природа непальского федерализма проявляет себя в организации системы публичной власти – в частности, в модели распределения полномочий. Так, кроме исключительной компетенции федерации и провинций, а также совместного ведения федерации и провинций, Конституция Непала предусматривает исключительную компетенцию местного уровня, а также совместное ведение федерации, провинции и муниципии (Приложения 5–9), но в соответствии со статьей 58 любая остаточная компетенция все-таки принадлежит федерации. Кроме того, Конституция допускает возможность передачи исключительной компетенции от двух и более провинций федеральному центру (статья 231) и обязывает все уровни власти во взаимоотношениях друг с другом руководствоваться принципами сотрудничества, сосуществования и координации (статья 232). Признаки централизованного федерализма можно обнаружить также и в том, как формируется Национальная Ассамблея – верхняя палата Федерального Парламента, представляющая интересы субъектов федерации: помимо восьми представителей от каждой провинции, которые избираются конференцией выборщиков, состоящей из депутатов провинциальной ассамблеи и руководства муниципалитетов провинции, в ее состав также входят три члена, назначаемые президентом страны по рекомендации правительства. Впрочем, взаимовлияние исполнительной и законодательной ветвей власти является обоюдным: зависимость президента от парламента проявляется в том, что глава государства избирается на непрямых выборах коллегией выборщиков, состоящей из депутатов обеих палат Федерального Парламента и ассамблей всех семи провинций (статья 62).

Главы провинций, которые представляют в регионе федеральное правительство, в Непале не избираются, а назначаются президентом на пятилетний срок (статья 163). Однако в Конституции содержится важное уточнение: одно и то же лицо не может быть главой одной и той же провинции больше одного раза. Задачи, выполняемые региональным главой, реализуются по рекомендации и с согласия совета министров провинции,

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

ФЕДЕРАЛИЗМ В ГИМАЛАЯХ:
ТРУДНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В НЕПАЛЕ

а решения, принимаемые от имени главы, равно как и порядок их одобрения советом министров, устанавливаются законами провинции (статья 166). Отношения между главой провинции в Непале и председателем провинциального правительства отличаются от аналогичных отношений в Индии и Пакистане: здесь губернатор обязан назначить лидера партии, получившей большинство мест в провинциальной ассамблее, главным министром и сформировать правительство под его председательством (статья 168). (Между тем у соседей Непала подобные действия руководителя субъекта федерации считаются лишь политически целесообразными, но не юридически обязательными.) Кроме того, федеральное законодательство требует соблюдение нормы представительства меньшинств в провинциальных ассамблеях. В применяемой в Непале пропорциональной избирательной системе, при которой избиратель может отдать голос только за партийный список, а не за включенного в него отдельного кандидата (закрытый список), для прохождения представителей меньшинств в легислатуру в региональных партийных списках предусматриваются специальные квоты (статья 176).

Созданный в соответствии с Конституцией межпровинциальный совет отвечает за урегулирование политических споров, которые могут возникать как между федерацией и провинцией, так и между отдельными провинциями (статья 234). Одновременно предусматривается институт федерального вмешательства: если какая-то провинция принимает акт, способный серьезно воздействовать на суверенитет, территориальную целостность или независимость Непала, то глава государства либо делает предупреждение такой провинции, требуя от нее устранения нарушений, либо распускает провинциальный совет министров и провинциальную ассамблею. После одобрения подобного вмешательства федеральными парламентариями назначаются досрочные выборы, а до их проведения Федеральный Парламент берет региональное законодательство на себя: он уполномочен принимать законы по вопросам, отнесенным к исключительной компетенции провинции, которые, впрочем, потом могут быть пересмотрены вновь избранной провинциальной ассамблеей. Если же федеральные законодатели не одобрили президентское решение о роспуске провинциальных органов власти, то оно признается недействительным (статья 273).

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Процесс принятия новой Конституции растянулся с 2006-го по 2015 год: одна из декларируемых причин заключалась в том, что разработчикам пришлось долго искать баланс интересов, спо-

собный удовлетворить всех участников будущего федеративного объединения. Однако, по мнению ряда авторов, это было не столько полноценное демократическое обсуждение, сколько сговор правящих элит в своих корыстных интересах¹³. В литературе того времени этот поиск называли «сизифовой задачей», реализация которой требовала отдать гражданской идентичности приоритет над этнической. Непальский антиэтнический федерализм незамедлительно вызвал недоверие, поскольку был оформлен как право самой многочисленной этнической группы хас арья доминировать за счет других этносов, намеренно разделенных между провинциями¹⁴. Кроме того, эффективности федерализма как способа решения межнационального конфликта препятствовала этническая и кастовая фрагментация непальского общества, которую усугубила гражданская война¹⁵.

Несмотря на свою социальную злободневность и историческую обусловленность, непальский федерализм в его нынешнем состоянии имеет в научной среде гораздо больше противников, чем защитников. Так, Махендра Лавоти, говоря о «моноэтническом федерализме в полиэтническом государстве», называет причиной его возникновения сговор элит, суть которого со временем не изменится – и поэтому, по мнению этого специалиста, в будущем Непал ждут серьезные потрясения¹⁶. Из аналогичной посылки исходит и Сурендра Бхандари, приходя, однако, к менее жестким выводам: Непалу, как он полагает, требуется переход к либеральной демократии с конституционализацией равенства граждан. Этот автор акцентирует внимание на первостепенных задачах, которые призван решить подобный процесс: среди них уничтожение кастовой системы, расширение демократического выбора посредством создания благоприятных социальных условий, а также узаконение власти в рамках компетенции, указанной в Конституции, а не на основании иных источников легитимации¹⁷.

Ничуть не оспаривая то, что у непальского федерализма много проблем, хотелось бы тем не менее предложить более оптимистичный прогноз дальнейшего государственного строительства в Гималаях. По данным социологических исследований, большинство непальцев, независимо от этнической при-

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

ФЕДЕРАЛИЗМ В ГИМАЛАЯХ:
ТРУДНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В НЕПАЛЕ

13 См., например: BHANDARI S. *Constitution Making and the Failure of Constituent Assembly: The Case of Nepal* // Ritsumeikan Annual Review of International Studies. 2012. Vol. 11. P. 1–40; SIGDEL A., ATREYA A. *Solution or Problem? Ethnic Federalism in Post-Conflict Nepal*. Paper for the International Studies Association's (ISA) 57th Annual Convention. 2016. March 16–19. Atlanta, Georgia.

14 См.: DAHAL D.R., GHIMIRE Y. *Ethnic Federalism in Nepal: Risks and Opportunities* // Georgetown Journal of International Affairs. 2012. Vol. 13. № 1. P. 71–78.

15 См.: KABIR H. *The Rise of New Regional Political Force in Madhes and Its Consequence in Post-Conflict Nepal*. Hiroshima: Hiroshima University, 2012.

16 LAWOTI M. *Op. cit.* P. 5–18.

17 BHANDARI S. *Nation Building: Challenges and Opportunities*. [2015]. P. 41–43 (<https://hidnepal.com/images/publications/reports/Nation-Building.pdf>).

надлежности, редко употребляют слово «федерализм», но при этом во всех этнических группах доля тех, кто хочет, чтобы Непал был федеративным государством, превышает долю тех, кто хотел бы видеть его унитарным образованием. Несмотря на то, что четкое понимание федералистских принципов отсутствует как в рядах политических элит, так и среди рядовых граждан, население страны в большинстве своем с оптимизмом смотрит на дальнейшее развитие конституционной федеративной системы. Ее бесспорная сложность и громоздкость в глазах людей уравнивается столь же несомненными плюсами: так, в Непале отсутствуют организованные сепаратистские движения, добывающиеся отделения тех или иных территорий и – что не менее важно – обладающие способностью реализовать подобные цели. Разумеется, слабости сепаратизма обусловлены не только федералистской практикой, но и целым рядом других факторов. Среди них – география (изоляция страны в труднодоступной горной местности), история (вековая неизменность границ государства и традиционное вовлечение региональных элит в решение местных вопросов), психология (трудное преодоление стрессов гражданской войны, а также разрушительного землетрясения 2015 года, произошедшего незадолго до вступления новой Конституции в силу). Тем не менее инструментальный потенциал федерализма, поддерживающий подобное положение вещей, не ставится под сомнение. Поэтому, несмотря на продолжающиеся дискуссии о типе федеративной организации, которые, как было показано выше, носят скорее политический, а не правовой характер, среди всех местных партий сложился консенсус относительно того, что с политическим и культурным господством доминирующей индуистской группы надо покончить – заменив его новой непальской идентичностью, формируемой на паритетных началах и на федералистском фундаменте. Исходя из эволюционных, а не революционных настроений, преобладающих сейчас в непальском обществе, принятие Конституции 2015 года, несмотря на ее многочисленные недостатки, можно считать важнейшей вехой в институционализации этой новой идентичности¹⁸.

Вместе с тем мы не можем не отдать должного прагматичной позиции экономиста Рама Кеваля Шаха, высказанной в его недавней работе по непальскому фискальному федерализму. По его мнению, Конституция 2015 года имеет множество позитивных аспектов в части использования природных ресурсов, экономических прав и распределения доходов, однако ей присущи и существенные недостатки, серьезнейшим среди которых

18 Результаты социологических опросов и сделанные на их основе выводы см. в статье: KUMAR SEN P. *Unitary State vs. Federal State in Nepali Public's Opinion* // *Journal of Humanities and Social Science*. 2018. Vol. 23. № 7. P. 53–70.

предстает избыточная централизация налоговых платежей. (По данным, приводимым этим автором, до 90% всех налоговых поступлений передаются центральному правительству.) Поскольку в основе любой федеративной системы должен лежать баланс сдержек и противовесов, а нынешняя непальская федеративная система является несбалансированной, автор предлагает говорить о ней как о находящейся в состоянии формирования¹⁹. Как именно происходит этот процесс и каковы его перспективы в условиях общемировой и региональной политической повестки, какова роль в нем политических партий, этнических, региональных и других групп интересов, каким образом реализуются конституционные компетенции органов власти различных уровней, как меняются отношения между их бюджетами, а также как происходит формирование непальской идентичности в условиях антиэтнического федерализма – все эти проблемы ждут своего освещения в рамках отдельных самостоятельных исследований.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

ФЕДЕРАЛИЗМ В ГИМАЛАЯХ:
ТРУДНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В НЕПАЛЕ

* * *

Модель непальского федерализма отличается довольно необычным использованием федеративной системы для того, чтобы лишить этнические меньшинства шансов на управление государством, созданным для поддержания господства этнической группы хас арья. Именно этим обусловлено наличие выраженных элементов централизации в конституционном строе Непала (в части распределения полномочий, формирования органов федеральной и провинциальной власти и так далее). Вместе с тем свежая память о кровопролитном гражданском конфликте, с одной стороны, вынуждает федеральный центр тщательно обдумывать внедрение новых элементов централизации в интересах господствующего меньшинства, а региональные элиты вынуждают ограничивать сепаратистскую риторику. Сохранению нынешнего баланса способствует и оригинальная структура непальской федеративной системы, неотъемлемой частью которой выступает весьма мощное местное самоуправление, конституционно наделенное множеством важных полномочий. Оригинальный трехуровневый федерализм подразумевает не только расширенные полномочия муниципальных властей, но и сотрудничество между муниципалитетами и провинциями, оформленное конституционным образом.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие федерализма в стране тесно связано со стабилизацией полити-

19 См.: ШАН R.K. *Fiscal Federalism in Nepal: Challenges and Opportunities* // *Research Nepal Journal of Development Studies*. 2019. Vol. 2. № 1. P. 151–170.

ческой и правоохранительной систем Непала, которой невозможно обеспечить без поощрения институтов гражданского общества и конституционного контроля. Хотя в указанных направлениях непальцам еще предстоит большая работа, заинтересованность в реформах, демонстрируемая в последние годы правительством Непала, позволяет оптимистично оценить будущее федерализма в этой стране. Так, в 2019 году государство профинансировало исследование, которым совместно занимались Университет штата Джорджия и Колледж административного персонала Непала: обобщая итоги этой работы, непальское правительство заявило о необходимости детального плана конкретных действий для всех уровней власти, обновления законодательной базы, решения кадровых проблем и переподготовки госслужащих, отказа от дублирования властных функций, укрепления гарантий гендерного равенства и интеграции меньшинств, создания единой базы данных для мониторинга и оценки фискальных и экономических показателей, поощрения инициативы органов местного самоуправления²⁰. В свою очередь непальскими учеными активно исследуются темы, крайне важные для институционализации федерализма: это местное самоуправление, планирование территориального развития, урбанистика²¹.

Как представляется, даже краткого знакомства с непальским федерализмом хватило для того, чтобы очертить не только перспективы его дальнейшего изучения, но и сопутствующие ему фундаментальные противоречия – как те, что он был призван решить, так и те, с которыми столкнулась страна после его внедрения. Несмотря на тернистость пройденного пути, в федеративности Непала не приходится сомневаться: в стране, как полагается, присутствуют и договоренности правящих элит, закреплённые на конституционном уровне, и соответствующая институциональная надстройка, вполне согласующаяся с хрестоматийными критериями федералистской литературы. Наверное, главной проблемой непальской федерации выступает не столько то, что о ней мало пишут юристы, экономисты и политологи, сколько то, что она во многом остается загадкой для самих непальцев. Таким образом, ее дальнейшее изучение не только пополнит свод наших знаний об особенностях функционирующих в мире федераций, но и, возможно, поможет самим непальцам сделать их федерализм более совершенным.

20 См. итоговый доклад на сайте непальского Министерства финансов: *Nepal Capacity Needs Assessment for the Transition to Federalism*. 2019. July 10 (<https://mof.gov.np/en/division/detail/news-1968/?lang=1&j=36>).

21 См., например: АЧАРИЯ К.Р. *Urban Planning and Economic Development of Nepal* // Tribhuvan University Journal. 2018. Vol. 32. № 2. P. 107–118; ГЯВАЛИ Р. *Nepalese Municipal Governance: A Comparative Case Study of Kathmandu and Lalitpur Metropolitan Cities* // Research Nepal Journal of Development Studies. 2018. Vol. I. № 1. P. 66–72; ДАНАЛ К. *New Development: A Wave of the Future Planning Practices in Nepal* // Tribhuvan University Journal. 2017. Vol. 31. № 1–2. P. 139–152.

Показать невообразимое: 9/11, «война с террором» и англоязычные исследования культуры

ФЕДОР
НИКОЛАИ

События 11 сентября 2001 года и проблемам их репрезентации посвящено огромное количество литературы¹. Охарактеризовать это гигантское поле в рамках небольшой статьи вряд ли возможно. Обозначим лишь некоторые различия в стратегиях обращения к событиям 9/11, характерные для исследований культуры, *memory studies* и теории медиа.

9/11 И «ВОЙНА С ТЕРРОРОМ» В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Существуют несколько вариантов периодизации отклика на события 9/11 в американском кинематографе. Однако практически все они оказываются не очень удачными, что признают даже их создатели.

1 FALUDI S. *The Terror Dream: Fear and Fantasy in Post 9/11 America*. Melbourne: Scribe, 2007; MCSWEENEY T. *The «War on Terror» and American Film: 9/11 Frames per Second*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014; PHEASANT-KELLY F. *Fantasy Film Post-9/11*. London; New York: I.B. Tauris, 2013; OUELLETTE M.A., THOMP-

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

Согласно варианту, предложенному Томасом Риглером, непосредственно после 11 сентября в кино возобладал отказ от прямой демонстрации образов падающих башен и захватов самолетов террористами. 45 сценариев и уже начатых съемок с такими сюжетами были отложены до лучших времен². Премьеру «Возмещения ущерба» Эндрю Дэвиса перенесли с 5 октября 2001-го на 8 февраля 2002 года, а сцену с захватом террористами самолета просто вырезали из фильма. Отголоски этой стратегии сохраняются и позднее: «Цель номер один» Кэтрин Бигелоу (2012) начинается с голосов погибших во время терактов, в то время как экран остается темным.

В 2002–2003 годах события 9/11 и военные действия в Афганистане в художественных фильмах по-прежнему не показываются. Но одновременно в картинах, посвященных прошлым конфликтам во Вьетнаме, Африке, Югославии, разрабатываются новые способы их кинематографической демонстрации: 11 сентября заставило переосмыслить нарративы антитеррористического и военного кино вообще. После начала военных действий в Ираке в 2003 году эти новые способы получают свое окончательное выражение в фильмах «Без цензуры» Брайана Де Пальма (2007), «В долине Эла» Пола Хаггиса (2007), «Львы для ягнят» Роберта Редфорда (2007), «Повелитель бури» Кэтрин Бигелоу (2008) и других. Последняя картина получила шесть «Оскаров», в том числе в номинации за лучший фильм, обойдя «Аватара» Джеймса Кэмерона. Особенностью нового нарратива становится неразрывное переплетение героической и трагической линий: стратегия героизации работает при описании собственно военных действий, а трагический модус используется для рассказа о проблемах адаптации комбатантов по возвращении домой. Собственно события 9/11 здесь упоминаются лишь как причина военных действий и за редким исключением не рассматриваются отдельно.

Начало экономического кризиса в 2008 году и приход к власти президента Барака Обамы отодвигают, с точки зрения Риглера, эти новации на задний план. Ключевой кинематографической стратегией становится метонимическое переосмысление отдельных образов 9/11 в супергеройских фильмах, фэнтези, фильмах ужасов и фильмах-катастрофах. Метонимической эту стратегию можно назвать потому, что эстетика детали (падение

SON J. *The Post-9/11 Video Game: A Critical Examination*. Jefferson: McFarland, 2017; POLLARD T. *Hollywood 9/11 Superheroes, Supervillains and Super Disasters*. Boulder: Paradigm Publishers, 2011; SCHOPP A., HILL M.B. (Eds.). *The War on Terror and American Popular Culture: September 11 and Beyond*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2009; SHERMAN D.J., NARDIN T. (Eds.). *Terror, Culture, Politics: Rethinking 9/11*. Bloomington: Indiana University Press, 2005; STUBBLEFIELD T. *9/11 and the Visual Culture of Disaster*. Bloomington: Indiana University Press, 2015; WESTWELL G. *Parallel Lines: Post- 9/11 Cinema*. London: Wallflower Press, 2014.

2 RIEGLER T. «Mirroring Terror»: *The Impact of 9/11 on Hollywood Cinema // Imaginations*. 2014. Vol. 5. № 2. P. 105.

небоскребов и сцены разрушений в Нью-Йорке, арабские террористы и захват самолетов) становится единственной отсылкой к событиям 2001 года и «войне с террором». Здесь аргументы Риглера кажутся несколько сомнительными: сам исследователь признает, что месседж фильмов не сводится к какой-либо однозначной идеологии, а предложенные им хронологические рамки весьма относительны.

То же самое можно сказать и о периодизации, разработанной Люси Бонд из Вестминстерского университета³, а также о целом ряде других работ, пытающихся проследить влияние событий 9/11 на фильмы Тарантино или на переосмысление образа Авраама Линкольна в 2000-е⁴. Выбор сюжетов здесь оказывается почти всегда произвольным, а выводы редуцируют сложные отношения героев и работу образов к линейному нарративу. Чаще всего события 9/11 становятся тут лишь точкой отсчета и характеризуются через деполитизированные понятия, сложившиеся в *memory* и *trauma studies* еще в 1990-е: «культурная травма», «экран памяти», «возвышенный опыт». Кроме того, эти концептуальные словари и схемы не позволяют в полной мере описать степень и характер *воздействия* фильмов на зрителя – воздействия со всеми его аффективными и идеологическими амбивалентностями. Нарратив редко завершается однозначно прочитываемым месседжем, подводящим итоги прошлому. Например, открытая концовка фильма «Немыслимое» Грегора Джордана (2009) позволяет рассматривать действия главного героя – ветерана ЦРУ с позывным «Эйч» в исполнении Сэмюэла Л. Джексона – и как безумие маньяка, готового пытаться детей, и как самоотверженность опытного разведчика, действующего на пределе своих возможностей. Фильм работает в регистре, отличающемся от простого воспроизводства трагического мемориального нарратива о 9/11 или о каких-либо других событиях прошлого.

Главной задачей самих исследований культуры при этом становится функциональный анализ взаимосвязей политики идентичности, производства кинообразов, механизмов их потребления и регулирования. Такой анализ проблематизирует складывающиеся нарративы, ставит под вопрос их идеологические рамки и импликации, но не ставит вопрос о возможности иного будущего.

ФЕДОР НИКОЛАИ
ПОКАЗАТЬ
НЕВООБРАЗИМОЕ...

3 BOND L. *Frames of Memory after 9/11: Culture, Criticism, Politics, and Law*. New York; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.

4 SCHOPP A. «Gettin' Dirty»: *Tarantino's Vengeful Justice, the Marked Viewer and Post-9/11 America* // MCSWEENEY T. (Ed.). *American Cinema in the Shadow of 9/11*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 169–190; SCOTT I. *Stop the Clocks: Lincoln and Post-9/11 Cinema* // Ibid. P. 191–206.

ОТ ТРАВМЫ К ПАМЯТИ О ТРУДНОМ ПРОШЛОМ

Другая стратегия в дискуссиях о событиях 11 сентября возобладала в рамках *trauma studies*. Напомним, что это направление исследований сформировалось в США в 1980–1990-е и было неразрывно связано с деконструкцией и постлакановским психоанализом⁵. При всех многочисленных нюансах понятие травмы трактовалось здесь как радикальный разрыв, сбой репрезентации или онтологическая нехватка, которые не могут быть терапевтически исцелены. Терракты 11 сентября 2001 года существенно изменили ситуацию. С одной стороны, сразу после них было создано агентство по оказанию психотерапевтической помощи «Свобода», распределявшее финансовые средства не только пострадавшим и их семьям, но и всем, кто обращался к психологам и психотерапевтам. С другой стороны, таких обращений оказалось невообразимое количество: 44% американцев после многократных просмотров новостей о терактах жаловались как минимум на один из пяти основных симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), и 90% – на другие проявления стресса. Только в Нью-Йорке полтора миллиона человек обратились к психотерапевтам, и у 500 тысяч из них был официально диагностировано ПТСР⁶. В итоге, как отмечает Карен Сили, «медикализация событий 9/11 дала государству дополнительные средства организации субъективного опыта граждан»⁷.

Однако этот опыт лишь частично озвучивался на языке травмы. Все более существенную роль в нем играл этический элемент: долг памяти, эмпатия и саморефлексия о принадлежности к определенным (скорее локальным и эмоциональным, чем политическим) сообществам. Теоретик *trauma studies* Энн Каплан отмечала, что события 11 сентября полностью перевернули ее политические взгляды и прежнее мировоззрение:

«Физический мир непосредственно вокруг меня драматическим образом изменился. [...] И мое отношение к общественной сфере (как Нью-Йорка, так и США в целом) полностью перевернулось. Но еще больше изменился мой внутренний мир: катастрофа не только реактивировала старые симптомы времен Второй мировой войны [ребенком Каплан пережила бомбардировки Лондона. – Ф. Н.], но и вызвала новый кризис моей профессиональной и политической идентичности – кризис моей политической идентичности»⁸.

5 LEYS R. *Trauma: A Genealogy*. Chicago: University of Chicago Press, 2000.

6 NERIA Y., GROSS R., MARSHALL R.D. (Eds.). *9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

7 SEELEY K.M. *Therapy after Terror: 9/11, Psycho-therapists, and Mental Health*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

8 KAPLAN A. *Trauma Culture: The Politics of Terror and Loss in Media and in Literature*. Piscataway; London: Rutgers University Press, 2005. P. 3–4.

Важной частью этой деполитизации стал рост дискурса идентичности, укорененного в стремительно распространяющихся практиках коммеморации.

Широкие публичные дискуссии о связанных с терактами мемориальных проектах («Посвящение в свете» Джона Беннета, «Отражение отсутствия» Майкла Арада и Питера Уокера, «Основания памяти» Даниэля Либескинда), реконструкция места трагедии, судьба обломков башен и найденных спасателями останков, создание мемориального музея, фотовыставки и временные уличные экспозиции продемонстрировали формирование символического языка, который позволял людям выразить свои чувства и отклики на трагические события 2001 года, представить их в определенных культурных формах, устойчивых во времени⁹. При этом речь шла не о полном преодолении травмы, но об интеграции скорби в тактики субъективации, о возможности жить с трудным прошлым. Существенную роль при этом играл этический момент¹⁰, характерный для второго этапа развития *memory studies*.

ФЕДОР НИКОЛАИ
ПОКАЗАТЬ
НЕВООБРАЗИМОЕ...

Базовым понятием нового дискурса становится понятие аффекта, которое активно используется для анализа современных субкультур и медиа, фильмов и музыки, фотографии и литературы, дневников и автобиографий.

Важнейшим элементом всех перечисленных дискуссий и практик коммеморации оказались эмоции. Подчеркивая широту спектра эмоций, вызванных у людей событиями 9/11 – гнева и боли, меланхолии и скорби, апатии и уныния, – часто амбивалентных и трудно артикулируемых ощущений, Энн Кветкович и многие другие прежние сторонники *trauma studies* все чаще отказывались от редукции всей этой эмоционально-чувственной сферы к бессознательным влечениям, описываемым на языке психоаналитической традиции. Базовым понятием нового дискурса, позволяющего иначе, чем прежде, соотнести личный эмоциональный опыт с коллективными представлениями, становится понятие аффекта, которое активно используется для анализа современных субкультур и медиа, фильмов и музыки, фотографии и литературы, дневников и автобиографий. При

9 BOND L., RAPSON J. (Eds.). *The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders*. Berlin: de Gruyter, 2014; MICIELI-VOUTSINAS J. *Affective Heritage and the Politics of Memory after 9/11: Curating Trauma at the Memorial Museum*. New York: Routledge, 2021; SIMPSON D. *9/11: The Culture of Commemoration*. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

10 СПИВАК Г.Ч. *Террор: речь после 9-11 // Травма: пункты* / Под ред. С. УШАКИНА, Е. ТРУБИНОЙ. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 866–867.

этом аффект соединяет физиологические реакции, психологические установки и социальные нормы. Он предполагает динамическую онтологию: действия индивидов, социальных групп или технических объектов рассматриваются не как проявления неких устойчивых идентичностей, но как самостоятельные процессы и отношения.

Прямую миметическую взаимосвязь реальности и образов при этом сменяют полуосознанные метонимические отношения части и целого. Энн Каплан отказывается от прежних политических взглядов и присоединяется к коллективной идентичности, подобно Бернарду Анжерскому (прежде скептически относившемуся к поклонению статуе святой Веры, но признавшего ее чудесную природу после собственного посещения Конка) в работе Карло Гинзбурга¹¹. Это «обращение» оказывается симптомом трансформации режима восприятия окружающей реальности. В отличие от исследований культуры Стюарта Холла и Реймонда Уильямса, критически анализирующих репрезентации как связку производства и потребления образов, *memory* и *trauma studies* признают за «воображаемым» прошлым самостоятельный потенциал, резонирующий с современными идентичностями и подкрепляемый моралью.

Этот моральный пафос (в том числе применительно к 9/11) блистательно разоблачает Жак Рансьер в работе «Разделя чувственное»¹². Сравнивая «Догвилль» Ларса фон Триера (2003) и «Таинственную реку» Клинта Иствуда (2002), он рассматривает характерную для обоих фильмов трансгрессию как неразличение морали и права: «Бесконечное правосудие приобретает тогда “гуманистический” облик насилия, необходимого для поддержания в сообществе порядка путем избавления от травмы»¹³. Дискурс травмы (как в фильме «Немыслимое») не позволяет провести различия между террором и войной с ним. Он генерирует сомнения, но не предполагает самостоятельного политического действия.

ТЕОРИЯ МЕДИА И НОВЫЙ РЕЖИМ УПРАВЛЕНИЯ АФФЕКТОМ

Как неоднократно подчеркивали Жан Бодрийяр, Славой Жижек и другие исследователи, теракты 11 сентября стали *медиа-событием*. Репортажи о падении башен ВТЦ многократно повто-

- 11** Гинзбург К. *Репрезентация: слово, идея, вещь* // Новое литературное обозрение. 1998. № 5(33). С. 5–21.
- 12** Близкую позицию в плане критики этического поворота занимает и Франклин Анкерсмит: Анкерсмит Ф.Р. *Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- 13** Рансьер Ж. *Разделя чувственное*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138.

рялись по разным телеканалам: только за первую неделю после событий 87% ньюйоркцев видели эти сюжеты в среднем 36 раз¹⁴. Подобная опосредованность опыта принципиально расходилась с идеей прямого воздействия травмы (как считали большинство сторонников *trauma studies* в 1990-е): аффективное и даже травматическое воздействие оказывали и личный опыт, и репортажи медиа.

Критикуя эту оппозицию и доказывая качественную трансформацию работы медиа после 2001 года, американский теоретик медиа Ричард Грусин предложил понятие *премедиации*. По его мнению, новости, Интернет-блоги и «посткинематический медиа-режим» в целом обсуждают сегодня не столько актуальные события, сколько их возможные негативные последствия в ближайшем будущем. Целью премедиации выступает бесконечное обыгрывание разных сценариев будущих угроз (и, соответственно, минимизации рисков) без конструирования какой-либо масштабной альтернативы, образа «достойного общества». Адаптация к рискам происходит благодаря размыванию границ между реальностью и медиа-репрезентациями, когда обсуждение рисков на ток-шоу или в социальных сетях уже (якобы) способствует снижению опасности через ее префигурацию.

«Логика премедиации [...] отличается тем, что выражает не желание непосредственного опыта, но скорее страх такой непосредственности или транспарентности. Ее образцом служат события 9/11, когда падение башен-близнецов воспринималось как бы без посредничества радио, телевидения, Интернета и других медиа, хотя стратегии опосредования множились здесь с головокружительной скоростью»¹⁵.

Важно отметить, что секьюритизация и режим «чрезвычайного положения» не были навязаны обществу «сверху» – исключительно усилиями неолиберальных элит или правительств. Вводимые меры по предотвращению террористических угроз оказались востребованы самыми разными группами населения, стремящимися обеспечить свою физическую безопасность при сохранении устоявшегося образа жизни (свобода передвижения, доступность Интернет-коммуникаций и так далее). Эти стремления были в разных формах использованы государственными институтами и корпорациями для расширения паноптического контроля. И премедиация стала не столько итоговым результатом, сколько средством развертывания этой логики, подменяющей анализ политических причин и актуальных сим-

14 NEWMAN E., DAVIS J., KENNEDY S.M. *Journalism and the Public during Catastrophes* // NERIA Y., GROSS R., MARSHALL R.D. (Eds.). *Op. cit.* P. 181. Причем 63% респондентов говорили, что не могут оторваться от новостей, демонстрирующих эти события вновь и вновь.

15 GRUSIN R.A. *Premediation: Affect and Mediality After 9/11*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 16.

птомов разворачивающегося кризиса терапевтическим использованием медиа-образов еще более опасного будущего.

«Премедиация оберегает граждан глобальной медиа-сферы от повторного травматического шока, связанного с событиями 9/11, поддерживая постоянный низкий уровень страха или беспокойства относительно новых атак террористов. [...] Она опирается на культурно опосредованное желание уверенности в том, что будущее было уже премедиатизировано до того, как стало настоящим (или прошлым), чтобы предотвратить то беспокойство СМИ и их аудитории, которое они проявляли во время событий 11 сентября»¹⁶.

Теракты 2001 года, по мнению Грусина, «пробили брешь» в прежней стратегии кинорепрезентации и стали поворотной точкой в изменении медиа-режима.

Премедиация стала не столько итоговым результатом, сколько средством развертывания логики, подменяющей анализ политических причин и актуальных симптомов разворачивающегося кризиса терапевтическим использованием медиа-образов еще более опасного будущего.

В отличие от прогнозирования, премедиация не предполагает определенного образа будущего, но обозначает множественность его потенциальных форм, часть которых формируется уже сегодня (в настоящем или даже в прошлом). Нужно лишь распознать такую потенциальность и поддержать желательные / купировать опасные ростки будущего. Логика премедиации близка компьютерной игре: она включает разные сценарии, движение по которым лишь отчасти определяется интенциональным выбором участников и их телеологическими установками. Премедиация признает конкурирующие сценарии будущего и стремится смягчить возможные угрозы и травматические сценарии в ходе «профилактики аффекта».

Показательным примером логики премедиации можно считать «Проект возрождения» (Project Rebirth), который стартовал уже весной 2002 года. Он начинался как коллаж фотографий из котлована бывшего ВТЦ (Ground Zero); затем превратился в сайт с онлайн-трансляцией создания «Башни свободы» и мемориала. Наконец, после завершения строительства из записей видеокамер был создан и передан в библиотеку Конгресса фильм, который должен был стать образцом для аналогичных

16 Ibid. P. 4.

проектов, посвященных другим (в том числе еще не случившимся) трагическим событиям. Эти будущие трагедии представляются создателям фильма неизбежными. Смягчить их воздействие можно, лишь распределив негативные эмоции во времени и закольцевав на медиа-образы 9/11. Вопросы о политических причинах кризиса и поиске стратегий его преодоления при этом снимаются.

Работа премедиации нашла свое отражение и в американском кинематографе 2000-х. Особенно подробно Грусин сравнивает снятый по рассказу Филипа Дика фильм «Особое мнение» Стивена Спилберга (2002) и картину «Странные дни» Кэтрин Бигелоу (1995). В обоих случаях речь идет о ближайшем будущем и использовании электронных устройств, напрямую фиксирующих активность головного мозга и записывающих визуальные образы прошлого и видения будущего на внешние цифровые носители. Первый фильм показывает парадоксальность будущего, грань между виртуальностью и реальностью которого оказывается размыта. Это будущее медиатизировано компьютерной системой предотвращения и профилактики преступлений, которая используется как институтами (полицией и государством), так и отдельными людьми в собственных целях. Идущие из будущего медиатизированные угрозы определяют поведение главных героев, их эмоции и планы действий. Реальность здесь не полностью опутана сетями социального, технического, эстетического, политического, культурного или экономического посредничества. Тогда как фильм «Странные дни» Бигелоу опирается на старую логику репрезентации: поиск реальных событий, стоящих за фрагментарными записями физических ощущений соответствующим прибором (СКВИД). Здесь речь идет именно о субъективном опыте прошлого, тогда как в «Особом мнении» – о технологически сконструированном будущем, которое необходимо «предугадать» и предотвратить.

Носителем и одновременно результатом премедиации оказывается аффект, затрагивающий и людей (телезрителей, поклонников сериалов, пользователей компьютерных игр), и сами медиа, и вещи, задействованные в процессе коммуникации. Выступая альтернативой психоаналитическому языку травмы, «поворот к аффекту» выступает основанием переосмысления субъективности сразу в нескольких аспектах. Во-первых, он позволяет рассматривать субъективность не как устойчивую идентичность, но как комплекс отношений и связей между людьми, медиа и объектами. Во-вторых, вместо проблем репрезентации опыта он переносит внимание на медиа-практики и их повседневное использование в различных контекстах, что позволяет снять надуманную оппозицию управления «сверху» и сопротивления «снизу». В-третьих, он делает акцент на уров-

ФЕДОР НИКОЛАИ

ПОКАЗАТЬ
НЕВООБРАЗИМОЕ...

не эмоций, ощущений и повседневных габитусов. Например, пытки в Абу-Грейб, которые вызвали шквал критики в американских исследованиях культуры, оказались вполне приемлемы в фильмах («Цель номер один» и другие). Грусин связывает аффективное измерение этих образов с привычными всем зрителям практиками дигитальной фотографии и повседневного насилия. С этой точки зрения, отнюдь не случайно снимки Абу-Грейб еще до расследования оказались выложены американскими солдатами на порно-сайт, где мужчины обменивались фотографиями жен и подруг. Здесь они никого не шокировали – а наоборот, оказались в ряду сотен тысяч похожих образов. Это сходство связано не с их порнографическим характером, но с повседневностью насилия, которая подчиняет себе даже восприятие таких экстраординарных событий, как 9/11 или Абу-Грейб. И распознается это сходство еще до символического кодирования смысла: «Мы испытываем шок и уже после этого распознаем, что именно шокировало нас»¹⁷.

Аффективное измерение повседневных практик становится «экраном памяти», который позволяет зрителю адаптироваться к будущим угрозам. Шок дробится на множество фрагментов и растягивается во времени, что смягчает его воздействие в каждый отдельный момент. Вопрос о самостоятельном и активном действии при этом снимается – разрыв подменяется серией небольших смещений, относящихся скорее к эстетически «неприятному», чем к принципиальному политическому выбору.

«Опираясь на фрейдовский анализ компульсивного поведения ветеранов Первой мировой войны, предложенный в работе “По ту сторону принципа удовольствия”, Вальтер Беньямин доказывал, что кино и другие медиа в первые десятилетия XX века помогли людям справиться с шоком городской жизни в эпоху модерна. Если Беньямин прав, [...] то имеет смысл рассматривать цифровые фото убитых иракцев как избегание шока и травматического аффекта, порождаемых войной в Ираке. Такие снимки можно рассматривать как попытку заместить аффект или шок медиа-памятью вместо того, чтобы признать их частью [собственной] человеческой памяти»¹⁸.

При этом основная работа памяти, медиа и аффекта переносится из реальности в пространство медиа: кино, компьютерные игры и социальные сети. Веб-серфинг, привычные сериалы и другие медиа-практики позволяют канализировать аффект. Психологические и нейроисследования геймеров показывают, что наиболее резкие аффективные реакции возникают у пользователей не тогда, когда их убивают в игре или когда разворачивается негативный сценарий, но когда игра «вылетает» или возникают

17 Ibid. P. 81.

18 Ibid. P. 87.

неполадки с оборудованием¹⁹. То есть функцией медиа оказывается не столько генерирование позитивных эмоций, сколько избегание негативных аффектов, связанных с современной жизнью.

Это касается не только повседневных практик, но и социально-политических отношений. Грусин, апеллируя к работам Брайана Массуми и Джудит Батлер, отмечает:

«Аффект сегодня гораздо важнее для понимания власти, в том числе в узком смысле – государственной власти, чем понятие идеологии. Модуляция аффекта занимает место старых идеологий. Но вряд ли имеет смысл говорить о прямом разрыве между ними и об исчезновении суверенной власти. В “Прекарной жизни” Батлер доказывает, что суверенитет заново возникает в беспрецедентном экспансионизме исполнительной власти администрации Буша – даже если такая суверенность проявляется лишь через техники и дискурсивные формации правительности [*governmentality*]. [...] Идеология все еще присутствует здесь, но распространяется не так широко, как раньше, и работает несколько иначе. Чтобы понять ее действие, необходимо понять ее материализацию, осуществляющуюся через аффект»²⁰.

Аффект здесь выступает не показателем интенсивности эмоций, но симптомом изменения самого режима чувственности и связанных с ним культурных практик. Жак Рансьер в статье «Существует ли непредставимое?» отмечает:

«Вопрос, который поставлен этим названием, разумеется, не требует ответа “да” или “нет”. Акцент сделан скорее на “ли”: при каких условиях некие события можно считать непредставимыми? При каких условиях можно заключить это непредставимое в отчетливый понятийный контур?»²¹

По мнению Рансьера, именно сила искусства позволяет «Шоа» Клода Ланцмана сделать непредставимое вызовом для нашей идентичности, проблематизировать сложившийся режим восприятия реальности или культурный канон. Но, вызывая аффективный отклик, такие произведения затрагивают символическое поле смыслов и предполагают серию рефлексивных суждений. Они провоцируют констелляцию между этическим долгом памяти и эстетическим действием, устремленным в будущее.

* * *

Компаративный анализ обозначенных выше стратегий репрезентации событий 9/11 позволяет проблематизировать их гра-

19 Ibid. P. 112.

20 Ibid. P. 80.

21 РАНСЬЕР Ж. Указ. соч. С. 241.

ФЕДОР НИКОЛАИ
ПОКАЗАТЬ
НЕВООБРАЗИМОЕ...

ницы и перспективы. Исследования культуры делают акцент на нарративах – на использовании образов прошлого на службе настоящего, их подчинении сложившемуся канону. *Memory* и *trauma studies* подчеркивают важность этической составляющей нашего обращения к прошлому, но отодвигают на задний план вопрос об активных действиях в будущем. Исследования медиа с их интересом к аффекту делают лишь первый (и пока слишком осторожный) шаг в сторону более серьезного разговора о будущем и обсуждении не просто текущей минимизации рисков, но альтернативного «достойного общества».

Несовпадение темпоральных установок этих исследовательских стратегий оказывается связано с различием в их понимании самого термина «репрезентация». Во всех случаях он предполагает подвижность границ между реальностью и медиа. Но для *cultural studies* речь идет о доминанте индустрии производства образов и о жанровых канонах, определяющих формы рефлексии о прошлом. Для *memory studies* значим скорее опыт прошлого, который не хочет и не должен подчиняться прагматическим интересам настоящего и складывающимся нарративам. Концепция премедиации переносит акцент на будущее, которое оказывается растворено в медиа-практиках, апеллирующих не столько к идентичностям, сколько к аффектам зрителей и пользователей.

Хочется надеяться, что более интенсивный диалог и взаимодействие между этими стратегиями исследований будет способствовать их взаимному обогащению и более масштабной постановке вопроса об изменениях современного темпорального режима и политики времени, которая активно обсуждается сегодня в гуманитарных исследованиях²². При этом максимальное внимание следует обратить на повседневные практики – прогулки по городу и его памятным местам, веб-серфинг и общение в социальных сетях, просмотр сериалов и фильмов, которые производят широкое поле аффектов и во многом определяют наше восприятие времени, а также формы коллективных идентификаций. Но такой диалог должен также способствовать более серьезному теоретическому осмыслению изменений современного режима производства образов и стратегий соотнесения прошлого, настоящего и будущего. Именно поэтому события 9/11, ставшие важной точкой становления этого режима, по-прежнему привлекают пристальное внимание в англоязычных исследованиях культуры.

22 Ионов И.Н. *Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории. Статья 3* // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 20–36; Олейников А.А. *Время истории* // Логос. 2021. № 4(143). С. 5–30; Чеканцева З.А. *Время и история в интеллектуальной культуре антропоцена* // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 5–19.

Игры Революций. Политические игры начала XX века

ДАНИИЛ
ЛЕЙДЕРМАН

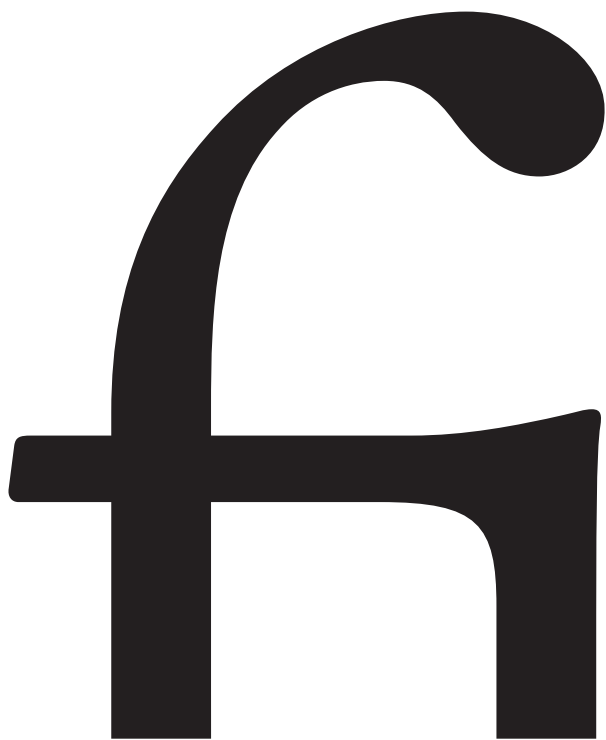
Современные игры¹ всегда служили недостоверными картами территорий наиболее значимых и внушительных – таких, как детство, война, экономика, духовность, судьба и желание. Современные игры могли взять любые идеологии и нанести их на карту, переместив из опасных, изменчивых условий в контролируемую среду, созданную из расчерченного картона и игральные кости, – или во всяком случае именно на это они претендовали. В данной статье я рассмотрю игры, шагнувшие еще дальше: игры, которые в XX веке пытались подорвать, переконструировать или иным способом использовать в радикалистских целях идеологическую машину внутриигровой территориализации.

Что я подразумеваю под «территориализацией»? Используя этот термин, я, безусловно, наследую Жюлю Делёзу и Феликсу Гваттари и в контексте игр буду ссылаться на их теоретические труды, однако для меня этот термин имеет прямое значение. Из таких измерений, как пространство и время, игры и создают территорию. Игры – это воплощение правил и огра-

Даниил Лейдерман (р. 1986) – преподаватель Техасского А&М университета (США). Сфера научных интересов – репрезентация Восточной Европы и России в современных компьютерных играх и современное искусство протеста.

1 Речь идет о категории, которая известна как «настольные и напольные игры», популярные до изобретения компьютеров и компьютерных игр. В русском переводе «современные» – значит «модерные», то есть игры, изобретенные и вошедшие в обиход с середины XIX века. – *Примеч. ред.*

**РЕАЛЬНОСТЬ
РЕАЛЬНОСТИ ИГР:
ПРАВДОПОДОБИЕ,
НАРРАТИВЫ,
МИМЕСИС, ЦЕНзуРА**

ничений, физически представленных в виде территории, будь то игральная доска или просто устная договоренность (скажем, играя в прятки: прятаться можно в саду и во дворе за соседним домом, но не в самом доме и не через дорогу, а кончиться игра должна с наступлением сумерек). Территориализация в играх буквальна – каких-нибудь пары линий на песке достаточно, чтобы превратить местность в территорию, обособленную от остального мира, – территорию, за которую борются и которой владеют по законам, отличным от законов остального мира. Это свойственно всем играм, от самых простых до наиболее сложных.

В XIX веке игры для детей и взрослых в равной степени проповедовали ожесточенное соперничество: в них территориальная гегемония и насаждение единой формы общественного устройства были представлены как общепринятые метафоры победы. Использувавшиеся для военной подготовки варгеймы для взрослых (кригшпиль)², шахматы и нарды, а также карточные игры – все они признавали абсолютное превосходство над соперником единственным приемлемым итогом игры³. С детскими играми, даже воспитательными и нравоучительными, ситуация была та же: к примеру, в «Новом путешествии пилигрима»⁴ (1893) дети стремились обогнать друг друга, бросая кости, пока один из игроков не достигал Небесной Страны – проигравший, таким образом, в Рай не попадал.

Игры XX века, описанные в этой статье, пытались отказаться от идеи, что победа достигается путем индивидуального доминирования, и тем самым бросали вызов жесткой территориализации, ключевой для игр XIX века. Многие игры начали искуснее использовать случайность в качестве игрового приема, обращаясь к многообразию возможных смыслов, для которых в XVIII и XIX веках она традиционно служила метафорой. За карточным столом случайность означала фатум, а в кригшпиле та же случайность создавала иллюзию достоверности: пушечный снаряд, пролетевший мимо цели, не только нарушал планы игрока, но и удостоверял *неполноту* его контроля над ситуацией. В подобных играх случайность – одновременно и удобный инструмент, и яркая репрезентация таких явлений,

- 2 «Варгеймами» называют игры, сюжет которых базируется на имитации военных конфликтов, настоящих или вымышленных. Кригшпиль – жанр варгейма, созданный в прусской армии в XIX веке для обучения офицеров тактике ведения боевых действий. Победы прусской армии над австро-венгерской в 1866-м и над французской в 1870–1871-м привели к появлению версий этой игры на других языках. – *Примеч. перев.*
- 3 Подробнее см. третью главу книги: PETERSON J. *Playing at the World: A History of Simulating Wars, People and Fantastic Adventures, from Chess to Role-playing games*. San Diego: Unreason Press, 2012. P. 204–303.
- 4 Базируется на одном из важнейших протестантских духовных сочинений XVII века «Путешествие пилигрима в Небесную Страну» (более точно и полно – «Продвижение пилигрима из этого мира к Тому, Что Грядет»: «The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come», 1678–1684) Джона Баньяна (1628–1688), английского баптистского проповедника. – *Примеч. перев.*

как утопическая свобода, политическое моделирование, самоопределение и политическая свобода (или же отсутствие последних двух).

ДАНИИЛ ЛЕЙДЕРМАН
ИГРЫ РЕВОЛЮЦИЙ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА

Территориализация в играх буквальна – каких-нибудь пары линий на песке достаточно, чтобы превратить местность в территорию, обособленную от остального мира, – территорию, за которую борются и которой владеют по законам, отличным от законов остального мира.)

РАДИКАЛИЗМ В ИГРАХ

Без сомнения, один из нагляднейших ранних и амбициозных примеров игры утопического характера – это придуманная Элизабет Мэги «Игра землевладельца» (1903–1904), ставшая впоследствии всем известной «Монополией» (после того, как была украдена и переиздана Чарльзом Дэрроу в 1934 году). Пример «Игры землевладельца» показателен во многих смыслах, и Мэри Пайлон подробно анализирует ее как радикальный проект, знаковый для современного геймдизайна⁵, но меня она больше интересует как начальная попытка (в итоге провальная) посредством игры подвергнуть критике идеологию. Масштаб этого провала только усугубляется на фоне реинкарнации «Игры землевладельца» в воспевающую капитализм «Монополию» Дэрроу, где от радикализма оригинального творения Мэги не осталось и следа.

Итак, подобно более знаменитой «Монополии» Дэрроу, основная тема и цель «Игры землевладельца» – это захват территории. «Игра землевладельца» полностью лишена символизма, на котором строились игры типа «Нового путешествия пилигрима»: на поле больше нет клеток, символизирующих добродетели, духовные начала или переходные состояния, как нет и кисельных берегов, нравоучительных лестниц и люков для грешников. Вместо этого, «Игра землевладельца» опьяняет игрока материализмом своей эпистемологии, манит его игрушечными деньгами, которые имеют реальную силу. Деньги эти позволяют захватывать и преобразовывать игровое пространство, а также приносят реальное удовольствие, во-

5 См.: PILON M. *The Monopolists: Obsession, Fury, and the Scandal behind the World's Favorite Board Game*, New York; London: Bloomsbury Publishing, 2015; IDEM. *Monopoly's Inventor: The Progressive Who Didn't Pass «Go»* // New York Times. 2015. February 3.

площадь нашу фантазию об огромном достатке. Тем не менее фокус игры сугубо материалистический: в центре внимания здесь переплетение ликвидного капитала с физическим пространством и их взаимные преобразования.

Игра делит мир на две части: территорию земли и территорию денег. «Земля» понимается здесь буквально – пространственно – и фигурально: в 1903 году стартовое поле на карте «Игры землевладельца» называлось «Оплата за труд на матери-земле», а в последующих версиях стало подписываться просто «Мать-земля»⁶. Пересекая поле «Мать-земля», игроки получают оплату, которую потом используют для покупки и разработки земельных участков. Деньги символизируют ликвидность в экономике, имея в то же время конкретное материальное воплощение: их можно держать в руках, кто-то из игроков становится «банкиром» – распоряжаясь деньгами, строит из себя магната. В игре происходит трансформация абстрактной территории в материальное богатство и абстрактного богатства в материальную территорию. Территориализация здесь не символизирует ни духовное развитие, ни приключение, ни взросление – она символизирует саму себя и собственную роль как активной движущей силы. Но «Игра землевладельца» не просто исследует жанр территориализующих настольных игр – в ней есть и политическая подоплека.

Территориализация в «Игре землевладельца» важна лишь в качестве фундамента для заложенного в нее радикального посыла о собственности на землю и экономическом устройстве. В отличие от творения Дэрроу, восхваляющего монополистический капитализм, в «Игре землевладельца» все правила, и особенно раздел для «продвинутых и искусных игроков», были разработаны с целью пропаганды единого налога, предложенного Генри Джорджем в его труде «Прогресс и бедность»⁷. Генри Джордж (1839–1897) – американский политэконом, наиболее известный как автор бестселлера «Прогресс и бедность» (1879), в котором он исследовал вопросы социального, политического и экономического неравенства, выдвинул провокационное утверждение, легшее в основу созданной Мэги игры: «Землю необходимо сделать общей собственностью»⁸. Джордж утверждал, что причина любого экономического неравенства – монополизация земли:

6 Все ссылки на изображения игры и цитаты из правил к изданиям «Землевладельца» Элизабет Мэги 1903-го и 1906 года взяты из онлайн-архива Томаса Форсайта, где собраны все дошедшие до наших дней версии игры: <https://landlordsgame.info/>. Форсайту также принадлежат права на торговую марку «The Landlord's Game».

7 https://landlordsgame.info/games/lg-1906/lg-1906_egc-rules.html.

8 GEORGE H. *Progress and Poverty*. New York: Robert Schalkenbach Foundation, 2006. P. 180. Здесь и далее цитаты из сочинения Джорджа даются в нашем переводе. – *Примеч. перев.*

«Бедность усугубляется, в то время как богатство увеличивается; производительность труда растет, а заработная плата уменьшается. Все потому, что земля, которая есть источник всех богатств и общее поле деятельности всех трудящихся, монополизируется»⁹.

ДАНИИЛ ЛЕЙДЕРМАН
ИГРЫ РЕВОЛЮЦИЙ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА

Он предлагал заменить все налоги единым, но значительным налогом на землю, который сделал бы самые привлекательные земельные участки недоступными для монополизации, переведя их в статус общественной собственности, которая начала бы работать на общее благо. Но в то же время Джордж считал, что частное предпринимательство будет процветать, освободившись от гнета землевладельцев и налогового бремени. В своей игре Мэги хотела претворить в жизнь это видение и через эпистемологию территориализации донести до участников, что можно упразднить право частной собственности на землю, как и предлагал Джордж. Таким образом «Игра землевладельца» стремилась устранить глубинную проблему общественного устройства, экспериментируя с утопическими моделями общества.

Может показаться, что ожидать такого от настольной игры – чересчур, но если взглянуть шире, то не так уж это амбициозно. Настольные игры воспитывали из детей добропорядочных взрослых, из взрослых делали хороших солдат, а солдат готовили в завоеватели – так почему бы им также не убеждать людей упразднить частную собственность? «Игра землевладельца» стремилась дать людям возможность в тесном семейном кругу воплотить в жизнь утопию, обучая и тренируя их для создания утопии в масштабах реальной политической арены.

Созданная Мэги игра – это симуляция одновременно и установленных норм владения частной собственностью, и единого налога, вводимого участниками игры путем общего голосования, которое можно провести в любой момент. В «Игре землевладельца» налоги, уплачиваемые участниками после введения единого налога по правилам для «продвинутых и искусных игроков», освобождали поля на игровой доске. Поля, ранее предназначенные для индивидуальных землевладельцев, становились общественными зонами, служащими общему благу. Тюрьма превращалась в центр социальной помощи. С изображения реально царящего вокруг неравенства фокус игры незаметно смещался к попытке сконструировать утопию. Добивалась этого Мэги, уничтожая внутри игры тот мир, что целиком зиждился на удаче игроков, бросавших кости, и царил там до введения единого налога; она предоставляла участникам демократический выбор: им достаточно было лишь прийти

9 Ibid. P. 180.

к соглашению, чтобы единый налог превратился в полноценное правило. Подобное соединение в игре случайности и политической суверенности привело к возникновению синтеза экономики и политики, который лег в основу эпистемологии этого жанра настольных игр. Кроме того, оно послужило причиной внутреннего полемического и идеологического противостояния, поскольку случайность – враг суверенности, а суверенность – враг случайности.

**Настольные игры воспитывали из детей
добропорядочных взрослых, из взрослых делали
хороших солдат, а солдат готовили в завоеватели –
так почему бы им также не убеждать людей
упразднить частную собственность?**

У созданной Мэги игры непростые отношения со случайностью. Случайность там определяет каждый ход, только усиливая свое влияние по мере того, как игра набирает обороты. Как и в современной «Монополии», после постройки жилья на земельном участке арендная плата, взимаемая с других игроков за простой на этом поле, возрастает. Это означает, что если в начале игры случай определяет, какие возможности тебе выпадут для расширения своих владений, то ближе к концу игры вся территория уже поделена и игра превращается в лотерею, где твоя единственная надежда – не угодить на чужие хорошо развитые территории. Случай здесь – безличная сила, наподобие судьбы, или, возможно, сродни ограниченности доступных человеку ресурсов. Однако в рамках необязательных правил игроки перестают быть рабами случая. Голосуя за применение этих правил, участники фактически меняют жанр игры.

Все, кому доводилось играть с применением единого налога, знают, что введение этого правила убивает конкуренцию внутри игры. Темп игры замедляется по мере того, как все больше зон на поле переходят в общее пользование и перестают представлять опасность при попадании на них. Постоянная угроза поражения, ранее державшая игроков в напряжении, ближе к концу игры полностью исчезает, теперь каждый ход дает маленькую передышку; игрокам больше не нужно страшиться банкротства, и, вместо тюремных сроков, они начинают собирать ученые степени. Это скучновато, но в то же время совершенно утопично: в экономической игре про захват территории полностью отвергается идея о необходимости чьей-то победы или поражения. Еще сильнее этот отказ подчеркивает «Государь всего мира» – второе необязательное правило

в «Игре землевладельца» 1906 года, которое позволяет использовать игру, чтобы исследовать наиболее антиутопические проявления (или, как называет их Мэги, «закономерные последствия») частного землевладения:

ДАНИИЛ ЛЕЙДЕРМАН
ИГРЫ РЕВОЛЮЦИЙ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА

«Игра землевладельца» берет за основу методы, преобладающие в бизнесе на данный момент. В этом игроки могут убедиться сами; также они могут проверить, к чему закономерно приведет данная система, то есть такая, где монополист получает абсолютный контроль над ситуацией. Если кто-то пожелает проверить это утверждение (предварительно убедившись, что механизмы игры соответствуют реальности), то для этого пусть один игрок получит во владение всю землю, а остальные распределят между собой прочие блага. На старте каждому дайте 100 долларов, и пусть игра идет по всем правилам, за исключением того, что землевладелец не будет получать зарплату. Этот простой способ докажет вам истинность убеждения, что монополист является государем всего мира. Исправить ситуацию позволит единый налог».

«Государь всего мира» – вариант игры, при котором все деньги, полученные на поле «Мать-земля», участники отдают монополисту: при отсутствии свободной земли у них нет других вариантов, нет никаких возможностей для роста и развития. Надо заметить, что Мэги – либо в попытках хоть как-то выровнять баланс сил, либо же из риторических соображений – не позволяет землевладельцу получать зарплату на поле «Мать-земля», обрекая его на паразитическое существование в качестве заклятого врага остальных игроков, которые тем не менее вынуждены отдавать свою зарплату «государю» после каждого броска костей. Землевладелец, единственный из всех отлученный от «Матери-земли», становится злодеем, но таким, которого нельзя победить – он символизирует неотвратимость антиутопии, проистекающей из установленного капитализмом экономического порядка.

В «Государе всего мира» из уравнения пропадает баланс, потому что землевладелец никогда ничем не рискует, ничего не теряет и неизбежно остается победителем; случай полностью на стороне землевладельца, и вся игровая доска для него безопасна. Такой намеренно плохой замысел (пресечение на корню любых фантазий других игроков о владении территорией) позволяет Мэги донести свой наиболее радикальный посыл. Она вынуждает участников признать неизбежность последствий дискриминационного экономического строя. И действительно, даже если вы не используете правило «Государь всего мира», вам достаточно просто знать о нем, чтобы понимать: всякий раз, как стандартная партия в «Игре землевладельца» (или в «Монополии») кончается чьей-то единоличной победой,

это всегда подводит вас к началу той самой жуткой антиутопии. Необязательные правила демонстрируют, что в конечном счете победитель (или, в случае с «Государем всего мира», распределение ролей в самом начале) создает антиутопию из игры, в которую заложен утопический потенциал. Мировой порядок, устанавливающийся после такой победы, неизбежно мрачен. Это аргумент против побед в играх в принципе.

В то же время после введения необязательного единого налога в игре становится практически невозможно победить, потому что участники перестают из нее выбывать. В связи с этим Мэги предлагает произвольно установить количество допустимых раундов и вести подсчет очков участников в таблице, чтобы по ней определить победителя. Очевидно, что выиграть по результатам мирного подсчета очков не то же самое, что вырвать победу в ожесточенной борьбе, избежав банкротства. Для Мэги отсутствие однозначного, задавившего всех победителя – это эффективный прием, позволяющий в финале достичь товарищества и утопии. Она надеется, что гипотетический идеальный игрок впитает заложенные в игру уроки и к концу ее (а) научится с помощью демократии и свободы воли противостоять безличному тираническому случаю, а также (б) поймет, что для упразднения частной собственности или превращения ее в общественную необходимо осознать ликвидную природу капитала и, опираясь на эти знания, произвести перемены в обществе. Структурой своей игры Мэги бросает вызов самой идее захвата территорий: из территориализации вкупе с амбициями участников естественным образом возникает некая воинственность, при которой желание победить «всухую» кажется неизбежным и совершенно естественным.

Воинственность – ключевая проблема в играх XIX и XX веков. Это наследие кригшпиля¹⁰. Даже самая амбициозная историческая живопись, изображающая подвиги и ужасы войны или же морализирующая на ее счет, тем не менее никогда не замахивалась на то, чтобы буквально учить кого-то воевать. Однако игры, прежде бывшие лишь забавой, в XIX веке обратились к вопросам судьбы, педагогики и стратегии, в связи с чем вера в их потенциал как эффективного инструмента продолжала расти, так что к XX веку игры уже уверенно заявляли о своей способности обучать военному делу – или другим серьезным вещам. В кригшпиле случай играл важную роль, срывая планы военных действий, чтобы симулировать непредсказуемость настоящего поля битвы. Даже варгеймы, в основе которых лежали игры с полной информацией типа шахмат, инкорпорировали случайность: к примеру, одна из версий шах-

10 См.: PETERSON J. *Op. cit.* P. 204–303. Ch. «A History of Wargames».

мат предполагала игру практически вслепую, без возможности видеть фигуры оппонента, если они не стоят на соседних клетках с вашими собственными. Судья давал вам знать, если фигуры «брали» друг друга или сталкивались, но такой маневр в любом случае добавлял случайные конфронтации, создавая ситуацию, когда необходимо производить разведку, и вынуждая игроков значительно адаптировать свой стиль.

Игра Мэги использовала случайность для репрезентации всевозможных рыночных сил, но призывала игроков от этой случайности отказаться, развернуть базовые правила игры в сторону демократии и сбросить с себя ярмо существующих экономических отношений. С этой целью игра стремилась получить контроль над желаниями игроков – в частности, с помощью необязательных правил, призванных насаждать определенную идеологию. Увы, в качестве почвы для взращивания этих желаний выступала игра, фетишизировавшая захват территории, в которой, вдобавок ко всему, пачки искусственных денег приносили участникам реально осязаемое и фантастическое удовольствие. Вот почему Дэрроу так легко удалось исключить из игры леворадикальный аспект, сделав из «Монополии» оду капитализму – игру, в которой игроку никогда не придется задаваться вопросами, обязательно ли нужна победа, так ли необходимо монополизировать землю, возможен ли лучший мир и можно ли изменить правила, если все участники придут к консенсусу (тем не менее многие все равно так поступают, вводя собственные правила, например, скапливая на поле «Бесплатная стоянка» деньги, которые может выиграть любой участник).

Таким образом, игра Мэги обнажает три главные черты детерриториализующих игр начала XX века: утопичность, внутренний конфликт вокруг использования случайности или отказа от нее, наивность в отношении игрового процесса, когда игры ошибочно воспринимаются как очевидное дидактическое средство, даже когда их правила или развлекательный аспект обрывают любой дидактический потенциал на корню. «Игра землевладельца» в этом отношении – особенно яркий пример, но и другие игры начала XX века демонстрируют колоссальный спектр возможностей, опробованных детерриториализующими играми.

ИГРОВОЙ АКТИВИЗМ

Некоторые примеры наиболее радикального активизма в играх – дело рук «Women’s Social and Political Union», Женского социально-политического союза (ЖСПС), суфражистской организации, существовавшей в Великобритании в первые два десятилетия XX века.

тилетия XX века. Союз был основан 13 октября 1903 года в доме Эммелин Панкхёрст в Манчестере. Кит Карри Ланс пишет, что изначально их тактика была схожа с суфражистскими движениями XIX века, но члены ЖСПС быстро отвергли этот подход:

«Поскольку поддержки от государства за полвека мирных призывов добиться не удалось, ЖСПС обзавелся сторонниками по всей стране, перебрался в Лондон и избрал агрессивную стратегию. [...] Между 1906-м и 1910 годом суфражистки придерживались трех основных линий поведения: они целенаправленно пытались попасть под арест, атаковали членов правительства и выдвигали свои кандидатуры против правительственных кандидатов на дополнительных выборах»¹¹.

В результате в 1910 году Палата общин созвала Согласительный комитет для рассмотрения законопроекта об избирательном праве для женщин, в связи с чем Панкхёрст объявила временное перемирие. Однако окончательное голосование по данному вопросу было отложено на два года, на что ЖСПС отреагировал «ожесточенными нападениями на общественную и частную собственность, включая битье окон, поджог и применение взрывчатых веществ; в этой связи между 1912-м и 1914 годом прежде завуалированное сдерживание суфражисток правительством превратилось в активное подавление, в итоге загнав движение в подполье»¹². Напряжение спало с началом Первой мировой войны, когда отбывавшие тюремное наказание суфражистки были освобождены, а общественная поддержка движения за права женщин усилилась¹³.

Ланс, чье исследование фокусируется на тактических приемах ЖСПС, подчеркивает, что при сборе денежных средств наибольший эффект приносила продажа «литературы, входных билетов на собрания и так далее», но следует отметить, что игры также были значительным источником дохода. ЖСПС разработал и издал ряд настольных игр и продавал их, чтобы выручить средства на нужды движения – и для распространения своих идей. Я останавлиюсь лишь на двух примерах: игра в стиле «гуськи»¹⁴ «Панк-а-Сквит» (1909) и варгейм «Суфражетто» (около 1909). Обе они появились в период воинственного активизма, поэтому трудно сказать, был ли формат игры выбран, лишь чтобы избежать цензуры, или же для привле-

11 LANCE K.C. *Strategy Choices of the British Women's Social and Political Union, 1903–1918* // *Social Science Quarterly*. 1979. Vol. 60. № 1. P. 51–52 (www.jstor.org/stable/42860512).

12 Ibid. P. 52.

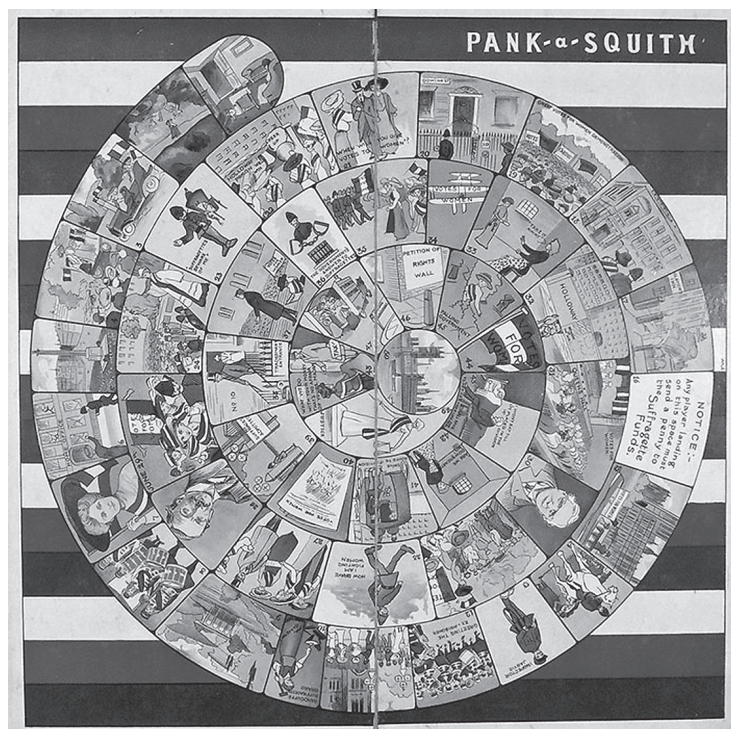
13 Ibid. P. 52.

14 «[Игры, где] правила регулировали перемещение по игровому маршруту с помощью костей [...] и фишек. [...] "Гуськами" игры назывались потому, что фигуры в них ходили по игровому маршруту гуськом друг за другом» (Костюхина М. *Детский Оракул: по страницам настольно-печатных игр*. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 15).

чения более молодой аудитории, или по каким-либо иным причинам – но так или иначе они являют собой примеры игр, призванных пропагандировать революционный утопизм и территориализировать политическую борьбу.

Название «Панк-а-Сквит» (илл. 1, 2) обыгрывает имена Эмелин Панкхёрст, основательницы и лидера британского движения суфражисток, и премьер-министра Герберта Генри Асквита¹⁵ – ее непримиримого противника. Игровая доска представ-

ДАНИИЛ ЛЕЙДЕРМАН
ИГРЫ РЕВОЛЮЦИЙ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА

Илл. 1. Игровая доска «Панк-а-Сквит» (1909).

Илл. 2. Фигуры из игры «Панк-а-Сквит». Специальная коллекция библиотеки Файрстоуна Принстонского университета¹⁶.

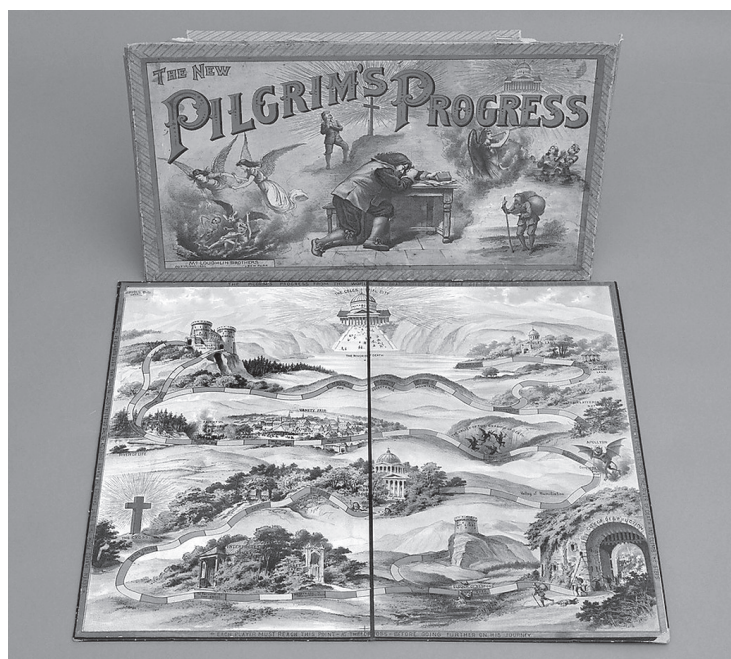
¹⁵ Представитель Либеральной партии Асквит возглавлял правительство Великобритании с 1908-го по 1916 год. – *Примеч. перев.*

¹⁶ <https://graphicarts.princeton.edu/2019/03/05/pank-a-squith/>.

ДАНИИЛ ЛЕЙДЕРМАН
ИГРЫ РЕВОЛЮЦИЙ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА

ляет собой спиралевидный маршрут, символизирующий путь суфражистки от дома до парламента. На этом пути встречается множество примеров политических акций, ключевых тактических приемов, столкновений с властями и многого другого, на чем игрок может поучиться. Какие-то изображения носят чисто символический характер, другие напрямую призывают к практическим действиям. К примеру, на клетке 33 нарисована светловолосая суфражистка, одетая во все черное, которая сидит в голой тюремной камере и отказывается от еды со словами: «Унесите обратно!»; а вот на клетке 45, подписанной «Падение правительства», мы видим, как в такой же камере женщина проламывает стену (очевидно, голыми руками), наглядно демонстрируя, что тюремное заключение ведет к радикальным методам освобождения.

Илл. 3. Настольная игра
«Новое путешествие
пилигрима». Нью-Йорк:
Маклафлин Бразерс,
1893.

Традиционно в играх, где участники идут наперегонки – таких как, например, «Новое путешествие пилигрима» (илл. 3), – мораль и поучения были аллегорически представлены в виде демонов, львов и прочих подобных существ; соответственно, духовное развитие определялось чередой случайных встреч с удивительными чудищами, а само путешествие напоминало цепочку психоделических злоключений. «Панк-а-Сквит» существенно расширяет потенциал игровой эпистемологии. Случайность здесь – источник препятствий и сопротивления, она воплощает в себе такие факторы, как противодействие со стороны населения, политизированную мизогонию и необосно-

ванные преубеждения. Путь к освобождению непременно придется пройти; начинается он с изображения в духе работ Мэри Кэссетт¹⁷ (в скучных буржуазных интерьерах женщина наблюдает за ползающим по полу младенцем) и достигает кульминации в точке захвата здания парламента в самом центре спирали, символизируя тем самым динамику территориализации – от отдельного индивида до масштабов всей страны. В «Панк-а-Сквит» выигрывает один участник, но в целом риторика игры далека от стандартной модели, где победитель получает все. Все игроки изначально на одной стороне – им противостоит случай и сама игральная доска, но друг другу они не противники. Их реальный враг – политики и копы, что заявлено открытым текстом; так, нарисованный на клетке 23 полицейский говорит: «Бойтесь меня, суфражистки», а повсюду на доске мы видим множество портретов враждебно настроенных политиков.

Но даже если отвлечься от этих врагов, мотив преодоления страданий и тюремного заключения, ведущих в итоге к освобождению, позволяет представить политическую борьбу в форме игрового нарратива, где движение фигурки по карте – это путешествие по вектору истории. Кто бы ни выиграл, неизбежно выигрывают все – что в корне расходится с классическим устройством нравоучительных игр вроде «Змеи и лестницы» или «Нового путешествия пилигрима», где победа одного игрока, как правило, обрекает на муки ада остальных. Это отличие иллюстрирует клетка 7, с которой «лидирующий игрок приглашает всех друзей в гостиницу на клетке 17», – колоссальный скачок, который уравнивает всех участников друг с другом, но подано это событие в позитивном свете (лидер гонки берет с собой своих *друзей*, а не соперников). Еще один пример, четко демонстрирующий, кто на какой стороне, мы встречаем на клетке 13: «Если две суфражистки стоят здесь вместе, они мешают инспектору полиции и он отправляет их назад на клетку 10»; эта очевидная шпилька в адрес изворотливой полиции, помимо прочего, обнажает суть соревновательной природы «Панк-а-Сквит»: дело тут не в конфликте внутри движения, а в необходимости работать не только вместе, но и поодиночке, чтобы в итоге достичь общей цели. Но наиболее радикальный аспект геймдизайна в «Панк-а-Сквит» – слом четвертой стены и прямое обращение к игрокам от лица ЖСПС на клетке 16: «ВНИМАНИЕ: Любой игрок, попавший на это поле, должен пожертвовать один пенни в фонд организации суфражисток». Учитывая, превосходство ЖСПС над предыдущим поколением

ДАНИИЛ ЛЕЙДЕРМАН
ИГРЫ РЕВОЛЮЦИЙ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА

17 Мэри Кэссетт (1844–1926) – американская художница, большую часть жизни прожила во Франции. Рисовала бытовые сценки из семейной (чаще всего материнской) жизни. Ее живопись находилась под сильным влиянием импрессионизма. – *Примеч. перев.*

суффражисток в сборе денег, эту клетку нельзя игнорировать: включать в игры подобные призывы было делом неслыханным, тем более в политических целях. Игра открыто призывает участников к политическому активизму – на основании положения, в которое сама же их и поставила. Вместо того, чтобы, имитируя изменчивую реальность, испытывать игроков на прочность, случайность ставит их в почетное положение, сподвигая самостоятельно сделать вклад в политическое будущее страны.

Такой же радикализм просматривается и в дизайне игры «Суффражетто». Но если «Панк-а-Сквит» имела телеологические устремления и рисовала образы врагов и героев, то «Суффражетто» – это чистый кригшпиль, оторванный от исторического контекста почти во всех смыслах, за исключением отраженного в нем конфликта. «Суффражетто» – тактический варгейм, изображающий уличные столкновения активисток с полицией. Это игра с полной информацией, наподобие шахмат или шашек: в ней нет места случайности, игроки по очереди передвигают фигуры с целью достичь противоположного края доски, в процессе «съедая» фигуры соперника и стараясь не дать ему добраться до края. По обе стороны есть два типа фигур: 16 рядовых полицейских или суффражисток и 5 элитных, более подвижных фигур лидеров суффражисток или инспекторов полиции. Все фигуры ходят либо на одну клетку за один раз, либо прыгают через дружественные фигуры по горизонтали или диагонали так далеко, как только возможно. При должном планировании это дает небывалый простор для маневра: продуманная формация может легко перебросить фигуру через всю доску. «Срубить» фигуры соперника можно прыжком через них по диагонали – так полиция сажает суффражисток в тюрьму, а те в свою очередь отправляют полицейских в больницу. Элитные фигуры «бьют» по горизонтали и диагонали, что делает их более ценными в бою. Когда в больнице или в тюрьме собираются 12 или более фигур, игроки могут по желанию обменяться пленными, чтобы вернуть их на доску, – но это возможно, только если согласятся обе стороны. Цель игры – довести шесть своих фигур до базы противника, что символизирует либо захват парламента (и победу суффражисток), либо захват Альберт-холла, где проходили собрания суффражисток (и, соответственно, победу полиции).

«Суффражетто» – это не эпистемология воображаемого конфликта. Смоделированные в ней ожесточенные столкновения происходили на реальных протестах ЖСПС, которые освещались в газетах. Но наиболее говорящая деталь в этом всем – упоминание в правилах игры джиу-джитсу как способа отправить полицейских в больницу: «Полиция может арестовать

суфражисток, а суфражистки могут обезвредить полицейских с помощью джиу-джитсу. “Обезвредить” – термин, обозначающий в джиу-джитсу нейтрализацию противника¹⁸. В самом деле, согласно Венди Роуз и Бет Слущки, обучение приемам самообороны играло важнейшую роль в работе ЖСПС и позволяло активисткам противостоять полицейской жестокости и отбиваться от контрдемонстрантов¹⁹. «Суфражетто» – попытка добавить кригшпиль в программу боевой подготовки суфражисток, реализация стремления, помимо физических навыков, развивать в них тактическое мышление. Это самый настоящий кригшпиль, нацеленный на подготовку активисток к схваткам с полицией.

Приемы, которым учит «Суфражетто», интересны с эпистемологической точки зрения. Главная цель игры – быстро переместить фигуры на противоположный край доски, что проще всего сделать посредством прыжков. Получается, что первостепенная цель в игре – контролировать территорию, выстраивая фигуры в ряды так, чтобы получить мост прямоком на базу противника. Вторая по важности тактическая цель – окружать фигуры соперника, расставляться так, чтобы «съесть» их и не быть «съеденным» в ответ. Оба этих приема прекрасно знакомы любому, кому доводилось участвовать в акциях протеста; необходимость, избегая ареста, держать или захватывать стратегически значимую территорию – это универсальная характеристика любого протеста, а процесс окружения и помки противников во время акции протеста сегодня называют «кеттлинг». Кеттлинг – это когда небольшую группку «отрезают» от основной массы, окружают и лишают всех необходимых ресурсов, пока эта группка не сдастся или не перестанет сопротивляться; этот прием сегодня широко применяется как сотрудниками правоохранительных органов, так и протестующими, чтобы обезоружить противников и заставить их сдать в самый разгар протеста²⁰. Итак, если «Панк-а-Сквит» предлагала нам абстрактную телеологию усредненной политической борьбы, то «Суфражетто» учила конкретным тактическим приемам: как победить в схватке с полицейскими, как предугадать их нападения, как захватить или удержать территорию с учетом процессов, происходящих на реальных протестных акциях, где надо уметь вырваться из оцепления, мобилизоваться и держать оборону. Это кригшпиль, сравнимый с любым кригшпилем

18 *Women's Social and Political Union, Rules for Suffragetto*. London: Sargeant Bros, 1917. P. 3 (www.playsuffragetto.com/print).

19 ROUSE W., SLUTSKY B. *Empowering the Physical and Political Self: Women and the Practice of Self-Defense, 1890–1920* // *The Journal of the Gilded Age and Progressive Era*. 2014. Vol. 13. № 4. P. 470–499 (www.jstor.org/stable/43903513).

20 См.: OREB N. *Case Comment: The Legality of «Kettling» after Austin* // *The Modern Law Review*. 2013. Vol. 76. № 4. P. 735–742 (www.jstor.org/stable/24029838).

предыдущего столетия, но в нем есть одно существенное формальное отличие. «Суфражетто» ни в чем не полагалась на неожиданность. Как в шахматах или шашках, здесь тоже не было места генераторам случайных чисел типа игральные костей: победа и поражение определялись не волей судьбы. Исход разыгрываемой схватки должен был быть вычислен рационально. В этом тоже заключается важный риторический сдвиг.

Традиционный кригшпиль намеренно содержал в себе неопределенность, дабы симуляция сражения не превращалась в абстрактное упражнение для диванных генералов, – неожиданные повороты были призваны имитировать непредсказуемость условий реального военного времени. «Суфражетто» была создана активистками для активисток и могла не беспокоиться о том, насколько она абстрактна – диванных генералов среди них попросту не было. Первостепенен здесь именно рациональный, тактический, расчет. Это очевидно даже по боевому искусству, избранному ЖСПС для того, чтобы отправлять оппонентов и полицию на больничную койку после уличных потасовок: джиу-джитсу. Эдит Гарруд, обучавшая джиу-джитсу «Отряд телохранителей» в ЖСПС, сама изучала это искусство – сперва под руководством Эдварда Бартона-Райта в 1899 году и позднее, в 1904-м, с мастером Садаказу Уениши²¹.

Бартон-Райт преподавал *бартитсу*, которое включало в себя множество разнородных боевых стилей и подразумевало использование в драке обыденных предметов – таких, как трости, хлысты и все прочее, что могло согнуться в качестве импровизированного оружия. Он также приглашал японских мастеров в свою академию в Англии, благодаря чему такие люди, как Садаказу Уениши – автор популярного в то время среди английских мастеров восточных единоборств «Учебника по джиу-джитсу» (1905), – познакомился с Эдит Гарруд. Бартитсу Бартона-Райта получило широкую известность и прочно закрепилось в умах людей, благодаря Шерлоку Холмсу, который утверждал, что владеет этим стилем борьбы, в рассказе Конан Дойля «Пустой дом» (1903), хотя и называл его «баритсу»²².

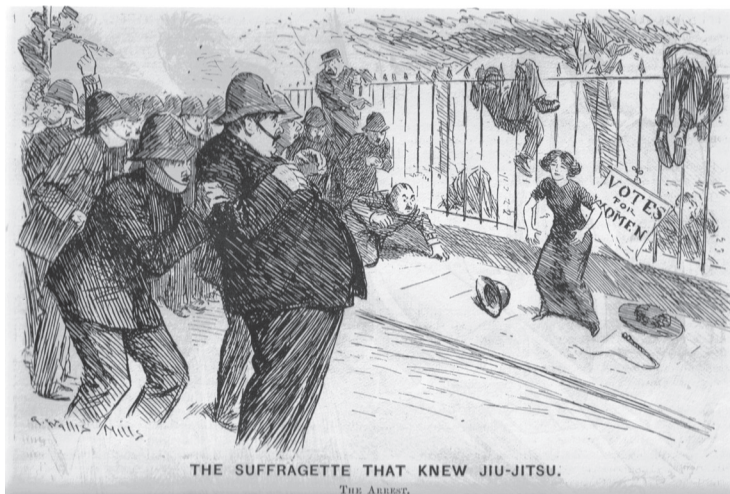
Таким образом, подготовка, которую проходили суфражистки ЖСПС, ориентировалась одновременно на медийные образы и на функциональность: их стиль борьбы совмещал традиционные восточные единоборства с современной адаптацией, что отражено в иллюстрации «Суфражистка, знавшая джиу-джитсу. Арест» (1910) авторства Артура Уоллиса Миллса (илл. 4). В позе,

21 ROUSE W., SLUTSKY B. *Op. cit.* P. 488.

22 «Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Я не знаю, известно ли это вам, но я немного знаком с приемами японской борьбы – “баритсу”, – которые не раз сослужили мне хорошую службу. Я сумел увернуться от него. Он издал вопль и несколько секунд отчаянно балансировал на краю, хватаясь руками за воздух» (Конан Дойль А. *Собрание сочинений*. М.: ОГИЗ, 1993. Т. 3. С. 11. Перевод Деборы Лившиц).

изображенной на картинке (руки опущены, на лице улыбка), активистка выглядит совершенно неопасной, однако впечатление это обманчиво, о чем свидетельствуют ее поверженные противники на заднем плане, а также ужас на лицах остальных полицейских, чья многочисленность вообще-то должна суфражистку утрашать.

ДАНИИЛ ЛЕЙДЕРМАН
ИГРЫ РЕВОЛЮЦИЙ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА

Илл. 4. Артур Уоллис Миллс. Суфражистка, которая знает дзю-джитсу. Арест. Опубликовано в 1910 году в журналах «Punch» и «The Wanganui Chronicle».

Это был варгейм для женщин, сталкивавшихся с чрезвычайной дискриминацией, узаконенным физическим насилием и сексуальным принуждением. Они готовились к настоящим уличным дракам, зачастую с лучше вооруженными противниками, на чьей стороне был закон. Вследствие этого «Суфражетто» не стала инкорпорировать случайность в качестве игрового приема, здесь ничего не оставлялось на волю случая – победа или поражение зависели только от того, насколько верны или ошибочны были ваши тактические расчеты. При верном соотношении маневренность и физическая агрессия приносили вам победу, и случайность в нее не вмешивалась. Победа – следствие самостоятельных, осознанных действий, а не удачи или судьбы.

И «Суфражетто», и «Панк-а-Сквит» пытались детерриториализовать общепринятые игровые нормы. «Панк-а-Сквит» детерриториализовала формат, который исторически был связан с территориализацией сознания ребенка посредством морализаторских дискурсов, превратив дидактизм в инструмент революционной телеологии. «Суфражетто» детерриториализовала кригшпиль, применив метод, использовавшийся для военной подготовки регулярных армий империалистических держав, в целях тренировки революционерок-феминисток, дополнив тем самым уже существовавшую программу обучения их боевым искусствам.

Будучи замечательным кригшпилем, «Суфражетто» тем не менее провалилась как политическое высказывание. В этой игре политическая победа приравнивается к способности нанести наибольший физический урон и остается оторванной от телеологического, исторического и дидактического аспектов, затронутых в играх типа «Панк-а-Сквит», где окончание игры всегда приводит к победе суфражисток – потому что это историческая неизбежность, обусловленная тем, что их дело правое, а цели благородны. В «Суфражетто» же, напротив, у полиции столько же шансов на победу. Выигрыш здесь не является индикатором нравственного превосходства, он лишь показывает, кто из игроков оказался искуснее в применении насилия (кто отправил больше фигур оппонента в больницу или в тюрьму). Игровой процесс «Суфражетто» идет вразрез с ее идеологией. Целевая аудитория этой игры с самого начала сталкивалась с вопросом, кто будет играть за полицию и подвергать соигрока насилию, которое ненавистно им обоим. Я уже отмечал похожую проблему в «Игре землевладельца» Мэги: она пыталась критиковать монополию на землю посредством игры, открывавшей для участников радости владения землей. Однако, если проблема Мэги вылилась в то, что игра в итоге прославилась в виде, противоречащем ее изначальному замыслу, то «Суфражетто» своей цели как раз таки достигла. Она утратила утопический посыл, сделавшись традиционным кригшпилем, но при этом ей удалось употребить тактическую эффективность кригшпиля для новой и радикальной цели: сбора денежных средств и подстегивания воинственного активизма. Несмотря на то, что ни один кригшпиль не дает практических указаний для ведения реального боя, само существование кригшпиля для женщин-революционерок – уже инструмент радикализации – игровая эпистемология в данном случае удалась.

ПОЧЕМУ «МАЛЕНЬКИЕ ВОЙНЫ» НЕ ПОЛОЖИЛИ КОНЕЦ ВСЕМ ВОЙНАМ?

«Маленькие войны» (1913)²³ Герберта Уэллса – проект, еще более амбициозный, чем «Землевладелец» и «Суфражетто»: это варгейм с явственно пацифистским посылом, цель которого – полностью положить конец войне как явлению. «Маленькие войны» – это своего рода руководство к новому типу игры: кригшпилю, но не серьезному, а забавному. Для Уэллса это был не первый опыт геймдизайна: он уже писал об играх

23 WELLS H. *Little Wars: A Game for Boys from Twelve Years of Age to One Hundred and Fifty and for That More Intelligent Sort of Girl Who Likes Boys' Games and Books*. London: Frank Palmer, 1913.

в книге «Напольные игры» (1911)²⁴, намекая там на существование некоего варгейма, похожего на те, что он придумал, чтобы играть с сыновьями. «Маленькие войны» он изначально публиковал в виде очерка начиная с декабрьского номера журнала «Windsor Magazine» 1912 года, а затем выпустил книгой в 1913-м²⁵. Это абсолютно осознанно созданный варгейм для взрослых, в котором надо играть детскими солдатами. Сразу же с первых строк мы видим, что утопизм позиционируется как центральный для целей и концепции игры аспект (утопизм этот, может, и иронический, но тем не менее):

«“Маленькие войны” – это игра королей для тех, кто стоит чуть ниже на социальной лестнице. В нее могут играть мальчики любого возраста, от 12 до 150 лет, [...] те девочки, что помышленной, и некоторые на редкость одаренные женщины»²⁶.

Снисходительный сексизм Уэллса звучит сегодня странно, но пока что давайте сами проявим снисхождение и вычленим заложенный здесь основной посыл: это кригшпиль для всех, он предлагает приобщиться к игровому опыту всем социальным классам и женщинам. Вряд ли Уэллс знал о «Суфражетто», раз считал кригшпиль исключительно мужским развлечением; более того, в тексте он часто над этим иронизирует и частенько примеряет на себя гиперболизированно мужественный пародийный образ. «Маленькие войны» изначально задумывались с целью, с одной стороны, выставить пафосный, утрированный язык, традиционно ассоциирующийся с милитаристскими фантазиями, в шутовском свете и, с другой стороны, дать всем желающим возможность строить из себя шута, предаваясь этим фантазиям в кругу друзей, – с тем, чтобы сделать их безобидными. Так, как только Уэллс заканчивает излагать правила игры и переходит непосредственно к ходу сражения, он тут же описывает собственную трансформацию в агрессивного мачо:

«Неожиданно ваш автор меняется. Превращается в того, кем он бы, возможно, и стал, сложись все иначе. Его пальцы в чернильных кляксах разрастаются до мужественных размеров, хилые плечи книжного червя вдруг деревенеют, локти расправляются в стороны, бледное лицо матерееет и наливаются цветом, а усы разрастаются, приумножаются, распространяются и завиваются в невероятные кольца; громадный красный рубец, оставленный сабельным ударом, наползает на его грозный глаз. Он раздувается – весь раздувается»²⁷.

24 WELLS H. *Floor Games*. London: Frank Palmer, 1911.

25 PETERSON J. *Op. cit.* P. 265.

26 Цит. по современному переизданию: WELLS H.G. *Little Wars*. Spring Branch: Skirmisher Publishing LLC, 2008. P. 7.

27 *Ibid.* P. 63–64. Здесь и далее перевод этого сочинения Герберта Уэллса мой. – *Примеч. перев.*

Эта метаморфоза одновременно подчеркивает, насколько Уэллс в собственных глазах далек от архетипа мужчины-воина, – и иллюстрирует, насколько процесс игры располагает к тому, чтобы примерить на себя подобный образ. Он фактически в полной мере и является, и не является этим суровым генералом (справедливы оба утверждения); Уэллс способен превращаться в вояку-шовиниста как раз потому, что он не вояка-шовинист – он сознательно идет к утопической идее уничтожения шовинизма как явления путем заточения его внутри магического круга игры.

Как это ни парадоксально, но получается, что Уэллс предпринимает попытку критиковать милитаризм с позиции пацифизма, потворствуя милитаристским стремлениям. Безусловно, тон книги иронический и игривый, но в шестой главе, «Ending with a Sort of Challenge» («Под конец задам вам испытание»), он без капли иронии заявляет:

«Насколько же эта славная миниатюра лучше, чем настоящая война! Она гомеопатическое средство для неутомного стратега. В ней тебе и подготовка плана, и нервный трепет, и утомление после череды побед или разгромов – и нет тут ни изуродованных, окровавленных тел, ни разломанных на куски благородных зданий, ни разоренных полей; нет тут мелочной жестокости, нет всеобъемлющей скуки и озлобленности, нет здесь извечного откладывания, отмены, расстройства всего приятного, смелого, доброго и прелестного, которое помнят еще те из нас, кто живет достаточно давно, застал настоящую войну и знает ее истинное лицо»²⁸.

Уэллс предлагает использовать магический круг игры как ловушку для войны, устраняя таким образом присущий ей губительный эффект «откладывания, отмены», который нарушает естественное течение жизни со всеми ее радостями и желаниями. Идею о метафизическом «захвате» войны он сопровождает и конкретным практическим предложением:

«Давайте же посадим этого горделивого монарха, и того неразумного паникера, и этих эмоциональных “патриотов”, и тех авантюристов, и всех приверженцев энергичного колониализма в один громадный Храм Войны, где все полы будут устланы пробкой, повсюду будут маленькие деревца и домики, которые можно ломать, и города, и крепости, и безграничное море солдатиков – тонны, залежи, – и пусть они там живут себе, как хотят, вдали от нас»²⁹.

Уэллс амбициозно расширяет масштабы территориализации в игре с помощью двойного захвата: «захвата» войны как идеи и захвата людей, из-за которых войны не прекращают-

28 Ibid. P. 98.

29 Ibid. P. 99.

ся. Всего этого должна позволить достичь его игра. В некоторой степени это серьезное предложение, и оно согласуется с множеством мифов о шахматах, которые якобы могут приостановить или заменить собой кровопролитие. Еще сильнее оно опирается на кригшпиль – в конце концов, к моменту написания Уэллсом «Маленьких войн» этот жанр уже более ста лет успешно применял территориализацию и метафорический «захват» войны как идеи.

Я в свою очередь хочу рассмотреть неуспех этого предложения со всей серьезностью и задать вопрос: почему проект Уэллса не смог предотвратить Первую мировую войну, которая началась всего через год после выхода игры? Я не утверждаю, будто верю, что игра способна предотвратить мировую войну. «Маленькие войны» – это утопический проект, который стремился детерриторализовать войну, отделить от нее желание и ретерриторализовать это желание через игру, безопасно и без жертв, в то время как война осталась бы сама по себе, в изоляции. Проект Уэллса, возможно, трагически невоплотим в жизнь, но он сигнализирует о желании предпринять хоть что-то перед лицом угрожающих и неуправляемых общественных сил. Это желание надо принимать всерьез, потому что дискурсы, возникшие вокруг игр в XVIII и XIX веках, закрепили в умах людей связь между самыми обычными играми и грандиозными вселенскими силами типа судьбы – как бы широко и пессимистично ни трактовалось это понятие. Уэллс ставит центральный для нас вопрос: возможно ли посредством игр перекроить, перенаправить, трансформировать само желание?

«Маленькие войны» обнаруживают ряд основных проблем, связанных с вопросом де- и ретерриторализации желания посредством игр, а также акцентируют критический потенциал и вместе с тем провал начинания Уэллса. Подобно Мэги и ЖСПС, Уэллс тоже эффективно использует случайность в качестве приема. В разделе с описанием плейтеста он прямым текстом отвергает повальное инкорпорирование рандомизации:

«Безрассуден тот, кто доверяет свою жизнь броску монеты. Один невероятный рыцарь, сразив мечом подряд девять человек, превратил поражение в победу, что несказанно разозлило стратега, приведшего этих несчастных на смерть. Такое непомерное влияние случая свело на нет собственно игру»³⁰.

Как видно из описания, Уэллс считает избыток случайности губительным для игры: продуманные планы участников рушатся, когда откуда ни возьмись возникает удачливый «рыцарь». С точки зрения современных игровых норм, такая логика

30 Ibid. P. 15.

выглядит крайне странно. И действительно, в большинстве современных варгеймов, не только настольных, но и компьютерных, элемент случайности присутствует по умолчанию. Ведь в конце концов, кому не понравится, если «один невероятный рыцарь, сразив мечом подряд девять человек, превратит поражение в победу»? Конечно, может быть неприятно, если игра неожиданно кончится из-за один раз неудачно брошенных костей, но большинство подобных игр предполагают многократные броски – как минимум по одному на каждый бой. Появление удачливых «рыцарей», по статистике, маловероятно, а потому производит яркое впечатление. В моменте проигравший может негодовать, но в конечном счете именно о таких событиях и хочется потом рассказывать. Кому будет интересно слушать про предсказуемый финал предсказуемой игры?

Дискурсы, возникшие вокруг игр в XVIII и XIX веках, закрепили в умах людей связь между самыми обычными играми и грандиозными вселенскими силами типа судьбы.

По необъяснимым причинам Уэллс отвергает эту устоявшуюся традицию, общую для кригшпиля XIX века и варгеймов века XX и XXI. В его игре нет места случайности, результат сражения высчитывается: две стороны меряются силами, их разница вычитается из численности сил проигравшего в виде пленных, а остальные его солдаты (и столько же солдат оппонента) считаются убитыми. К примеру, в бою, где 11 против 9, оба игрока потеряют по 7 солдат, а двое выживших со стороны проигравшего будут взяты в плен четырьмя выжившими со стороны победителя. Это означает, что каждое сражение наносит невероятный урон: ты начинаешь с внушительным отрядом, но уже после первой встречи на поле боя от него неизбежно остается только горстка выживших. Чтобы уравновесить эту колоссальную смертность и предопределенность, в игре был важен фактор случайности, представленный в виде стреляющих спичками пушек. По всей видимости, если прицелиться, ими можно было стрелять довольно метко, и, чтобы это урегулировать, Уэллс в правилах ограничил, как долго игрок может целиться перед выстрелом из своей пушки. Спешка приносила элемент случайности в эту достаточно предсказуемую игру. Пушки и вводимый ими в игру случай осложняют стратегическое планирование; если у вас 16 солдат, а у противника 15, то, на первый взгляд, в победе можно не сомневаться, но если парочку солдат убьет пушкой, то ситуация может карди-

нально измениться. Это означает, что наилучшим подходом для игрока будет как можно чаще использовать пушки и избегать ближнего боя, если он не уверен в своей победе (однако такую выжидательную тактику будет усложнять артиллерия соперника). Если никто не идет в атаку первым, то итог игры определяет везение игроков и их умение стрелять из пушки; выход на поле боя убирает из уравнения случайность, и на смену отдельным хаотичным смертям приходит надежная и предсказуемая кровавая бойня. В обоих случаях противники несут урон и в итоге оказываются в напряженной ситуации, когда несколько артиллерийских орудий пытаются переиграть и обстрелять оставшихся бойцов соперника, раскиданных по полю; их страстное желание – выжить и сбежать, а вовсе не геройствовать в бою.

В одной из глав Уэллс под видом рассказа о сражении описывает сам ход игры; но интересно, что, повествуя о героической жертвенности и фантастической жестокости, он сохраняет уже известный нам патетический стиль («Усы разрастаются, приумножаются, распространяются и завиваются в невероятные кольца; громадный красный рубец, оставленный сабельным ударом, наползает на его грозный глаз»³¹), хотя ход сражения не совсем ему соответствует: редующие войска снова и снова пытаются отбить у противника пленных, которых враг, сам не менее потрепанный, перебрасывает за заднюю линию обороны. Тон повествования становится до поэтического трагическим:

«Огнем встретил он мое наступление, усыпав нежный травянистый склон мертвецами, а потом – не успел кончиться град из снарядов, – в тот самый миг, как моя кавалерия собралась было в атаку против его орудия, он напал на мое... Еще через мгновение ровный ландшафт, окружавший ферму со всех сторон, возделся, точно буря, под ногами стремительной конницы, и оказалось, что мы держим еще пяток-другой пленных солдат»³².

Когда кончается этот многочасовой бой, противник спасается бегством, «имея в остатке приблизительно 6 пехотинцев, 4 кавалеристов и 1 орудие»³³. Любая игра в «Маленькие войны» из повествования о грандиозном, но безликом конфликте могучих ратей трансформируется в рассказ о маленькой кучке чудом выживших, травмированных солдат, переживающих ужасы войны. Постепенно мы покидаем наблюдательный пост бесстрастного генерала и начинаем смотреть глазами обычного солдата или даже жертвы.

31 Ibid. P. 63.

32 Ibid. P. 70.

33 Ibid. P. 72.

Уэллс не первый, кто в XX веке в процессе варгейма случайно изобрел ролевую игру, но его нововведение показательно. Перестать отвлеченно наслаждаться кровавым побоищем и начать сопереживать группе выживших солдат здесь игроков заставляет не сюжет или какой-то еще авторский прием, а заложенные в механику игры базовые явления – такие, как людские потери и невозобновляемость ресурсов.

Игра прилагает массу усилий, чтобы перевести участников из одной всеохватной империалистической фантазии в совершенно иной жанр фантазии – милитаристской трагедии, – приближая ее к известнейшим военным романам XX века, таким, как «На западном фронте без перемен», «Прощай, оружие!», «Уловка-22» и прочим, чей фокус на страдании отдельно взятых солдат транслировал нескольким поколениям читателей мощнейший антивоенный посыл.

Опять мы видим, что главное отличие от общепринятой нормы состоит в переосмыслении сути «победы». В стандартном кригшпиле для победы необходимо отвоевать у оппонента территорию – здесь же «побеждает» тот, кому выпадает удовольствие поведать о тяготах и горестях солдатиков, выживших в устроенном друзьями игрушечном кровопролитии. Победа второстепенна, на первый план выходит увлекательное повествование, которое полностью не подконтрольно ни одному игроку и тем не менее складывается из отдельных, независимых решений всех участников в течение игры. Лавры завоевателя, которые ждут победителя, не так важны, как нервное напряжение, царящее на поле, когда два изрядно побитых войска до последнего пытаются уцелеть после пушечных обстрелов друг друга. На смену победе приходит катарсис.

Утопизм Уэллса разбивается в щепки о проблему колонизаторства, которое присутствует здесь как в игровом процессе, так и в материальном аспекте. В качестве естественной предпосылки игры для Уэллса выступает тот факт, что битва за территорию происходит с целью ее захвата. Это общая черта кригшпилей. По сравнению с «Суфражетто», которая сознательно предельно четко обозначила территорию в игре как некую усредненную улицу, включавшую все пространство от Альбертхолла до здания парламента и от тюрьмы до больницы, «Маленькие войны» не столь радикальны: там военные действия попросту разворачиваются в каком-то абстрактном ландшафте, будь то город или сельская местность, сконструированном игроками специально в игровых целях. Однако абстракция эта не всегда остается таковой у самого Уэллса, и причиной тому – игрушки, которыми он играет. Его солдатики и пушки сделаны на «фабрике игрушек “W. Britain’s”», и новый метод литья, использовавшийся для их производства, «вкупе с узнаваемой

фамилией [компанию основал Уильям Британ-младший] в названии популярного отечественного бренда, наконец-то, позволили британскому концерну бросить вызов многолетней немецкой монополии на литые миниатюры»³⁴. Уэллс акцентирует внимание на рекламе «Корабельной артиллерийской установки 4.7» производства компании «W. Britain's», открытым текстом пародируя милитаристские дискурсы вокруг новинок боевой техники³⁵. Подобные отсылки к визуальным образам, военным достижениям и истории Британской империи вписывали игру в весьма определенный контекст. Фабрика игрушек «W. Britain's» славилась как раз тем, что делала солдатиков, похожих на британских завоевателей или жителей британских колоний, – то есть Уэллс в своей игре нечаянно спроецировал британский империализм, с присущей ему территориализацией и визуальной риторикой, на мир вообще. «W. Britain's» также выпускала собственные варгеймы, например, «Большой варгейм для старых и молодых» («Great War Game for Young and Old», 1908), который Питерсон назвал проходным, призванным главным образом «продать как можно больше литых миниатюр, производимых компанией»³⁶. В «Маленьких войнах» Уэллс экспериментирует с геймдизайном как высказыванием, но его подход колеблется: то он привносит свежий сатирический аспект в привычный игровой формат, то обращается к избитым колониальным и милитаристским тропам. Он как маятник движется от провокации и критики до благостного конформизма – и обратно.

Лавры завоевателя, которые ждут победителя, не так важны, как нервное напряжение, царящее на поле, когда два изрядно побитых войска до последнего пытаются уцелеть после пушечных обстрелов друг друга. На смену победе приходит катарсис.

У Уэллса присутствуют основные мотивы, которые я уже выделял в «Игре землевладельца» и играх ЖСПС: радикализация того, как случайность применяется в качестве приема и что она символизирует, а также попытка отделить игру от ее традиционных жанровых установок и таким образом добиться сдвига в сторону утопизма. В результате попыток решить обе

34 PETERSON J. *Op. cit.* P. 261.

35 «Начало игре “Маленькие войны” в теперешнем ее виде положило изобретение нарезных казнозарядных орудий. Эта бесценная для любого мальчишки вещь появилась где-то ближе к концу прошлого века – пушка, способная с восьми метров сбить солдатика девять раз из десяти. Она совершенно вытеснила все прочие типы оружия, которые прежде использовались ребятами для “игр в войну”» (WELLS H. G. *Little Wars*. P. 10).

36 PETERSON J. *Op. cit.* P. 262.

эти задачи игры переосмысливают значение победы и постепенно заменяют ее различными типами повествования – от политизированной борьбы суфражисток за улицу до трагичных рассказов Уэллса о выживании. Однако пример Уэллса обнажает слабое место подобных детерриториализующих игровых эпистемологий: опасность перенять колониальные и дискриминационные дискурсы, которые эти игры транслируют даже неосознанно, просто опираясь на окружающую материальную культуру или уже существующие детские игрушки и игровые механики, окрашенные определенной идеологией.

Вернемся к не очень честному, но необходимому вопросу, с которого я начал говорить о Уэллсе: почему «Маленькие войны» не смогли предотвратить Первую мировую войну, как рассчитывал автор? Я думаю, ответ кроется в неспособности писателя осознать тот факт, что в играх изначально заложен идеологический посыл; он же ожидал, что их можно использовать как пустой сосуд для идеологии и прививать публике сложные идеи посредством приятного времяпрепровождения. Уэллс хочет взять варгейм, этот вечный двигатель милитаристского желания, и просто замкнуть это желание само на себе, внутри магического круга игры; он хочет, чтобы варгеймы порождали варгеймы, а не войну и чтоб сама война, которой больше не будет подпитывать желание, тем временем исчезла без следа. Его не смущает, что «Маленькие войны» воспроизводят британский колониализм, поощряют фантазии и амбиции, характерные для токсичной маскулинности, и нормализуют насильственный захват территории, – писатель с головой погружен в игровую эпистемологию, в рамках которой все эти идеологические предпосылки изначально воспринимаются как норма, а потому невидимы.

Игры Мэги, ЖСПС и Уэллса имеют общие черты: все они стремятся использовать магический круг игры, чтобы коренным образом изменить мир, но при этом допускают одну и ту же ошибку: они либо игнорируют идеологический аспект детерриториализации, встроенной в игровую нарратив, либо же просто надеются приспособить его для собственных целей. Все они используют случайность как прием: Мэги привязывает ее к безличным социальным и экономическим процессам, с которыми она хочет, чтобы игроки боролись посредством демократии. В «Панк-а-Сквит» случайность символизирует социальную инерцию и оппозицию, которую суфражистки в итоге непременно одолеют; «Суфражетто» полностью отвергает этот прием, говоря о том, что революция совершается не по воле случая, а вследствие тактического применения физического насилия. Наконец, Уэллс попеременно то применяет, то исключает случайность – желая, чтобы его игра сложилась

в определенный жанр трагического нарратива о многочисленных армиях, истощающих друг друга, пока не останется лишь горстка выживших.

Все эти различные стратегии включения, исключения, вынесения за скобки или обыгрывания случайности выливаются в одну общую тенденцию. Она проистекает из страстного стремления этих игр к территориализации. Случайность создает сопротивление внутри игровой территории, замедляет одного игрока и ускоряет другого, позволяет пушечным залпам переломить ход сражения или сбивает пущенный снаряд с намеченного курса. Отсутствие же случайности, как в играх с полной информацией вроде шахмат или «Суфражетто», напротив, дает участникам свободу воли и абсолютный контроль над ситуацией внутри магического круга игры. Случайность одновременно и территориализует, и де-территориализует; она определяет, как далеко игрок может продвинуться по игровому пространству, и в то же время является игровым пространством сама; это высшая сила, противодействующая желаниям игроков и управляющая ими. Де-территориализующие игры воспринимают случайность или ее отсутствие одновременно как игровой прием, который можно легко применить в своих целях, и в то же время как инструмент для репрезентации наиболее амбициозных и сложных элементов эпистемологии. Случай – это весело, когда игроки бросают кости, но очень серьезно, когда он символизирует силы экономики, политики и общества. Случай помогает развлечь ребенка во время игры и в то же время олицетворяет те сложнейшие явления, которым игра хочет ребенка научить. Одним своим присутствием случай создает фаталистическую эпистемологию, где все одинаково бессильно. И напротив, игры, где случай не играет роли, превращаются в рационалистические эпистемологии, где холодный расчет и тактическое применение насилия важнее, чем любые морально-этические вопросы. В де-территориализующих играх наблюдается общая тенденция: сначала они приспособляют традиционные игровые приемы к новым радикальным идеологиям, а потом обнаруживают, что их засосало в тот самый игровой механизм, который они сочли податливым и послушным.

ДАНИИЛ ЛЕЙДЕРМАН
ИГРЫ РЕВОЛЮЦИЙ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА

Перевод с английского Марии Ермаковой

Филипп А.
Лобо

Переигровка истории. Статистический реализм альтернативных исторических нарративов и игр

ГОСУДАРСТВО, СУБЪЕКТ, СТАТИСТИКА

Филипп А. Лобо
(р. 1985) – преподаватель Академии Индианы при Университете Болл (США), сфера научных интересов – история литературы и исследования видеоигр.

Научный консенсус признает взаимосвязь между формальным реализмом (в частности, его исходной литературной формой – романом¹) и новым подходом к пониманию и изображению реальности: посредством статистики и сопутствующих ей вероятностей. В XVI и начале XVII века в Европе произошла эпистемологическая революция², переведшая курс вероятностей из области философии в область науки, что привело к развитию «статистики, учения о случайностях, а также формы современного романа», которые вкупе «собственно, и породили наши современные взгляды на общество и природу»³. Исследователи не должны недооценивать влияние такой взаимосвязи литературы и статистики: «торжество теории вероятностей и становление жанра романа», которые подпитывали и находили отражение друг в друге, «частично послужили причиной сдвига в нашем понимании мира и в том, как мы осмысляем в этом мире нашу собственную роль».

Влияние этого нового способа мышления ощущалось и в интеллектуальных, и в политических кругах: такие видные фигуры, как Готфрид Лейбниц, пытались приспособить домодерную концепцию провидения к картине мира, где порядок все чаще разбивался о случай, в то время как европейские страны брали на вооружение статистические методы в попытках реформировать армию и системы государственного управления. Сдвиг этот также в значительной мере способствовал переосмыслению роли индивидов как субъектов – в свете свежесформулированных «фантасмагорий социальных норм», а также в отношении свежесформированных аппаратов государственной власти – и две эти функции дополняли друг друга⁴.

1 См.: WATT I. *The Rise of the Novel*. Berkeley: University of California Press, 1957.

2 См.: HACKING I. *The Taming of Chance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

3 CAMPE R. *The Game of Probability: Literature and Calculation from Pascal to Kleist*. Stanford: Stanford University Press, 2012. P. 2–3.

4 Ibid. P. 20.

Томас Кавана яснее всего описал эту модель современного субъекта, предположив глубинную связь между теорией вероятностей и субъективацией, особенно касательно статистики. «Мутировав в XIX веке в дисциплину статистики», теория вероятностей спровоцировала «глубинные изменения в форме исторического сознания, насаждаемого индивидам». Статистический субъект мыслился «не обремененным зависимостью от далекого исторического прошлого, недоступного для критического анализа в пределах конкретной ситуации», и не определялся более «через призму родовой и классовой преемственности»; такой субъект был способен рационально мыслить и решать, не оглядываясь на прошлое, а заботясь прежде всего о том, чтобы «просчитать и аккуратно взвесить все лежащие перед ним возможности». Такой образ мышления, который помещает индивида в новое понимание исторического процесса, основанное не на нерушимых традициях, а на множестве возможных путей, из которых индивид может делать выбор, и составляет «новую форму субъективности»⁵. Этот новый опыт нашел отражение в жанре романа, который «стал для читателей основой для формирования образа индивида и построения новой идентичности», где «нарративное присутствие» сформировало «четкое осознание себя» как «человека романизованного, нарративизированного»⁶.

Кавана соотносит этот новый модус субъективности с проектом национальных государств через введенное Руссо понятие общей воли (*volonté générale*), посредством которой «современное государство требует от каждого индивида влиться в общество и отождествлять себя с остальными его членами», чтобы «каждый был равно причастен к коллективной привилегии суверенности»⁷. Такая коллективная идентичность нужна как раз затем, чтобы обезвредить гремучую смесь суверенности и индивидуализма; новый субъект-гражданин должен в достаточной мере соотносить себя с соотечественниками и походить на них⁸.

Еще одна параллель прослеживается в том, каким именно образом статистика соотносится с историей, политической фило-

5 KAVANAGH T. M. *Enlightenment and the Shadows of Chance: The Novel and the Culture of Gambling in Eighteenth-Century France*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993. P. 21–22.

6 Ibid. P. 118.

7 Ibid. P. 17.

8 Необходимость в этом стала еще более острой в период активной урбанизации в XIX веке, в частности, в Британии, каковая «повлекла за собой один особенно странный побочный эффект» в виде так называемых вечных незнакомцев – что кардинально отличалось от разветвленных социальных «паутинок», типичных для преמודерных сообществ: MOLESWORTH J. *Chance and the Eighteenth-Century Novel: Realism, Probability, Magic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 240. Здесь также можно проследить связь с «современным пониманием “самости”» как «неким поворотом внутрь себя, отгораживанием своего “Я”», позволяющим справляться с «психологическим натиском жизни в окружении огромного числа незнакомцев»: Ibid. P. 240–242.

софией и устройством современного государства. Согласно Рюдигеру Кампе, статистика контрастирует и с историей, которая «пересказывает отдельные события», и с политической философией, которая «мыслит идеальную форму государства исключительно как универсальную»; статистика соединяет их обе, имея сферой своего приложения «конкретное государство в конкретный момент времени – объект изучения на полпути между единичным и общим»⁹. Государство лежит в основе этой реалистической субъективации (индивидуальной и общей, своеобразной и типической, повсеместной и уникальной) – и именно через статистику «определенное отдельное государство» может быть «представлено особо как самостоятельное целое»¹⁰.

История по-другому

Самое далеко идущее следствие, вытекающее из этого переплетения индивида с государством, субъектом и историей, Кэтрин Галлахер обозначает как «контрфактический модус» – воображение альтернативных вариантов развития исторических событий¹¹. Этот тип исторического воображения очень близок к рассмотренному выше соединению реализма с современной теорией вероятностей. До Просвещения альтернативные изложения исторических событий большей частью служили в качестве риторических упражнений, и только в эпоху модерна альтернативные варианты истории и порождаемые ими реальности начали расширять и экстраполировать.

Наиболее прямое отношение к нашему исследованию имеет влияние, оказываемое контрфактическим модусом на «одну из самых активно развивающихся областей исторической науки за последние двести лет: [...] военную историю»¹². О тяге контрфактического модуса к войне и военному делу свидетельствуют как литературные, так и игровые альтернативные исторические нарративы. Еще Тита Ливия в свое время занимала альтернативная история¹³, но только войны Нового времени и «обилие исторических источников с данными об этих войнах», а также «мириады нереализованных возможностей, сопутствовавших реальным событиям», дали толчок к подробной экстраполяции, каковую мы видим в контрфактических текстах

9 CAMPE R. *Op. cit.* P. 6.

10 Ibid. P. 244.

11 GALLAGHER C. *Telling It Like It Wasn't: The Counterfactual Imagination in History and Fiction*. Chicago: The University of Chicago Press, 2018. P. 1.

12 Ibid. P. 27.

13 В частности, имеется в виду его лирическое отступление в «Истории от основания города», где он размышлял о том, что было бы, проживи Александр Македонский дольше и пойдя он на запад: Ливий утверждал, что Рим одержал бы верх над прославившим непобедимым завоевателем.

сегодня, и спровоцировали «любопытство относительно этих нереализованных возможностей», которое «лишь возрастает по мере их исследования»¹⁴.

В результате уже упомянутых статистических инноваций в вооруженных силах Европы XVII и XVIII веков наряду со «стремительным ростом масштабов сбора информации и развитием бюрократических государственных аппаратов» и «расширением знаний в области географии, демографии и торговли» новыми приоритетами стали «сбор и консолидация информации», создание «новых государственных учреждений для обеспечения ее систематического применения в военном деле»¹⁵. Эти перемены отразились в исторических текстах о войнах: там акцент стал делаться на всевозможные непредвиденные обстоятельства и факторы (зачастую представленные в форме статистических выкладок) и потенциальный альтернативный, более удачный ход событий, который можно было бы просчитать и воплотить в реальность, – таким образом тексты эти учили корректировать курс истории с учетом совершенных ошибок, а не просто повторять случившееся. В то же время подобный способ изложения военных кампаний и баталий изменил их восприятие как исторических событий; благодаря обилию эмпирических подробностей, создававших потенциал для репликации и, соответственно, изменения хода войн, военные исторические нарративы могли строиться образом, аналогичным игровым нарративам, и с присущей реализму внутренней связностью.

«Практическим воплощением» идеи о том, что «военную историю можно свести к статистическим выкладкам, которыми в свою очередь можно математически манипулировать для моделирования вариантов будущего», были кригшпили – варгеймы, взятые на вооружение активно развивавшимся прусским государственным аппаратом¹⁶. Введение игральные кости для «создания случайности» одновременно и учило игроков просчитывать вероятности, и, напротив, готовило их к «столкновению с непредвиденными, неконтролируемыми происшествиями по ходу игры»¹⁷. Это еще сильнее «укрепило связь между образом мышления, основанным на математической вероятности, и контрфактической исторической логикой»¹⁸, а также связало практическое создание контрфактических нарративов с вероятностным реализмом – всеохватной вероятностной системой, могущей генерировать потенциально безграничное чис-

ФИЛИПП А. ЛОБО
ПЕРЕИГРОВКА ИСТОРИИ...

14 GALLAGHER C. *War, Counterfactual History, and Alternate-History Novels* // Field Day Review. 2007. № 3. P. 55.

15 Ibid. P. 28.

16 См.: PETERSON J. *Playing at the World: A History of Simulating Wars, People and Fantastic Adventures, from Chess to Role-Playing Games*. San Diego: Unreason Press, 2012.

17 То есть формировались подobaющие современному статистическому субъекту привычки: видеть возможные риски и избегать их: GALLAGHER C. *War, Counterfactual History, and Alternate-History Novels*. P. 34.

18 Ibid. P. 35.

ло возможных сценариев, которые брали бы начало в определенной точке пространства и времени и подчинялись бы строгим законам причинно-следственной связи.

Благодаря обилию эмпирических подробностей, создававших потенциал для репликации, военные исторические нарративы могли строиться образом, аналогичным игровым нарративам, и с присущей реализму внутренней связностью.

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО В ИСТОРИИ

Несмотря на то, что ореол потенциальных вариантов развития событий впервые ярко проявился и был детальнее всего задокументирован в контексте сражений и военных кампаний Нового времени, контрфактический модус может иметь и иные сферы применения¹⁹. Если современному государству для того, чтобы постоянно укреплять свое господство над жителями и территорией, необходимо существование статистической концепции мира, то отбрасываемая ею контрфактическая тень порождает альтернативные, нереализованные варианты истории, в пользу *потенциальной допустимости* которых сама же эта система и свидетельствует. Альтернативные истории и онтологическая правомерность, которой они достигли с помощью языка эмпирических данных и государственной власти, стали основным компонентом дискурса об исторической и социальной справедливости начиная с 1970-х, когда они проникли в массовое сознание в Великобритании и Америке²⁰.

Тем не менее наш непосредственный таймлайн имеет некую силу притяжения сродни гравитации; наша реальность остается порой непоколебимо реальна – как валун, который от пинка не двигается с места. «Решения» проблем нашей истории посредством художественного вымысла предполагают разве что воображение альтернативных вариантов истории, а не их фактическую реализацию и не дотягивают до практических предложений²¹. Однако более показательна здесь озабоченность вопросом свободы воли в нынешних представлениях об истории, без

19 То же можно сказать и про ARPANET: хотя первоначально сеть была разработана с тем, чтобы система военного командования США не могла быть обезглавлена, и, хотя инфраструктуру Интернета и ее влияние можно заслуженно подвергнуть анализу и критике, по природе своей они отнюдь не являются милитаристскими.

20 Ibid. P. 56.

21 Справедливости ради практические решения – такие, как репарации, – бывали аргументированы с помощью контрфактической логики, но касалось это скорее области права (в частности, деликтного и страхового права – двух вероятностных отраслей юриспруденции), а не искусства.

которой контрфактический модус не смог бы существовать. Как отмечает Галлахер, альтернативная история подходит к самостоятельности субъекта иначе, чем это делают прочие романы, – или же наоборот: функция жанра романа по производству индивидуального эстетического переживания вступает в противоречие с природой контрфактического модуса.

Начиная с Луи Огюста Бланки в контрфактическом модуле исследовалась возможность существования трансмировой идентичности – когда *субъекты* (нации, культуры, индивиды) до определенной степени остаются «сами собой», даже когда *события* развиваются по-другому²². Галлахер называет эту концепцию «контрфактического персонажа» «одной из ярчайших характеристик модуса», которая «открывает простор для наделения одного и того же субъекта различными характеристиками – мыслями, действиями, воспоминаниями, которые теоретически могли бы ему принадлежать в случае иного развития событий», – что расширяет понимание самой категории персонажа²³.

Идея эта дополнительно усложняется и становится еще более актуальна в связке с вопросом: кто в истории на самом деле действующее лицо? Этот вопрос вытекает из идеи, что историю можно изменить, что чьи-то действия могли бы поменять ход событий. Войны и убийства политиков пленяют контрфактическое воображение и служат благодатной почвой для альтернативной истории как жанра, потому что они наделяют конкретных индивидов силой своими действиями переломить ход истории. Будь то реальный исторический персонаж (генерал, политик, наемный убийца) или путешественник во времени, желающий исправить прошлое, расписать изменение курса истории всегда проще, если представить, что у истории есть один-единственный рулевой. Одинокие попутанцы пытаются устроить или предотвратить политические убийства, катастрофы, злодеяния; они стремятся вмешаться тогда, когда имеющееся у них влияние и знание будущего (одно из неотъемлемых преимуществ путешественника во времени, так как реконструировать можно только задокументированное событие из прошлого) максимально сыграет им на руку.

Но, как свидетельствуют пессимистические сюжеты многих романов о попутанцах, веру в самостоятельность индивида сохранить нелегко, особенно когда «трансмировая идентичность работает только в случае с референтами имен *исторических* фигур или *формирований*», которые могут радикально измениться в альтернативном варианте истории²⁴. Чтобы

22 GALLAGHER C. *Telling It Like It Wasn't...* P. 11.

23 Ibid. P. 12.

24 Ibid. P. 11.

вообразить «всевозможные психологические, социальные, культурные, семейные, экономические и эмоциональные измерения в жизни обычных людей после перемены курса истории» – а уж тем более то, как эти люди становятся в истории действующими лицами²⁵, – необходимы одновременно и «романские нормы формального реализма»²⁶, и более ощутимый «акцент на коллективное действующее лицо» – чтобы, «вместо концентрации на потенциале одного великого человека, характерной для альтернативно-исторических утопий, прижилось не менее страстное стремление создавать коллективных персонажей», которое будет полезнее при написании романа²⁷.

Исторические формации, которые кажутся наиболее способными на коллективное действие и посредством которых «маленькие герои» имеют возможность воздействовать на историю, – это национальные государства. Альтернативная история тяготеет к войнам еще по одной причине: размеры задействованных в них территорий и масштабы мобилизации позволяют целые страны превратить в персонажей – «действующих лиц, имеющих сознание, субъективность и некоторую способность принимать решения и действовать неожиданно», которым «может везти или не везти... и которые могут предвидеть несколько разных вариантов будущего»²⁸. Таким образом, вопросы национального или индивидуального характера, действий государства или индивида – это две стороны одной медали, потому что члены завоеванных сообществ стремятся сохранить или возродить свой «национальный дух», а страны мобилизуют своих граждан для нередко экзистенциальной борьбы на современном им поле боя.

Поиски «национального характера» – сами по себе часть более масштабного кризиса идентичности, который остается актуальным по сей день. Не случайно национальность, только недавно (в масштабах истории) ставшая важным аспектом личного самоопределения, уже одновременно и монополизировала нашу способность воображать исторические действующие лица, и превратилась (на обломках империализма и по прошествии двух мировых войн) в «абстракцию, которая утратила для нас всякий смысл»²⁹. Контрфактический модус возникает именно тогда, «когда всплывают подобные вопросы

25 Галлахер ссылается на авангардную прозу Рене Бержавеля (писавшего под влиянием творчества «отца патафизики» Альфреда Жарри), который поднимает эту проблему и демонстрирует, что «История с большой буквы “И” либо предопределена, либо вершится спонтанно и по стечению обстоятельств», и во втором случае «чувство важности *простого* человека (самого заурядного, маленького героя в произведении) возрастает относительно исторически значимых фигур» (Ibid. P. 164).

26 Ibid. P. 73.

27 Ibid. P. 93.

28 Ibid. P. 145.

29 Ibid. P. 192.

о национальном характере»; «истории, по природе своей полной стихийных событий, необходимо концентрироваться на поведении определенного действующего лица (государства, народа, конкретного индивида) в определенных обстоятельствах», чего «недостаточно для определения *характера*». Характер, помимо прочего, всегда подразумевает контрфактический потенциал «глубинных способностей и задатков, которые, возможно, в реальности никогда не были реализованы», – другими словами, на что исторические субъекты «*были способны*, а не только то, что они сделали». Таким образом, можно сказать, что контрфактический модус «разворачивается шире по мере того, как идея национального характера блекнет» перед лицом культурного плюрализма, который бросает ей вызов буквально на каждом шагу. Выходит, альтернативная история «движима желанием определить национальный характер», но в конечном счете она дискредитирует саму его концепцию, давая возможность вообразить иные коллективные субъекты³⁰. Мы можем пойти дальше и провести аналогию с формированием индивидуальных идентичностей: в постмодерне категории идентичности становятся неустойчивы, и им в дополнение возникают новые формы, которые самим фактом своей добавочности обнажают условную природу подобных категорий.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СЕЙЧАС

Интерес к альтернативной истории никоим образом не ослабевает в популярной культуре – особенно это касается игр. Альтернативные варианты истории служат антуражем для многих игр – взять хотя бы элементы криптоистории из «Assassin's Creed» (2007–2018), или постапокалиптику эпохи реактивных двигателей из «Fallout» (1997–2018), или политическую антиутопическую фантазию о победе нацистов во Второй мировой войне из «Wolfenstein: The New Order» (2014), или даже альтернативные исторические сеттинги из «BioShock». Нередко это просто риторический и/или эстетический прием: альтернативная история становится колоритным сеттингом для создания нарратива, который по сути своей является линейным. В таких случаях игры функционально не слишком отличаются от альтернативно-исторических романов: они приглашают нас заглянуть в альтернативную реальность и оценить ее, сравнив с нашим собственным таймлайном. Однако в некоторые игры заложен *потенциал* для запуска других таймлайнов, для активизации бесчисленного множества альтернатив, которые игрок

30 Ibid. P. 193.

может открывать для себя от одной игровой сессии к другой – вместо того, чтобы углубляться в подробности единственной, заранее заданной вселенной. Это ближе к моделированию и симуляциям – такие игры ставят меньше строго определенных задач и явно делают упор на репрезентацию реальности³¹, их структура продумана таким образом, чтобы все потенциальные таймлайны имели равный вес в рамках одного и того же набора правил.

В некоторые игры заложен *потенциал* для запуска других таймлайнов, для активизации бесчисленного множества альтернатив, которые игрок может открывать для себя от одной игровой сессии к другой – вместо того, чтобы углубляться в подробности единственной, заранее заданной вселенной.

Ярким примером такого типа всеобъемлющего системного реализма, генерирующего исторические альтернативы, является жанр глобальной стратегии, который продолжил и расширил симуляционную традицию кригшпиля. Как и кригшпиль в свое время, многие подобные игры сейчас позиционируются как образовательные; последние пятьдесят лет игры в целом, а этого жанра в частности, все активнее привлекаются для обучения истории³². Эти продукты часто выполняют сразу две функции, так как разрабатываются одновременно в учебных и развлекательных целях, и должны балансировать между обязанностью обучать людей на материале «фактически точных» исторических репрезентаций (так как это симуляции) и необходимостью сделать процесс взаимодействия с продуктом приятным (так как это игры)³³. Эти две цели не обязательно противоречат друг другу: удовольствие игроку приносит создание возможных альтернатив, и контрфактический модус здесь работает как «сюжетогенератор»³⁴. Более того, благодаря стабильному набору правил действие внутри игры остается последовательным

31 KÖSTLBAUER J. *The Strange Attraction of Simulation: Realism, Authenticity, Virtuality* // KAPPELL M.W., ELLIOTT A.B. (Eds.). *Playing with the Past: Digital Games and the Simulation of History*. New York: Bloomsbury, 2017. P. 170.

32 MCCALL J. *Teaching History with Digital Historical Games* // *Simulation & Gaming*. 2016. Vol. 47. № 4. P. 517. Маккол ссылается на внушительное число исследований для подкрепления своего утверждения, что «исторические игры идут рука об руку с производством альтернативной истории» – вплоть до того, что они по сути «генерируют материал для контрфактических нарративов». В самом деле он считает, что невозможно исследовать «причинно-следственные связи вокруг какого-либо исторического события» без применения «контрфактической логики» (p. 525).

33 Ibid. P. 518, 552–553; KÖSTLBAUER J. *Op. cit.* P. 170.

34 GALLAGHER C. *Telling It Like It Wasn't...* P. 45.

и понятным и потому легко согласуется с ощущением растущей свободы действий, которое так важно, чтобы чувствовать, что игра движется вперед.

Конкретно в данной главе я рассмотрю флагманские проекты в жанре глобальной исторической стратегии от компании «Paradox Interactive», лидера в этом сегменте рынка³⁵, а именно – родственные друг другу серии игр «Crusader Kings» («Короли-крестоносцы»), «Europa Universalis» («Европа»), «Victoria» («Виктория») и «Hearts of Iron» («Железные сердца»)³⁶. По одним только названиям должно быть понятно, что в этих играх немаловажную роль играет суверенность государств, колониальная экспансия и развитие модерности, которая выходит за пределы Европы и распространяется на остальной мир. В определенном смысле игры эти составляют процессуальную теорию евроцентризма в истории, но в них присутствуют такие потенциальные альтернативы, которые бросают вызов абсолютности этой гегемонии. Все игры собраны на собственном движке компании «Clausewitz Engine» (названном, разумеется, в честь военного теоретика Карла фон Клаузевица³⁷), и все они тем не менее имеют свои уникальные механики и выдвигают действующие лица, наиболее адекватные изображаемым историческим эпохам. Предложенная мной выборка игр, разумеется, не исчерпывающая, но ее будет достаточно, чтобы на примерах рассмотреть последовательную репрезентацию альтернативной истории и получить представление о том, как именно реализм в играх содействует контрфактическому модусу. Кроме того, мы сможем проанализировать конкретные теории о действующих лицах в истории, ведь каждая из игр – сама по себе аргумент в этом вопросе и отражает определенную грань исторического воображения. Наконец, изучив альтернативно-исторические маршруты, построенные игроками, мы прольем свет на глубинную неоднозначность, пронизывающую политический аспект этих игр.

Столь удачным материалом для анализа эти игры делает то, как в рамках строгого каузального реализма их симуляций, где партия начинается в реально задокументированный момент истории, дальнейшие события могут развиваться по кардиналь-

35 APPERLEY T. *Counterfactual Communities: Strategy Games, Paratexts and the Player's Experience of History* // Open Library of Humanities. 2018. Vol. 4. № 1. P. 7.

36 Все вместе эти игры охватывают таймлайн от 769 года нашей эры и до второй половины XX века, последний представленный в них период – Вторая мировая война и ее последствия. Каждая серия игр включает несколько продолжений, на момент написания последние версии каждой из игр следующие: «Crusader Kings 3», «Europa Universalis 4», «Victoria 2» и «Hearts of Iron 4».

37 Чьи идеи Георг фон Рассевиц и «хотел проиллюстрировать», когда создавал свой «Кригшпиль»: КБСТЛ-ВАУЕР J. *Op. cit.* P. 173. Георг фон Рассевиц (Georg Heinrich Rudolf Johann von Reisswitz, 1794–1827) – прусский офицер, изобрел «Кригшпиль» в 1824-м, через два года впал в немилость при дворе и покончил с собой. – *Примеч. перев.*

но отличным друг от друга сценариям. Каждая из упомянутых игр начинается с некой стартовой даты (игровой версии точки расхождения, характерной черты для произведений в жанре альтернативной истории³⁸); после нее события могут – и практически всегда будут – расходиться с реальным историческим курсом³⁹. До того, как таймлайн «Crusader Kings 2» расширился и отодвинулся дальше в прошлое⁴⁰, самая ранняя точка расхождения в игре датировалась 15 сентября 1066 года – за месяц до битвы при Гастингсе; подобно романам и критическим статьям того же жанра, эта игра выбирает точкой расхождения такое историческое событие, чья политическая и военная значимость общепризнана, – момент, обладающий контрфактическим потенциалом. Нормандское завоевание Англии уже началось, но после старта игры совершенно не исключено, что в битве, вместо Гарольда II Годвинсона, падет Вильгельм Завоеватель или какое-то еще непредвиденное событие изменит итог сражения: внезапное появление союзника одной из сторон, крестьянское восстание в крупной провинции, смерть одного из противников в результате завистнических козней. На самом деле львиную долю удовольствия игрок здесь получает от того, что находится внутри заранее известного сценария и, опираясь на собственное знание реальных исторических событий, может пойти по накатанной и разыграть все так, как было на самом деле, или же задаться целью переписать весь сценарий. Там, где один решит плыть по течению истории и отыгрывать за герцога Нормандии, другой предпочтет занять сторону проигравших англосаксов в попытках предотвратить нормандское завоевание. Страстное желание воплотить реальный ход истории и в то же время извлечь из нее нереализованный потенциал присутствуют в игре и близко соседствуют друг с другом. Нередко их оба можно реализовать одновременно. Ведь, в конце концов, к победе Вильгельма можно привести альтернативными методами, да и Нормандия может затеять еще одно вторжение, если вдруг в первый раз победу одержит армия короля Гарольда.

Как отмечает Галлахер, альтернативная история всегда развивается с оглядкой на настоящий таймлайн, от которого она отступает, – это не менее справедливо для игр, генерирую-

38 Галлахер определяет этот жаргонизм как «поворотный момент в процессе отклонения от реального исторического курса», влекущий за собой возникновение «альтернативного таймлайна, противопоставляемого нашему реальному таймлайну». Эта структура, впервые предложенная Луи Наполеоном Жоффруа-Шато, доминирует в альтернативно-исторических текстах с 1836 года: GALLAGHER C. *Telling It Like It Wasn't...* P. 52.

39 McCALL J. *Op. cit.* P. 526.

40 Сперва в дополнении «The Old Gods» и позднее в дополнении «Charlemagne». Одна из трудностей «чтения» подобных текстов состоит в их частом обновлении, а также в том, что в геймерских сообществах принято писать для игр дополнительные моды; некоторые критики в связи с этим говорят о гибкости как неотъемлемой характеристике игр: APPERLEY T. *Modding the Historians' Code: Historical Verisimilitude and the Counterfactual Imagination* // KAPPELL M.W., ELLIOTT A.B. (Eds.). *Op. cit.* P. 195; KÖSTLBAUER J. *Op. cit.* P. 171.

щих альтернативные исторические сюжеты. «Наш реальный таймлайн» воспроизвести в игре должно быть не труднее, чем его альтернативы, которые, таким образом, будут ему онтологически равнозначны; при желании игрок должен суметь пройти этот путь от стартовой точки – находясь под воздействием одних и тех же сил, факторов и непредвиденных обстоятельств. По этой причине игровое пространство выглядит как географически точная карта реального мира. Той же логикой продиктована исходная расстановка сил, распределение территорий и экономическое развитие – с целью соблюсти историческую точность при изображении материальных условий разных народов, территорий и индивидов⁴¹. Правдоподобие всех альтернативных сценариев зависит как от стабильности и убедительности системы, которая воспроизводит исторические события, так и от способности этой системы выдавать разные результаты в ответ на действия игрока или, напротив, на вероятностные механики, встроенные внутрь самой игры.

Во всех этих играх отдельные исторические события представлены либо как результат работы некоего общего принципа (согласно одной из механик в «Crusader Kings 2», папа Римский организует крестовые походы вообще, а не какой-то конкретный поход), как действия, характерные для действующих лиц (Навигационные акты 1651-го и 1660 года⁴² поданы под видом проявления «национальной идеи», которая заложена «в характере» Англии по сюжету «Europa Universalis 4», хотя их не обязательно подписывать именно в эти даты), или же как внешнесистемные дополнения к правилам (в игре «Victoria: Revolutions» сипайское восстание в Индии 1857–1859 годов вспыхивает в нужную дату буквально на пустом месте, вместо того, чтобы назреть вследствие политических репрессий и недовольства местного населения, как это обычно происходит в этих играх с подобными событиями).

Тип субъекта в этих играх меняется (от игры к игре варьируются качества и способности основных персонажей – как подконтрольных игроку, так и управляемых компьютером) в зависимости от эры, в которой разворачивается действие, определенный набор исторических сил и действующих лиц играет ведущую роль в формировании исторического курса внутри игры. Тип субъекта в этих играх как раз и имеет отно-

41 Это в корне отличается от прочих исторических стратегий, таких, как «Civilization», где карта часто генерируется случайным образом, а все потенциально доступные игроку действующие лица начинают игру на равных, чтобы все было «по-честному», – можно предположить, что такой подход идет в ущерб реализму и снижает градус доверия к контрфактическим нарративам.

42 Согласно Навигационным актам, исключительное право ввозить в Англию неевропейские товары и осуществлять каботажное плавание вдоль английских берегов представлялось только английским судам. Окончательно отменены только в середине XIX века. Навигационные акты были приняты для расширения колониальной экспансии английской короны и торгового соперничества с Нидерландами. – *Примеч. перев.*

шение к вопросам, поднятым Галлахер в связи с контрфактическим художественным вымыслом, как то: взаимоотношения индивида и сообщества, «национальный дух» и его возможное существование за пределами известной истории определенного народа, вопрос о том, кто же все-таки является действующим лицом в истории.

Правдоподобие альтернативных сценариев зависит как от стабильности и убедительности системы, которая воспроизводит исторические события, так и от способности этой системы выдавать разные результаты в ответ на действия игрока или, напротив, на вероятностные механики, встроенные внутрь самой игры.

Мы до модерна

«Crusader Kings 2» – единственная игра в серии, где сюжет целиком разворачивается в домодерный период. Действующая сила там мыслится не как некая безымянная, внеисторическая абстракция – вместо этого игрок совершает действия руками главы одной из средневековых династий. Персонаж обладает чертами характера (многие из которых связаны с семьей смертными грехами и христианскими добродетелями) и способностями (в частности, к дипломатии, военному делу, управлению, интригам или образованию), а также культурным багажом и религиозным воспитанием; все эти атрибуты в процессе игры могут меняться под влиянием определенных событий или в результате знакомства с персонажами из других государств и культур. Когда персонаж умрет, игра продолжится только в том случае, если у него остался законный наследник, который и станет вашим новым персонажем; отсутствие наследников означает конец игры. Главный приоритет в игре и залог того, что партия не прервется преждевременно, – рождение законных наследников, которые будут продолжать вашу династию до самого конца игры.

Остальной мир населяют сотни типовых персонажей, чертами характера которых управляет искусственный интеллект (ИИ). Если игрок большей частью волен принимать решения сообразно собственному стилю игры и на правах путешественника во времени может в известной мере обернуть себе на пользу знание грядущей истории⁴³, не будучи слишком огра-

43 Знание это становится все менее полезным по мере того, как история дальше и дальше отклоняется от своего «реального» курса.

ничен чертами характера своего персонажа, то ИИ создает персонажей, чьи действия самостоятельны и в разной степени рациональны⁴⁴. Выбор ИИ в конечном счете всегда продиктован генератором случайных чисел, который сперва определяет, какие персонажи принимают решения (это снижает нагрузку на процессор, так как не все персонажи принимают решения в каждый конкретный момент), а потом – будут ли они действовать, и если да, то как. Все управляемые ИИ герои фактически непредсказуемы (что делает убедительной их инаковость), но при этом их действия обоснованы логически в контексте правил, которые, пусть и случайным образом, задают потенциал персонажей: мудрый правитель будет пристально следить за вассалами с высокими «амбициями», но не сможет предугадать, когда именно такой вассал попытается захватить власть и попытается ли вообще это сделать.

При таком количестве и разнообразии действующих лиц, когда буквально сотни персонажей со случайным набором качеств принимают независимые решения под контролем ИИ, бессмысленно ожидать, что история в «Crusader Kings 2» долго будет напоминать то, чему учат в школе, – мир в этой игре чрезвычайно изменчив.

Упорный и мотивированный игрок здесь вполне может расширить и усилить свое влияние на мир. Если не брать во внимание фортуна (герою всегда может не повезти из-за фактора случайности и из-за того, что еще на старте другие могли иметь преимущество), то у игрока, знакомого с игровыми механиками, есть все шансы постепенно расширить сферу влияния своей династии, свою вотчину (непосредственно подконтрольные игроку территории) и владения (куда входят провинции, подконтрольные управляемым ИИ вассалам). Черты характера каждого следующего персонажа из династии могут открыть или, наоборот, закрыть для игрока определенные опции и события; некомпетентный правитель перечеркнет часть достигнутого игроком прогресса (так, правитель с недостаточно высокими очками «управления» не сможет эффективно вести дела в большой вотчине, а некоторые решения правителя, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, должны быть одобрены

44 Для этого у управляемых ИИ персонажей есть пять скрытых черт: «рвение» определяет уровень враждебности по отношению к представителям других религий, что подчеркивает фокус игры на религиозных конфликтах; «жадность» определяет их склонность к накоплению богатства (такой персонаж будет легче развязывать войны из-за наложенного эмбарго и неохотнее выплачивать выкуп), а также их восприимчивость к денежным поощрениям (подарки для жадных персонажей придется делать внушительнее, но они будут сильнее влиять на их отношение); «честь» определяет их верность союзникам и готовность вступать в сговор; «амбиции» решают, будет ли персонаж пытаться захватить территории (если это правитель, владеющий землей) и ввязываться с этой целью в войны; «рациональность» определяет, насколько персонаж осторожен при осуществлении своих планов и готов ли он идти на риск (www.rockpapershotgun.com/2016/11/11/crusader-kings-2-characters/).

регентом, за которого играет ИИ), но в этой нестабильности отчасти и состоит удовольствие от игры: она привносит изменчивость и создает повороты событий (вроде задержек развития сюжета в литературе), которые требуют от игрока пересмотра его стратегии и целей. Так или иначе, поскольку для успеха в игре необходимо владеть ее правилами, а развитие сюжета мыслится в связке с расширением влияния игрока на игровой мир, то условием успешного продвижения будет укрепление централизованной системы управления в формирующемся у игрока государстве⁴⁵.

«Прогресс» в плане технологий тоже привязан к уровню авторитета; только персонажи с титулом герцога⁴⁶ или выше могут получать очки (военные, экономические, культурные), которые можно вкладывать в развитие соответствующих технологий. Такое развитие почти всегда укрепляет влияние и эффективность вашего растущего государства; даже культурная технология «терпимости» приносит ощутимую выгоду, делая подданных, принадлежащих к иным культурам и религиям, более верными, а в случае достижения гендерного равенства⁴⁷ удваивая для вас количество талантливых претендентов на стратегически важные должности типа советников и полководцев. Продвижение по игре и расширение сферы влияния связаны друг с другом во многих играх, не в последнюю очередь в ролевых, – «Crusader Kings» можно назвать гибридом и частично отнести к этому жанру благодаря наличию у его персонажей атрибутов. Однако в «Crusader Kings» и упомянутых родственных ей играх важно то, что игрок действует в контексте известной истории и на территории, повторяющей карту реального мира.

Несмотря на то, что цвета на этой карте, ее культурное, религиозное и политическое разделение могут меняться, в географическом смысле она в прямом смысле евроцентрична. Как и во всех рассматриваемых играх, интерфейс «Crusader Kings 2»

- 45** Так, прогрессу в игре способствует введение системы наследования с единственным наследником – такой, как майорат или минорат (чтобы не дробить вотчину на части), и установление абсолютной монархии (которая ограничивает вассалов в правах и полномочиях и устраняет все препятствия для единоличного принятия решений монархом).
- 46** Иерархия титулов начинается с баронов, владеющих соответствующими земельными единицами, баронствами, коих может помещаться несколько внутри одной провинции. Выше них стоят графы – правители графств, охватывающих всю провинцию вместе с ее баронствами. После них – герцоги, по закону имеющие претензию на несколько графств. Еще выше стоят короли, чьи королевства содержат герцогства. Наивысший возможный титул – император, за которым закреплены вассальные королевства. Отношения вассал-сюзерен возможны только между носителями титулов разных ступеней: короли могут присягнуть на верность только императору, а не другим королям.
- 47** В текущей версии игры игрок может выбирать, отключить или оставить в разыгрываемой партии «исторический» сексизм (наследование земель по мужской линии, падение престижа для правителей-женщин, недопущение женщин на высокие должности); до этого обновления, введенного в дополнении «Conclave», закрепленное законом равноправие существовало только в виде исключения – например, в культуре басков или в еретических общинах катаров.

состоит из «нескольких карт, отражающих разные аспекты управления (например карта ресурсов, транспорта, религий и так далее)», а игрок находится как бы поодаль от происходящих событий – что «свидетельствует о том, что корнями этот жанр уходит в настольные игры и варгеймы»⁴⁸. Но, в отличие от более поздних игр, «Crusader Kings 2» не охватывает всего земного шара. Хотя в дополнениях «The Rajas of India», «The Horse Lords» и «Jade Dragon» («Индийские раджи», «Конные владыки» и «Нефритовый дракон») охват карты расширился – добавились Индийский субконтинент, часть евразийских степей, и на политической арене стало возможно взаимодействие с Китаем, – но в первоначальной версии игры карта включала только Европу, Северную Африку и Ближний Восток (чтобы в сюжете могла развернуться драма с крестовыми походами, как и было заявлено создателями). Более того, в ранних версиях игры можно было играть только за правителя-христианина. Создателям понадобились годы работы над дополнениями, чтобы другие формы государственного устройства (икта, торговые республики, кочевой и племенной строй)⁴⁹ стали доступны игроку или хотя бы просто были представлены на политической арене отдельными игровыми механиками и имели возможность особым образом влиять на ход событий. Но даже при этом всем, несмотря на политический паритет между иктой, республикой и феодальной монархией, если кочевые народы хотят по ходу игры оставаться политически конкурентоспособными, то у них нет другого выбора, кроме как принять одну из существующих монотеистических религий или с помощью реформ приблизить к ним собственную ветвь язычества; так или иначе, племенную форму политической организации придется сменить на что-то более централизованное, чтобы получить доступ к необходимым законам наследования.

Постоянную доработку игры, таким образом, можно трактовать как постепенное расширение субъективации (в плане как игровых механик, так и свободы действий персонажей), распространение ее на все новые и новые народы и формы государственного устройства – уклон же продолжает делаться в сторону господства тех форм организации, которые вытеснили все прочие в рамках гегемонистского понимания истории. Здесь сразу вспоминаются критики, обвиняющие исторические игры в пропаганде такого взгляда на историю⁵⁰. Да и в принципе напрашивается аналогия с концепцией евроцентричной

48 APPERLEY T. *Counterfactual Communities...* P. 9–10.

49 В локализации игры и в геймерском сообществе эти типы государственного устройства называется именно так. – *Примеч. перев.*

50 См.: GOLUMBIA D. *The Cultural Logic of Computation*. Cambridge: Harvard University Press, 2009; KAPELL M.W., ELLIOTT A.B. (Eds.). *Op. cit.*; GALLOWAY A.R. *Gaming: Essays on Algorithmic Culture*. Minnesota: University of Minnesota Press, 2006.

модерности, построенной по одной специфической формуле государство-субъект и абы как подминающей под себя и поглощающей любые альтернативы под сомнительным предлогом собственной универсальности. Это справедливо для всех упомянутых игр, но показательнее всего будет пример следующей по хронологии за «Crusader Kings» игры с говорящим названием «Europa Universalis». Глобальные стратегии, которые явно черпают вдохновение из истории колониальных завоеваний, не без причины подвергаются критике за распространение «идей евроцентризма и колониализма»⁵¹.

Тогда на каком же основании возникла точка зрения, что игры вроде «Crusader Kings» и «Europa Universalis» «создали такой простор для выражения идентичности, который бросает вызов гегемонии официальной истории?»⁵². Прежде всего необходимо развеять представление о наивности игроков и их неспособности отрефлексировать процесс игры и подойти к нему критически; этот аргумент актуален и в отношении литературных произведений, но он может показаться более убедительным, когда речь идет о формате, где во главе угла стоит формирование у игрока шаблонов поведения, скопированных с определенных систем, чью идеологию он может ненароком «впитать». Если бы виртуальную модель стали принимать за реальность, за точную репрезентацию мировой истории в ее единственно возможном виде, тогда действительно можно было бы говорить о реабилитации колониальной идеологии. Но, если посмотреть на разыгрываемые партии и на фанатские сообщества вокруг этих игр, становится понятно, что природа связи геймплея с задокументированной историей не так прямолинейна – она почти целиком базируется на «контрфактическом воображении» и его связи с реализмом.

Демонстрируемые в процессе игры контрфактические импульсы вполне однозначно указывают на желание игроков отступить от официальной версии истории, пусть даже для производства альтернатив необходимы те самые реалистичные декорации гегемонистского дискурса. В «Crusader Kings», как и в остальных перечисленных играх, далеко продвинувшийся в партии игрок часто получает шанс восполнить какую-то упущенную в ходе истории возможность: заново отстроить Иерусалимский храм, играя за хазар-иудеев; восстановить зороастрийскую Персию или Афганистан времен династии Зунбиль, преобразовать языческие верования и противостоять распространению христианства, положить конец расколу в христианстве и вернуть Римскую империю. Самым ярким примером будет, наверное, дополнение «Sunset Invasion» («Закатное вторжение»),

51 APPERLEY T. *Counterfactual Communities...* P. 2.

52 Ibid. P. 6.

добавляющее в игру абсолютно вымышленное вторжение в Западную Европу ацтеков, у которых есть трансатлантический флот и порох. Ирония здесь состоит в том, что данный сюжет – зеркальное отражение захватнических набегов конкистадоров, этакая фантазия об исторической справедливости, где кролик и удав меняются местами⁵³.

ФИЛИПП А. ЛОБО
ПЕРЕИГРОВКА ИСТОРИИ...

Многие такие альтернативы возникают благодаря игровым механикам: решения и события приводят к переменам (например в типе государственного устройства), которые не могли бы произойти сами собой внутри заданной игровой системы. Некоторые другие доступны только определенным героям и сообществам (так, только правитель-иудей сможет отстроить Храм, и только византийские басилевс или базилисса могут восстановить Римскую империю), что еще раз подчеркивает зависимость определенных потенциальных возможностей от характера того или иного действующего лица в истории. Но все-таки игрокам главным образом привлекает контрфактический аспект, и сообразно с этим к «Crusader Kings 2» вышло множество дополнений, открывающих новые горизонты – вплоть до создания не существовавших в реальности королевств и империй, что только сильнее расширило возможности игрока по изменению хода истории. В обоих случаях проводить часы перед экраном игроков побуждает желание рассказать другую историю (которая нередко прямо противоречит реальной или иронически ее обыгрывает), пусть даже новые контрфактические нарративы строятся в контексте игры и подчиняются встроенным в нее представлениям о природе субъектов, способных на исторически значимую деятельность.

СТАНДАРТНЫЙ СЮЖЕТ – ВЫХОДА НЕТ

Четвертая версия игры «Europa Universalis», возможно, наиболее значима для данного исследования, потому что в ней представлено зарождение эпохи модерна. К игре (на момент написания этого текста) вышли семнадцать дополнений, многие из которых полностью перечеркивают прежде центральные для игры механики, поэтому ни одно прочтение «Europa Universalis 4» не сможет охватить абсолютно всех нюансов из более ранних версий – не говоря уже о грядущих. По мере разработки обновлений, как и в случае с «Crusader Kings 2», игра

53 Современная беллетристика не прошла мимо такого сюжета. Роман французского писателя Лорана Бине «Цивилизации» (2019) описывает альтернативную историю открытия Америки: инки во главе с Атауальпой прибывают в Старый/Новый Свет и становятся завоевателями, реформаторами и даже антропологами, пытаясь расшифровать ритуалы и перенять обычаи коренных народов Европы (БИНЕ Л. *Цивилизации*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021). – *Примеч. перев.*

постепенно вносила коррективы в историю и ее движущие силы, открывая новые контрфактические возможности, надеясь субъективностью новые и новые типы действующих лиц. Особенность же «Europa Universalis 4» заключается в охвате ее таймлайна и в том, как именно в ней представлены действующие лица эпохи; игра стремится воссоздать атмосферу отрезка истории, для которого важнейшим и определяющим процессом сегодня мыслится приближение эпохи модерна.

Уклон в модерн служит причиной ряда значительных отличий игры от «Crusader Kings» в том, что касается роли субъекта – в частности, произошел сдвиг от подробно проработанных персонажей, стоящих во главе государств (или более мелких территорий), к субъективации самих этих государств. Если в «Crusader Kings» все территории полны деятельных индивидов, то в «Europa Universalis» единственные представленные индивиды – это правители, генералы и советники, то есть шестеренки целого государственного аппарата, которым и управляет игрок, имеющий почти безграничную власть над «военно-экономическим механизмом, типичным для режима военного деспотизма»⁵⁴. Игрок волен играть за любое государство земного шара, расширенная карта здесь – ключевое нововведение, которое способствует реализации контрфактических импульсов⁵⁵; выбор протагониста для альтернативных исторических сценариев не ограничен одними лишь европейскими державами. Шанс выбиться в число главных действующих сил истории игрок получает, развивая свой государственный аппарат. Согласно карте, на территориях, доступных для колонизации, живет коренное население, которое, хотя и может сопротивляться или сдаваться на милость колонизаторам, не может в игре действовать самостоятельно – даже когда им управляет ИИ.

Таким образом, действующими силами истории здесь являются не отдельные индивиды, а исключительно национальные сообщества, причем обязательно организованные соответственно какому-либо типу государственного аппарата. Развитие этого аппарата и расширение влияния того или иного народа зависят от совершенствования в государстве технологий и внедрения современных институтов⁵⁶, а следовательно, и от движения в сторону неотвратимой и неизбежной модерности.

В процессе дополнения и улучшения игры – как по мере выхода новых частей (например от первой «Europa Universalis» до четвертой), так и внутри каждой отдельной версии – одной из труднейших задач для разработчиков стала репрезентация

54 APPERLEY T. *Counterfactual Communities...* P. 10.

55 Ibid. P. 8.

56 Здесь и далее «институты» – термин из локализации игры. – *Примеч. перев.*

глобальной гегемонии европейских держав, которая строилась на фундаменте насильственного захвата и эксплуатации ресурсов по всему миру. Контрфактический импульс заставляет игроков идти наперекор реальной истории; однако само то, что история эта известна и задокументирована, вынуждает их признать факт европейской гегемонии – хотя бы затем, чтобы суметь ей противостоять. Какими же средствами воспроизвести обстоятельства, сделавшие Европу скульптором истории – истории, которую «Europa Universalis» одновременно и имитирует, и предлагает нам изменить?

Разработчики в этом вопросе не полагаются на случай, хотя случайность и определяет, каким именно образом будут разворачиваться события. Элементы, обеспечившие господство колониальных держав, представлены здесь системно: в механизмах игры изначально прописан крен в определенную сторону, и сделано это с целью достоверно воспроизвести историю. Игра предполагает существование определенных путей экспорта товаров из колоний в метрополии – с «пунктами отправки» в Калифорнии, Сиаме и Эфиопии и «пунктами назначения» в Генуе, Венеции и на побережье Ла-Манша. В теории, конечно, возможно такое, что какой-нибудь промежуточный пункт (скажем, на Цейлоне) накопит достаточно влияния, чтобы перекрыть поток богатств, плывущих в Европу, но изначально торговое преимущество – как и попутный ветер истории в целом – будет на стороне Европы.

В ранних версиях игры технологическое превосходство Европы было отражено разделением стран на «технологические группы», где «Западные» страны имели явное и необоснованное преимущество. Если для «Западной» технологической группы цена технологий равнялась стоимости необходимых для их производства ресурсов, то для стран из любой другой группы (например «Индийской», «Кочевой» или группы «Оттоманов») цена повышалась. Незападные страны должны были пройти процесс «вестернизации», чтобы сравняться с Западом в технологическом развитии и стать конкурентоспособными в долгосрочной перспективе. Позднее разработчики пересмотрели эту игровую механику, рассудив, что такие правила просто-напросто «ущемляли страны за пределами Европы»⁵⁷.

Начиная с выхода в октябре 2016 года патча 1.18 эту систему вытеснила другая, более продуманная (но все еще евроцентричная). Штрафные надбавки к стоимости технологий теперь платят те страны, которые в процессе игры не внедрили у себя определенные институты, которые появляются в хронологической последовательности (феодализм, Ренессанс, колониализм,

57 ЖОНАН. *EU4 – Development Diary – 12th of May 2016* (<https://forum.paradoxplaza.com/forum/index.php?threads/eu4-development-diary-12th-of-may-2016.929369/>).

печатный станок, глобальная торговля, мануфактуры, Просвещение) и распространяются от места своего зарождения по всему остальному миру. Чтобы соревноваться на мировой арене и иметь возможность значительным образом влиять на ход истории, страны, где нет этих институтов, обязаны их принять. Причина могущества Европы как движущей силы истории не столько в ее «европейскости» (хотя некоторые из названных институтов, например, Ренессанс или печатный станок, все же географически привязаны к европейским территориям или религиям), сколько в собственно модерности как в укрепляющем мощь государства поэтапном развитии, которое достигает кульминации в эпоху Просвещения⁵⁸.

Причина могущества Европы как движущей силы истории не столько в ее «европейскости», сколько в собственно модерности как в укрепляющем мощь государства поэтапном развитии, которое достигает кульминации в эпоху Просвещения.

Игроки давно наловчились корректировать правила игры, облегчая себе процесс создания контрфактических нарративов, но даже без этого геймерское сообщество видит определенную ценность в том, чтобы сражаться *против* заложенной в игру несправедливости. В отличие от игр, где на старте все действующие лица находятся в равных условиях, в «Europa Universalis» победа понимается не столь однозначно; игра такого масштаба и с таким количеством переменных потенциально может приводить к «бессчетному числу результатов, оставляющих желать лучшего»⁵⁹. Получить статус «великой державы» (присуждаемый за экономическое развитие, дипломатические успехи и технический прогресс) не каждой стране по плечу, но в течение партии игрок может достигать более скромных целей или же вовсе получать удовольствие просто от наблюдения за альтернативным развитием истории. Эти нарративы имеют право называться «историей» постольку, поскольку они ограничены правилами игры и остаются им верны, то есть проходят проверку на минимальную достоверность; значение имеет также мнение игрового сообщества⁶⁰,

58 Этот исторический «пункт назначения» в игре непосредственно связан с «экспедициями, цель которых измерить, взвесить, описать и нанести на карту весь мир», и с «такими масштабными проектами, как, например, затея составить исчерпывающую энциклопедию всех знаний или полный указатель растений, животных и грибов всего мира» («Europa Universalis 4», патч 1.18).

59 APPERLEY T. *Counterfactual Communities...* P. 9.

60 Ibid. P. 8.

чьи критерии включают в себя «историческую точность и реализм»⁶¹. Создание контрфактических нарративов – непростая задача, которая, во-первых, проверяет, на что игрок способен, а во-вторых, придает альтернативным таймлайнам особый статус из-за уникальности каждого из них.

Об этом свидетельствует существование огромного количества *паратекстов*⁶² по игре; их Том Эпперли считает ключевыми для формирования контрфактических сообществ, которые, «создавая и обмениваясь паратекстами», могут «перерабатывать основной исторический сценарий игры, добавляя в него новые видения, рожденные контрфактическим воображением»⁶³. Поскольку создание исторических альтернатив – залог удовольствия от игры, то игроки даже пишут по ним специальные *отчеты о партии* (*after action reports, AAR*). Такие паратексты составляют и публикуют на форумах сами игроки, а другие члены сообщества их читают и комментируют. Подобную «одновременную демонстрацию навыков игры и письма» можно выделить в собственный поджанр, определяющей характеристикой которого является «верность геймплею»⁶⁴ – что было сыграно, то и написано (красивым языком и с пояснениями); эти тексты еще сильнее приближаются к фактической истории (и реализму в литературе), ведь каждый из них в точности описывает, «как все было». Образцовым паратекстом можно назвать AAR «*Rise of the Condor*»⁶⁵, где игрок-автор в начале партии расписывает свои цели поэтапно:

«Какие у меня конкретные цели? Самое важное – отстаивать независимость инков до последнего (хотя не факт, что получится); если это удастся, дальше по классике: буду выпроваживать европейцев из Южной Америки. Еще планирую сплавить в Австралию, так что пожелайте мне удачи»⁶⁶.

Первой заявлена основная цель – сохранить свою свободу действий: независимость инков для игрока важнее всего, ведь она тождественна его собственной; способность игрока влиять на ход событий выражается в суверенности государства инков. Следующая цель – прогнать с материка конкистадоров, а ввернутое автором «по классике» – это отсылка к массе существую-

61 Такое стремление к «реализму» мотивирует добиваться большей детализации малоразвитых (в смысле геймдизайна) регионов часто руками самих игроков из этих регионов, которые создают для игры соответствующие моды: APPERLY T. *Counterfactual Communities...* P. 13; KÖSTLBAUER J. *Op. cit.* P. 171, 177.

62 Общее название текстов об игре или сопровождающих игру, которые публикуются в игровых сообществах; «Хиробрин» – пример паратекста по игре «Minecraft». По историческим симуляторам часто создаются паратексты контрфактического характера: APPERLEY T. *Counterfactual Communities...* P. 1.

63 Ibid.

64 Ibid. P. 14.

65 Этот AAR был написан по «Europa Universalis 2». (Далее по тексту «Кондор». – *Примеч. перев.*)

66 MIKE VON BEK. *Inca: Rise of the Condor* (<https://forum.paradoxplaza.com/forum/index.php?threads/inca-rise-of-the-condor.95387/>).

щих прохождений, где контрфактический сюжет развивается таким же образом. Трудность здесь – составная часть удовольствия от игры, и эта приятная трудность состоит как раз в том, чтобы сопротивляться неуступчивой, даже предвзятой, истории; это удовольствие сродни тому, что приносят азартные игры или лотерея – радость победы вопреки. Если европейская гегемония кажется неизбежной (настолько, что она формирует саму историю), то разве отбросить конкистадоров обратно в море не потрясающий сюжетный поворот? Финальная цель «сплавать в Австралию», – кульминация этого иронического сюжета наизнанку: игрок намеревается заселить противоположную часть земного шара инкскими колонизаторами.

Покорение племенных (не имеющих государственности) народов (коренного населения территорий, доступных для колонизации) понимается как естественный компонент дискурса о завоеваниях и экспансии. Автор «Кондора» расписывает планы правителя инков Уайна Капака в контрфактическом таймлайне «покорить панамские племена и заставить их повиноваться» и открыто копирует стиль историографий империалистических держав⁶⁷. Здесь-то и проступает очевидное наслаждение автора отказом от европейского колониального дискурса (особенно показательно употребление им слова «варвары»⁶⁸) и его явная антипатия по отношению к реальным колонизаторам Южной Америки (в «Кондоре» инки вступают в конфликт и с Испанией, и с Португалией). Наслаждение такого рода можно прочувствовать только через призму «нашей»⁶⁹ колониальной истории, а необходимость преодолевать заложенные в структуру игры препятствия еще его усиливает, добавляя радость от победы над ветряными мельницами. И тем не менее сюжет «Кондора» тоже сводится к строительству колониальной империи – спасибо правилам игры, которые привязывают историческую значимость (в данном случае имеется в виду способность игрока вершить историю по мере того, как игра генерирует ее таймлайн) к экономической выгоде, извлекаемой из заселения и захвата территорий. Чтобы убить дракона, здесь приходится стать драконом самому.

Горизонт воображаемого в игре ограничен тем, какую историю она может рассказать и каким образом она распределяет действующие силы. Игра допускает альтернативные версии истории колониализма, но по сути своей это все равно история колониализма; она допускает сценарии, при которых истории разных стран отходят от того, что было на самом деле, но страны – единственные действующие лица в этих историях. Как

67 Ibid.

68 Ibid.

69 Имеется в виду не конкретная страна, а реальный таймлайн мировой истории. – *Примеч. перев.*

пишет Эпперли, хотя масштаб и структура игры позволяют вносить коррективы в «реальную» историю, новым нарративам все равно необходимо на нее опираться, чтобы активировать свой критический потенциал.

ФИЛИПП А. ЛОБО
ПЕРЕИГРОВКА ИСТОРИИ...

ВСЕ ЧЕТКО

Главная ирония всей этой серии игр состоит в том, что, чем лучше изучена историческая эпоха, чем ближе действие игры подбирается к настоящему моменту, тем неохотнее ход истории поддается изменениям. Зенит империализма, XIX век, подробнее прописан в «Victoria 2» – вплоть до того, что даже население государств – участников игры получает больший простор для мотивированных и независимых действий⁷⁰. Но такая более детальная репрезентация населения опирается на статистический подход (видимыми в масштабах государства и истории могут быть только граждане, объединенные в группы населения) и существует в контексте субъектов высшего ранга – великих держав и их сфер влияния – и внутри системы, подразделяющей страны на «цивилизованные» и «нецивилизованные». Кроме того, африканские страны, обладавшие субъектностью еще в «Europa Universalis 4», здесь внезапно отсутствуют, так как утратили статус жизнеспособных государств, когда больший упор был сделан на репрезентацию колониальной гегемонии.

В игре «Hearts of Iron 4», где дело дошло до XX века и симуляции Второй мировой войны, мы видим, что число потенциальных действующих лиц сократилось, а на крупномасштабные исторические свершения способен мало кто, кроме наиболее могущественных стран-членов основных геополитических блоков. Вторая мировая война – излюбленное поле для контрфактических фантазий, но любые таймлайны здесь остаются привязаны к итогам определенных сражений; альтернативные сценарии формируются, но опираются на один и тот же набор основных стран-персонажей. В «Hearts of Iron» шкала времени отсчитывает не просто дни, а часы, пути снабжения скрупулезно нанесены на карту, а в механиках отражены нюансы ведения военных действий в XX веке – однако население снова превратилось в бестелесную абстракцию: глубина его репрезентации и потенциальная самостоятельность усту-

70 Жители могут мигрировать, менять классовую принадлежность, воспринимать идеологии; у них есть нужды, этническая и религиозная принадлежность, правовой статус, и что самое важное, набор взаимосвязанных политических взглядов, определяющих политическое сознание, стремление к плюрализму и уровень воинственности отдельно взятой группы граждан. Как итог – при такой системе в группе людей, имеющей четкие политические интересы без возможности их реализовать, будут нарастать революционные настроения, а плюрализм внутри группы будет приводить к росту сознательности ее членов.

пили место нескольким важным для игры четко очерченным направлениям действий.

Нельзя сказать, что в «Hearts of Iron» нет места альтернативным сценариям⁷¹, но границы этих альтернатив и круг потенциально влиятельных субъектов в ней сузились. Здесь хочется вспомнить об общем принципе взаимного напряжения между реализмом, его связью с теорией вероятностей и контрфактическим мышлением. Если «реальность» реализма определяется степенью его детализации, то эта же глубина детализации придает изображаемой реальности более конкретный, четкий характер. Эта характеристика реализма особенно ярко проступает в контрфактическом модусе, который «почти парадоксальным образом [...] выводит альтернативы катастрофическим событиям из вероятностных моделей событий заурядных, тем самым делая сильный акцент на нормальность»⁷². Нормальность – ключевой параметр статистического анализа, который в свою очередь влияет на контрфактические нарративы; в процессе репрезентаций как раз она и оказывается поставлена на карту.

Если «реальность» реализма определяется степенью его детализации, то эта же глубина детализации придает изображаемой реальности более конкретный, четкий характер. Эта характеристика реализма особенно ярко проступает в контрфактическом модусе.

Выходит, что перед нами игры, которые, с одной стороны, продвигают определенное устоявшееся понимание истории, отражая его в устройстве игрового мира, а с другой стороны, предлагают бросить вызов господству любых гегемонистских нарративов. Согласно Галлахер, рассмотренный нами тип контрфактических нарративов только «усиливает связь между национальным сознанием и романом как литературным явлением», сочетание которых внесло свою лепту в «зарождение современного национального государства», дав «людям возможность визуализировать порядки, обычаи и масштабы их “воображаемого сообщества”», в результате чего «суверенность

71 Чтoб обеспечить максимальное отступление от канона, игроки сами пишут моды, такие, как «Kaiserreich: Legacy of the Weltkrieg» («Империя: Наследие мировой войны»), который за точку расхождения берет завершение Первой мировой войны победой Центральных держав и экстраполирует от нее новый геополитический баланс. Но даже после этого в игре повторяется глобальный идеологический конфликт Второй мировой войны – действующие лица другие, а распри все те же.

72 GALLAGHER C. *Telling It Like It Wasn't...* P. 7.

государства стала казаться чем-то естественным и одновременно добытым тяжким трудом»⁷³. Однако контрфактический модус по природе своей рождает особый тип неопределенности, при котором персонажи (часто коллективные субъекты, нередко страны) жизнеспособны по причине своей «перманентной незавершенности». Но жизнеспособность эта дает о себе знать только в условиях, «вне которых неизменные, казалось бы, свойства и атрибуты персонажа совершенно расшатались бы»⁷⁴; так что все альтернативные нарративы, по сути, как свидетельствуют об устойчивости, так и проверяют на прочность любой тип субъекта – от отдельного гражданина до государства в целом.

ФИЛИПП А. ЛОБО
ПЕРЕИГРОВКА ИСТОРИИ...

Перевод с английского Марии Ермаковой

73 Ibid. P. 241.

74 Ibid. P. 12–13.

АНТОН
РОМАНЕНКО

Деталь, пейзаж и пространство: заметки об изображении действительности в видеоиграх

Антон Романенко
(р. 1995) – филолог,
исследователь, гейм-
девелопер.

Категория реалистичности долгое время оставалась чуть ли не главным критерием в оценке и описании видеоигр, по крайней мере среди игроков. В 1990-е и 2000-е геймеры говорили, что у такой-то игры «реалистичная графика», и это фактически означало, что игра признавалась успешной. По сути, под этим понималась фотореалистичность, детализированность изображения, а вместе с тем и полнота игрового мира. Сегодня, когда развитие компьютерных технологий позволяет создавать высокополигональные 3D модели и имитировать все более сложные физические процессы и эффекты, реалистичность уже не является преобладающим критерием. Реалистичность той или иной игры – это вопрос предпочтения, а не качества. Так, имитирующую стилистику комикса игровую серию «Borderlands» («Gearbox Series», 2009–2020) едва ли можно назвать фотореалистичной игрой, хотя она на свой лад, безусловно, реалистична. Действие серии происходит в фантастической среде, нарисованной в подчеркнуто бутафорской манере. Но это не противоречит эффекту узнавания, который игрок испытывает, изучая объекты и ландшафт игрового мира. Глядя на изображенный предмет, пусть даже обладающий гротескными объемами, формами, цветами, игрок все равно узнает то, что видит.

Иными словами, правдоподобие перестает определяться лишь проработанностью изображения, числом полигонов у 3D моделей¹. Скорее эффект реалистичности смещается в сторону более традиционных техник построения художественного мира, не привязанных к специфике медиума, – в сторону миметических категорий детали и пространства. Как таковые эти понятия не обязательно ассоциируются с каким-то определенным видом искусства. Под деталью в общем смысле понимается значимый элемент в структуре репрезентации. Пространство в большинстве случаев означает саму изображаемую среду. Специфика изображения действительности в видеоиграх

¹ Подробнее на эту тему см.: GALLOWAY A.R. *Gaming: Essays on Algorithmic Culture*. London; Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. P. 73.

такова, что эти две категории сливаются и становятся взаимодополняющими.

АНТОН РОМАНЕНКО

ДЕТАЛЬ, ПЕЙЗАЖ
И ПРОСТРАНСТВО...

ДВЕРИ И ПЕСОК

То, как происходит совмещение категорий детали и пространства, можно проиллюстрировать на примере так называемой «проблемы дверей». Разработчица Лиз Ингланд в посвященной этому вопросу статье пишет, что у гейм-дизайнеров проектирование столь банального и будничного объекта, как дверь, как правило, вызывает значительные сложности. Появление дверей в игре оборачивается чередой непредсказуемых и нетривиальных проблем и вынуждает ответить на несколько фундаментальных вопросов. Все ли двери в игре могут открываться или некоторые из них выполняют лишь декоративную функцию? Если некоторые двери открываются, а другие нет, то как игрок должен отличать первые от вторых? Будут ли в игре ключи к дверям? Закрывается ли дверь за игроком после того, как тот прошел через нее? Какого размера должны быть двери?² В свою очередь журналистка Меган Фарокхманеш описала проблему дверей следующим образом:

«Двери в играх не являются просто эстетической техникой или техникой, усиливающей эффект погружения. [...] Они также являются воротами, которые не позволяют игроку продвинуться дальше, пока не решены все головоломки и не побеждены все противники. Двери могут выступать как маркеры продвижения игрока вперед, они могут создавать напряжение и служить укрытием в бою»³.

Замечания Ингланд и Фарокхманеш указывают на двойственность изобразительных процессов в видеоиграх. Всякий предмет, существующий в видеоигре, является не только презентацией, но также и потенциальным объектом взаимодействия. Изображаемое, таким образом, содержит в себе возможность интерактивного.

В качестве примера того, как интерактивный аспект игры связан с изобразительным, можно привести онлайн-игру «Journey» («Thatgamecompany», 2012). Действие игры разворачивается в пустыне с загадочными руинами. Во время путешествия игроку могут изредка встречаться и другие странники (реальные игроки), с которыми можно взаимодействовать. Разработчик Джон Эдвардс описал «Journey» как онлайн-симулятор

2 ENGLAND L. *The Door Problem* [April 2014] (<https://lizengland.com/blog/2014/04/the-door-problem/>).

3 FAROKHMANESH M. *Why Game Developers Can't Get a Handle on Doors* // The Verge. 2021. March 12 (www.theverge.com/22328169/game-development-doors-design-difficult).

ходьбы, который должен вызвать в игроке «чувство, подобное тому, которое испытываешь, когда долгое время находишься на природе и вдруг встречаешь случайного путника и возникает желание с ним поговорить, установить человеческий контакт»⁴.

Центральным художественным образом, призванным передать это чувство, стал песок. При этом разработчики изначально стремились транслировать ощущение, которое человек испытывает, скользя по песчаным барханам. По сути, перед командой «Journey» стояла задача транспонировать явление физического опыта в модальность визуального. Примечательно, что в работе над песком команда «Journey» долго не использовала фотографии в качестве источников. Целью было создать не фотореалистичную репрезентацию песка, но такую репрезентацию, которая «сподвигла [бы] игрока вести себя так, как вел бы себя реальный человек, встретивший другого реального человека [на природе] и почувствовавший желание установить с ним контакт»⁵.

В видеоиграх образное становится необразным, а видимое – интерактивным. Функция изображения в данном случае заключается не столько в том, чтобы быть увиденным, сколько в том, чтобы быть прожитым.

Чтобы добиться этого эффекта, разработчики «Journey» сделали акцент на технологии отрисовки песка, световых эффектах и проработке текстур. Пример «Journey» показывает, что изображение действительности в видеоигре несет не только функцию миметической видимости. Репрезентация оборачивается парадоксальным эффектом: в видеоиграх образное становится необразным, а видимое – интерактивным. Джон Эдвардс говорит о песке в «Journey» как о проводнике, который должен передать некое чувство игроку. Функция изображения в данном случае заключается не столько в том, чтобы быть увиденным, сколько в том, чтобы быть прожитым.

ДВИЖУЩАЯСЯ ДЕТАЛЬ

Дверь и песок – это примеры ключевых элементов, которые способны обрамить движение игрока по уровню. На самом же уровне игроку встречаются многочисленные предметы-дета-

4 Sand Rendering in «Journey» [February 2018] (www.youtube.com/watch?v=wt2yYnBRD3U).

5 Ibid. С таймстепа 3:40.

ли, вписанные в изображаемое пространство. Теоретически каждый из таких объектов может быть вовлечен в игровой процесс. В большинстве игр взаимодействовать можно лишь с некоторыми предметами. Например, в «Red Dead Redemption 2» («Rockstar Games», 2018) игрок может взаимодействовать только с определенными группами ключевых объектов – с оружием, лошадью, едой, необходимой для восстановления «здоровья». Интеракция с прочими предметами ограничена. Например, у протагониста, за которого предлагается играть, есть блокнот с записями и рисунками. Игрок может просматривать его, но не может рисовать в нем по своему желанию. Любое взаимодействие с подобными второстепенными вещами ограничено замыслом разработчиков. Такое взаимодействие может существовать только в форме игровой механики, то есть как заранее прописанная разработчиками совокупность действий и правил, определяющих игровой процесс. Игрок может сесть за стол поиграть в шашки, но не может взять в руки шашки как отдельный предмет. Здесь стоит также отметить, что «Red Dead Redemption 2» в целом интересна тем, что обращает практики повседневной жизни в игровые механики.

Тот факт, что в «Red Dead Redemption 2» будничные действия становятся игровой механикой, связан с проблематикой изображения действительности. Разработчики игры раскрывают потенциал изображенного предмета, открывая заложенную в нем возможность действия. Предмет перестает быть статичным и вовлекается в процесс. Приспособления для бритья протагониста Артура Моргана могли бы остаться просто художественной деталью, но, когда игрок решает побриться, эта второстепенная деталь приходит в движение, становится частью геймплея.

Именно в подобных объектах, которые можно охарактеризовать как предметы второго плана, наиболее полно раскрывается проблематика мимесиса в видеоиграх. В разговоре о какой-либо игре внимание часто уделяется ее фундаментальным характеристикам: геймплею, механикам и стилистике, особенностям визуального материала, нарративным структурам. В критическом анализе, определяемом этими доминантными понятиями, дверям и прочим деталям второго плана как будто не остается места. Людо-нарративная парадигма осмысляет видеоигру как структуру, стремящуюся быть реализованной. Такой взгляд логично предполагает, что игрок стремится узнать развязку истории или сразиться с «боссом» – главным врагом, – схватка с которым представляется как завершение игрового уровня.

Однако игровые механики и нарративные структуры реализовываются в игровом мире, который состоит из констелляций упомянутых «второстепенных» предметов – дверей, мебели,

АНТОН РОМАНЕНКО

ДЕТАЛЬ, ПЕЙЗАЖ
И ПРОСТРАНСТВО...

журналов, вещей ежедневного обихода. При этом роль этих предметов в некотором смысле оказывается решающей в конструировании игрового мира. Такие объекты являют себя на периферии взгляда, но между тем именно они создают «эффект реальности» – явление, описанное Роланом Бартом в одноименной статье. Барт анализирует художественную деталь, замеченную им в повести Гюстава Флобера «Простое сердце». В описании комнаты Флобер уделит внимание барометру, висящему на стене. Что означает упоминание этого предмета, не влекущего за собой, казалось бы, никакой смысловой нагрузки? Согласно Барту, появление барометра в структуре описания создает референциальную иллюзию, собственно, выражающуюся в «эффекте реальности» – ощущении, что текст представляет собой изображение действительности, художественное полотно⁶.

В статье Барта представлена еще одна интересная идея. Описательная функция текста противопоставляется нарративной:

«Можно сказать, что в каждой узловой точке повествовательной синтагмы герою (или читателю, это не важно) говорится: если ты поступишь так-то, если ты выберешь такую-то из возможностей, то вот что с тобой случится. [...] Совсем иное дело – описание: предсказательность в нем никак не отмечена; она не выстраивается в ряд выборов и альтернативных возможностей, которые делают повествование похожим на обширный *dispatching*, обладающий референциальным порядком»⁷.

Соотношение повествовательной и описательной функций можно определить как отношение синтагмы и парадигмы. Повествование в этой системе становится чередой значимых выборов, развивающих сюжет. Описание в свою очередь становится техникой проецирования парадигматических связей между объектами мира, созданием упомянутого художественного полотна.

В видеоигре парадигматическая и синтагматическая функция текста – под текстом здесь стоит понимать референциальную систему в широком смысле слова – совпадают. Взаимодействие игрока с каким-либо предметом, являющимся частью изобразительной парадигмы, может стать той «узловой точкой синтагмы», которая двигает вперед сюжет. Такая логика воплощена во многих играх, особенно в таких, где действие происходит в открытом мире. В качестве примера можно привести «Everybody's Gone to the Rapture» («The Chinese Room», 2015), в которой игрок исследует небольшую английскую деревню, опустевшую после загадочного катаклизма. Исследовательница игр Дарья Калугина так описала эту игру:

6 БАРТ Р. *Эффект реальности* // Он же. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1989. С. 397–400.

7 Там же. С. 394.

«Игрок осматривается и видит различные предметы: задающий атмосферу реквизит, предметы-ресурсы, предметы-артефакты. Что-то абсолютно необходимо для развития истории, что-то – объект коллекционирования, что-то поддерживает жизненные показатели. [...] Игрок попадает в пространство, наполненное невидимыми триггерами, которые, срабатывая, постепенно раскрывают нарратив. Пространство как последовательность связанных между собой предметов само по себе превращается в ресурс, источник триггеров, препятствий и испытаний, которые формируют игровой опыт»⁸.

Изображение действительности в «Everybody's Gone to the Rapture» предстает «ресурсом» игрового опыта – источником игровых действий. Активируемые волей игрока предметы-триггеры (таким предметом может быть, например, радио или телефонная будка), о которых пишет Калугина, непосредственно связаны с изображаемым пространством. Они становятся источником появления новых изображений и мотивацией игрока перемещаться по игровому миру, то есть обнаруживать новые точки зрения на изображенную в игре реальность.

Однако в большинстве игр лишь ограниченное количество предметов-деталей могут служить такими триггерами. Большинство объектов остаются «значимым незначимым» изображением, о котором говорит Ролан Барт. Второстепенные детали – такие, как декоративные двери и прочие как будто неважные объекты, – становятся средой, в которой разворачивается игровой опыт. Тем не менее эти предметы важны, поскольку они представляют собой тот определяемый привычкой второстепенный фон жизненных обстоятельств, в котором существует человек. Однако, как было показано на примере «Everybody's Gone to the Rapture», в отличие от литературы, в видеоигре деталь-объект, создающая эффект реальности, связана с проблематикой взаимодействия игрока с предметом и изображаемым пространством.

В задачу гейм-дизайнера входит принять решение, с какими именно предметами игрок может взаимодействовать. Какие предметы призваны оставаться на своих местах, а какие могут быть сдвинуты и включены в игровой процесс, стать частью действия. Подобно тому, как писатель делает выбор, представляя вниманию читателя одно описание, а не другое, гейм-дизайнер должен принять решение, какой из элементов, представленных в миметической парадигме, может развернуться синтагматически, то есть стать действием, влекущим за собой развитие игрового процесса. И если в романе выбор в пользу одной изобразительной структуры означает отбрасывание прочих парадигматических вариантов, то в игре возможность

8 Калугина Д. *Голоса (навстречу другим институтам)* // Open. 2021. 18 марта (www.pavilionrus.com/ru/voices/daria-kalugina).

взаимодействия с какой-то категорией предметов предполагает сужение и спецификацию геймплея, механик и, в конечном счете, жанра. Но при этом видеоигра все же может позволить себе бóльшую миметическую полноту, нежели текстовое описание, поскольку в видеоигре реальность изображается визуально как трехмерная сцена, в которой все детали изначально явлены взгляду, и лишь некоторые объекты актуализируются и приходят в движение по мере прохождения игры. В игре изобразительная парадигма существует в своей полноте, но при этом лишь некоторые элементы этой системы могут быть сдвинуты, могут перестать быть изображением и стать источником геймплея.

Если в романе выбор в пользу одной изобразительной структуры означает отбрасывание прочих парадигматических вариантов, то в игре возможность взаимодействия с какой-то категорией предметов предполагает сужение и спецификацию геймплея, механик и, в конечном счете, жанра.

ПЕЙЗАЖ И ИГРОВОЙ УРОВЕНЬ

Аналогия с литературным произведением позволяет понять логику выбора, определяющую структуру репрезентации в видеоигре. Но понимание изображения как такового стоит искать в аналогиях с визуальным искусством, главным образом с живописью. Кинематограф является предшественником видеоигр лишь частично, хотя это утверждение может и не следовать из известного тезиса Маршалла Маклюэна, что каждый новый медиум содержит в себе предыдущий. Однако тот факт, что видеоигра представляет собой движущийся видеоряд, не обязательно предполагает связь с кино. Главным формальным приемом кинематографа является монтаж. Этот метод создает иллюзию континуального повествования за счет «склеивания» разрозненных кадров, которые могут быть сняты в разных местах и в разное время. Про игры же Александр Галлоуэй пишет:

«Дизайн игры отчетливо требует заблаговременно созданного пространства, которое может быть досконально исследовано без монтажа. [...] Поскольку гейм-дизайнер не может ограничить движение игрока, трехмерное пространство игры должно быть полностью проработано заранее»⁹.

9 GALLOWAY A.R. *Op. cit.* P. 64.

Игровое пространство, таким образом, является некоей визуальной тотальностью, которая постигается целостно, а не частично. Игровой уровень проходится, изучается, буквально избывается. Именно поэтому, как пишет Галлоуэй, видеоигры могут лишь частично наследовать некоторые кинематографические техники¹⁰.

Форма изобразительного искусства, которая, в отличие от кино, создает эффект визуальной тотальности, – это пейзаж. Разгадку механизмов мимесиса, воплощаемых в видеоиграх, стоит искать во взаимосвязи игры и этого живописного жанра. Пейзаж можно охарактеризовать как изобразительную технику, превращающую недифференцированную природу в объемлемую взглядом обрамленную тотальность. Пейзаж является как бы концептуальной рамкой-окном, которая разграничивает природу, разделяет ее на части и превращает в эстетическую целостность. Через эту рамку природа осознается как тотальность и как эстетический объект. Михаил Ямпольский пишет:

«Пейзаж не просто фрагмент мира, вырезанный для нас “окном”. Это фрагмент, претендующий на удивительную полноту видения, на то, что он является *целым*. В этой претензии на тотальность кроется его эстетическое измерение. [...] Иными словами, в пейзаже мы созерцаем целое, в принципе недоступное видению смертного индивида. Мы видим не фрагмент природы, но некоторую целокупность, данную нам в созерцании. [...] Пейзаж же неожиданно представляет нам возможность увидеть во фрагменте непостижимое для нас эмпирически целое, при этом увидеть его как понятие – “мир”, “природа”»¹¹.

Видеоигра строится на пейзажном принципе тотализирующего взгляда. Ситуация видеоигры – это всегда ситуация мира, явленного в некоей условной ограниченной рамке. При этом под рамкой стоит понимать не столько границы визуального устройства, на котором запущена игра – монитора или телеэкрана, – сколько то, как выглядит игровой уровень.

Под уровнем обычно понимается пространственно-темпоральная единица, на которой разворачивается игровой процесс. Мартин Пикард определил уровень как «сцену [*stage*], а также узнаваемый тип среды внутри более обширного игрового мира»¹². В игровом редакторе уровень выглядит как ограниченное пространство, в прямом смысле парящее

¹⁰ Ibid. P. 39–70.

¹¹ Ямпольский М. *Пространственная история. Три текста об истории*. СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. С. 163.

¹² PICARD M. *Levels* // WOLF M.J.P., PERRON B. (Eds.). *The Routledge Companion to Video Game Studies*. New York; London: Routledge, 2014. P. 99.

в трехмерной сфере. Эту рамочность уровня можно наблюдать в проекте «The Nothings Suite» (2021) преподавателя гейм-дизайна Пиппина Барра. В своей работе Барр стремился осмыслить, как в различных игровых редакторах концептуализировано «ничто» – нулевую точку, которая предшествует уровню и репрезентации. Барр буквально открывал редактор, создавал «новый проект» и сохранял его, не привнося никаких изменений¹³.

В некоторых редакторах «ничто» являло себя как абсолютно белый или черный фон, а в случае редактора «Unreal engine 4» «ничто» было представлено парящей в недифференцированном пространстве платформой. Предполагается, что на этом участке левел-дизайнер впоследствии должен разместить элементы игровой локации – дома, деревья, ландшафт и так далее. Эта платформа и есть прообраз уровня. В «Unreal engine 4» «ничто» само по себе ограничено на базовом концептуальном уровне. «Ничто» существует как рамка, через которую должен явить себя уровень. Игровой редактор как бы заведомо формирует понимание уровня как трехмерного пейзажа – ограниченной в пространстве целостности, которую игроку предлагается исследовать.

Видеоигра, таким образом, основывается на изобразительной технике, способной создавать темпорально-пространственные конфигурации, которые осознаются как тотальности. Эта тотальность является разграничивающей категорией, определяющей спектр опыта, который игрок может получить, взаимодействуя с игрой. Важно отметить, что уровень в видеоигре воспринимается в целостности как единица взаимодействия или как эстетический объект. Такимым, как пишет Александр Галлоуэй, игра становится, когда игрок не осуществляет никаких действий в игровом мире, предоставляя игре возможность работать самостоятельно как автономной программе. Галлоуэй подразумевает такие моменты, когда игрок, запустив игру, тем не менее не играет в нее. В это время игровой мир продолжает жить своей жизнью независимо от присутствия человека. Объекты находятся на своих местах, ландшафт и природа тихо существуют, никем не потревоженные. В такие моменты, когда игра тихо функционирует, не изменяемая действиями игрока, игровой мир становится автономным художественным высказыванием, на которое можно смотреть, но которое содержит в себе потенциал дальнейшего действия, возможность игры¹⁴.

13 BARR P. *The Nothings Suite* (<https://pippinbarr.github.io/the-nothings-suite/>).

14 GALLOWAY A.R. *Op. cit.* P. 10–11.

ЛАБИРИНТ И ДВИЖУЩИЙСЯ ВЗГЛЯД

АНТОН РОМАНЕНКО

ДЕТАЛЬ, ПЕЙЗАЖ
И ПРОСТРАНСТВО...

Объяснить, как в видеоигре происходит переход от созерцания к действию, можно, если провести аналогию с еще одной культурной формой – лабиринтом. Под лабиринтом в первую очередь стоит понимать не трехмерное физическое пространство, но двухмерный рисунок, который изображается на какой-либо поверхности. Такие рисунки британский антрополог и искусствовед Альфред Гелл называл апотропейным искусством. В различных культурах апотропейные паттерны изображаются на поверхностях или значимых артефактах и выполняют защитную функцию. С одной стороны, такие рисунки являются узором, привлекают внимание смотрящего и создают тем самым связь между ним и артефактом, а с другой, – они являются ловушками для демонов, лабиринтами, в которых злая сила теряется, вязнет и застревает¹⁵.

Подобные рисунки обладают качеством эстетического объекта, но в то же время они сложны для восприятия. Гелл называет их «когнитивными препятствиями» и пишет, что, даже несмотря на то, что вглядывающийся в лабиринтный узор может догадываться, как он нарисован или сплетен, это тем не менее не обеспечивает видения и понимания: «смотрящий не сможет найти путь через лабиринт, иначе как посредством трудоемкого выслеживания извилистого пути»¹⁶. Лабиринтный узор, таким образом, является типом рисунка, требующим от смотрящего не легкого поверхностного созерцания, но активного всматривания. Чтобы смотрящий проследил путь в лабиринте, ему необходимо оживить взгляд, превратить его в движение. Лабиринт как рисунок дразнит смотрящего, играя с ним в «топологические игры»¹⁷. Более того, лабиринт можно пройти, решить как загадку. В этом обнаруживается его сходство с игрой. Лабиринт является одновременно и эстетическим объектом, и когнитивной задачей.

В видеоигре происходит сращивание пейзажного и лабиринтного способов взгляда. Видеоигра изображает действительность, но требует активного движения взгляда внутри изображения. При этом большинство видеоигр являют собой иллюзию трехмерного пространства, подобно тому, как двухмерный лабиринтный узор предполагает за собой аналогичную виртуальность – трехмерный лабиринт. В истории видеоигр явно прослеживается движение от двухмерной лабиринтной структуры к трехмерной. К примеру, в классическом платформере «Mario Bros» («Nintendo», 1983) уровень являет собой

15 GELL A. *Art and Agency. An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 84.

16 Ibid. P. 88.

17 Ibid. P. 85.

двухмерный коридор, наполненный чередой препятствий. Если распечатать план уровня и рассматривать его с небольшой дистанции, то можно обнаружить сходство с лабиринтными узорами, описанными Геллом.

С этой точки зрения прохождение игрового уровня можно описать, как движение взгляда по лабиринту. Однако взгляд игрока в то же время максимально приближен к лабиринтной линии. В этом изображении в видеоигре схоже с пейзажем. Пейзаж, как правило, максимально конкретен, в нем изображается конкретная ситуация, концептуализированная как целое. Игрок нечто видит в каждый отдельный момент игрового процесса, но за чередой конкретных картинок скрывается лабиринтная логика. Прохождение уровня означает формирование абстрактной карты лабиринта, скрывающегося за пейзажным изображением. Как уже отмечалось, уровень является тотальностью, ограниченной целостностью, и игрок может перемещаться по этой целостности как ему хочется. В этом заключается отличие игры от кино, где монтажный выбор предопределен режиссером и другими участниками кинопроизводства.

Видеоигра основывается на изобразительной технике, способной создавать темпорально-пространственные конфигурации, которые осознаются как тотальности. Эта тотальность является разграничивающей категорией, определяющей спектр опыта, который игрок может получить, взаимодействуя с игрой.

ВИДЕОИГРА В ЭПОХУ ЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ

Можно сказать, что видеоигра, рассматриваемая как эстетический объект, в определенной степени опровергает тезис Вальтера Беньямина о том, что производство искусства в эпоху массовой репродукции утрачивает свою ауру и исключается из традиции. Беньямин писал, что «уникальная ценность подлинного произведения искусства основывается на ритуале, в котором оно находило свое изначальное и первое применение»¹⁸. Например, античная статуя Венеры греками воспринималась как предмет поклонения, а средневековыми клерикалами – как «ужасный идол»¹⁹. Меняющееся отношение людей к произве-

18 Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости* // Он же. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ, 2012. С. 199.

19 Там же. С. 199.

дению искусства и формирует традицию. В тот момент, когда искусство становится массово воспроизводимым, его укорененность в присутствии, ритуале и конкретном историко-физическом контексте исчезает. Производство искусства становится безликим и как бы исчезает.

Казалось бы, видеоигра как медиум логически подпадает под определение технически воспроизводимого массового искусства. Однако на деле видеоигра переворачивает с ног на голову логику, описанную Беньямином. Являясь массово воспроизводимым продуктом, виртуальной копией, распространяемой на физическом носителе или скачиваемой по сети, видеоигра тем не менее основывается на данности, конкретности и физической уникальности своего воплощения. Игровой процесс происходит в конкретный момент и в этом смысле снова приближается к ритуальности, о которой говорил Беньямин.

Видеоигра становится как бы виртуальной болванкой, в которой игрок реализовывает свой конкретный личный опыт. При этом спектр и широта этого опыта всегда будут зависеть только от самого игрока. Разработчик может лишь очертить возможности игровых действий, но их реализация будет отличаться в случае каждого конкретного игрока. Это же касается и игры как изображения. Разработчики предоставляют игроку возможность самостоятельно выстраивать перспективу, собственное отношение с репрезентацией. Такая модель, по определению, динамична. Игра является товаром, средством потребления, но в видеоигре также заложена логика, подрывающая собственную товарность. Игру недостаточно просто приобрести – с игрой необходимо активно выстраивать связь, проходить ее, постигать. Игра – объект не статичный, но динамичный. Она лишь дает возможность эстетического созерцания и опыта, но не сам опыт.

АНТОН РОМАНЕНКО

ДЕТАЛЬ, ПЕЙЗАЖ
И ПРОСТРАНСТВО...

Регулировать нерегулируемое: как русскоязычные стримеры приняли новую политику *Twitch.TV*

ВВЕДЕНИЕ

*Дарья Есаулова
(р. 2000) – независимая
исследовательница
Интернета, видео-
игровая журналистка.*

Со стороны стриминг, вероятно, выглядит крайне смешно. Один человек играет в видеоигру, демонстрируя как сам процесс, так и свое лицо, и сочетает это с разговорами «обо всем и ни о чем». Другие люди (их могут быть сотни и даже тысячи) наблюдают за этим на специальном сайте. Они оставляют комментарии в чате, шлют друг другу картинки непонятного содержания и – что самое странное – отправляют стримеру десятки и сотни тысяч рублей добровольных пожертвований. Кажется, что они готовы платить только за то, что кто-то другой поиграл в игру и продемонстрировал свою реакцию на игровые события. Любой здравомыслящий человек задаст логичный вопрос: почему бы не поиграть самостоятельно, не получить собственные эмоции от взаимодействия с игрой?

Однако стриминг не совсем про демонстрацию геймплея и даже не про реакцию человека на внутриигровые события. Стриминг – это особая форма онлайн-взаимодействия, которая сплавливает участников сообщества в процессе совершения совместных действий. Вы как бы играете в игру сообща и вместе же создаете медиа-продукт, предлагая стримеру темы для обсуждения, дискутируя с ним посредством комментариев в чате – а также отправляя ему вопросы или просьбы сделать что-либо с помощью голосовых донатов (добровольных пожертвований). Сами стримеры редко называют себя авторами трансляций – а при необходимости как-то обозначить собственное положение прибегают к таким словам, как, например, «контентмейкер». Таким образом как бы подчеркивается, что для того, чтобы стрим состоялся, недостаточно, чтобы стример включил камеру и начал проходить игру. Необходимо, чтобы на трансляции присутствовали зрители – и дополняли этот процесс своими действиями и комментариями.

Стриминг – крайне интересная исследовательская область для специалистов из самых разных гуманитарных областей.

Его можно рассматривать как услугу (и, соответственно, способ заработка)¹, как часть индустрии видеоигр (и, соответственно, рынка развлечений)², как паратекст, создающий новые смыслы на основе демонстрируемой видеоигры³, – и даже как средство репрезентации⁴. В данном исследовании стриминг – это один из способов взаимодействия людей в сети. В сообществах стримеров рождаются интересные практики (понимаемые в рамках исследования как «наборы иерархически организованных действий и высказываний»⁵) и регламенты, участники этих сообществ формируют новые виды социальных связей. Однако также интересно и то, какие процессы сейчас происходят со стримингом в целом.

Стриминг – это особая форма онлайн-взаимодействия, которая сплавливает участников сообщества в процессе совершения совместных действий. Вы как бы играете в игру сообща и вместе же создаете медиа-продукт, предлагая стримеру темы для обсуждения, дискутируя с ним посредством комментариев в чате.

Стриминг зародился как развлечение «для своих». Видео-блогеры, получавшие основной доход на *YouTube*, использовали прямые эфиры как способ познакомиться с собственной аудиторией поближе, рядовые геймеры запускали трансляции, чтоб поделиться с близкими друзьями эмоциями от прохождения игры. Эти формы стриминга живы и сейчас – однако появляются и профессиональные стримеры, для которых подобная деятельность является главным и единственным источником дохода и способом привлечения аудитории. Достигнув определенного числа подписчиков, стример может подписать контракт с платформой – стать партнером. Это позволяет получать долю прибыли от рекламы, показанной на стриме, а также открывает доступ к дополнительным возможностям продвижения. Стриминг индустриализируется, и в условиях зарождающейся индустрии становится очевидна необходимость регулирования.

- 1 WOODCOCK J., JOHNSON M.R. *The Affective Labour and Performance of Live Streaming on Twitch.TV* // *Television & New Media*. 2019. Vol. 20. № 8. P. 813–823.
- 2 IDEM. *The Impacts of Live Streaming and Twitch.TV on the Video Game Industry* // *Media, Culture & Society*. 2018. Vol. 41. № 5. P. 670–688.
- 3 CONSALVO M. *When Paratexts Become Texts: De-Centering the Game-As-Text* // *Critical Studies in Media Communication*. 2017. Vol. 34. № 2. P. 177–183.
- 4 GRAY K., KISHONNA L. «*They're Just Too Urban*»: *Black Gamers Streaming on Twitch* // DANIELS J., GREGORY K., McMILLAN COTTOM T. (Eds.). *Digital Sociologies*. Bristol: Policy Press, 2017. P. 351–364.
- 5 SCHATZKI T.R. *The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2002.

Правообладатели начинают обращать внимание на эту область и просят стриминговые площадки сделать что-то с геймерами, которые крутят на своих трансляциях нелицензированную музыку – ведь люди зарабатывают на стримах, а значит, они должны поделиться прибылью со всеми участниками процесса, даже косвенными. Крупные компании размещают рекламу своих продуктов на самой платформе (это могут быть баннеры или пре-роллы) или на личных каналах стримеров (это могут быть упоминания продукта в чате с помощью бота или нативные интеграции). Также рекламодатели могут отказаться от размещения и применить штрафные санкции, если действия стримера будут противоречить ценностям и *tone of voice* компании, а администрация платформы с этим ничего не сделает. Любая платформа хочет продолжать свое существование (здесь интересы администрации и пользователей совпадают) – а для этого необходимо привлекать финансирование и избегать судебных тяжб. Поэтому стриминговые площадки периодически вводят новые правила поведения для стримеров и их зрителей, чтобы «подружить» интересы пользователей и внешних регуляторов. Зрители и стримеры же в свою очередь определенным образом реагируют на запреты – и не всегда это реакция одобрения. Это происходит прямо сейчас – поэтому очень важно зафиксировать такое состояние как один из этапов развития новой цифровой среды.

Основной платформой для стримеров сейчас является *Twitch.TV*. В 2014 году площадку выкупила компания «Amazon», и вскоре после этого новая администрация начала предпринимать первые попытки официальной регламентации поведения стримеров и зрителей. Этот процесс продолжается до сих пор: правила периодически меняются, вводятся новые предписания и ограничения. Например, сейчас правила *Twitch.TV* запрещают дискриминацию по расовому, половому или любому другому признаку, также нельзя транслировать жестокий контент или контент порнографического содержания, а также контент, защищенный авторским правом⁶. Впрочем, нам интересны не сами этические принципы, описанные в «правилах сообщества *Twitch.TV*» (эти самые принципы совпадают у всех современных стриминговых площадок – глобальных *Twitch.TV* и *YouTube*, локальных *WASD.TV* и *GoodGame*), а то, каким образом описываемые правила применяются на практике. Ведь специфика платформ такова, что по сути своей они лишь предоставляют средства для создания контента или программных продуктов. При этом ни продукты, которые производят пользователи, ни конкретные способы использования средств плат-

6 Правила сообщества (www.Twitch.TV/p/ru-ru/legal/community-guidelines/).

формы не могут быть урегулированы в полной мере – иначе не будет разнообразия, от которого кормится платформа, не будет «расширения извне». Производителей контента платформы можно попросить следовать правилам, которые будут делать взаимодействие конечных зрителей с платформой проще, но не тем правилам, которые направлены на процветание самой платформы, а не ее пользователей.

Забегая вперед, можно сказать, что сейчас *Twitch.TV* становится «не совсем платформой» – приобретая инфраструктурные черты (похожую трансформацию ранее переживал *Facebook*⁷). *Twitch* создает *walled gardens*, требуя от популярных стримеров эксклюзивных трансляций (вести прямые трансляции на других платформах, если ты аффилирован с *Twitch*, нельзя). Также *Twitch* ограничивает способы использования своих средств – ведь говорение в случае стриминга и есть основной способ использования платформы.

Я поговорила с десятью стримерами. Сейчас они проводят трансляции на разных платформах, однако все когда-то стримили на *Twitch.TV*. Я обсудила с ними, как изменилась их жизнь после введения новых правил на платформе, каково их отношение к текущей политике – и какие критические замечания у них есть к текущему состоянию площадки. Также я проводила включенное наблюдение за трансляциями: взаимодействовала с другими зрителями посредством чата, отправляла донаты, задавала стримерам вопросы и предлагала темы для дискуссий. Данная статья – краткий обзор позиций и вариантов реакций на выдвигаемые требования со стороны платформ (в частности, *Twitch.TV*).

КАКИЕ ПРАВИЛА ЕСТЬ НА *TWITCH.TV* – И КАК МЫ УЗНАЛИ ОБ ИХ СУЩЕСТВОВАНИИ

Опрошенные стримеры и зрители относятся к стриминговым платформам по-разному, и отношение их в значительной мере сформировано именно тем сводом правил, которые администрация применяет для регламентации взаимодействия на площадке. Например, «стример 5» признается, что стримить на платформе *WASD.TV* ему комфортно, поскольку обозначенные правилами площадки ограничения на практике им почти не ощущаются. Однако комфортно респондент чувствует себя только вне внутриплатформенного мероприятия «Лига Стримеров». Поясняя свой комментарий, он уточняет: «Лига Стримеров – это, по сути, правила Твича». То есть, несмотря на то, что

7 PLANTIN J.C., LAGOZE C., EDWARDS O.N., SANDVIG C. *Infrastructure Studies Meet Platform Studies in the Age of Google and Facebook* // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. № 1. P. 293–310.

формально правила *WASD.TV* схожи с правилами *Twitch.TV*, для стримера разница между платформами крайне велика, и правила одной он осуждает, а с правилами другой – вполне согласен. Дело в том, что практическое применение схожих формальных правил на платформах различается весьма значительно.

Например, правило *Twitch.TV* о недопустимости разжигания ненависти и притеснения по какому-либо признаку на практике реализуется как просмотр стримов администраторами площадки на предмет хейтспича (языка вражды и ненависти). Доподлинно неизвестно, что именно может быть расценено как разжигание ненависти и, соответственно, стать причиной блокировки, поскольку в уведомлении о бане канала часто не указана ссылка на конкретный фрагмент стрима, привлечший внимание модераторов. Так, например, произошло с каналом Владимира Братишкина⁸.

Однако среди стримеров существует консенсус, что канал блокируется, если ведущий (или один из присутствующих на трансляции гостей) произнес слово из так называемого (негласного) «черного списка». В него включены просторечные слова, обозначающие афроамериканцев, украинцев, представителей ЛГБТ+, а также несколько других слов. Официально этот список администрацией площадки не озвучивался, стримеры делают предположения о его существовании и составе по прецедентному принципу: выводы делаются постфактум на основе конкретных случаев блокировки. Например, все знают, что в эфире на *Twitch.TV* нельзя произносить нецензурное слово, обозначающее гомосексуального мужчину, поскольку в 2018 году ряд каналов русскоязычных киберспортсменов в дисциплине *Dota 2* был заблокирован по причине произнесения данного слова⁹.

Администрация платформы заявляет, что рассматривает каждый случай употребления подобного слова в контексте, чтобы выяснить, было ли оно употреблено в качестве оскорбления и действительно ли было направлено на разжигание розни. Однако некоторые из опрошенных мною стримеров уверены, что на деле причиной бана может послужить одно лишь упоминание запрещенного слова в каком угодно контексте.

В пользу того, что блокировка производится механически, без анализа контекста употребления слова, говорит и тот факт, что администраторы платформы *Twitch.TV* иногда банят каналы стримеров по ошибке. Например, канал Владимира Синотова (*SilverName*) был заблокирован по причине разжигания нена-

8 *Bratishkinoff* получил четвертый бан на *Twitch* (<https://www.cybersport.ru/other/news/bratishkinoff-poluchil-cheTVertyi-ban-na-twitch>).

9 *Illidan* получил месячный бан на *Twitch* (<https://www.cybersport.ru/dota-2/news/illidan-poluchil-mesyachnyi-ban-na-twitch>).

висти после того, как стример произнес фразу: «Ну еще дуплет собери передо мной» (в письме о блокировке была указана ссылка на данный момент стрима)¹⁰. Дуплет – это механика из карточной игры «Hearthstone», которую транслировал стример. Факт, что за произнесением этой фразы в эфире последовала блокировка канала, говорит о том, что анализ контекста высказывания человеком действительно не производится, ибо в данном случае стример был забанен из-за сочетания звуков, лишь отдаленно похожего на слово из «черного списка».

«Черный список» слов, запрещенных на платформе *Twitch.TV*, для английского языка (являющегося основным для площадки) содержит лишь слова, несущие определенную культурную нагрузку и входящие в состав устойчивых выражений. Например, в число запрещенных на данной площадке слов входит так называемое «N-word» («N-слово»). В английском языке оно действительно входит в ряд устойчивых выражений, приписывающих представителям определенной расы негативные черты.

Запрещая употребление именно этих слов, *Twitch.TV* не ограничивает возможности обсуждения тем дискриминации в принципе, заставляя лишь правильно выбирать выражения для обсуждения тех или иных вопросов. Стримеры по-прежнему могут обсуждать на своих трансляциях то, что их волнует, администрация лишь снимает потенциально оскорбительную коннотацию слов, употребляемых в подобных разговорах. Если рассматривать этот кейс в контексте социальных практик, то выходит, что на платформе происходит крайне любопытный эксперимент: *Twitch.TV* не просто фильтрует контент, выступая регулятором того, какие материалы допустимы, а какие нет. Администрация пытается привить контентмейкерам определенные практики говорения, тем самым изменив их восприятие реальности посредством используемого для общения языка – очевидно, основываясь на идее, что языковые метафоры являются отображением когнитивных процессов¹¹.

КАК СТРИМЕРЫ ВОСПРИНЯЛИ НОВЫЕ ПРАВИЛА ПЛОЩАДКИ

Переход *Twitch.TV* к новой политике произошел не одномоментно. Правила поведения на площадке начали меняться в 2015 году и продолжают корректироваться до сих пор. Тем не

10 Ершова А. *SilverName получил бан на Twitch. Модераторам послышалось запрещенное на платформе слово* (<https://www.championat.com/cybersport/news-4168509-silvername-poluchil-ban-na-twitch-moderatoram-poslyshalos-zapreshchjonnnoe-na-platfornme-slovo.html>).

11 Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении*. М.: Гнозис, 2011.

менее уже сейчас мы можем наблюдать ряд сформировавшихся способов реакции, выработавшихся у стримеров в ответ на эти изменения. Ответные реакции стримеров можно условно разделить на две группы – избегание и принятие.

Принятие

Существует ряд стримеров, у которых новые правила не вызвали возмущения или возражений. Например, «стримерша 1», говоря о своем взаимодействии с площадкой, упоминает в качестве проблем только изменения политики сервиса, ограничивающие трансляцию контента третьих лиц, а также нюансы взаимодействия с рекламодателями, связанные с употреблением нецензурной лексики. Про ограничения, связанные с определенными словами, девушка не говорит, поскольку это, очевидно, не кажется ей большой проблемой.

***Twitch.TV* не просто фильтрует контент, выступая регулятором того, какие материалы допустимы, а какие нет. Администрация пытается привить контентмейкерам определенные практики говорения, тем самым изменив их восприятие реальности посредством используемого для общения языка.**

«Стримерша 9» также отмечает, что у нее тоже не возникло никакого внутреннего сопротивления предписанию не произносить какие-либо слова в эфире. Она согласна, что с дискриминацией необходимо бороться, поэтому ее не затруднило избавить свою речь от определенных конструкций.

Соответственно, если стример заранее понимает, в чем заключается смысл «неговорения» определенных слов, новые правила принимаются им довольно легко. Однако стоит отметить, что в обоих описанных случаях новая политика площадки никак не повлияла на мировоззрение стримеров – они лояльно относились к движениям за защиту прав меньшинств еще до того, как правила были введены.

Что касается стримеров, которые не поддерживали подобные инициативы изначально, в их поведении, конечно, заметны определенные внешние изменения. Например, при проведении включенного наблюдения я заметила, что после введения вышеупомянутых ограничений среди стримеров распространилась практика осуждения.

Очевидно, авторам трансляций, для которых слова из «черного списка» являются частью повседневного лексикона, тяжело сразу привыкнуть к непроизнесению вышеупомянутых фраз. Стримеры стараются не употреблять в своей речи запрещенные фразы, но иногда, совмещая сложные действия в рамках прохождения видеоигры с постоянной коммуникацией со зрителями и контролем чата, они эти слова случайно используют. Когда нечто подобное происходит, стример чаще всего осознает свою ошибку и сразу же произносит слово «осуждаю» или аналогичную фразу, содержащую извинение за употребление вышеупомянутых слов. Также это действие часто совершается зрителями, присутствующими в чате: они тоже пишут сообщения, содержащие слово «осуждаю». Скорее всего подобные сообщения используются для напоминания стримеру, что эту фразу необходимо произнести во избежание бана. Однако широкое распространение этой практики не говорит о реальном изменении в мировоззрении людей – неизвестно, в каких случаях эта фраза правдива и отражает реальное отношение человека к меньшинствам, которые, по мнению *Twitch.TV*, подобными выражениями могут оказаться оскорблены.

Что можно сказать наверняка – инструменты регулирования, к которым прибегает администрация *Twitch.TV*, крайне эффективны. Некоторые стримеры, продолжающие проводить трансляции на *Twitch.TV*, делятся следующим наблюдением о своем поведении в реальной жизни. Даже завершив трансляцию, они стараются не произносить слов из «черного списка» – и испытывают дискомфорт, когда слышат, что эти слова произнес кто-то другой. Правила, которые должны были регламентировать поведение стримеров исключительно в рамках трансляций, в итоге распространились за пределы стриминговой платформы и стали частью повседневной жизни контент-мейкеров.

Избегание

Вторая условно выделенная мной группа реакций на введение новых ограничений – избегание, то есть уход с платформы. Я опросила несколько стримеров, ранее проводивших трансляции на *Twitch.TV*, но покинувших ее после введения вышеупомянутых правил. Интересно, что ни к одному из них не применялись штрафные санкции за отказ следовать новым правилам, ни один из них не был забанен. Также интересно, что каждый из них ушел именно из-за несогласия с идеологией и политикой *Twitch.TV*, хотя в отношении функциональности считал площадку самой удобной из существующих (кроме «стриме-

ра 7», который наряду с идеологическими разногласиями отметил, что на платформе сложно набрать подписчиков стримерам с низким показателем среднего онлайн).

В качестве критического аргумента многие приводят недостаточную чувствительность новой политики *Twitch.TV* к культурным различиям в сознании носителей разных языков. Некоторые стримеры утверждают, что некорректно распространять правила, оправданные и приемлемые в случае регламентации взаимодействия на английском языке, на все остальные языки. «Стример 2» приводит такой пример:

«В России никогда не было негров-рабов, давайте так, да. У нас рабы были белые люди. В Америке, может быть, говорить слово на букву Н все-таки не очень, потому что там оно имеет другую коннотацию. Там, говоря “ниггер”, они подразумевают не “чернокожий человек”, а “раб”, допустим, ну может быть. А может, и нет – я не знаю, я не американец. Но в России никогда не было черных рабов, насколько мне известно. И поэтому... у нас слово “негр” означает то, что оно означает – оно означает чернокожего человека. Оно не несет никакой негативной коннотации. Оно никого не оскорбляет».

Подобная унификация действительно идет вразрез с идеей преобразования мышления человека через язык, на котором он говорит. Авторы, говорящие о связи метафор и мышления, как правило, рассматривают связи когнитивных процессов и речевой деятельности в пределах одного языка, а эксперименты показывают, что существуют когнитивные различия между носителями разных языков¹². Поэтому из-за того, что в случае *Twitch.TV* правила и списки запретных слов для носителей разных языков одинаковы, потенциально общественно полезная практика превращается в регуляцию чисто внешних проявлений. Теряется смысл практики: люди, которым сообщаются новые правила говорения, искренне не понимают, почему и каким образом то или иное словосочетание может кому-либо навредить. Связи между явлениями, конструируемые посредством языковых метафор и на основе этого потенциально вызывающие негативное отношение к тем или иным группам лиц, при переходе в другой язык становятся заметно менее очевидными. Поэтому этот процесс обесмысливается в глазах стримеров, которые эту практику должны применять, – они не понимают, почему им нужно перестать говорить то или иное слово, не могут извлечь из собственного языка его оскорбительный контекст, поскольку, даже если таковой есть, он не очевиден для русскоговорящих.

12 BORODITSKY L., SCHMIDT L.A., PHILLIPS W. *Sex, Syntax and Semantics* // GENTNER D., GOLDIN-MEADOW S. (Eds.). *Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought*. Cambridge: MIT Press, 2003. P. 61–79.

Кроме того, хотя правила *Twitch.TV* и не являются закононами в юридическом смысле этого слова, практика их применения частично отражает сложившуюся традицию обращения с нормативно-правовыми актами в стране, где площадка была создана (США). Например, «стример 8» заметил, что правила *Twitch.TV* имеют обратную силу – то есть стример может быть наказан, даже если неправомерное действие было совершено еще до принятия соответствующего правила. Некоторые области американского законодательства действительно допускают возможность ретроактивного действия принятых законов¹³ – однако в России, согласно статье 54 Конституции, принятые законы не могут иметь обратной силы. Для собеседника это также является поводом для критики правил *Twitch.TV* в связи с недостаточной их чувствительностью в отношении локальной специфики.

Люди, которым сообщаются новые правила говорения, искренне не понимают, почему и каким образом то или иное словосочетание может кому-либо навредить. Связи между явлениями, конструируемые посредством языковых метафор, при переходе в другой язык становятся заметно менее очевидными.

Кроме того, некоторые стримеры согласны с самими правилами, но не согласны с практикой их применения и непрозрачностью формулировок. Например, «стример 5», выбирая платформу, даже не рассматривал *Twitch.TV* именно по этой причине.

Некоторые из опрошенных критикуют политику *Twitch.TV* не за сами нововведения в политике и правилах, а за то, что компания не дает права голоса контентмейкерам в вопросах выбора дальнейшей судьбы площадки. Например, при наблюдении за трансляциями «стримера 7» на *YouTube* выяснилось, что тот по собственной воле не употребляет слов из «черного списка». В интервью респондент мотивировал это тем, что он в принципе против нецензурной брани и грубых выражений. Однако площадку *Twitch.TV* этот стример все равно покинул, хотя ему и не пришлось бы в значительной мере перестраивать свое поведение, реши он остаться. Объясняя свой переход, стример сослался на рекламную кампанию *Twitch TV*, посвященную *Pride Month*¹⁴. В социальной рекламе появлялась

¹³ *United States Federal Sentencing Guidelines*. §1B1.11 (2012).

¹⁴ Месяц публичных акций ЛГБТ+ сообщества и демонстраций открытой солидарности с сообществом во всем мире.

аббревиатура ЛГБТ+, буква Г в которой впоследствии расшифровывалась как «геймер». Собеседник был возмущен, что его «забыли спросить», поддерживает ли он *Pride Month*, и как бы приписали к определенному движению, хотя он согласен на это не давал. Причем неприятна ему не сама ассоциация с ЛГБТ+ сообществом, а тот факт, что его интересы не были учтены и представлены в рекламных кампаниях и прочих действиях *Twitch.TV* в той же степени, в которой площадка поддерживает интересы иных групп лиц, к которым он не принадлежит.

Интересно, что ни один из опрошенных стримеров не объяснял своего ухода с *Twitch.TV* неприязнью к тем самым группам, на защиту прав и интересов которых направлена новая политика площадки. Каждый из них – прямо или косвенно – говорил лишь о том, что не готов менять привычный набор практик на что-то новое и незнакомое, поскольку не видит смысла в предписаниях, исходящих от администрации платформы.

Бунтуют при этом не против регулирования как такового. И зрители, и стримеры, напротив, выступают за то, что взаимодействовать со всеми участниками трансляции нужно по правилам. Иначе, как говорит «стример 5», «наступит анархия» – и это, как подразумевается, плохо. Чтобы избежать этого, стримеры придумывают собственные своды правил и размещают их в описаниях своих каналов, а зрители – одергивают друг друга, если кто-то нарушает чужие границы, и показывают новичкам, как правильно себя вести. В сообществах стримеров уже есть крайне эффективные (и, что немаловажно, возникшие естественным образом) механизмы регулирования – поэтому повлиять на поведение участников трансляций можно, лишь встроившись в эту систему, но не пытаясь надавить на нее извне. Со своим уставом, как говорится, на чужой стрим не заходят.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итог, казалось бы, довольно прост и предсказуем: есть люди, которым нравятся изменения в политике платформы, есть люди, которые относятся к ним критически и не готовы принимать новый порядок вещей. Впрочем, инициатива *Twitch.TV* по борьбе с хейтспичем и дискриминацией действительно могла бы принести много пользы: как мы видим, администрация площадки имеет огромное влияние на людей. Однако ограничения – вероятно, правильные и нужные – не идут в комплексе с объяснением, почему стримеру необходимо изменить свой образ действий и говорения. По этой причине те, кому смысл инициативы заранее понятен, принимают новые прави-

ла игры – а тот, кто изначально не был знаком с обоснованием того, почему те или иные слова или действия могут кого-то оскорбить, инициативе сопротивляется.

Для того, чтобы человек сменил один набор практик на другой, новый набор практик должен наполниться смыслом. Для стримеров, избравших тактику избегания, практика «неговорения» дискриминационных фраз была бессмысленной изначально – и администрация площадки не справилась с тем, чтобы объяснить им истинный смысл инициативы. Частичный же успех (выражающийся в наличии людей, которые все-таки приняли новый регламент взаимодействия на площадке) с наполнением практики смыслом никак не связан: «принимающие» видели смысл изначально, правила же просто показали им, какие действия помогают выразить этот смысл.

В результате со стороны, конечно, кажется, что администрация *Twitch.TV* поборола дискриминацию на своей площадке – ведь хейтспича на платформе больше нет. Однако подобную регуляцию очень легко обойти: человек может произносить слова, отражающие одобряемую администрацией позицию, однако часто за этими словами не скрывается никакого смысла. Проверить, действительно ли человек осуждает хейтспич или же просто хочет избежать бана на платформе, невозможно. Если мы спросим об этом прямо, ответ может быть ровно таким же социально-приемлемым, как и само заявление об осуждении, поскольку правила *Twitch.TV* предполагают, что стример может быть наказан и за хейтспич вне эфира, если администрация узнает о случившемся.

Кейс *Twitch.TV* говорит нам не только о локальном процессе, имеющем место в относительно изолированном сообществе людей, объединенных любовью к видеоиграм. Он говорит о том, что ответственность в принципе нельзя навязать – человек может взять ее на себя лишь самостоятельно, отдавая себе отчет в том, где проходит черта между правильным и неправильным и почему она проведена именно там. Если этого понимания нет, люди быстро адаптируются, научатся жить с набором фиктивных обходных практик, который будет создавать иллюзию правильного поведения и со временем, возможно, станет новой нормой. Если же ситуация, в которой находятся участники процесса, предполагает возможность свободного разрыва отношений между актерами разного уровня, необходимость подобной адаптации вовсе отсутствует. Тот, кому (вопреки его желанию) приписывается определенная ответственность, просто перестает быть участником коммуникации – и навязать ответственность, опять же, оказывается невозможно.

ДАРЬЯ ЕСАУЛОВА
РЕГУЛИРОВАТЬ
НЕРЕГУЛИРУЕМОЕ...

Дмитрий Анатольевич Скородумов (р. 1989) – философ, сотрудник кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета.

Компьютерную игру можно рассматривать с точки зрения формы и содержания. Под формой имеется в виду особенность видеоигры как таковой – то, чем она отличается от настольных или уличных игр, от кино и литературы (игровые механики и динамики). Содержание – это «начинка» игры, ее сюжет, то, о чем она (игровые эстетики)¹. Одно и то же содержание воплощается в разных формах. История о замке с привидениями может стать основой как литературного произведения, так и игры. В этой статье будут рассмотрены два вопроса: во-первых, какие религиозные интуиции «запакованы» в форме компьютерной игры; во-вторых, как игры выражают эти интуиции в своем содержании.

Для начала надо ответить на вопрос, как вообще религиозные интуиции связаны с техническими объектами. Об этом довольно много написано в работах как зарубежных (Марсель Мосс, Жильбер Симондон), так и отечественных авторов (Павел Флоренский)². Техника, с которой мы каждодневно сталкиваемся и взаимодействуем, формирует особые привычки и поведение, изменяя наше видение мира, сознание, ощущения времени и пространства и многое другое. В этом ключе можно говорить, например, о «машинах времени»³, являющихся устройствами, производящими тот или иной тип ощущения времени – ту или иную «априорную» форму чувственности. Различные технические объекты не просто удовлетворяют потребности, но становятся «контрабандистами» глубинных интуиций, в том числе и религиозных. Также существует и обратная взаимосвязь: Михаил Куртов в своей статье по технотеологии рассуждает о том, как различные типы религиозности порождают соответственно различные типы технической реальности. Автор сравнивает православную техническую культуру, заставляющую человека самостоятельно добираться до глубинного устройства технических объектов, с католической, в которой большая роль уделяется, напротив, техническому специалисту⁴. Видеоигры как сложные цифровые объекты должны иметь

1 Ветушинский А.С. *Игродром: что нужно знать о видеоиграх и игровой культуре*. М.: Эксмо, 2021. С. 212.

2 См.: Мосс М. *Набросок общей теории магии* // Он же. *Социальные функции священного*. СПб.: Евразия, 2000. С. 107–233; SIMONDON G. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris, 1989. P. 170–178; Флоренский П.А. *Философия культуры*. М.: Академический проект, 2014. С. 51–61.

3 STEGLER V. *Technics and Time 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford, 1998.

4 КУРТОВ М.А. *Россия: сверхнесовпадение* // Colta. 2014. 12 августа (www.colta.ru/articles/society/4222-rossiya-sverhnesovpadenie).

в себе массу имплементированных идей: особые представления о пространстве и времени, различные концепции мира, теории субъекта – все то, что подпадает под философское вопрошание.

Метафизическое исследование видеоигр вообще является уникальной отечественной чертой. Как пишет Александр Ветушинский, в России *game studies* рождались в тесной связи с философией, в отличие от Северной Европы, где преобладал литературоведческий подход⁵. Философия предполагает предельное вопрошание, постоянный переход за грань самой себя. Она предлагает осмыслить игру не как явление культуры, а как реальный мир, существующий по собственным законам. Рассмотреть игры со всей серьезностью, продумать их до конца, не закрывая глаз на условность механик. В этом плане аркада «Тетрис» становится демокритовским космосом пустоты и атомов (сцепляющихся друг с другом разнообразных частиц), а платформер «Mario» – вечным кругом возникновения и уничтожения, который никогда не может быть разорван. При старте «Mario» главный герой возникает из пустоты вместе со всем пространством вокруг него и начинает бежать по уровню, пока не умрет или не пройдет свой путь до конца. Но даже после полного прохождения все повторяется заново. Игра «Limbo» специально делает акцент на заброшенности главного героя в чужеродную реальность и невозможности оттуда выбраться. В центре игрового сюжета – мальчик, который ищет в темном лесу свою сестру. Лес наполнен монстрами и ловушками, сулящими герою смерть. Цветовая гамма монохромная – все выполнено в темно-серых тонах, что придает игре ощущение безнадежности, дает почувствовать атмосферу лимба, где души людей обречены вечно влачить бессмысленное существование. В конце игры, когда мальчик проходит все немислимые испытания, он возвращается к тому же экрану, с которого начинал. Пространство лимба закольцовывает себя и являет нам бесконечность мрачного кошмара, созданного неизвестной злой силой.

Если мы отвлечемся от отдельных представителей жанра и взглянем на видеоигру в целом, то скорее всего речь будет идти «о новой версии гностической метафизики»⁶. Что же имеется в виду под гностицизмом? Как отмечает Михаэль Вильямс⁷, это понятие довольно абстрактно и не привязано ни к какому конкретному религиозному движению. Гностиками можно назвать последователей Василида, Валентина, Маркиона, манихе-

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ

ГНОСТИЦИЗМ
В ВИДЕОИГРАХ

⁵ Ветушинский А.С. *Указ. соч.* С. 259.

⁶ Там же. С. 263.

⁷ WILLIAMS M. *Rethinking «Gnosticism»: An Argument for Dismantling a Dubious Category.* Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 7–8.

ев, павликиан, богумилов, катар и даже романтиков. Но, как замечает Йоан Кулиану, эти движения имеют между собой больше различий, чем сходств, – их нельзя подвести под одно понятие⁸. Использовать одно понятие для обозначения сходных явлений всегда большой риск, особенно если эти явления относятся к разным эпохам. То, что видится одинаковым, на деле может быть очень разным. Это проблема любой классификации, любого структурализма: между жесткими структурами возникают смысловые пустоты, которыми часто пренебрегают. «Железные прутья» структурализма и классификаций не могут удержать многообразие жизни, которая пробивается сквозь них и играет множеством своих различий. Всякий научный взгляд – это взгляд параноика, замораживающий явления. Этот взгляд Медузы обращает явление в камень, чтобы затем сделать из него рубило, с помощью которого можно извлекать всяческую пользу.

МИР КАК СИМУЛЯЦИЯ

Попробуем найти рабочее понятие гностицизма. Следуя Йонасу Гансу, можно сказать, что основная черта этого религиозного движения – тоска по иному существованию⁹. Она проявляется в ощущении нереальности происходящего, в понимании того, что мы все живем в аду; жизнь представляется неприятным сновидением. Особенность тотального кошмара заключается в том, что для большинства он неочевиден именно в силу своей тотальности. Осознание ужаса невозможно, если нет хотя бы некоторого предчувствия «другой стороны». Путь гностика – это поиск выхода из грубого материального космоса, движение к пробуждению. Линия разделения между гностицизмом и христианством лежит в вопросе об отношении к миру: для христианина мир – это чудесное творение Бога, для гностика же все окружающее – это железная клетка. Христианин относится к тварному космосу с любовью и восхищением, так как все мироздание наполнено следами божественного присутствия, как об этом писал Бонавентура¹⁰. Гностик ищет выход из мира, ищет способ сбежать из удушающих оков материального и социального порядков. Он остро чувствует наличие зла и несправедливости и в этом смысле является негативным двойником пантеиста, считающего, что вся природа – это и есть Бог. Христианин же занимает срединное положение между ними: мир – творение доброго Бога, но не Он сам.

8 Кулиану Й. *Древо гнозиса: гностическая мифология от раннего христианства до современного нигилизма*. М.: Касталия, 2019. С. 11.

9 Ганс Й. *Гностицизм*. СПб.: Лань, 1998. С. 65–67.

10 БОНАВЕНТУРА. *Путеводитель души к Богу*. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993.

Дьявольские силы в средневековой христианской мысли были иллюзорны, они лишены бытия и сами по себе не могут ничего изменить в реальности. Все их действие является наваяждением, проникающим в человека через врата его грехов и несовершенства. Демоны способны протыкать человека раскаленными иглами, калечить его тело и поднимать в воздух, но все это на деле оказывается лишь иллюзией, которая развеивается без следов, если личность не отступит от своей веры и христианских добродетелей¹¹. Для гностиков эта иллюзорность переносится вообще на весь мир, который становится своего рода симуляцией. Но мысль о том, что мир иллюзорен, неочевидна: чтобы ее себе вообразить, надо проделать теоретическую работу. Во-первых, провести разницу между явью и вымыслом – бытием и небытием, что отчетливо выразил еще Парменид¹², а потом объявить вымыслом явь и начать поиски духовного пробуждения и обновления. Современная культура предоставляет отличную метафору, которая позволяет широким массам населения усвоить гностическую идею о том, что наш мир, подобно видеоигре, ирреален. Повсеместное распространение видеоигр в современности размывает границы реального и воображаемого: все мы так или иначе сталкивались с этими технически созданными игровыми вселенными, позволяющими симулировать почти все что угодно: от работы таможенного бюрократа, проверяющего документы, до опыта исследователя космических пространств и борца с пришельцами. Если сначала мы создаем технические объекты на основе наших собственных органов, то затем мы начинаем лучше понимать устройство наших органов, исследуя технические объекты. По мере развития игр сам мир, бывший образцом для них, начинает осознаваться как игра.

Порой геймплей игры выходит на метауровень и начинает менять сам игровой интерфейс, который, как правило, является неизменным, представляя собой априорную игровую условность. Игра имеет несколько структурных уровней: во-первых, мир со своей историей, персонажами, сюжетом; во-вторых, интерфейс – расположение кнопок, доступный функционал команд, структура меню. Содержание игры и интерфейс обычно разделяются непроходимой «стеной». «Жители» игры ничего не знают об интерфейсе, не замечают его. Они не видят полоски «здоровья», которые висят над персонажами, тьму, лежащую за гранью карты. Слово бы все они разыгрывают спектакль и вводят игрока за нос. Но, к примеру, в квесте «Undertale» один из монстров, если ему не удастся победить

11 Махов А.Е. *Hostis antiquus: категории и образы средневековой демонологии. Опыт словаря*. М.: Intrada, 2006. С. 198.

12 Гагинский А.М. *Философия беспредпосылочных начал*. М.: ИФ РАН, 2018. С. 10–13.

игрока, просто садится и не атакует. Игра является пошаговой, и получить возможность атаковать можно только после нападения противника. Этим действием монстр обнаруживает свою осведомленность в интерфейсных особенностях игры – переводит ее на метауровень. Этот ход похож на разрушение пятой стены в спектакле, но является более основательным. Выход на метауровень обращает наше внимание не только на то, что игровой мир и его техническая реализация – две разные вещи, но и на то, что играть (взаимодействовать) можно как с первым, так и со второй. Отсюда возникают некоторые виды прохождения игры, когда осуществляется попытка ее взлома: ищутся ошибки технической реализации, лазейки или нереализованные возможности. К примеру, в «Undertale» есть некоторые места, куда можно попасть только из режима разработчика. Если сюжет игры – это то, что запланировал для игрока Демиург, взаимодействие с интерфейсом и его взлом становятся богоборческим бунтом.

**Повсеместное распространение видеоигр
размывает границы реального и воображаемого.
По мере развития игр сам мир, бывший образцом
для них, начинает осознаваться как игра.**

ПОИСК СЕКРЕТОВ

Гнозис (или техногнозис, как его называет Эрик Дэвис¹³) – это секретное знание, а не тайна. Секрет, способный пробудить человека от кошмара. Гностический поиск – поиск ключа, который может раскрыть тайный ход в кенеме мира и выпустить человеческую пневму в полноту плеромы. Поиск секретов является одной из механик видеоигр. Это особенность компьютерных игр, которой нет, к примеру, в литературе. Чтобы понять, о чем идет речь, надо провести различие между секретом и тайной. Тайна – это то, что защищает само себя. Она не требует какого-то определенного ключа, необходимого для раскрытия смысла. Тайна – всегда что-то неизвестное. К ней можно постоянно приближаться, но никогда полностью ее не исчерпать. Мартин Хайдеггер называл тайну «сокрытым»¹⁴. Сокрытость идет рука об руку с истиной, с позитивным знанием, как его бесконечная тень. Тайна – это основание, на котором произ-

13 Дэвис Э. *Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху*. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2008. С. 11–22.

14 Хайдеггер М. *О сущности истины // Он же. Разговор на проселочной дороге*. М.: Высшая школа, 1991. С. 8–27.

растает позитивное знание. Сокрытое всегда нас подстерегает в шелесте листьев и тумане, стелющемся над рекой в утренний час. Но с этим ничего нельзя сделать, из таинственного нельзя извлечь пользу. Секрет, напротив, сам является позитивным знанием, чем-то ясным и отчетливым, утилитарным. Он защищен благодаря внешнему: замку, паролю, страже. К примеру, ключ от банковской ячейки с большой суммой денег является секретом. Имена демонов и порядок выполнения ритуала по их подчинению тоже является секретом. Секрет относится к эзотерике, а тайна – к мистике. Литературный текст всегда дан читателю целиком. Его можно интерпретировать бесконечно долго, но он весь полностью находится перед человеком. Герменевтика текста – это скорее работа с тайной, чем с секретом. Даже зашифрованный алхимический трактат всегда лежит перед читателем, он открыт для взаимодействия. В то время как в играх существуют места, о которых геймер может и не подозревать. Каждый символ в литературном тексте будет прочитан, но не все секретные комнаты в подземелье будут открыты. Если же мы касаемся технических ухищрений самого литературного текста, позволяющего зашифровать или спрятать информацию, то мы ступаем на поле игры. Недаром подобные механики успешно интегрируются в видеоигры и реализуются там в испытаниях по взлому сейфов, разгадыванию формул, расшифровке радиосообщений врагов.

В хоррор-квесте «House» необходимо снять проклятие со старого дома, в котором произошла кровавая семейная трагедия с участием темных сил. Персонаж игрока – маленькая девочка, которая путешествует по дому и выполняет незатейливые задания, постепенно натываясь на странности: призраков и нечисть, живущую в темных закоулках дома. Игра выполнена в простой пиксельной графике, но, благодаря приятному геймплею, звуку и стилю, погружает и затягивает в себя. Есть несколько концовок: в одних может погибнуть кто-то из родственников, в других все останутся живы. Кажется, что наилучшим исходом будет тот, при котором никто не погибнет. В таком случае вся семья садится вместе и пьет чай на кухне очищенного от зла дома. Но это лишь видимость полного прохождения. В самой игре встречаются намеки, указывающие на то, что не все так просто. Здесь видимость иллюстрирует сложную гностическую онтологию, в которой каждый следующий уровень реальности не раскрывает предыдущего. Так Демиург ничего не знает о высшем Боге, так как отделен от него барьером, мешающим даже осознать существование иного порядка. Если игрок не удовлетворится счастливым прохождением и решит поразгадывать секреты, то он сможет попробовать сразиться с самим домом. После победы персонаж проваливает-

ся сквозь пол в какую-то нечеловеческую тьму, где встречается очень странного черного старика, управляющего жителями этого дома, как марионетками. Наличие альтернативной концовки делает игру интересной и живой. При обнаружении ее игрок испытывает радость перехода на новый уровень понимания ситуации. Это прохождение становится радикальным переворотом игровой вселенной. Но полного и абсолютного разрешения ситуации не происходит, так как всегда остается подозрение: а может, и эта концовка не финальная, может, есть что-то еще?

ИЗБРАННОСТЬ ИГРОКА

Игрок в мире компьютерной симуляции кардинальным образом отличается от всей остальной видеореальности и обладает особым онтологическим статусом. Он сочетает в себе две природы: компьютерную и человеческую. Игрок является чем-то имманентным компьютерному миру (так как он управляет своим персонажем, аватаром, имеющим цифровую природу). При этом он остается человеком, находящимся вне системы, но воплотившимся в мире видеореальности. Игрок обладает специальными способностями: он может сохранять и загружать игру, управлять временем, при помощи чит-кодов получать сверхъестественные для игровой вселенной способности. Об этом иногда подозревают и неигровые персонажи¹⁵: в *rouge-like RPG* «Подземелье храма Бога-скелета» можно встретить священника, который заподозрит, что с персонажем игрока что-то нечисто и предложит провести сеанс экзорцизма. Если обряд успешно завершится, то игра просто выключится. Это намекает на то, что тем злым демоном, которого изгнал священник в ходе ритуала, был сам игрок, управляющий своим персонажем с помощью компьютера. Экзорцизм разрывает эту связь, подобно тому, как крещение отменяет власть звезд и планет над человеком. В компьютерном квесте «Undertale» один из монстров недвусмысленно указывает на уникальность человеческого персонажа, так как игрок может возвращаться назад во времени, используя сохранение, или вообще «замораживать» время, выключая игру. Каждый играющий становится Христом, спускающимся в виртуальный мир для выполнения миссии, продуманной и прописанной разработчиком (Отцом). Это согласуется с гностической концепцией разделения людей на плотских (творений низшего бога – Демиурга) и духовных (в которых есть частица плеромы – высшей полноты,

15 Неигровой персонаж (*non player character*, NPC) – устоявшийся термин, которым обозначаются все персонажи игры, которые управляются компьютером, а не игроком.

находящейся за пределами несовершенного тварного космоса). Духовные люди (пневматики) – это избранные, то есть те, которые спасутся в любом случае, ибо они являются носителями иной природы, с которой низший бог ничего не может сделать. Цель существования пневматиков – «доставка частицы света Софии для воссоздания полноты духовного мира»¹⁶. Пневматик не скован никакими ограничениями в этом мире, так как он осознает, что все правила этой реальности – лишь сон и вымысел. Эту же идею иллюстрируют видеоигры. Их процедурная риторика (научение посредством многократного самостоятельного повторения в ходе игрового процесса) внушает гностическую мысль о том, что мы – игроки, а весь остальной мир – искусственно созданные декорации. Данную идею не стоит понимать однозначно негативно, как это делают техноалармисты, говоря о виртуализации мировоззрения, приводящую к всплескам немотивированного насилия. Наоборот, метафора повсеместной игры прививает гностическую отрешенность от происходящих процессов и побуждает искать «Царство Божие» внутри нас, воплощенное в новых смыслах, находящихся вовне глобального спектакля. Христом, избранным, пневматиком может оказаться каждый. Игроки могут объединяться и сотрудничать как игровые команды, разделяющие «подлинные» игровые ценности и реализующие их на практике.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ

ГНОСТИЦИЗМ
В ВИДЕОИГРАХ

Метафора повсеместной игры прививает гностическую отрешенность от происходящих процессов и побуждает искать «Царство Божие» внутри нас, воплощенное в новых смыслах, находящихся вовне глобального спектакля.

Александр Ветушинский обращает внимание на конфликт и рассогласованность между двумя типами богов: разработчиком и игроком¹⁷. Философ называет младшим богом игрока, который не ведает и не знает о разработчике (высшем Боге), являющемся творцом всей реальности. Однако в ходе нашего анализа рисуется другая картина: геймер оказывается проводником пневматического мира, в то время как разработчик оказывается Демидургом – тем, кто сотворил «тюрьму» игровой реальности благодаря своим знаниям в компьютерных науках. При этом разработчик, в соответствии с гностическим мифом, ничего не знает о настоящем высшем Боге, сотворившем его

16 ПАНТЕЛЕЕВ А.Д. *Платон и гностики: в поисках идеального человека* // Вестник РХГА. 2013. № 3. С. 119.

17 ВЕТУШИНСКИЙ А.С. *Указ. соч.* С. 263.

самого. Получается, что игрок может достигнуть пробуждения путем отказа от виртуального мира и возвращения в мир реальный. Тогда пневма (внимание) геймера освободится и он перейдет в новое существование. Томас Альтицер называл смерть Бога радостным событием из-за того, что оно позволяет отчетливо увидеть отвратительный и уродливый облик дьявола. Господство сатаны проявляется, к примеру, в тоталитарных идеологиях, которые опорочили и дискредитировали себя, обнажив свою бесчеловечную сущность. Господство видеоигр же может обновить отношение к реальности. С этой позиции стоит взглянуть на социальные практики как на своего рода видеоигры, в которых можно принимать участие, но при этом не соединяться с ними полностью. Христианин же в этом случае является «Сыном» разработчика и проходит игру для того, чтобы в ходе процесса узнать лучше ее творца и самого себя (и самому стать разработчиком – обжиться).

В ходе исследования было установлено, что видеоигры являются проводниками гностического мировоззрения как минимум в трех ключевых пунктах: 1) игры иллюстрируют симулятивность реальности (кеномы); 2) делают акцент в геймплее на раскрытии секретов (гнозиса); 3) дают возможность игроку почувствовать себя избранным (пневматиком). Повсеместное распространение компьютерных игр делает понятными эти идеи для широких масс населения. Обилие игрового видеоконтента, усиливая «виртуализацию» мира, обнажает саму идею симуляции: делает явной и очевидной схему демиургического обмана. Но вместе с этим становится видна и секретная дверь выхода из этой ситуации.

Метафизический взгляд на игры позволяет увидеть в них глубинные положения, касающиеся самой реальности. Этот подход не предлагает бояться игр или боготворить их (при таком отношении к техническим объектам скрывается их сущность). Философское рассмотрение, сколь бы странным оно ни казалось, позволяет «раскрыть поистине сакральное значение тех практик, в которые многие из нас вовлечены»¹⁸.

18 Там же. С. 265.

«Зато джинсы целы»: игры с ближайшим будущим и позднесоветский прогностический анекдот

ВАДИМ
МИХАЙЛИН

Первоначальный вариант статьи Вадима Михайлина открывало следующее рассуждение: «Я заранее должен предупредить читателя, что здесь, как и в обеих более ранних публикациях, при цитировании материала я принципиально сохраняю его конститутивные особенности, такие, как: (а) демонстративную неполиткорректность и (б) мат как одну из базовых характеристик ситуации исполнения. И если читателя смущают обценные слова и словосочетания – значит, ему лучше ограничиться теоретической частью работы и не заглядывать в приведенные цитаты. Кроме того, поскольку анекдот есть жанр прежде всего коммуникативный и перформативный, я считаю необходимым приводить в скобках характеристики манеры исполнения, без которых анекдот перестает быть самим собой и обреченно перемещается в границы унылого жанра “анекдота из подборки”».

К сожалению, из-за не слишком, на наш взгляд, продуманной законодательской политики в Российской Федерации «Неприкосновенный запас», который, хотя и является академическим изданием, но зарегистрирован (подобно другим академическим изданиям) как СМИ, не имеет права печатать обценную лексику даже в завуалированном и трансформированном виде. Забота о лексической девственности

Вадим Михайлин (р. 1964) – историк культуры, социальный антрополог, переводчик, профессор Саратовского государственного университета.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

аудитории специальных журналов по гуманитарным и социальным наукам приводит и к нарушению авторской воли, и – довольно часто – к искажению смысла опубликованного текста.

Мы не знаем, как с такой ситуацией справляются издания фольклористов, антропологов, историков литературы, – скажем только за себя: в данном случае мы вынуждены следовать законодательству, сколь бы абсурдным и нелепым это ни было. Увы, мы живем и работаем в очень неприятные, странные времена. Впрочем, мы надеемся, что, в конце концов, здравый смысл восторжествует и нелепое цензурирование специальных изданий останется досадным недоразумением прошлого. [18+] [НЗ]

В русском позднесоветском анекдоте с завидным постоянством повторяется одна и та же сюжетная ситуация, крайне редко встречающаяся в отечественной анекдотической культуре середины XX века¹. Персонаж получает некую возможность спрогнозировать или даже сконструировать собственное ближайшее будущее; он совершает выбор, вполне предсказуемый как с его собственной точки зрения, так и с точки зрения слушателя; в пуанте выбор оказывается катастрофически неверным и ведет не к радикальному улучшению, а к радикальному ухудшению ситуации – или по крайней мере к сохранению *status quo*, что в свете утраченной возможности воспринимается в том же катастрофическом ключе. Существует несколько устойчивых серий, построенных на данном сюжете («про Золотую Рыбку», «про Хоттабыча/джинна», «про внутренний голос»), причем в общем потоке тексты эти настолько частотны, что можно, пожалуй, вести речь об отдельном микрожанре прогностического анекдота. Сам факт появления подобного микрожанра в начале–середине 1960-х и его расцвета в последние два десятилетия существования СССР весьма любопытны и требуют объяснения. Однако прежде, чем предлагать какие-либо интерпретации этого – вполне локального – феномена, я считаю необходимым обратиться к значительно более масштабным вопросам. О том, почему человек вообще испытывает настолько острую потребность в предсказании предстоящего и почему изобретает такое количество способов это сделать – даже тогда, когда результат предсказания заранее воспринимается как весьма сомнительный. И зачем вообще

1 Подробнее о временной и культурной границе между сменяющими друг друга примерно в начале–середине 1960-х традициями русского советского анекдота см.: Михайлин В. *Позднесоветский зооморфный анекдот // Зверь как символический ресурс. Интерпретация культурных кодов 2020*. Саратов: Научная книга, 2020. С. 3–115; а также в книге, которая должна вскоре выйти из печати: Он же. *Бобер, выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

людям нужны гадания и пророчества: то есть механизмы построения проективных реальностей, в рамках которых можно играть с тем коварным временным промежутком, что Филострат считал законной вотчиной мудрецов².

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

ПОЧЕМУ МЫ ОДЕРЖИМЫ БЛИЖАЙШИМ БУДУЩИМ

Человек есть зверь фантазирующий. Наше базовое эволюционное преимущество, благодаря которому мы в конечном счете превратились в доминирующий на планете вид (ну, или по крайней мере нафантазировали себе этот привилегированный статус), заключается в способности к построению сложных и многоуровневых *проективных реальностей*, а также к передаче/усвоению подобных реальностей как на индивидуальном, так и на групповом уровне – что, собственно, и принято называть «культурой». Еще одной, помимо проективности, ключевой характеристикой наших когнитивных способностей является *ситуативность*: всякий раз, выстраивая в голове очередную реальность, мы заключаем ее в некие рамки, за пределами которых остаются все факты, которые мы назначаем нерелевантными, избыточными. Такая процедура категорически необходима, чтобы внутри этих рамок запускался механизм *инференции*, автоматического достраивания значимой информации буквально по нескольким реперным точкам. Если бы мы всякий раз, перед каждым следующим действием (которое совершаем, «надевая» очередную проективную реальность на очередной уголок предметного мира) заново прокручивали и оценивали даже тот объем информации, что уже поместили в заданные ситуативные рамки, эволюционное преимущество превратилось бы в эволюционный приговор – как в древней притче про сороконожку, которая задумалась о том, с какой ноги обычно начинает движение, и в итоге умерла, так и не сдвинувшись с места.

Назначая ту или иную информацию значимой или незначимой для создания необходимой нам *иллюзии контроля* над актуальной ситуацией (то есть выстраивая ситуативные рамки и запуская режим инференции), мы автоматически осуществляем еще одну операцию: выстраиваем грамматику этой ситуации, то есть логику, согласно которой именно эти назначенные нами ситуативные рамки являются единственно верными. А любые другие, предложенные кем-то еще, соответственно, искажают и замутняют реальность, путая то, что имеет отношение к делу, с тем, что к делу отношения не имеет, и тем самым

2 «Ибо боги постигают грядущее, люди – сущее, а мудрецы – предстоящее»: ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ. *Жизнь Аполлония Тианского*. М.: Наука, 1985. С. 140.

выдают либо добросовестное заблуждение «проектировщика», либо его же злой умысел.

Вот здесь в нашей когнитивной машинерии и обнаруживается слабое место. Этот крайне простой и эффективный механизм работал бы как часы, если бы альтернативные варианты ситуативных рамок предлагались исключительно извне. Вся наша культура социального взаимодействия построена на искусстве учить/убеждать заблуждающихся/неученых и принуждать несогласных – то есть, по большому счету, на искусстве навязывать собственные проективные реальности другим людям. Но что происходит, когда сигнал о возможности иной ситуативной модели приходит не извне, а изнутри?

Проблема в том, что мы – во многом в силу все той же необходимости выстраивать иллюзию контроля для обеспечения собственной дееспособности – привыкли считать самих себя той окончательной инстанцией, которая задает грамматику любой ситуации. Но при этом не можем так или иначе не отдавать себе отчета в одном малоприятном обстоятельстве: наши собственные системы установок могут достаточно радикально меняться в зависимости, скажем, от конкретной культурно маркированной территории, на которой мы в данный момент оказались, меняя тем самым и логику, согласно которой мы будем выстраивать очередные ситуативные рамки. Проще говоря, если предложить одному и тому же среднеобразованному мужчине средних лет один и тот же набор обстоятельств (людей, предметов, возможных действий и так далее), он будет по-разному «назначать» степень значимости для каждого из них в зависимости от того, находится он сам в данный момент на Красной площади или в лесу, на берегу реки. В результате чего «за рамками», в зоне невнимания окажутся *разные* люди, предметы и способы действия. Причем в обоих случаях человек будет уверен (если вообще даст себе труд об этом задуматься), во-первых, в полной адекватности своего – единственно возможного – выбора и, во-вторых, в том, что выбор сделал он сам.

И все же.

И все же где-то на периферии того поля, что мы привыкли называть «сознанием», будут маячить призраки неучтенных обстоятельств, которые этот же самый человек, находясь под воздействием иных культурных кодов, назначил бы если не ключевыми, то значимыми. Следовательно, будучи совершенно прав и абсолютно адекватен, он где-то там, глубоко внутри, подозревает, что вполне мог ошибиться и провести границу между значимой и незначимой информацией не там, где ее следовало бы провести. И тем самым проявил опасную некомпетентность, которая в перспективе может привести к непредсказуемым и даже катастрофическим последствиям. Умение

считывать общую логику обстоятельств и скрытые в ней культурные коды «краем глаза» мы – в пределах современных культур европейского круга – привыкли именовать интуицией, четко противопоставляя свою способность к пониманию окружающего мира всем прочим когнитивным механизмам, основанным на рациональности и волевом контроле. Не так давно Питер Страк провел эту способность по более широкому ведомству *избыточного знания* (*surplus knowledge*), показав, что у древних греков, в чьем словаре отсутствовали скольконибудь близкие понятия, ту же нишу самым естественным и повседневным образом занимала мантика³. И, собственно, мантика нужна была древним грекам ровно для того, для чего мы придумали себе интуицию (кстати, сохранив при этом трогательную приверженность к гадательным практикам): чтобы по возможности свести к минимуму внутренние неудобства, связанные с *избыточным знанием*. Причем как интуиция, так и гадания/предсказания, на это следует обратить особое внимание, прорабатывают именно зону ближайшего будущего – в тех пределах, в которых мы способны удерживать в собственном сознании уже назначенные ситуативные рамки.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

**Наша культура социального взаимодействия }
построена на искусстве учить/убеждать }
заблуждающихся/неученых и принуждать }
несогласных – то есть на искусстве навязывать }
собственные проективные реальности другим людям. }**

Еще одна сложность заключается в том, что наш когнитивный аппарат имеет привычку за любым неучтенным фактором, внезапно проявившимся в, казалось бы, уже расчисленном порядке вещей, подозревать не просто случайность, а некую внешнюю интенцию – то есть, собственно, чужую и персонифицированную волю⁴. Так что если ты сам оказался не в состоянии вовремя включить в собственные ситуативные рамки *все* значимые обстоятельства, то где-то вовне должна существовать некая инстанция, более компетентная, чем ты, и способная ничего не упустить из виду. Соответственно, включается постоян-

- 3 STRUCK P.T. *Divination and Human Nature. A Cognitive History of Intuition in Classical Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 2016. Касательно особого места, которое избыточное знание занимает в наших общих когнитивных диспозициях, см. также нашу давнишнюю, достаточно наивную (на структуралистский манер), но все же, с точки зрения предлагаемых здесь интерпретаций, не лишенную смысла статью: Михайлин В. *Избыточность: исходный социокультурный смысл // Культура, власть, идентичность: новые подходы в социальных науках*. Саратов: Волжский сад, 1999. С. 229–235.
- 4 Подробнее об этом см.: BOYER P. *Religion Explained: The Human Instincts That Fashion Gods, Spirits and Ancestors*. New York: Basic Books, 2001.

но действующий режим ожидания сигналов от этой внешней инстанции, сопутствующий *эпистемическому беспокойству* по поводу неучтенных факторов внешней реальности. Интуитивное *предощущение адекватности*, внерациональная вера в собственную способность провести границы зон внимания и невнимания именно там и так, где и как того требует наличная ситуация, как правило, уже включает в себя явные или неявные следы попыток договориться с этой инстанцией, на дискурсивном уровне проявляющиеся в рассуждениях о вере в судьбу, собственную удачливость или неудачливость и так далее.

Прогност, то есть человек, гадающий или каким-то иным способом взыскивающий информации о ближайшем будущем, по большому счету, не нуждается в конкретных ответах на те вопросы, которые задает незримой судьбе или профессионалу, претендующему на роль посредника между ним и судьбой. Прежде всего он нуждается в своего рода «разметке реальности», в подтверждении того, что уже заданные им самим или предощущаемые ситуативные рамки верны. Фактически он целенаправленно помещает себя на границу двух реальностей. Одна перенасыщена смыслами – учтенными, неучтенными и сомнительными с точки зрения необходимости принимать их во внимание (при том, что любой неучтенный смысл может на практике обернуться значимым). Другая построена вокруг простого высказывания, в котором количество смыслов ограничено – как и количество возможных связей между этими смыслами. Наложение элементарной логики, организующей вторую реальность, на логику собственных ситуативных рамок, заданных применительно к реальности первой, снижает степень эпистемического беспокойства и усиливает иллюзию контроля. При этом сама простота внешнего высказывания помогает нам совершать весьма полезную ценностную подмену в контрастной паре «полнота/неполнота знания», поскольку именно эту простоту мы с готовностью принимаем как следствие более полного и даже абсолютного знания, свойственного таким внечеловеческим инстанциям, как «судьба», «удача», «божественное провидение» и так далее. В тех же случаях (коих в гадательных и других предсказательных практиках подавляющее большинство), когда высказывание туманно, противоречиво и даже – по видимости – нерелевантно в отношении заданного вопроса, это никоим образом не отменяет главных его достоинств: во-первых, гномичности, а во-вторых, того, что автором этого высказывания является некая гиперкомпетентная сущность. И даже тогда, когда предсказание самым очевидным образом не сбывается, на его оценке это может не сказаться никак: требуемая логика продолжает ощущаться как истинная, но подвергшаяся воздействию злонамеренных внешних сил.

КАК МЫ ПЫТАЕМСЯ ЗАГЛЯНУТЬ В БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Есть три основных типа процедур прогностического запроса:

- 1) гадание на видимых физических объектах;
- 2) обращение за предсказанием к достоверному сакрализованному источнику: к человеку или другому актору, «имеющему доступ» к внешней компетентной инстанции;
- 3) постоянно действующий и активизирующийся при необходимости режим разметки реальности, при котором элементы осязаемой реальности наделяются собственной эссенциальной семантикой и принимаются как ориентиры, по которым можно определить необходимые ситуативные рамки (сновидения; видения, полученные в состоянии измененного сознания; природные явления, происходящие «сами собой», без непосредственного человеческого участия, приметы и так далее).

Эти процедуры ни в коем случае не являются взаимоисключающими и прекрасно дополняют друг друга. Когда гадалка раскладывает карты на глазах у прогноста и поясняет сложившуюся конфигурацию разукрашенных кусочков картона как значимый комментарий к его ближайшему будущему, перед нами сочетание всех трех типов (третьего – поскольку прогносту зачастую известны смыслы, приписываемые конкретным картам: поздняя дорога, бубновый интерес и прочее). Когда к «знающему человеку» – к гадалке, шаману или просто к знакомому, вызывающему в этом смысле у прогноста доверие, – обращаются за толкованием сновидения, мы сталкиваемся с сочетанием второго и третьего – и так далее.

Как работает каждая из этих процедур?

В случае с гаданием на предметах между собой сопоставляются два набора реалий: ситуация запроса (то есть актуальная жизненная ситуация прогноста, нуждающаяся, с его точки зрения, в прояснении) и подконтрольный прогносту набор физических объектов, с которыми он совершает игровое действие (то есть действие по заранее известным правилам в определенном времени и пространстве): карт, игровых костей, стеблей тысячелистника, камушков, монет и прочее.

Для ситуации запроса:

- ситуативные рамки разомкнуты и не могут быть определены с окончательной точностью;
- число участников, наделенных собственной интенциональностью – человеческой или нечеловеческой (животные, сверхъестественные агенты), – потенциально бесконечно, и режимы их действия в конечном счете непредсказуемы для гадающего;
- количество потенциально вовлеченных факторов влияния так же потенциально бесконечно;

– основания для того, чтобы задать конкретные ситуативные рамки, ненадежны в силу потенциальной (и представимой) множественности проективных реальностей с различным «ситуативным наполнением».

Для предметной ситуации:

- ситуативные рамки строго заданы;
- число участников сводится к минимуму: в идеале к одному человеку и некой «случайности», «судьбе», которая предположительно перехватывает у него контроль над предметами;
- количество значимых факторов минимально;
- количество возможных исходов ограничено.

В этом случае достоверность прогноза создается за счет перевода сочетания подконтрольность/неподконтрольность в принципиально другой режим: ситуация строго задана, факторы конечны, каждый из объектов максимально прост, и оперирование этим объектом направлено на создание иллюзии контроля – при этом «воля», отличная от воли гадалателя и неподконтрольная ей, лишена собственной четко выраженной субъектности. Последнее обстоятельство крайне значимо. Как убедительно показали в недавних публикациях Паскаль Буайе и Юго Мерсье⁵, свойственная нашему когнитивному аппарату эпистемическая бдительность (*epistemic vigilance*) заставляет нас предполагать, что в тех случаях, когда другие люди проявляют явную заинтересованность в каких-то конкретных деталях нашей собственной ситуации, эту заинтересованность следует воспринимать как симптом их стремления соответствующим образом на нашу ситуацию повлиять. Поэтому мы выстраиваем сложные социальные процедуры – и даже целые институты, позволяющие перевести ответственность за принимаемые решения в максимально безличный режим – усыпляя таким образом собственную эпистемическую бдительность. По этой же причине гадания, предсказания и прочие прогностические процедуры вызывают в нас тем больше доверия, чем отчетливее в них проявлен режим демонстративной невовлеченности (*ostensive detachment*) любого человеческого агента. Чем меньше любой человек, потенциально вовлеченный в ситуацию (в том числе и сам прогност), может оказать на нее влияние – здесь и сейчас или в ближайшем будущем, – тем менее бдительно мы реагируем на полученный прогноз.

Если имеет место обращение за предсказанием к достоверному сакрализованному источнику, запрос формулируется и сообщается другому актору, актер совершает ритуализиро-

5 BOYER P. *Why Divination? Evolved Psychology and Strategic Interaction in the Production of Truth* // Current Anthropology. 2020. Vol. 61. № 1. P. 100–123; MERCIER H., BOYER P. *Truth-Making Institutions: From Divination, Ordeals and Oaths to Judicial Torture and Rules of Evidence* // Evolution and Human Behavior. 2020. December (<https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2020.11.004>).

ванные действия, в результате которых получает недоступную для прогноста информацию и транслирует ее прогносту. При этом, помимо ситуации запроса, создается промежуточная ситуация обращения, в которой:

– число значимых участников сводится к минимуму, в идеале включающему в себя только самого прогноста и достоверный сакрализованный источник (с предполагаемой косвенной вовлеченностью той гиперкомпетентной инстанции, которой «жрец» впоследствии переадресует сам запрос);

– все обилие исходной информации о ситуации запроса вынужденно сводится к ключевому событию или набору событий, относительно которых можно задать конкретный вопрос. Сама необходимость сформулировать вопрос так, чтобы его можно было передать в другую инстанцию, требует максимальной компрессии и резко ограничивает поле дальнейшей интерпретации;

– механизм получения ответа либо скрыт от прогноста⁶, либо явлен ему только отчасти (внешняя последовательность совершаемых жрецом ритуальных действий);

– ответ (в идеале) представляет собой гномическую вербальную формулу, состоящую из минимального количества значимых сигналов. Предполагается, что любой полученный ответ – вне зависимости от видимой релевантности вопросу – задает интерпретативные рамки той ситуации, в отношении которой осуществляется запрос⁷.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Гадания, предсказания и прочие прогностические процедуры вызывают в нас тем больше доверия, чем отчетливее в них проявлен режим демонстративной невовлеченности любого человеческого агента.

Постоянно действующий режим разметки реальности, как мне представляется, особых комментариев не требует: каждый из нас знаком с ним на уровне повседневных практик и вырабатывает собственные – бесконечно разнообразные – способы договориться с судьбой. Режим демонстративной незаинтересованности поддерживается и здесь: человек может жульни-

6 Как в стандартной древнегреческой процедуре обращения за предсказанием в храм того или иного божества, при которой прогноз оставался за колоннадой (про фане), отделяющей сакральное пространство храма от его собственного, профанного, а посредник, жрец, скрывался в храме, а затем возвращался с ответом на вопрос.

7 Если дельфийский оракул дает загадочные ответы, это ничуть не уменьшает их ценности, поскольку: (а) лишний раз демонстрирует незаинтересованность оракула в ответе и (б) заставляет прогноста расширять контекст запроса в конкретном направлении, подсказанном ответом, интерпретируя ограниченный набор слов, «назначенных» ключевыми.

чать, раскладывая пасьянс, но, несмотря на это, получать необходимое прогностическое удовлетворение, поскольку играл он не с кем-нибудь, а с судьбой и так или иначе «уговорил» ее дать нужный прогноз⁸. Еще одной гарантией режима незаинтересованности выступает наличие коллективного опыта. Приметы, сновидения, цепочки случайных совпадений толкуются с оглядкой на уже сформировавшиеся и активно транслируемые каноны. Да и сам факт очевидного интереса к подобному рода прогностике на уровне *grass roots* со стороны сообщества, проявляющийся каждодневно и во множестве самых разных форм (от индивидуально значимых кейсов до общеизвестных репрезентаций в художественной культуре), поддерживает ощущение, что, загадывая предстоящую удачу или неудачу по сочетаниям цифр в номерах проезжающих навстречу автомобилей, ты не делаешь ничего странного и, более того, общаешься к незримым рычагам воздействия на собственную ситуацию.

ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК СИМПТОМ ЭПОХИ

Позднесоветское общество, по большому счету, представляло собой один сплошной и постоянно действующий когнитивный диссонанс. Все его публичное пространство было заточено под привычный футуроцентрический миф о неизбежном построении коммунизма. И каждое событие, так или иначе соприкасающееся с публичным пространством, неизбежно подлежало интерпретации, исходящей именно из этой перспективы. А поскольку ключевой особенностью советского социнженерингового проекта от самых начал нового строя было стремление к тотальному опубличиванию человеческого бытия, к максимально полной ликвидации всех и всяких закрытых зон, способных так или иначе отвлекать потенциального строителя коммунизма от этой ключевой его миссии, то – по крайней мере, в идеале – футуроцентризм должен был рано или поздно проникнуть в каждый узелок социального плетения. К 1960-м, а тем более к 1970-м годам пафос безраздельной вовлеченности в публичное пространство несколько поутих и даже был от-

8 Здесь можно взглянуть весьма любопытные параллели с теми играми, в которые семи-двенадцатилетние современные дети играют с собственными представлениями о смерти. В более раннем возрасте смерть, как правило, видится чем-то не имеющим отношения к людям вообще и к самому ребенку в частности, хотя воспринимается вполне естественно применительно к животным. Здесь же возникают представления о том, что со смертью (уже воспринимаемой как лично значимая опасность) можно договориться, ее можно обмануть, убежать от нее и так далее. См. в этой связи: BARRETT H. C. *Human Cognitive Adaptation to Predation and Prey*. Doctoral dissertation. Santa Barbara: University of California, 1999; МИХАЙЛИН В. *Зверь как смерть* // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 144–156.

части уравновешен «заботой партии о повседневных потребностях советского человека», предполагавшей в числе прочего и массовое строительство индивидуального жилья, и нарезку дачных участков – то есть создание тех самых «карманов», где гражданин СССР мог хотя бы на время остаться вне зоны общих интересов и заняться своими маленькими делами и планами. Но на самой идеологической риторике, на языке плакатов и лозунгов это никоим образом не сказалось: здесь совместное строительство светлого будущего продолжало оставаться очевидной и неизбежной целью общества в целом и каждого советского человека в частности.

При этом на уровне обыденного сознания язык советского публичного поля все более и более отчетливо превращался в «красный шум», постоянное присутствие которого в эфире перестало восприниматься как связная и осмысленная система сигналов – особенно после того, как был свернут последний сколько-нибудь успешный мобилизационный проект, проект оттепельный, породивший шестидесятников: последнее поколение – на более или менее репрезентативном уровне готовое воспринимать советский футуроцентризм всерьез⁹. Впрочем, даже и публичное позднесоветское пространство регулярно посылало рядовому гражданину сигналы, откровенно противоречащие бодрому плакатному дискурсу. Реальная политика брежневских властных элит была ориентирована никак не на дальние горизонты: ее коренная, хотя и не подлежащая особо явной экспликации суть заключалась в поддержании гомеостаза. Охранительно-консервативные обертона, через голову оттепели позаимствованные из позднесталинского имперского проекта, звучали достаточно внятно, чтобы их воспринимал даже рядовой инженер, работающий в провинциальном конструкторском бюро и понятия не имеющий о тех откровенно черносотенных настроениях, которые царили в ЦК ВЛКСМ и ряде других властных структур¹⁰. Он просто читал Распутина и Солоухина, смотрел по телевизору «Вечный зов», вешал на стену репродукции с картин Ильи Глазунова, вырезанные из журналов, и мечтал купить домик в деревне и вернуться к корням. Искренняя надежда на скорейшее построение коммунистического общества в этот ряд вписывалась с трудом.

Еще одна особенность брежневского СССР – тотальная и унылая предсказуемость бытия. Наш провинциальный инже-

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

9 Подробнее о взаимоотношениях между советской публичностью и повседневными установками советского человека см.: Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. О «красном шуме» в восприятии позднесоветского человека см.: Михайлин В., Беляева Г. «Наш» человек на плакате: конструирование образа // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 1(87). С. 89–109.

10 См.: Митрохин Н. *Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы*. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

нер, получавший после распределения в проектный институт положенные 110 рублей в месяц, мог надеяться на то, что к пятидесяти годам его зарплата (оклад плюс доплаты) вырастет рублей до 200–220. За это время он мог дождаться очереди на ведомственную квартиру, раз в год получал оплаченную на 80% путевку в институтский санаторий, расположенный в соседнем районе, а к моменту выхода на пенсию подходила и очередь на «Москвич-412», на котором в перспективе можно будет ездить в тот самый деревенский домик. И если современная российская совстальгия активно подпитывается воспоминаниями о позднесоветской стабильности как едва ли не о самой позитивной характеристике утраченной империи, то изнутри, в СССР середины 1970-х, эта стабильность виделась совершенно иначе – так что любое нарушение порядка вещей воспринимается как манифестация желанной свободы. Эта тоска по возможности выйти за рамки серой повседневности оставила массу культурных следов. Стоит только вспомнить о бардовской песне, густо населенной пиратами, геологами, преступниками и альпинистами; об особой позитивной семантике слова «чудак» и едва ли не о культе чудачества, сложившемся еще под занавес оттепели, – да мало ли о чем еще. Ударные сцены в фильмах 1970-х – начала 1980-х с завидным постоянством построены на демонстративном нарушении конвенций. В «Белых росах» (1983) Игоря Добролюбова персонаж Николая Караченцева рвет душу зрителю, играя на гармошке в самых неожиданных местах и контекстах (лежа ничком на улице, сидя в аистовом гнезде) – и отрабатывает тот же эмоциональный посыл, что и персонаж Вадима Андреева в «Баламуте» (1978) Владимира Рогового, мистически очарованный откровенно «не нашей» черной валькирией, и персонаж Олега Янковского в «Полетах во сне и наяву» (1983), с его нескончаемой и безнадежной клоунадой.

Культура советского анекдота, живо реагирующая на любые социальные перемены, просто не могла не породить жанра, паразитирующего на смысловом поле, настолько противоречивом и диссонансном. Прогностический позднесоветский анекдот, построенный, как уже было сказано в начале статьи, на одной и той же сюжетной схеме – нарушении порядка вещей за счет кажимой управляемости прогноза, за которым следует возвращение к ухудшенной версии все той же реальности, – просто обязан был появиться на свет. Безнадежная «уверенность в завтрашнем дне» порождала неизбежную заинтересованность в любой ситуации неопределенности и в любом прекарном персонаже. Пессимистический же финал анекдота иронически комментировал сам факт неизменности наличного бытия, создавая комфортную как для рассказчика,

так и для слушателей иллюзию дистанции по отношению к жизни вокруг. И в этом смысле прогностический анекдот был одним из порталов в те самые «пространства внеаходимости», о которых Алексей Юрчак пишет как об одной из ключевых характеристик эпохи. Дополнительным ресурсом интереса к жанру, несомненно, было точно такое же ироническое дистанцирование от официозного футуроцентризма: гениальные предсказания Маркса, Энгельса и Ленина о светлом будущем всего человечества были попросту несовместимы с непредсказуемостью буквально следующего шага даже в рамках самой маленькой, сугубо индивидуальной ситуации.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Пессимистический финал анекдота иронически комментировал сам факт неизменности наличного бытия, создавая комфортную как для рассказчика, так и для слушателей иллюзию дистанции по отношению к жизни вокруг.

По видимости советские прогностические анекдоты достаточно однообразны – что можно заключить уже из того простого факта, что едва ли не все они, как уже было сказано, эксплуатируют одну и ту же сюжетную ситуацию. В подавляющем большинстве они используют модель прогноза с обращением к достоверному сакрализованному источнику. Имеющиеся исключения весьма немногочисленны, носят вполне маргинальный характер – в том числе и с точки зрения использованной сюжетной ситуации. Вот анекдот, сюжет которого отталкивается от практики гадания на предметах:

Сидят три монтажника в обеденный перерыв, выпивают. Один достает монетку (*исполнитель имитирует соответствующий жест*): «Короче, так! (*исполнитель с не терпящей возражений интонацией утвердительно кивает головой*) Если орел, бежим в гастроном за второй. Если решка, валим в пивняк. Ну, а если на ребро встанет... (*исполнитель обреченно разводит руками*) – возвращаемся план выполнять».

Он узнаваемо советский, но в нем нет ничего специфически позднесоветского – в частности, никакого перелома к худшему в пуанте не происходит, – так что он вполне мог родиться и в рамках более ранних вариантов традиции¹¹.

Простая разметка реальности также время от времени порождает свои анекдотические версии:

11 Об особенностях отбора и датировки материала см. в: Михайлин В. *Позднесоветский зооморфный анекдот...* С. 3–6.

Штирлиц шел по улице. Проходя мимо зоомагазина, он скосил глаза в сторону и увидел в доме напротив, в окне второго этажа тринадцать утюгов, а на мостовой – тело профессора Плейшнера. «Понятно, – подумал Штирлиц, – явка провалена».

Здесь привязка к эпохе очевидна, поскольку анекдот принадлежит к весьма репрезентативной серии «про Штирлица», появившейся вскоре после того, как в апреле 1973 года на телеэкраны вышел 12-серийный сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Перелом к худшему в пуанте здесь вообще не имеет смысла, поскольку вся эта анекдотическая серия построена на доведении до абсурда заданной в фильме модели восприятия мира как логически проницаемого и полностью подконтрольного «нашему» дискурсу, представленному в картине одновременно фигурой главного героя и всезнающим голосом комментатора в исполнении Ефима «Закадровича» Копеляна. Голос советской публичности, непоколебимо уверенный в себе и в собственном праве на доступ к абсолютной истине, пародируется в этой серии системно:

Штирлиц возвращается на родину и получает звание Героя Советского Союза. В первый же вечер идет в кабак, нажирается в хлам, выходит и – хрясь мордой в лужу (*исполнитель обеими руками прихлопывает воздух перед собой, изображая падение бесчувственного тела*). Голос за кадром (*исполнитель переходит на безошибочно узнаваемые аудиторией тембр и интонации Ефима Копеляна*): «Он проснется... ровно... через двадцать пять минут».

Приведенный анекдот отличается от большинства других анекдотов про Штирлица тем, что копеляновская интонация включается исполнителем только в пуанте – поскольку именно она должна перекодировать легко узнаваемое поведение загулявшего командировочного в привычную икону стиля и самоконтроля. Как правило, голос «нашей» публичности в сюжетах из этой серии звучит с самого начала, и комический эффект возникает сразу, за счет столкновения этой беспредельно самоуверенной инстанции с очередной нелепой ситуацией или бессмысленным умозаключением – что автоматически превращает его в поток пустых знаков. Тот же эффект приводит к необязательности или смазанности пуанта:

Штирлиц шел по лесу. Навстречу шли девушки (*исполнитель имитирует фирменный внимательный взгляд Вячеслава Тихонова, появившийся на экране всякий раз, когда актеру нужно было сыграть напряженную работу мысли*). «Девушки», – подумал Штирлиц (*исполнитель утрирует задумчивое выражение лица*). «Штирлиц», – подумали девушки.

Любопытно, что в большинстве сюжетов из этой серии нарушается еще и сугубо грамматический канон русского советского анекдота – обязательное использование последовательности «сказуемое в настоящем времени + подлежащее + дополнение» в завязке («идет заяц по лесу...», «приходит Петька к Василию Ивановичу»): что, несомненно, усиливает «опознаваемость» пародии на повествовательную интонацию закадрового голоса в «Семнадцати мгновениях»¹².

Впрочем, как уже было сказано, основой для позднесоветского прогностического анекдота служит модель запроса, связанная с обращением к достоверному сакрализованному источнику. В силу того, что здесь неизменно используется одна и та же сюжетная ситуация, тексты эти и впрямь могут показаться однообразными, но на деле это не так, поскольку в рамках данного микрожанра ведется достаточно изобретательная игра с ситуативностью. Скажем, финальный поворот к худшему, в полном соответствии с практикой эпистемического беспокойства, может осуществляться за счет включения неучтенного опыта – либо предшествующего, либо чужого:

Приносит старик старухе Золотую Рыбку. А та и говорит (*исполнитель делает подряд несколько уверенных указующих жестов*): «Во-первых, хочу, чтобы вместо этой халупы стоял двухэтажный дом с мезонином. Во-вторых, чтобы вместо корыта стояла черная «Чайка». А в-третьих, деда ... [куда подальше], а вместо вот этого черного кота – горячий кавказский мужчина!» Хоп, стоит дом, стоит «Чайка», стоит усатый красавец в большой кепке. И говорит (*исполнитель имитирует грузинский или армянский акцент и делает эмоциональный жест рукой*): «А вот теперь, бабка, ты и пожалеешь, что меня к ветеринару носила!».

Просыпается мужик с утра – ни черта не помнит, все тело болит, башка раскальвается, в доме бардак, и кровать сломана. Встает, идет на кухню, а там за столом сидит какой-то хрен в чалме и тапках. Мужик: «Ты кто?». Тот: «Я джинн». – «А откуда ты тут?» – «Да ты ж сам меня вчера в Волге выловил. Загадал одно желание, второе, а третье на потом оставил». (*Исполнитель оживает*): «То есть, у меня еще целое желание осталось?!» – «Ага». – «Ну, тогда хочу, чтобы на меня все бабы вешались!» – «Ага» (*исполнитель щелкает пальцами*): «Готово. Ну, я пошел?» – «Иди, иди, братан, спасибо тебе» (*исполнитель имитирует движение к двери, потом оборачивается и как бы между делом бросает через плечо*): «Кстати, вчера первое желание было прям точь-в-точь такое же».

Едет дальнобойщик вдоль берега моря. «Дай, – думает, – хоть макнуть по дороге». Свернул, разделся, макнулся выходит – а в трусах что-то шевелится. Сунул руку – Золотая Рыбка. Ну, понятно, три

12 Касательно этой анекдотической серии подробнее см.: Белоусов А. *Анекдоты о Штирлице* (<http://folk.spbu.ru/Reader/belousov1.php?rubr=Reader-articles>).

желания. «Хочу, – говорит, – чтобы вместо этого «Камаза» у меня тут стояла “Волга”, моя собственная!» – Бац! Стоит «Волга». «Еще хочу, чтобы на заднем сиденье стоял чемодан с червонцами!» Бац! На заднем сиденье чемодан, битком набитый красненькими. Думает: «Чего же еще пожелать-то? Вроде все уже есть». И тут видит, ковыляет вдоль шоссе мужик с палочкой. «Блин, – думает, – что это я все о себе да о себе? Надо же и людям помочь». (*Исполнитель берет паузу, набирает полную грудь воздуха и, явно гордясь собой, произносит*): «Хочу, чтобы вон тот мужик бросил палку и побежал по шоссе!» Бац! Мужик бросает палку, бежит и орет: «Суки! Кто это сделал? Я не хромой – я слепой!»

Вариация на тему того же сюжета – вероятнее всего, уже перестроечная – задействует еще один популярный в советской массовой (детской) культуре набор текстов – «Цветик-семицветик» (сказка Валентина Катаева (1940), мультфильм Михаила Цехановского (1948), короткометражный телефильм Гарника Аразяна и Бориса Бушмелева (1968)), пропущенный через сито контркультурного опыта:

Стоит в ленинградской подворотне девочка с Цветиком-Семицветиком. Отрывает лепесток. «Хочу, чтобы меня плющило!» (*Исполнитель прикрывает глаза, начинает коржиться, отрывает еще один воображаемый лепесток и стонет*): «Все-все, не хочу больше, чтобы меня плющило!» (*Бодрым детским голосом*): «Теперь хочу, чтобы меня штырило!» (*Исполнитель начинает дергаться, потом снова стонет*): «Ой, все! Не хочу больше, чтобы меня штырило». (*Отрывает еще один лепесток*): «А теперь хочу, чтобы меня колбасило!» (*Резко пригибается к земле и начинает мелко перебирать ногами*): «Все-все, ну ... [к черту]! Не хочу, чтобы меня колбасило». Смотрит, а во дворе сидит на лавочке грустный мальчик с костылями и глядит, как другие дети играют в футбол. «... [Боже мой], – думает девочка, – что же я все о себе да о себе?» (*Исполнитель отрывает последний лепесток и отбрасывает цветок в сторону*): «Хочу, чтобы вот его плющило, штырило и колбасило!»

В пуанте может произойти неожиданное расширение ситуативных рамок: появляется третий, как правило, бесплотный участник и меняет грамматику всей ситуации:

Приходит зимой рыбак на лед, потемну еще, вертит дырку, садится, раскладывает, достает удочку – и тут голос с неба (*исполнитель имитирует левитановскую манеру советских дикторов, зарезервированную для особо торжественных случаев*): «Здесь рыбы нет!». Ну, мужик пожимает плечами, собирается, отходит метров на пятнадцать, вертит дырку, садится, раскладывает, достает удочку, и тут опять голос с неба: «Здесь рыбы нет!». Мужик опять встает, собирается, отходит метров на двадцать в другую сторону, вертит дырку, садится, раскладывает, достает удочку – ну, и опять с неба

голос: «Здесь рыбы нет!» Мужик: «... [Черт возьми], да ты кто вообще?!» Голос (*на особо торжественной ноте*): «Директор катка!».

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Подъезжает богатырь к камню, а там что-то написано. Ну, он слезает с лошади, подходит, начинает читать (*исполнитель стирает с воображаемого камня воображаемую патину и начинает по слогам «читать»*): «На-пра-во пое-дешь – “... по-лу-чишь [столкнешься с большими неприятностями]”... На-ле-во поедешь – “... по-лу-чишь [столкнешься с большими неприятностями]” ... Прямо поедешь – “... по-лу-чишь [столкнешься с большими неприятностями]”» Стоит он перед камнем, репу чешет, и тут голос с неба: «Ну, что ты, ... [неразумный человек], мнешься? Тебе что, прям тут ... [неприятности выдать]?»

Сидит мужик на даче на крыльчке. Октябрь, листья облетают, а день такой солнечный, теплый (*исполнитель мечтательно жмурится*). Мужика разморило, кайф полный. Сидит, и тут видит – на яблоне яблоко висит. Такое спелое, тяжелое, на солнце нагретое. И так ему этого яблока хочется, а встать лень, и вот уже собрался задницу от крыльца оторвать, и тут вдруг налетает туча, вихрь, град, из тучи выныривает огромная жопа, хап это яблоко – и обратно в тучу. И снова – солнышко, тишина, покой. Мужик сидит такой в полном ... [недоумении] (*исполнитель разводит руки в стороны, приоткрывает рот и потерянно оглядывается вокруг*): «Что это было?». И тут опять – туча, вихрь, град, из тучи выныривает жопа и говорит (*исполнитель переходит на всю ту же левитановскую интонацию*): «Ан-то-новка!».

Иногда поворот к худшему может проистекать не от злонамеренности гиперкомпетентного персонажа, а от полной некомпетентности самого протагониста (или одного из протагонистов). Или же в пуанте может происходить смена ведущей кодировки:

Заходит в салун ковбой, а за ним идут страус и мокрая кошка. Ну, он подходит к стойке и говорит (*исполнитель делает безразличную усталую мину*): «Стакан виски, вилка капусты и кусок колбасы». Бармен наливает стакан, отрезает колбасы, приносит капусту, считает (*исполнитель щелкает на воображаемый счетач*) и говорит: «С вас один доллар и восемьдесят три цента». Ковбой не глядя сует руку в карман и выкладывает на стойку ровно доллар восемьдесят три (*исполнитель изображает это действие все с той же усталой миной*). Бармен (*исполнитель меняет выражение лица на вежливо-заинтересованное*): «Это, конечно, не мое дело, сэр, но все это так необычно, вы не могли бы вы объяснить...» Ковбой (*усталая мина возвращается на место*): «Да что тут объяснять? Нашел бутылку с джином, на первое желание нажрался как свинья. А потом протрезвел чуток и говорю: “Хочу, чтобы у меня в кармане всегда было ровно столько денег, сколько нужно, и чтобы за мной везде ходила длинноногая цыпочка с мокрой киской”».

Самый распространенный сюжетный ход в прогностических анекдотах можно, пожалуй, назвать «ошибкой Эдипа». Протагонист по ошибке принимает за компетентную инстанцию, способную оценить и улучшить ситуацию, самого себя. Именно эта модель лежит в основе серий о Золотой Рыбке, джинне, Хоттабыче и прочих персонализированных (и заимствованных из общеизвестной мультипликационной и кинематографической традиций) исполнителях желаний:

Попадают на необитаемый остров англичанин, француз и русский. Ну, сплели сеть из травы, полезли рыбу ловить. Оп – вытаскивают кувшин. Открывают, а оттуда джинн. «Вас, – говорит, – трое, поэтому по желанию на рыло». Англичанин: «Мне миллион фунтов – и в Лондон!». Щелк, исчез. Француз: «Мне самую красивую женщину – и в Париж!». Щелк, исчез. Русский (*исполнитель разочарованно оглядывается вокруг и разводит руками*): «... [Черт], нормальные же мужики! Только-только компания начала складываться... Короче! (*исполнитель хмурит лоб и произносит строгим деловитым тоном*): Три ящика водки и этих двоих обратно!»

Едет ковбой по прерии. Вдруг – летит навстречу какая-то ... [непонятная субстанция], бац лошади в лоб, и насмерть. Ковбой с земли поднимается, ... [непонятная субстанция] рядом в воздухе висит. Ковбой: «Ты кто?» – «Я великий и всемогущий дух Маниту!» – «А ... [зачем] ты мне лошадь убил?» – «Извини, заезвался. Но за это исполню любое твоё желание». – «Ну оживляй тогда лошадь». – «Не могу, ибо не властен я над жизнью и смертью!» – «Ну ... [бог] с тобой, давай тогда просто домой». – «Это я могу! Пошли!» (*исполнитель поднимает руку ладонью вперед*): «Нет, нет, не так, быстрее!» – «Ну тогда побежали!»

Ползут по пустыне два унитаза. Видят, на горизонте верблюд. Один унитаз другому (*исполнитель оборачивается и говорит нарочито детским голосом*): «Гең, а Гең! А давай вон к тому верблюду приколуемся!» (*исполнитель меняет тембр речи, имитируя манеру Василия Ливанова*): «Отстань, Чебурашка, вчера вон к Хоттабычу уже приколупались».

Собирает алкаш пушнину¹³ в скверике. Смотрит, одна бутылка запечатанная. «... [Черт], – думает, – щас красненького драбализ-ну». Открывает, а оттуда джинн (*исполнитель вытаращивает глаза и проговаривает с бодрой интонацией ведущего «Пионерской зорьки»*): «Благодарю тебя, спаситель мой! За это я исполню

13 «Пушиной» называлась пустая стеклотара, которую можно было сдать в специальный приемный пункт за деньги, причем по-своему неплохие. Так, молочная бутылка с широким горлышком в конце 1970-х стоила в приеме 15 копеек – столько же, сколько литр «восемьдесятых» бензина. Винная бутылка емкостью 0,7 литра – 17 копеек, пивная «чебурашка» – 12. Пушиной пробавлялись отнюдь не только бомжи и нищие студенты. В том же конце 1970-х мой тесть с приятелем, чуть ли не все лето обитавшие на волжских островах, в понедельник с утра объезжали на лодке несколько мест, куда выезжали отдыхать «воскресные» волжане, после чего отправлялись на нефтебазу и возвращались с запасом бензина чуть ли не на неделю вперед.

любое твоё желание!» Алкаш стоит такой и думает: «Ну вот, попрошу я у него ящик водки, выжру – и все. Попрошу сто рублей – опять пропью. Надо что-то менять радикально»: «Хочу вернуть время вспять!» (*исполнитель снова вытаращивает глаза и произносит с прежней интонацией*): «Благодарю тебя, спаситель мой! За это я исполню любое твоё желание!»

Поворот к худшему в пуанте может быть связан с тем, что вместо демонстративной отстраненности персонаж, предположительно способный прозревать ближайшее будущее, проявляет злонамеренную вовлеченность. По этому принципу строится большинство анекдотов из серии про «внутренний голос», в том числе тот, что дал ключевую фразу в названии статьи:

Едет Билл по прерии. И вдруг внутренний голос говорит: «Наклонись вправо!». Он наклоняется вправо и – вжух – мимо пролетает стрела. «Ни хера себе!» – думает Билл. Едет дальше. Внутренний голос: «Нагнись!», Билл нагибается и – (*исполнитель свистит*) – над головой пролетает пуля. «... [Обалдеть]!» – думает Билл. Едет дальше. Внутренний голос: «Встань на стременах и спусти штаны!» Билл встает, спускает штаны, и ему в жопу втыкается стрела. Внутренний голос (*исполнитель вскидывает брови и произносит с философски-констатирующей интонацией*): «Зато джинсы целы».

В провинциальном, а тем более закрытом для иностранцев городе, не имеющем прямого выхода на морские порты и международные авиарейсы, фирменные джинсы можно было купить у фарцовщиков за сумму, сопоставимую с месячной зарплатой квалифицированного работника – а то и дороже (150–250 рублей). Так что финальный поворот сюжета с ковбоем, перекодирующийся в систему привычных советских ценностей, обладал для слушателя дополнительной суггестивной силой.

Вообще серия про «внутренний голос» родилась еще в начале 1960-х. Но в следующем десятилетии практически полностью переселилась в декорации другой, «ковбойской», серии – видимо, в силу того, что сама эстетика вестерна и типаж невозмутимого и немногословного героя как нельзя лучше соответствовали общей для этой группы сюжетов фаталистической интонации. «Ковбойская» серия буквально ворвалась в советскую анекдотическую культуру в середине 1970-х, после того, как по всей стране показали «Золото Маккены» (1969) Джея Ли Томпсона: картину, которая только за три летних месяца 1974 года собрала 63 миллиона зрителей, став одним из самых кассовых фильмов десятилетия. Появившийся почти одновременно с «Маккеной» и довольно часто демонстрировавшийся по телевизору пародийный мультфильм «Ковбои в городе» (1973) Владимира Тарасова внес в становление этой серии свой зна-

чимый вклад, задав архетипическую схему «парной ковбойской клоунады» (анекдоты «про Билла и Джона»), герои которой также время от времени берут на себя провидческие функции:

Едут по прерии Билл и Джон. Неделю едут, две, три. Надоели друг другу до смерти. Вдруг Билл поворачивается и говорит (*исполнитель прищуривает глаза, имитируя «крутую» сценическую манеру Грегори Пека*): «Джонни, а знаешь, что такое круговорот вещей в природе?» – «Нет». – «Ну вот смотри. Предположим, сейчас я вытащу кольт и застрелю тебя. Ты упадешь с лошади, умрешь, потом сгниешь, на этом месте вырастет густая трава, потом придет бизон, сожрет траву и навалит здесь огромную кучу говна». – «И что?» – «Что значит – что? Лет через десять я буду ехать мимо, увижу все это и воскликну (*исполнитель радостно раскрывает глаза и раскидывает руки в стороны*): “Ба! Джонни! Ты же ни капельки не изменился!”»

Впрочем, классические прогностические сюжеты в этой серии по понятной причине тяготеют к неравновесной системе из прогноста и сакрализованного источника информации:

Скачет ковбой по прерии, а за ним толпа индейцев. Внутренний голос: «Сверни налево!». Ковбой бросает коня влево, там расщелина. Индейцы снова нагоняют. Внутренний голос: «Нагнись!». Он нагибается, и над ним пролетает стрела. И тут – оп! – расщелина выводит прямо на край Большого каньона. Внутренний голос: «Прыгай!» (*исполнитель «тормозит» всем корпусом*): «Да тут же...» – «Прыгай, говорю!» (*исполнитель толкает воображаемого партнера*). Летят. Внутренний голос: «Ты летать умеешь?» – «Нет». – «А лошадь?» – «Тоже нет». – «Эх, мы сейчас и ... [упадем]».

Заходит Билл в салун, а там у стойки толпа индейцев. «... [Это конец]», – думает Билл. Внутренний голос (*исполнитель доверительно наклоняется вперед и переходит на шепот*): «Никакой не ... [конец]. Подойди к вождю и дай ему в ухо». Билл со всей дури вождю в ухо – херак! Внутренний голос (*умиротворенно*): «Вот теперь точно ... [конец]».

Стандартная для позднесоветской традиции и рассчитанная на полную контекстуальную включенность аудитории постмодернистская практика столкновения в одном сюжете двух разных анекдотических серий продуктивна и в отношении прогностического анекдота – причем как за счет наложения двух собственно прогностических линий, так и в сочетании с другими сериями (приведенный выше контркультурный анекдот про Цветик-Семицветик так же попадает в эту логику, отсылая слушателя к серии «про Инфернальную Девочку»):

Стоит на берегу Старик Хоттабыч, ловит рыбу. Вдруг – оп! – Золотая Рыбка. Посмотрели они друг на друга и заплакали.

Поймала девочка-дебилка Золотую Рыбку. «Ууууй! Рыыыбка!» Рыбка ей: «Отпусти меня, девочка, исполню я три твоих желания!» Девочка: «Ууууй! Желлааания!» (*исполнитель начинает методично, по кругу, обрывать с воображаемой рыбки плавники*): «Лети-лети лепесток...».

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Приходят чукчи к шаману. «Скажи нам, шаман, теплая будет зима или холодная?». Шаман думает: «Скажу, что теплая, они дров мало соберут, а зима холодная будет. Побьют. А скажу, что холодная, они дров много соберут, а если будет теплая – лишние дрова кому мешают?» «Идите, – говорит, – чукчи, собирать дрова. Холодная будет зима». Сел, трубку курит (*исполнитель начинает беспокойно ерзать*), а самого беспокойство гложет – все-таки как-то нехорошо получилось, непрофессионально. Схожу, думает, на метеостанцию. Там приборы все видят, все слышат, люди ученые – все на свете знают. Взял моржовый клык, пошел. Заходит (*исполнитель изображает осторожный стук в дверь и принимает подобострастную позу*): «Здравствуй, начальник! Я тебе подарку принес!» А там сидит метеоролог, никакой после вчерашнего (*исполнитель прикрывает веки и устало поднимает взгляд на воображаемого собеседника*). Шаман: «А вот скажи, начальник, зима в этом году холодная будет или теплая?» Метеоролог так (*исполнитель зевает, отдергивает воображаемую занавесочку и выглядывает в воображаемое окно*): «О, чукчи дрова собирают. Холодная будет зима»¹⁴.

Резкое изменение прогностических характеристик сначала перестроечной, а потом и позднесоветской реальностях, не оставивших от позднесоветской тотальной предсказуемости бытия камня на камне, вполне ожидаемым образом привело к сдвигам в соответствующем анекдотическом жанре. Привычная сюжетная матрица сохраняет позиции, но жанр становится разнообразнее, инверсируя эту модель или добавляя к ней новые вариации. Так появляется анекдот с гиперосторожным прогнозом:

Привозят в Лондон Робинзона Крузо. Ну, помыли, приодели, выводят к журналистам. Вопросы, шумный успех. И под конец корреспондент самой желтой газеты спрашивает: «Скажите, вот вы двадцать семь лет сидели на этом острове в полном одиночестве. А как вы удовлетворяли естественную мужскую потребность?» (*Исполнитель с видом деревенского дурачка разводит руки в стороны*): «Ну, как... Находишь дерево с подходящим дуплом. Ну и...» – «То есть вы действительно за двадцать семь лет ни разу не трахались с живым человеком?! А Пятница?» – «Ну, я же добрый христианин, мужеложество, оно, это... В общем, я больше по деревьям...» – «Потрясающе! Господа (*исполнитель оборачивается к воображаемой*

14 Анекдотическая серия «про чукчу» стала предметом отдельного рассмотрения в: Михайлин В. *Всесоюзный туземец: чукча в анекдоте и в кино* // Имагология и компаративистика. 2016. № 2(6). С. 146–154.

публике), я предлагаю скинуться мистеру Робинзону на проститутку – при условии, что он позволит нам присутствовать на первом сеансе. Это же сенсационный материал!» Все скидываются, приводят Робинзона в публичный дом, заходят все в комнату, там сидит голая барышня. Робинзон к ней подходит, разглядывает (*исполнитель начинает придирчиво осматривать воображаемую проститутку со всех сторон*), потом ставит раком. Подходит сзади, расстегивает штаны и вдруг – ... (*исполнитель изображает размашистый пинок ногой*). Барышня в крик, публика в крик: «Робинзон, что вы делаете? Зачем?» (*исполнитель возвращается к манере деревенского дурачка и озабоченно произносит*): «Ага, а вдруг там пчелы?»

Становятся возможны сюжеты с поворотом в пуанте к лучшему – если сделать скидку на стандартный для анекдотических персонажей гипертрофированный эгоцентризм:

Идет по улице инженер и думает: «Вот ... [зачем] такая жизнь? Завод того и гляди закроют, зарплату не платили уже год, дачу обнесли, дома бардак...» И вдруг]видит, на дороге лежат 100 долларов. «Ну, – думает, – сука, просто издеваются. Вот куда их сейчас, какую дыру затыкать? В жопу себе засунуть? А, гори все синим пламенем!» Идет в казино, покупает фишку на сто баксов и ставит на тринадцать. Шарик – раз! – и выпадает на тринадцать. Инженер думает: «Ну, и что, ну три с половиной тыщи. Ну, долги отдам, квартиру отремонтирую. А потом опять нищета». И ставит опять на тринадцать. И опять выпадает. ... «[Надо же], – думает, – ну не бывает так». Ставит опять все – и опять выигрывает. Отгружают ему в три мешка четыре с лишним ляма баксов, дают охрану, он доезжает до своей хрущевки, взволакивает мешки на пятый этаж, звонит в дверь – открывает жена, вся в слезах. Он ей с порога: «Маша, все, другая жизнь началась! Все теперь по-новому!» А она смотрит на него и плачет (*исполнитель делает трагическое лицо и пальцами показывает дорожки от слез*). «Мы с тобой ремонт делать не будем! Мы эту квартиру просто бросим ... [к чертям собачим] и уедем отсюда!» А она плачет. «Мы в Лондоне квартиру купим, Маша! “Феррари” купим. Виллу на Багамах!» А она все плачет. «Маш, да что ты плачешь? Что случилось-то?» (*исполнитель поднимает глаза, полные самозабвенной скорби*): «Мама умерла...» (*исполнитель подскакивает на месте и делает экстатический рывок кулаком на себя*): «Поперло!!!!».

Впрочем, случаются и сугубо «прозаические» варианты, где в пуанте радикально занижается ценность самой прогностической ситуации:

Въезжает на светофоре в жопу «Мерсу» «Запорожец». Из «мерина» выходят двое быков, упакованных по самое нехочу, подходят к «запору», там за рулем сидит интеллигентный такой очкарик.

Они ему: «Слышь, ты, олень! Взять с тебя нечего, так что давай ключи от своей говнодавки и ... [иди куда подальше], пока мы не передумали!» – «Мужики, давайте спокойно все обсудим...» (*исполнитель имитирует две узнаваемые манеры речи, на столкновении которых строится вся серия «о братке и интеллигенте»*) – «Что ты гонишь? Что тут обсуждать?» – «За чашечкой кофе...» – «Какого еще, ... [к черту], кофе?» Тут мужик выходит из машины, открывает передний багажник и достает медную лампу. Трет ее, появляется джинн, и мужик ему говорит: «Сделай, пожалуйста, три чашечки кофе». Джинн оборачивается вокруг себя и – опа! – в руке поднос с тремя чашками кофе. Старший браток: «Мужик, ... [вот это да]! Слушай, между нами все ровно. Вот ключи от “мерина”, забирай, твои. Вот капуста, сколько есть – Вован, накинь еще! (*исполнитель обращается через плечо к воображаемому напарнику, потом протягивает воображаемые ключи и деньги*). А лампу нам, лады?» – «Ну, если вы настаиваете...» – «Все путем, братан, давай лампу, езжай с богом». Мужик садится в “мерс” и уезжает. Старшой трет лампу. Появляется джинн. Старшой: «Значит, так. Мне прям щас “бугатти”, полный фарш. Яхту тридцатиметровую на Мальдивах и особняк в Париже, в самом центре. А Вовану...» Джинн перебивает (*исполнитель выставляет руку ладонью вперед и улыбается вежливой улыбкой официанта*): «Не, мужики, не выйдет. Я – только кофе».

В предельных случаях ценность прогноза может отрицаться как таковая – либо с позиции экклезиастической, либо с позиции этакого панковского *no future*:

Сидит на берегу Средиземного моря, под Хайфой, Соломон Давидович и на солнышке греется. Тут накатывает волна – и прямо к ногам вымывает медный кувшин. Соломон Давидович, кряхтя, нагибается вперед, вынимает пробку, и из кувшина с жутким воем вырывается джинн (*исполнитель сперва делает страшное лицо, потом – смиренное и почтительное*): «Я – Керим ибн Юсуф, великий волшебник Магриба. Спасибо тебе, о повелитель мой, что спас меня из этого недостойного узилища, в которое меня три тысячи лет тому назад заточил великий и ужасный Сулейман ибн Дауд, да будет проклято имя его. Повелевай, я исполню любое твоё желание!» Соломон Давидович вздыхает и говорит: «Лезь-ка ты обратно в кувшин». Джинн с воем исчезает (*исполнитель со вздохом имитирует жест запечатывания кувшина, а потом – бросок*): «Вот ведь бедолага, по второму разу нарвался».

Идет по берегу моря заяц-садист. Смотрит, лежит на песке полудохлая Золотая Рыбка. Шевелит губами и шепчет: «Спаси меня, добрый зверь, брось меня в море! Сил у меня уже немного, но одно твоё желание я ещё смогу выполнить...» Заяц её подбирает (*исполнитель имитирует жест, потом, подняв бровь, смотрит на воображаемую рыбу, зашвыривает её подальше в воображаемое море и цедит сквозь зубы*): «А теперь мучайся неделю и сдохни, тварь!»

Как и следовало ожидать, распад СССР ознаменовался – среди прочих тектонических изменений – масштабным переформатированием той системы, которая привычно поставляла советскому человеку (читателю, зрителю, слушателю, участнику коммуникации) удобные для него проективные реальности. Прекрасные режиссеры, будто сговорившись, начали вдруг снимать плохое кино; нежно лелеемые читающей публикой полузапретные гении русской словесности, от которых сразу по наступлении полной свободы слова ждали текстов на уровне Джойса и Пруста, не породили не только нового Золото, но даже и нового Серебряного века. Бывшее советское искусство к новой реальности оказалось катастрофически не готово. И дело не только и не столько в радикальном изменении институтов, сопровождающих и обеспечивающих то, что принято называть художественным творчеством: издательств, театров, киностудий, музеев, книготорговых и кинопрокатных сетей и так далее. Издательский бизнес как раз переживал период бума, видеосалоны и кинотеатры на недостаток посетителей тоже не жаловались. Но изменилось главное – запрос на те языки, на которых советское (во всех своих ипостасях – от правомерно имперских до беззаветно диссидентских) искусство умело говорить со своим зрителем, слушателем и читателем. Исчезли – как-то сами собой – целые жанры, которые еще недавно составляли костяк традиции, вроде того же школьного кино, от которого на полтора десятилетия не осталось и следа. И понятно, что условия игры изменились не только для искусств «высоких», институционализированных, но и для таких завязтых маргиналов, как анекдот. Внешне могло показаться, что он как раз вышел на новый уровень – подборок анекдотов в первой половине 1990-х не печатал только ленивый. Но именно процесс медиализации – среди прочего – анекдот если и не убил, то заставил сдать позиции главного коммуникативного комического жанра.

Медиализация анекдота была одним из симптомов тех самых упомянутых выше тектонических сдвигов во взаимоотношениях между проективными способностями и потребностями рядового гражданина и публичным пространством. И проблема была не в том, что система сигналов, исходящих от последнего, изменилась в идеологической плоскости, – она изменилась качественно. Во-первых, исчезло единое сплошное поле давления – идеологического, стилистического, этического, мировоззренческого, если угодно. Во-вторых, возник совершенно – принципиально – иной уровень насыщенности информационного пространства, и эта его непривычная для бывшего советского человека насыщенность пошатнула прежние схемы взаимодействия между самим человеком и публичностью, между

несколькими людьми по отношению к публичности и так далее. Если в былые советские времена количество значимых сигналов, исходивших от публичного пространства (и облаченных в разного рода тексты, прежде всего художественные), было соизмеримо с объемами индивидуального человеческого внимания, то теперь масштабы изменились. В 1950-е советский человек по несколько раз ходил в кино на один и тот же фильм – и то же самое делали большинство его знакомых. В 1970-е в телевизоре у него были две программы (и три в радиоприемнике – если не слушать «голосов»), художественные фильмы показывали крайне дозированно, по вечерам – тем самым вменяя обывателю их как элемент досуга. С детской аудиторией все было еще интересней: мультфильмы демонстрировались (за редкими исключениями, в виде праздничных дней и каникул) один раз в неделю, по воскресеньям, и программа длилась примерно полчаса, включая в себя, таким образом, три-четыре ленты.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Распад СССР ознаменовался масштабным } переформатированием той системы, которая } привычно поставляла советскому человеку удобные } для него проективные реальности. }

Таким образом, *все* советские люди не только читали в школе одни и те же обязательные литературные тексты, но и затем, на протяжении всей своей жизни, смотрели те же фильмы, что и все их сограждане. Каждый сюжет, каждый удачно найденный образ, каждая броская реплика были всеобщим достоянием, активно обсуждались и неизбежно превращались в элемент кода, прозрачного – и предсказуемого – для всех. Анекдотическая переработка любого такого элемента – вне зависимости от того, обладал человек чувством юмора или нет, одобрял он конкретную модель деконструкции исходного пафоса или нет (анекдоты о концлагерях многим предсказуемо не нравились), – автоматически апеллировала ко всем советским людям как к единому полю. Понятно, что с появлением перенасыщенного и диверсифицированного информационного пространства это его качество ушло безвозвратно – и вызвало если не смерть анекдотического жанра, то его вынужденную отставку с поста главной коммуникативной скрепы.

И если все эти изменения произошли с анекдотом как таковым, то с таким крайне узким и специализированным микрожанром, как анекдот прогностический, они произошли тем более – хотя бы в силу того, что канули в Лету советские режимы

предсказуемости. Советский человек сопротивляется. Он не хочет терять жанр. Он продолжает рассказывать и слушать анекдоты (правда, тем людям, которые родились ближе к рубежу тысячелетий, эти шутки в большинстве своем категорически не интересны, поскольку место главного комического жанра занято стендапом). Он продолжает их придумывать, выстраивая серии вдоль тем и узнаваемых (всеми!) персонажей, которые вызывают раздражение публики: так в 1990-е главным анекдотическим персонажем стал мужчина в красном пиджаке и с золотой цепью на шее, вне зависимости от того, позиционировался он в данном конкретном случае как бандит или как «новый русский» – а в 2010-е это место уверенно занял Путин:

Приходит мужик вечером домой, жарит себе яичницу, достает из холодильника миску с огурцами и бутылку «Путинки». Садится перед телевизором, откупоривает ее – и вдруг оттуда вместо водки появляется джинн. И говорит знакомым голосом (*исполнитель имитирует путинские интонации*): «Спасибо, что выбрали именно этот продукт, именно из этой партии. Вы сделали абсолютно правильный выбор. Теперь у вас есть возможность загадать любое желание – и перед следующими выборами я обязательно пообещаю вам его исполнить».

В России примерно 110 миллионов избирателей. Среди них есть самые разные типы: назовем наиболее известные – опираясь на результаты опроса, проведенного «Левада-центром», всем известным иностранным агентом¹, в конце августа 2021 года. Сейчас, когда уже объявлены результаты выборов, когда озвучены комментарии к ним с разных сторон, может возникнуть вопрос: зачем говорить о намерениях избирателей, какими они были за три с лишним недели до голосования? Ответ в том, что рассмотренные здесь мнения и намерения еще не испытали влияния ни массивной предвыборной агитации, ни разных форм административного давления. Поэтому они хорошо отражают состояние общественного мнения в наименее искаженном виде.

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

Итак, примерно половина электората не исключает, что будет участвовать в выборах. А ее половина в свою очередь заявляет, что обязательно будет голосовать, поскольку стремится тем самым выразить поддержку режиму во главе с президентом Владимиром Путиным. У этих избирателей есть «ядро», имеющее вполне определенный демографический профиль. Среди лиц старше 65 лет три четверти, то есть именно столько, сколько выражали одобрение деятельности Путина, намеревались принять участие в выборах, и среди них был выше всех процент намеревавшихся поддержать ЕР. (И, чем моложе избиратели, тем меньше у них стремления идти на выборы и тем меньше планов голосовать за ЕР.)

«Центр тяжести» путинского электората, средоточие его символической поддержки находится именно в этой возрастной группе, где – в силу исторических причин – слабее навык работы с информацией, ниже доходы и максимальна зависимость от государства как в материальном, так и в информационном отношении. В российской общественной культуре сила связывается с молодостью и мужским полом. Соответственно, группа, в которой сосредоточены более возрастные граждане с преобладанием женщин, живущие на государственные пенсии, оказывается (в том числе в их собственных глазах) полюсом (социальной) слабости. Именно в силу этой слабости представители данной группы держатся за существующий порядок вещей: опыт говорит им, что перемены только ухудшат их положение. И когда гораздо более молодые, чем эти избиратели, здоровые и несопоставимо более богатые политики объявляют, что мы, мол, консерваторы, то они присваивают выстраданную жизненную позицию этих людей и

обращают ее в товар, который надеются продать на политическом рынке.

Но это не единственный грех российских элит. Консервативный дискурс они навязывают остальному обществу: в его духе пишутся школьные учебники и снимаются «исторические» сериалы. По их вине вырастет поколение молодых россиян, у которых будет нечто непоправимо старческое в мозгах и душах. И они, бедняги, будут думать, что это наше родное, национальное. В духе такого консерватизма нынешние элиты ищут нишу для России в мире: это претензия быть Российской империей времен Николая I или Александра III. Только к ней теперь добавлена деталь из молодецкого репертуара – игра в опасного лихача, грозящего то тут то там перейти «красную черту». Дремучий консерватизм – наиболее выгодный контрастный фон для ухарских выходов.

Примерно треть электората – это те, кто в нынешних обстоятельствах думал, что не пойдет или скорее всего не пойдет голосовать. Хорошо тем, кто принадлежит сам себе, как, например, домохозяйки: больше половины из них заявили, что не планируют голосовать, а участвовать собирались менее трети. Многие студенты (примерно 40%) считали, что могут не ходить на выборы без каких-либо последствий для себя. То же – у самозанятых и безработных. Среди рабочих половина сказали, что пойдут, и половина – что не пойдут голосовать. Но если взять сотрудников учреждений, прежде всего государственных, то видно, что власти научились манипулировать их электоральным поведением. За три недели до выборов среди них было больше тех, кто не знал, как им придется поступать, чем тех, кто решил, что не пойдет. А половина уже тогда знала, что пойти придется, но

лишь треть из них намеревались голосовать за ЕР; остальные были готовы отдать свой голос КПрФ и ЛДПР и еще по мелочи остальным.

Интересно получилось с руководящими работниками: 60% заявили о намерении участвовать в выборах, причем за КПрФ будут голосовать чаще, чем за ЕР. Поддержка партии Геннадия Зюганова (в какой-то мере с легкой руки Алексея Навального) в нынешних условиях для многих была формой протестного голосования: похоже, что охваченные нашим опросом руководящие работники нижнего звена хотя бы понарошку играли в выражение непокорности. Москва – город чиновников – тоже собиралась отдать больше голосов коммунистам, чем правящей партии, а ЛДПР обещали даже больше, чем «красным». Это явный признак того, что люди искали альтернативу ЕР, и «умное» ли голосование тут сработало или нет, решать не будем, но нельзя не признать, что Навальный или тот, кто придумал эту стратегию, в очередной раз нашли психологически точный ход для людей, которых почти убедили, что наличная политическая система абсолютно безальтернативна.

В медиа и социальных сетях довольно широко распространялось мнение, что эти выборы разными нитями связаны с президентскими выборами 2024 года и должны стать проверкой поддержки публикой Путина – через отношение к «его» партии. Наш опрос показал, что, действительно, связь между отношением к президенту и электоральным намерением относительно ЕР очень сильная. Что касается отношения к участию в голосовании как таковом, то опрос показал, что если и были надежды или усилия заставить противников Путина не приходить на участки, то этого не получилось. Среди тех, кто не

одобряет деятельность Путина, 36% так или иначе отказывались от участия в голосовании. Но это лишь немногим больше аналогичной доли среди одобряющих деятельность Путина (29%). Принять же участие в выборах среди неодобряющих собирались 46%, не сильно проигрывая активности сторонников Путина (54%).

Но в намерениях за кого голосовать разница кардинальная. Среди одобряющих деятельность Путина голосовать за ЕР намеревались около 30%, а среди неодобряющих – 3%. Среди сторонников Путина по 10% намеревались поддержать не свою «родную» ЕР, а КПрФ и ЛДПР. Это многое говорит об «оппозиционности» этих партий. Но для оппонентов Путина КПрФ – все-таки альтернатива: за нее собиралась голосовать четверть из этой категории избирателей. Еще 12% готовы отдать голоса ЛДПР.

Среди людей моложе 25 лет 42% намеревались не участвовать в выборах, это максимум. Твердое намерение голосовать имели маргинальные 7%, не-твердое – 25%. Поддержать ЕР готовились 12%, это минимум. При этом КПрФ не является для них альтернативой ЕР; скорее эту роль в какой-то мере берет на себя ЛДПР (за нее – 13%).

Несколько слов об отношении избирателей к партии «Яблоко». Быть в оппозиции к Путину и ЕР, как показал наш опрос, ни в коей мере не значит быть сторонником «Яблока». Эта оппозиция во многом – левая. В группе неодобряющих за него отдали бы голоса не более 3%. К тому же «Яблоко» растеряло репутацию партии российской интеллигенции. Возможно, дело в том, что интеллигенции как социальной категории уже нет, как говорят некоторые исследователи, но во всяком случае среди людей с высшим образованием за «Яблоко» го-

тов проголосовать 1%. Некоторый интерес к ней сохранили скорее служащие и домохозяйки (4%). У «Яблока» остались локальные опоры – рассказывают про Карелию и Санкт-Петербург. Наш опрос показал, что в Москве за «Яблоко» собирались проголосовать 8%.

Успех КПРФ есть отчасти выражение неуспеха ЕР, но также это говорит о том, что народной идеологией сейчас является тоска по социальному государству,

образцом которого для большинства служит СССР – не реальный, а мифологизированный. Превратить нынешнюю Россию в такое государство вряд ли кто возьмется, в том числе и КПРФ, если она когда-нибудь вдруг придет к власти. Этой тоске надо трансформироваться в новую мечту, за которую будет смысл бороться. Создать эту мечту – задача тех, кто у нас теперь вместо интеллигенции.

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – редактор, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

Обзор российских интеллектуальных журналов

Продолжающаяся – несмотря на все направленные против нее усилия и меры – пандемия заново подсвечивает слабые места коллективных представлений о мире и времени, а усугубляющиеся во многих сферах кризисы ставят вопрос о том, что придет после неминуемого демонтажа или мутации нынешних порядков. На этом фоне интеллектуальные журналы логично обращаются к разнообразным критическим дискурсам, которые способны помочь сориентироваться среди перестающих работать структур и выбивающих из колеи событий. В центре внимания сразу двух изданий оказалась критика эссенциализации и натурализации исторических категорий. Если в «Логосе» обсуждается ситуационная сконструированность границы между прошлым и будущим и отказ от самотождественности

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

305

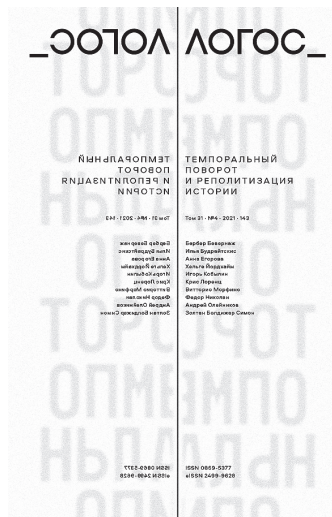
настоящего в пользу темпоральной множественности, то авторы «Ab Imperio» исследуют историю и контексты управления разнообразием при помощи расоизации как эссенциализации антропологических различий. «Художественный журнал» стремится преодолеть инерцию истории и поразмышлять о возможном и желаемом будущем художественных институций, а Stasis продолжает поиски обновленного понимания природы эпохи антропоцена и спекуляций, оставив позади сциентистские и обыденные концепции природы.

ВСЕ НАСТОЯЩЕ РАСТВОРАЕТСЯ: ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИОГРАФИИ

«Логос» (2021. № 4) обращается к современным теориям истории. В начале XXI века в них произошел *темпоральный поворот*, вставший в один ряд с предшествующими поворотами в гуманитарном мышлении – лингвистическим, практическим, пространственным. Этот поворот предполагает изучение самого исторического времени и его устройства в дополнение к традиционному исследованию того, что существует во времени. В частности, рефлексии подвергается различие между прошлым и настоящим и их генеалогия, множественность или многослойность времени настоящего и его разнонаправленность (с. 7–8). Словом, речь о переосмыслении настоящего:

«Настоящее, которое объясняет нынешнюю привязанность к прошлому и неуверенность в будущем. Настоящее, которое настолько асинхронно и не равно самому себе, что может расслаиваться на множество несовременных друг другу темпоральных порядков. Настоящее, которое почти не имеет длительности, но зато чревато катастрофичностью, разрывающей человеческую жизнь на времена “до” и “после”. Именно такое неустойчивое, контингентное настоящее, создающее непредвиден-

ные риски и открывающее невиданные возможности, осознается сегодня как подлинный источник исторических перемен, которые все труднее представлять в терминах поступательного и целенаправленного движения. Оно побуждает продумать для него какой-то новый “режим историчности”» (с. 1).

Поэтому в центре внимания участников номера находится судьба историзма и его центрального тезиса о *несовместимости* настоящего и прошлого. Из этого внимания к настоящему и его неоднородности вытекает одна из важных ставок новых теорий: смещение акцента с методологического и эпистемологического аспектов на политический и этический. История должна вмешиваться в общественные дискуссии и политическую борьбу, так как историк не является пассивным регистратором событий прошлого – историческое познание производит свой предмет. В этой «реполитизации», по выражению Мишеля де Серто, и состоит главный смысл обсуждаемого сдвига (с. 10–11). Подробнее об этой идее и ее ипостасях читатель узнает из статьи Андрея Олейникова – редактора-составителя номера.

Первый модус реполитизации – *презентизм*, то есть проблема неопределен-

ности границ между прошлым и настоящим. Негативный взгляд видит в нем кризис чувства истории: зависимость историка от настоящего и неспособность увидеть в прошлом «другой мир». Позитивный взгляд, напротив, видит в презентизме возможность обратить внимание на механизмы синхронизации разнородных темпоральностей, которые создают впечатление о самоотжественности настоящего и утверждают его превосходство над прошлым. Это позволяет релятивизировать условия различия прошлого и настоящего, то есть денатурализовать эту границу как их несовместимость, показать ее сконструированность.

Такую позицию в дискуссии занимает, например, Крис Лоренц. Критикуя концепцию презентизма Франсуа Артога за противоречивость (внутри нее два презентизма: как период и как аналитическая категория, плюрализирующая понятие времени), он предлагает компенсировать ее недостатки идеей *хроноференции*, предложенной Ахимом Ландвером. Необходимо окончательно отказаться от линейного и прогрессистского *модерного* понимания истории как последовательности периодов и мыслить границу между настоящим и прошлым как *ситуационную*, но не онтологическую, а свойства времени – аналогичными свойствам пространства.

«Это означает, что можно говорить лишь о прошлых и будущих, которые существуют относительно настоящего и являются его конструктами. [...] Поэтому невозможно однозначно расположить людей, события и процессы в одном “слое времени”. [...] И Иисус, и Элвис, и Гитлер, как правило, хронологически размещены в прошлом, но, коль скоро живущие люди каким-то образом отсылают к ним, они должны быть одновременно размещены в настоящем и будущем. Тот же аргумент действителен и для надындивидуальных процессов, таких как “глобализация”, “глобальное потепление”, “загрязнение окружающей среды”

и “долговой кризис”: они одновременно отсылают к связанным феноменам прошлого, настоящего и будущего. [...] Прошлое нельзя больше понимать как онтологический объект, который модернистские историки реконструируют, находясь на закрепленной позиции наблюдателя, потому что различия прошлого-настоящего-будущего создаются по-разному в разных “темпоральных ландшафтах»» (с. 56–57).

Эта фундаментальная мультитемпоральность исторических феноменов осмысливается и другими авторами номера. Так, Бербер Бевенарж акцентирует внимание на несамотождественности настоящего и необходимости понимать его в *проективном*, а не в субстанциональном ключе. Он отталкивается от анализа «прошедшего прошлого» и показывает, что ее следует понимать как реляционное понятие, зависящее от восприятия настоящего. Последнее же проблематично и не является продуктом простого эмпирического наблюдения (с. 75).

В свою очередь Хельге Йордхайм развивает идею множественной темпоральности, опираясь на интуиции Райнхарта Козеллека и Кшиштофа Помяна. Это позволяет ему снять жесткое разграничение социального и природного времени за счет введения пространства темпоральных шкал:

«На сцену возвращаются и другие хронологии – био-, гео- и космохронологии, способные подчинить человека масштабам, ритмам и длительностям природы. Не той природы, что существует сама по себе, но той, что конструировалась на протяжении последних трехсот лет учеными и исследователями» (с. 114).

Одной из проблем множественности времени, укорененной в множественности человеческих сообществ, является урегулирование конфликтов темпоральностей. Оно возможно либо путем признания радикальных разрывов во времени, либо через насильственную синхронизацию разнородных темпоральных практик (с. 121).

Последнему варианту посвящена статья Федора Николаи. Он показывает распад границы между прошлым и настоящим, а также несовременность настоящего самому себе на материале работ Мэри Калдор, посвященных явлению «новой войны», а также локальных конфликтов с участием России и западных стран. В них происходит размывание границы между военным и мирным временем, между обыденным и экстраординарным насилием.

Второй модус реполитизации истории – *радикальный историзм*. Опорную версию этой концепции предложил Марк Бевер. В его концепции для радикального историзма характерно представление истории как ряда *контингентных* и *случайных* присвоений, модификаций и преобразований старого в новое. Вместо сверхисторических принципов – конфликты новых вызовов со старыми ценностями, которые ставят под сомнение их устоявшиеся интерпретации, а вместо *натурализации* исторический действительности – представление об историографии как об особом нарративе, взамен государства как квазиорганической сущности – тезис о государстве как исторически случайном, неустойчивом и дисперсном образовании.

«Достоинство такой концепции радикального историзма состоит в том, что она поощряет конструктивистский подход к осмыслению прошлого и создает почву для номиналистической онтологии истории, максимально свободной как от догматических предпосылок, так и от авторитета “неоспоримых фактов”. Контингентность исторических событий делается здесь непременным условием их познаваемости. При этом познаваемость отождествляется с их денатурализацией, достигаемой посредством критических высказываний, обнаруживающих их случайную природу» (с. 16–17).

В отношении настоящего задача такого историзма не легитимировать его, а напро-

тив – выявить в нем возможность другого настоящего, другого мышления, поведения, существования. Фуко называл это *работой свободы*, напоминает Олейников.

Ряд авторов номера, работая в разных контекстах, предлагают свои варианты радикального историзма. Например, Олейников развивает версию Бевира, делая акцент на темпоральной сложности.

«Представляется справедливым признавать за радикальный историзм такой темпоральный режим, который порывает с идеей онтологической несовместимости прошлого и настоящего и позволяет говорить о со-присутствии множества разновременных явлений в составе одного социально-исторического опыта» (с. 19).

Витторио Морфино обнаруживает в трудах Маркса, Грамши, Альтюссера и Блоха «подводное течение множественной темпоральности», подрывающее магистральную для них стадильную модель истории. Это позволяет установить связь между марксистской традицией и радикальным историзмом вкуче с идеей темпоральной множественности и переосмыслить эту традицию.

«Усилие, которое нужно предпринять, развивая традицию множественной темпоральности, состоит в том, чтобы помыслить саму непрерывность (основу стадильной и прогрессистской истории) в ее сложности и контингентности. Это значит помыслить непрерывность не как универсальную меру частного, но как одно частное среди других, где каждое время из специфического переплетения времен должно мыслиться внутри пространства эмансипаторного политического действия» (с. 166).

Но означает ли отказ эмансипаторной политики от линейной концепции истории и ее субъекта отказ от понятия *класса*? Во-все нет, однако необходим его пересмотр. Двигаясь параллельно Морфино, Анна Его-

рова переосмысляет понятие класса исходя из мультитемпоральности истории.

«Классовая борьба не является единственным конфликтным отношением, характерным для реально существующего капитализма. Расизм, национализм и гендерное неравенство, невыводимые из абстрактного описания производства, вместе с тем оказываются неотъемлемой частью исторически сложившейся социально-экономической системы» (с. 188–189).

Неизменным остается анатогонизм, теперь помноженный на разнообразие ситуаций угнетения; класс же становится скорее ситуационным образованием, привязанным к локальным точкам роста.

Интересно, что в европейской философии XX века критика и кризис проблематики субъекта и его аватар сопровождалась обращением к событию как способу переосмыслить время и даже отказаться от него. Однако если в философии это понятие стало одним из центральных, то в современных теориях, пересматривающих структуру времени, оно не выходит на первый план как фундирующее, однако подразумевается в трактовке времени как реляционного, а не геометрического явления. Это берется исправить Золтан Болдижар Симон. Он размышляет о трансформации исторического времени под влиянием техногенных катастроф и рисков и объявляет о наступлении событийной темпоральности.

ВСЕ РАЗНООБРАЗНОЕ ТОЖЕ РАСТВОРАЕТСЯ: НОРМА И ИСТОРИЯ

«*Ab Imperio*» посвятил 2021 год теме историзации разнообразия. Как отмечается в редакционном предисловии, «большая часть истории человечества прошла под знаком разнообразия». Даже если последнее не имело отдельного обозначения, оно осмыслялось и проблематизировалось, а когда специальное слово появилось (пред-

положительно в XIV веке), «его семантика широко варьировалась в зависимости от исторического контекста, в целом эволюционируя от подозрительного отношения в раннее Новое время к современному энтузиазму» (с. 18). Без обстоятельной исторической контекстуализации это понятие может иметь противоположные смыслы, поэтому годовой темой и была выбрана историзация разнообразия. Можно предположить, что горизонт этого интереса задается вопросом о том, *возможно ли недискриминирующее управление разнообразием*.

По мнению редакторов, есть четыре идеальных типа решения проблемы разнообразия: отсутствие проблематизации, разнообразие как нежелательное препятствие, социальная аномия, подвешивающая любую систему группности и позитивный подход к разнообразию (с. 18). Каждому из них будет посвящен отдельный номер, и тема первого (2021. № 1) – «Норма: разнообразие как привычный порядок вещей и жизненный опыт».

Одним из наиболее проблемных способов осмысления разнообразия является понятие расы. Оно вовсе не исчезло с развитием генетики, но, напротив, получило на основе научных выкладок существенное переопределение. Более того, допущение об устаревании и несовременности этого понятия, разделяемое многими исследователями, способствует под покровом этой не критичности его скрытому возвращению в теории культурного, социального и политического неравенства (с. 30). Обсуждение соответствующих вопросов читатель найдет в первой части номера, материалы которой приурочены к грядущему выходу шеститомной «Культурной истории расы» под редакцией Мариуса Турды. Здесь публикуется краткое введение Турды, представляющее контекст и особенности этого проекта, а также его беседа с Мариной Могильнер, выступившей редактором одного из томов.

Они обсуждают содержание публикации, подходы и методологические трудности работы авторов. В частности, много говорится о том, как понятие расы формировало и формирует саму исследовательскую оптику. Так, одной из острых проблем было постоянное усилие по преодолению европоцентризма и проекций европейского понимания расы на изучаемый материал. Другими словами, как «удостовериться, что то, о чем идет речь в конкретном случае, действительно является индигенной версией этого понятия, а не чем-то другим» (с. 44–45)?

Будучи культурным осмыслением соматических различий, оно менялось вместе с культурой – это распространенное мнение среди современных исследователей. При такой изменчивости относительно универсальным оказывается сам культурный механизм расоизации как *эссенциализации различий* (с. 42). В таком случае, подчеркивают Могильнер и Турда, вопрос в том, что именно подвергается такой эссенциализации.

Неоднозначность исторического бытования понятия расы иллюстрирует статья Марианны Смирновой-Сеславинской об интеграции цыган в Российской империи. Вопреки расхожему представлению о цыганах как об одной из самых расоизируемых групп и объекте расистских дискурсивных проекций при концептуализации инаковости цыган в данном случае не использовались существовавшие такие расовые концепции, как «инородцы». Это было обусловлено настойчивыми попытками имперской власти начиная с 1760-х превратить рома в оседлое население, чтобы контролировать его и взимать с него налоги (с. 53). По мнению автора, отказ в легальном статусе кочевника, то есть «инородца», отчасти объясняет, почему в Российской империи цыгане не подвергались систематической расовой дискриминации.

Коренные народы Севера, напротив, использовали этот статус, чтобы избежать по-

литической и экономической мобилизации, но тем самым подчеркивали свою расовую инаковость. Как показывает Игорь Стась, советские власти на первых порах под влиянием этнографов (только они обладали серьезным знанием местных народов, языков и культур) поддерживали и развивали эту политику. Этнографы, а вслед за ними и Комитет Севера, считали идеальной моделью «империи позитивной дискриминации», предполагавшую создание изолированных территорий для сохранения уникальных комплексов природы и культуры (народы Севера эссенциалистски рассматривались как неотделимая часть северной природы) (с. 100). Подразумевалась их «промысловая колонизация» (с. 97), то есть народы становились поставщиками сырья для заводов.

Однако этой «благожелательной» расоизации помешала индустриализация, которая сопровождалась культурной интервенцией и экономической эксплуатацией местных народов. Эти процессы, по мнению Госплана, требовали их социального и культурного «выравнивания» ради включения в промышленность. Если поначалу это оформлялось как «компромисс между этнографическим эволюционизмом и классовым конструктивизмом» (с. 95), то в 1930-е власти перешли к концепции развития «туземного пролетариата» (с. 105, 110). Этнографический подход сменился технократическим. Стась реконструирует эту трансформацию «инородцев» в «коренных пролетариев». Она проходила под знаком нормализации (с. 124) и – на словах – вписывания в семью социалистических наций, однако фактически эти народы оставались слабо включенными в советскую промышленную культуру: властям, по мнению автора, не удалось справиться с этническим и социальным разнообразием Севера (с. 127).

Впрочем, этот декларативный конструктивизм не означает, что политика советской власти исключала дискриминацию или расизм – в статье Марии Кротовой разбира-

ется своего рода наследование расовой дискриминации. Когда в 1924 году в Маньчжурию на КВЖД прибыли советские технические специалисты и руководители, они переняли у своих предшественников пренебрежительное отношение к китайским сотрудникам и населению в целом. Впрочем, эта преемственность была отягощена искажениями, обусловленными неоднородностью китайской стороны (местная элита, коммунисты, собственно население), экономическими интересами советского временного персонала и переменами, произошедшими с местным населением вследствие колонизации. Поэтому язык расы по-разному использовался царскими специалистами и советскими «временщиками».

ИНСТИТУЦИИ, ОТЧУЖДЕННЫЕ И ЖЕЛАННЫЕ

В последнее время отечественные журналы обратились к переосмыслению роли и природы институтов. В прошлом году это был «Логос» (2020. № 6) об институтах в философии, в этом году – «Художественный журнал» (2021. № 117) с темой «Институты: продолженное будущее» занялся художественными институтами.

Одни авторы номера занимаются утопическим институциональным проектированием, другие – скорее критической диагностикой текущих условий и структурных особенностей среды, в которых появятся будущие институты. Однако объединяющей для многих из них темой стал факт *прекаризации* труда, который предположительно окажет определяющее влияние на форму будущих институций – как желаемых, так и тех, которых стоит страшиться.

Начать чтение стоит с беседы Ильи Бударайтскиса и Станислава Шурипы, а также статьи Александра Бикбова. В первой намечаются некоторые базовые оппозиции, полезные для понимания дальнейшего

обсуждения (например: институция – это сдерживающая индивидов инстанция на месте общества или же продукт общества); текст же Бикбова на материале истории США, Франции и СССР задает генеалогический контекст современных тенденций в функционировании культурных институций. Их исток – Вторая мировая война, ставшая триггером обновления институциональной сферы на новых основаниях (с. 21). Она обрушила прежние структуры и порядки, освободила пространство для эксперимента:

«Ускорение и производительность становятся капитальными целями и плановых научных реформ 1950-х, и архаизирующего поворота к артистической дерегуляции труда в 1990-е» (с. 20).

Итак, два важных процесса задают генеалогию институционального настоящего. Во-первых, шедший параллельно по обе стороны «железного занавеса» сдвиг к «эффективной культуре» и культуре эффективности в контексте экономической и технологической войны. Правительства начинают видеть в культуре – в частности, в науке как ее образцовой модели – условие экономического роста и оптимизации коллективного экономического поведения

(с. 15). В возникших в 1950–1960-е институциях сочетались оптимизм гуманистической понятного прогресса, дополненный задачей технократии и экономического роста, и этическое требование *автономии* культурных (научных) институций (с. 22–23). Последнее обусловило нынешнюю романтизацию этих институциональных форм.

Во-вторых, это институциональные эксперименты правительств неолиберальных реформаторов, развернувшиеся в 1990-е и перекроившие фундамент культурной сферы, заложенный в послевоенное время. Их ориентирами были гибкость, скорость и эффективность, а ключевыми инструментами – программируемый риск увольнения, система надбавок и в целом прекарнизация труда. Это перекраивание затронуло и искусство, и науку: в одном – засилье временных проектов и арт-резиденций, в другом – требование мгновенной рентабельности и длительная прекарность. Изменилась институционально культивируемая длительность: нормой стали одно-двухлетние циклы, что подорвало претензии работников и самих культурных полей на автономию. Господствующей моделью культуры становится искусство, а универсализация артистической прекарности предлагается реформаторами в качестве «главного способа исправить неэффективную человеческую природу» (с. 20).

Что касается культурных институций будущего, то возможной точкой роста для них Бикбов считает «консенсуальное понимание (и зачастую опыт) прекарности» (с. 24):

«Если революционное решение прекарности не опередит реформистское, то реформы, основанные на этом разрыве через 20 лет, имеют шанс оказаться патерналистскими, если не националистическими. То есть в России обновление институциональных моделей “сверху” может пройти по линии спасения “особой” местной культуры от ужасов глобального капитализма» (с. 25).

Одним из способов избежать этого, по Бикбову, является соединение критики прекарности с коллективной рефлексией политической уязвимости в российских условиях авторитарных соблазнов.

Бояна Кунст разделяет внимание Бикбова к критике прекарности как точке роста институций будущего, однако иначе понимает принцип этого роста. Общая прекарнизация управления превращает последнее в «процесс управления посредством непрерывной прекарнизации [...] через производство страха незащищенности» (с. 10). Проблема в том, что в этом страхе и под давлением непрерывного оценивания существуют и сами художественные институции, вынужденные все время защищаться, инициировать все новые проекты и эксперименты, доказывать свою прогрессивность (с. 11). Поэтому в сердцевине каждой из них находится «туманная субстанция воображения», «расплывчатая, образная, мечтательная» (с. 7). Они должны мыслить себя темпорально, как незавершающийся проект, в котором есть место работе воображения.

«Институцию следует воспринимать не как достижение, а как сложную ритмическую петлю между действиями как если бы и воображением того, чего еще нет» (с. 13).

Кунст предлагает творчески препятствовать закрытию институций, однако призыв свой формулирует почти на том же неолиберальном языке творчества, свободы, изобретательности и гибкости, которым оформляется производящая прекарность управление (с. 12). Ключевое отличие – требования открытости настоящего, инфраструктурной заботы и поддержки – едва ли что-то меняет, поскольку не выводит на выяснение границ изменения материальных условий возможности институтов. Действенные институциональные реформы не вызываются одной только «туманной субстанцией воображения» вкупе с заботой – как если бы институциональное

проектирование было пространством безусловного воплощения желания, а не насыщенной средой со множеством правил и ограничений.

Многие из участников дискуссии предлагают те или иные модели *желаемых* будущих институций, и, как правило, речь идет о малых институциях. Один из тезисов Будрайтскиса отчасти поясняет этот интерес к ним. Институциям большим, обремененным материальной инфраструктурой, взаимодействием с государством, публикой, бизнесом, миссией репрезентации современного искусства в целом, он противопоставляет малые:

«У такой институции, не связанной обязательствами по отношению к настоящему, [...] возникает возможность участия в общественной дискуссии и жизни именно с точки зрения привнесения того, что в ней отсутствует, того, что из нее самой не рождается, но что соответствует ее будущему» (с. 102).

Представленные проекты будущих институций схожи друг с другом. Например, идеям Кунст близка Наташа Петрешин-Башлез, которая вслед за Изабель Стенгерс предлагает *замедлить* научные и художественные институции в рамках противодействия капиталистическому присвоению (с. 82):

«[Это предполагает] радикальное открытие наших институциональных границ и демонстрации того, как они работают (или не работают), чтобы сделать наши организационные структуры “прощупываемыми”, слышимыми, восприимчивыми, мягкими, пористыми и, самое главное, деколонизированными и антипатриархальными» (с. 75).

Свои версии проектов предлагают группа авторов PPP и Маргарита Кулева. Каждый из участников PPP, представляя тот или иной регион, предлагает набросок желаемого будущего локальных художественных институций – в результате получается галерея будущих форм. Кулева в свою очередь приводит результаты этнографического исследования культурных институций в Москве и Санкт-Петербурге, в центре которого «неформализация» трудовых отношений (с. 89). Опираясь на полученные результаты, она предлагает проект институций (не)будущего как переходных открытых сред, в которых все являются исследователями, а работники пользуются значительной творческой свободой.

Во многих из этих проектов вызывает смущение то же свойство, что и в проекте Кунст: некоторые из их ключевых черт повторяют навязываемые неолиберальным управлением формы: ситуативность (читай проектность), открытость, пересобираемость, гибкость, мобильность, сетевой характер, нейтральность, выключенность из структурных противостояний, ориентация на преобразование отношений между людьми. Эта по меньшей мере поверхностная схожесть желанных форм будущего с неолиберальными принципами настоящего может быть не случайна. Розалинд Краусс напоминает, что, создавая утопическую альтернативу или компенсацию настоящему, отягощенному коммодификацией и индустриализацией искусства, мы создаем образ воображаемого пространства, которое неизбежно сформировано структурными особенностями этого настоящего (с. 42).

Возможный способ избежать такого воспроизведения неолиберальных форм – обратиться к идеям прошлого. Дэвид Грэбер и Ника Дубровская замечают, что многие современные художественные институции и их проекты, противостоящие художественному и государственному истеблишменту, по-разному повторяют то, что уже Александр Богданов начал реализовывать в Пролеткульте в 1917–1920 годах (с. 123–125). В частности, для сети советских домов культуры и местных музеев, сохранившихся и спустя сто лет, были характерны де-

313

централизация и локализация, демократизация искусства и его переориентация на конкретные нужды людей, существование за пределами логик признания и влияния. Возможно, переосмысление опыта Пролеткульта могло бы помочь построить институции на основаниях, отличающихся от форм настоящего. Однако для этого требуется рефлексия материальных условий возможности.

Розалинд Краусс гораздо более конкретна (и безжалостна) в своем видении будущего художественных институций и предвидит их дальнейшее погружение в рыночные отношения и формы. Из ряда наблюдаемых тенденций и событий она собирает образ *индустриализированного* музея, который с большой вероятностью является конечным пунктом их нынешнего развития. Коллекции и предметы искусства превратятся в «ресурсы» и будут включены в цепочки продаж, залогов и кредитования, эффективность и прибыль окончательно станут определяющими принципами, ради роста продаж будут наращиваться музейные (читай – торговые) площади и коллекции, частыми станут слияния и поглощения музеев.

«Такой индустриализованный музей будет иметь гораздо больше общего с предприятиями индустриализованного досуга – Диснейлендом, например, – а не со старым, доиндустриальным музеем. Таким образом, он начнет взаимодействовать с массовыми рынками, а не с рынками искусства, а также с симулякрным опытом, а не с эстетической непосредственностью» (с. 45).

До боли знакомо? Еще бы. Эта статья написана Краусс в 1990 году, о чем в публикации перевода почему-то не упомянуто, как это обычно делается (даже статус классического, «известного всем», текста не оправдывал бы этого умолчания). Вероятно, на фоне других материалов номера этот текст мог бы подчеркнуть нынешний

провал мышления о будущем: за тридцать лет мы потеряли способность содержательно говорить о нем и можем разве что искать возможные точки роста и контуры желанного. А невольная уловка осовременивания текста лишь подчеркивает: само собой сбывается худшее, а желанное требует для своего исполнения работы.

Предлагаемое Краусс видение пессимистично, так как в нем крайне мал зазор для свободы институции в условиях ее детерминированности. Такому зазору посвящена статья Бориса Гройса. Он предлагает переосмыслить художественные институции в горизонте исторического процесса. Музеи – одни из немногих инстанций, разделяющих взгляд «Angelus Novus» Вальтера Беньямина, которому открываются экстерналии прогресса и истории: их отброшенные и уничтоженные достижения, утраты и разрушения.

«Музейный белый куб – контейнер, наполненный пустотой. Эта пустота может во-брать в себя все возможные объекты, утратившие свой мир и ставшие лишь безмирными вещами, – весь мусор, все остатки исчезнувших цивилизаций» (с. 55).

Музейная система – особенно после ухода линейности из экспозиций и смены художественных стилей – демонстрирует это ничто, пустоту посреди цивилизации, ориентирующейся на достижение практических, материальных целей (что переключается с тезисом Будрайтскиса о малых институциях).

Однако если вернуться от ангелов к смертным, то вопрос о трансформациях художественных институтов тесно связан с базовым противоречием между материальными условиями художественного развития и идеологией искусства. Андреа Фрейзер, продолжая линию Краусс в этой дискуссии, обращается к противоречию между зависимостью мира современного искусства от *финансовой* сферы и распрост-

раненными в нем критико-политическими дискурсами борьбы за социальную справедливость. Все больше художников, критиков и кураторов включаются в борьбу за социальную справедливость, причем часто в рамках организаций, финансируемых корпоративными спонсорами и частным капиталом, которые способствуют росту социальной несправедливости.

Это противоречие вписано в самую проблематичную, по мнению Фрейзер, институцию – *художественный дискурс*. Он остается главным барьером между «жизнью» и «искусством», отделяя эстетические и эпистемические формы от экономико-социальных: притязания на критику сочетаются с пренебрежением к реальности условий художественного процесса (с. 63–65). Он будто говорит о мире, чтобы не говорить о нем: вслед за Бурдье Фрейзер считает, что художественному дискурсу присуще психоаналитическое *отрицание* социального и его детерминаций, экономической необходимости (с. 65). Оно действует примитивно:

«Основным объектом этой защиты могут быть конфликты, связанные с экономическими условиями существования искусства, и наш вклад в экономическое господство и распространение нищеты – того, что олицетворяет огромные богатства, репрезентацией которых мир искусства по сути является» (с. 67).

В результате художественный дискурс колеблется между цинизмом и критической позицией, между элитизмом и популизмом, между эстетизмом и утопизмом.

Выход из этой ситуации, по Фрейзер, связан не с тем, что делается в искусстве, а с тем, что *говорится* о том, что делается. Нужна практически психоаналитическая работа с этим отрицанием (не осуждать его, а работать с силами подавления) внутри художественного дискурса, а вовсе не очевидное, но трансформативное художест-

венное новшество. В гегелевском духе Фрейзер заключает:

«Хотя трансформация художественного дискурса, конечно, не разрешила бы ни одного из заметных конфликтов в общественной жизни или даже внутри нас самих, она могла бы по крайней мере позволить нам выстроить с ними более честное и эффективное взаимодействие» (с. 72).

Дискуссия в «Художественном журнале» едва ли обнадеживает: туманно не только будущее институций, но даже основания желаний, инвестируемого в его обсуждение. Однако есть и один или два упущенных момента. Почти все авторы понимают институцию как то, что собирает в себе и упорядочивает усилия индивидов, существуя по какой-то своей автономной логике. Но не обсуждается содержательная связь между самим искусством и формой институций: кто-то, как Фрейзер, прямо говорит, что будущее институций не зависит от художественных новшеств. Но одновременно форма большинства обсуждаемых институций эксплицитно как будто не зависит от общества, не является его продуктом (Краусс не в счет). Это второе, по Будрайтскому, понимание институции, и оно остается за кадром. Возможно, ориентация на него даст дополнительный импульс поискам и проектированию форм будущих институций.

В ПОИСКАХ ПРИРОДЫ

В новом номере «*Stasis*» (2021. № 1) продолжает исследовать проблематику на пересечении природы, политики и науки. На этот раз теоретические разработки сочетаются с концептуально насыщенным анализом кейсов. Последние особенно интересны.

Например, Аманда Боэтцес обращается к популярной парадигме некрополитики,

чтобы размышлять о распространившейся в период пандемии COVID-19 визуализации забоя скота. Ее внимание привлекла нечувствительность публики к жестокости этого образа и самого явления. Здесь, по ее мнению, работает экономическая логика, посредством которой человечество обеспечивает себе статус высшего суверенного вида (с. 21–22). В таком случае экономия образа делает зрителя нечувствительным к его жестокости: произвольность «банального насилия» представляется необходимой (с. 27). Опираясь на экологические исследования разрушения лесных экосистем, Бозтцкес обнаруживает за этим образом экономику планетарной растраты, триггером которой является капитал.

Планетарный масштаб – неизбежный атрибут обсуждения экологических проблем, ведь они почти никогда не изолированы в одном месте. Джефф Диаманти обращает внимание, что изменение климата является процессом терраформирования в реальном времени и без очевидного субъекта. Последнее обстоятельство вкупе с важными для экологических дискурсов понятиями – петли обратной связи и точки невозврата (*tipping point*), переосмысленными с помощью философии Гегеля, – позволяют автору заявлять о возможном возвращении *философии стихий* (с. 35).

Еще один кейс – занимательный синтез истории науки и экономики. Ольга Кириллова продолжает начатую Диаманти разработку оптики стихий и обращается к «культурной экономике огня» – в частности, химическому понятию *флогистона*, которое в XVIII–XIX веках было частью ее нарратива, – и теориям горения. Дело в том, что химия того периода была «камералистской» наукой на службе металлургии (с. 62) и встраивалась в процессы антропоцена. «Флогистон и капитализм диалектически взаимосвязаны» (с. 74).

Теории горения в естественной науке на каждом этапе культурно-общественного

развития взаимосвязаны с соответствующими «пирополитиками» – политиками огня, организующими и нивелирующими геополитическое пространство, а также с экономическими моделями. Это позволяет выделить специфические аспекты «экономики огня» в каждой культуре, и флогистон продолжает играть в эволюции культуры важную роль инструментального аналитического понятия даже после его опровержения в химической теории (с. 56). Кириллова разбирает перипетии превращения его смысла и функций вплоть до «цифрового флогистона» (с. 83). Особенно в этой истории интересна судьба флогистона после того, как он перестал быть рабочим объектом науки и стал метафорой в экономических размышлениях (например у Маркса и Энгельса: с. 69–71) и даже был отождествлен с прибавочной стоимостью (с. 72, 79). Кроме того, Кириллова связывает с флогистикой особые надежды:

«Условная “новая флогистика” в геофилософии могла бы возникнуть из представления о флогистоне как “огненной материи” – согласно Бехеру и некоторым другим флогистикам (в противовес другим представлениям о флогистоне как о лишенной веса абстракции) – и позволить движение в сторону “пирополитического материализма” с учетом новых теорий горения (окисление, дефлаграция, детонация и др.), коль скоро пирополитике суждено отменить геополитику» (с. 84).

Также в номере есть большой блок материалов, авторы которых разрабатывают постантропоцентрические философии природы. Так, Нильс Вильде Лангбалле развивает версию объектно-ориентированной философии природы, реинтерпретируя датского поэта-романтика Ингера Кристенсена. Язык и реальность предстают не как стороны означивания, то есть отношения между человеком и миром, а как аспекты природы. Новые сущности, силы и события на онтологической плоскости оказываются

продуктами становления, двигателем которого является «состояние тайны» (с. 93).

Стоит отметить, что одна из «родовых» проблем онтологий с нечеловеческим участием – непроясненные отношения с политическим мышлением. Дмитрий Лебедев разбирает ее на материале политической онтологии Уильяма Коннолли. В свою очередь Бронислав Сзержинский предпринимает попытку перестроить объектно-ориентированную онтологию, заменив объекты на протяженные субстанции и непрерывную материю и оперевшись на научное понимание реальности (лингвистика, психология, антропология и интеллектуальная история). Он выписывает условия восприятия мира как мира субстанций и необходимый для этого язык. Отличительными чертами понятий такого языка являются имманентность, инклюзивность, постепенность и генеративность.

Жюли Реше развивает другой тип реализма – психоаналитически инспириро-

ванный *депрессивный реализм*. Он предполагает, что «столкновение с реальностью сопряжено с крушением иллюзий, что вызывает депрессию» (с. 136). Реше обращает внимание на то, что влечение к смерти, будучи изначально антропоцентричным понятием, нуждается в освобождении от этой рамки. Недавние открытия в эволюционной биологии и психоаналитической мысли указывают на то, что оно, вероятно, присуще не исключительно человеку. Природа как таковая является воплощением влечения к смерти (с. 154–155).

Отечественные интеллектуальные журналы, конечно, тоже являются пирополитическими воплощениями влечения к смерти – они гарантированно сжигают время нашей жизни. Но разве это не тот огонь, на котором еще держится сопротивление всем тем натурализирующим тенденциям, что спешат сковать нас и лишить возможности мыслить *другое* настоящее и бороться за *разделяемое* будущее?

ОЛЕГ
ЛЕЙБОВИЧ

История Джугашвили

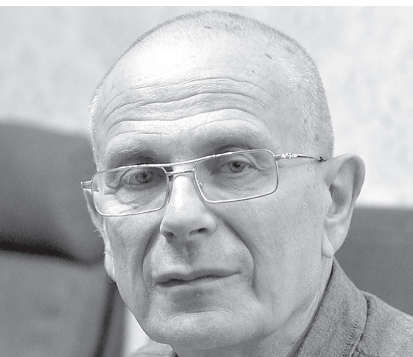
*Сталин. Биография в документах
(1878 – март 1917)*

Часть I: 1878 – лето 1907 года

Часть II: Лето 1907 – март 1917 года

Ольга Эдельман

М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 656 с.

*Олег Леонидович
Лейбович (р. 1949) –
историк, сотрудник
Института истории
и археологии Уральского
отделения Российской
академии наук (Пермь).*

Прочтя двухтомную монографию Ольги Эдельман, я подумал о том, понравилась ли бы она главному герою. Иосиф Виссарионович Сталин, бывший какое-то время «корифеем науки», не обошел своим вниманием и историю. Используя свой излюбленный прием редактирования и комментирования чужих текстов, он предложил правила, которыми должен был руководствоваться историк-большевик. Чтобы их сформулировать, секретарь ЦК ВКП(б) в присущей ему манере дискредитировал иные «порочные методы» или «исправлял» ошибки заблуждающихся неразумных товарищей по партии или даже заезжих знаменитостей – вроде немецкого писателя Эмиля Людвига. Тот на рубеже 1920–1930-х ездил по европейским столицам и брал интервью у сильных мира сего – в том числе у диктаторов. Сталин произвел на него столь сильное впечатление, что свой очерк о нем он закончил словами:

**НОВЫЕ
КНИГИ**

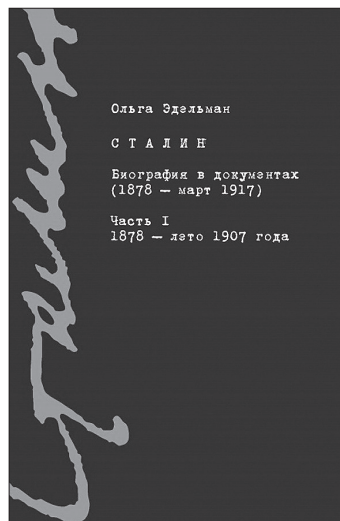
«Сталин – человек, которого боятся многие мужчины и женщины, но не испугаются ни дети, ни животные. Раньше таким людям давали прекрасное имя – отец народа»¹.

ОЛЕГ ЛЕЙБОВИЧ
ИСТОРИЯ ДЖУГАШВИЛИ

С Людвигом Сталин был благожелателен и добродушен, объяснял ему, что марксисты отнюдь не отрицают роль героев и выдающихся личностей, «великих людей» – так поступают только вульгаризаторы марксизма. Подлинные марксисты знают, кто может претендовать на подлинное величие. Им полагается быть революционерами, или хотя бы реформаторами, преобразующими доставшийся им по рождению мир: «Великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить»².

Для характеристики Ленина – в другой, более привычной ему, аудитории – Сталин употреблял иные слова: «руководитель высшего типа», добавив к ним метафору «горный орел»³. В телеграмме Вячеславу Молотову (1946) он убрал метафору и заменил слово «руководитель» на «государственный деятель», но оставил указание на статус – «высшего типа»⁴. Люди такого уровня должны сами заботиться о собственном достоинстве. А другие люди, в том числе писатели и историки, обязаны это достоинство поддерживать, соблюдать соответствующий протокол. «Обрядность, – говорил он кремлевским курсантам, – импонирует, внушает уважение»⁵.

Изнаночной стороной большевистской обрядности, согласно Сталину, были бдительность и грубость. Их он продемонстрировал в полной мере в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931), еще до встречи с немецким писателем. Импульсом для письма послужила опубликованная в журнале в 1930 году статья Анатолия Слуцкого. Автор – историк рабочего движения – нарушил в своем тексте некоторые уже сложившиеся к тому времени правила. Он писал о Ленине без должного пиетета, найдя в его позиции по отношению к левым в германской социал-демократии следы политического расчета. Сталин обнаружил в статье «троцкистскую контрабанду», заклеил ее автора всеми соответствующими словами: «учеником Троцкого», «клеветником» «шарлатаном», «мошенником», «жуликом» и «крючкотвором»⁶. В сталинском письме

- 1 Ludwig E. Stalin // ИДЕМ. *Führer Europas. Nach der Natur gezeichnet*. Amsterdam: Querido Verlag, 1934. S. 311.
- 2 Сталин И.В. *Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.* // Он же. *Сочинения*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 106.
- 3 Он же. *Речь на вечере кремлевских курсантов школы ВЦИК, посвященном памяти Ленина // О Ленине. Сборник воспоминаний*. М.: Госиздат, 1924. С. 4.
- 4 Он же. *Из шифротелеграммы И.В. Сталина В.М. Молотову, 5 декабря 1946 года // Коммерсантъ Власть*. 2016. № 45. 14 ноября. С. 46.
- 5 Он же. *Речь на вечере...* С. 4.
- 6 См.: Он же. *О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Он же. Сочинения [1951]*. Т. 13. С. 84–102.

был задан новый стандарт полемики на исторические темы. Сталин несколько раз повторил, что дискутировать с врагами ленинизма нельзя:

«Всем известно, что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.). Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаетесь превратить аксиому в проблему, подлежащую “дальнейшей разработке”»⁷.

Отвлечемся от политических мотивов, побудивших Сталина написать и опубликовать это письмо, и сосредоточимся на его историческом содержании. Самое главное в нем заключается в отождествлении исторического и политического высказывания. Слуцкий не потому является «учеником Троцкого», что примыкал к оппозиционной группе, подписывал какое-то заявление или неправильно голосовал в партиячке. Нет, историк клеймится «троцкистским контрабандистом» за то, что «неправильно» описал один из эпизодов истории партии, тем самым перейдя в контрреволюционный лагерь. По ходу дела Сталин уточнил, что «троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР»⁸.

Далее, Сталин объясняет, что привело Слуцкого к политическому преступлению. Прежде всего – порочный «метод копирования в случайно подобранных бумагах». Хороший же историк, напротив, «должен был сделать основой своей статьи не отдельные документы и два–три личных письма, а проверку большевиков по их делам, по их истории, по их действиям»⁹.

И вообще заниматься архивными изысканиями – занятие вредное и зряшное:

«Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к центризму? Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам прежде всего, а не только по их декларациям?»¹⁰

«Дела» здесь противостоят «бумажным документам». Последние весьма сомнительны по части их соответствия исто-

7 Там же. С. 85.

8 Там же. С. 98.

9 Там же. С. 96–97.

10 Там же. С. 96.

рическим фактам. Вместо копания в архивах историк должен обратиться к живой действительности, к делам и действиям. И здесь возникает вопрос: из каких источников историк о них узнает? Здесь Сталин не дает ответа: либо он кажется ему совершенно очевидным – из непосредственного участия в социалистическом строительстве, либо из официальных, стало быть, опубликованных в советской печати современных партийных резолюций, материалов съездов и докладов вождей.

На исходе 1930-х Сталин предъявляет свое представление о научной истории более подробно и последовательно. Поводом послужило издание «Краткого курса истории ВКП(б)». Прежде всего он разъяснил, по какой логике выстроен этот учебник по истории партии:

«“Основные идеи марксизма-ленинизма” образуют его основания. К ним добавлены факты как “иллюстрационный материал” и доказательства правоты идей. При этом отобраны факты, “которые должны быть всем известны”»¹¹.

Всем – это значит партийцам, прошедшим соответствующие школы и курсы политического просвещения, усердным читателям газет или школьникам, узнавшим их из учебников истории.

Остается неясным, что имел в виду Сталин: только ли структуру учебника по истории партии или же и саму историю как процесс. Позднее он высказался на эту тему, напомнив читателям своей книги «Экономические проблемы социализма», что есть объективные, не зависящие от воли людей законы общественного развития. Ими, однако, можно управлять.

«Доказано, что общество не бессильно перед лицом законов, что общество может, познав экономические законы и, опираясь на них, ограничить сферу их действия, использовать их в интересах общества и “оседлать” их»¹².

Формулировка законов также принадлежит миру марксистско-ленинских идей. Их содержание обладает непреложной, универсальной и всеобщей истинностью. О ней нет смысла спорить – ее следует просто принять и историкам, и литераторам.

Что в таком случае остается историкам, если истина обнаружена; факты говорят сами за себя языком партийных постановлений? Последовательно их соединять в соответствии с логикой идей.

11 Стенограмма выступления И.В. Сталина по вопросам партийной пропаганды в связи с «Кратким курсом» на заседании Политбюро. 10 октября 1938 г. // Он же. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Часть 1. 1920–1930-е годы / Сост. М.В. Зеленов. СПб.: Наука-Питер, 2006. С. 430.

12 Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Он же. Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 16. С. 156.

Сталин помнил, «что люди делают историю»¹³. Вот только история, «заостренная на лицах», убога и бесполезна:

«Старые учебники... излагают события в узком историческом разрезе и часто на лицах отыгрываются. ЦК считает, что этот метод педагогически не удовлетворителен, он мало воспитывает. ЦК считает, что не на том надо воспитывать, кто сколько раз в ссылку высылался, кто сколько раз был в тюрьме и т.д., хотя это также имеет известное значение. История, заостренная на лицах, для воспитания наших кадров ничего не дает или дает очень мало, историю надо заострить на идеях. Именно поэтому в "Кратком курсе..." о лицах говорится мало, именно поэтому весь материал расположен по узловым пунктам развития нашей партии, по узловым пунктам развития идей марксизма-ленинизма»¹⁴.

Для воспитания больше подходили писатели – «инженеры человеческих душ»¹⁵. Они лучше владели словом и были более восприимчивы к духу времени, чем историки. Академик Степан Веселовский – знаток русского Средневековья заметил по этому поводу: «Новостью является только то, что наставлять историков на путь истины "сравнительно недавно" взялись литераторы, драматурги, театральные критики и кинорежиссеры»¹⁶. Алексей Толстой за два года до появления «Краткого курса...» предугадал его основную идею:

«Иные из советских литераторов с трудом усваивают, что истина, одна, отчетливая, ясная, реальная, осуществляемая всем нашим строительством истина – учение четырех великих мыслителей и вождей человечества, – бережется в Центральном Комитете партии большевиков, и руководить историей страны, думами человеческими у нас не поручено безответственной инициативе»¹⁷.

Сталин вряд ли бы одобрил инициативу историка-архивиста Ольги Эдельман описать его жизненный путь до 1917 года. И дело не только в том, что секретарь ЦК ВКП(б) самоустранился «от создания собственной биографии, [...] к нему нельзя было обращаться за сведениями и справками о его прошлом» (Ч. I. С. 21). Эдельман по всем пунктам отступила от сталинских правил исторического описания. Архивный документ для нее значит много больше, нежели любая теоретическая конструкция. «Всем известным фактам» Эдельман несколько не доверя-

13 Он же. *Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.* С. 106.

14 *Стенограмма выступления И.В. Сталина...* С. 432.

15 См.: Файбышенко В. *От инженера души к инженерам душ: история одного производства* // Новое литературное обозрение. 2018. № 4(152) (www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/152/article/20026/).

16 Веселовский С.Б. *Исследования по истории опричнины.* М.: Академия наук СССР, 1963. С. 34.

17 Толстой А.Н. *Больше творческого дерзания. Речь на X съезде Всесоюзного Ленинского комсомола 19 апреля 1936 года* // Он же. *Собрание сочинений.* М.: ГИХЛ, 1961. Т. 10. С. 325.

ет, постоянно проверяя их на достоверность и аутентичность. И при этом отказывается соблюдать этикетные правила при характеристике своих персонажей, описания событий и инстинтуций. Ни разу мне не приходилось ранее встречаться с такой оценкой партийных съездов: «V съезд РСДРП по сути прозвучавших там речей и дебатов был на изумление bestолковым мероприятием» (Ч. I. С. 589).

Герой ей, естественно, интересен, но видеть в нем «руководителя высшего типа» она решительно отказывается: «Как ни странно, сложно даже дать краткий, в одну-две фразы, ответ на вопрос, что делал Коба в революционном движении» (Ч. II. С. 620).

Вопрос о том, является ли монография Эдельман политическим высказыванием, пока оставим открытым.

Свою исследовательскую задачу автор изложила следующим образом:

«Предлагаемая вниманию читателя работа имела целью собрать воедино основной корпус документальных источников о жизни И.В. Джугашвили до Февральской революции 1917 г. и сопроводить их детальным авторским текстом, причем так, чтобы и то и другое присутствовало в каждой главе. Эта не вполне обычная структура, соединяющая сборник документов с биографической монографией, была выбрана из-за специфики темы и материала» (Ч. I. С. 8).

Имя Иосифа Джугашвили в этом абзаце появляется отнюдь не случайно. Эдельман занимается историей революционера-подпольщика, пользовавшегося самыми разными псевдонимами: Сосо, Коба, Иванович, Нижерадзе – отнюдь не только Сталиным. Но дело не только и не столько в этом. Имя Сталин принадлежит советскому государственному деятелю, оно маркирует целую эпоху в истории XX века. Исследователя интересует иной вопрос, каким был ее герой в иное время и в ином статусе:

«Фигура Сталина в период руководства Советским Союзом находится в центре внимания, и он же в роли революционера-подпольщика продолжает оставаться в тени. С одной стороны, это совершенно естественно. С другой, – все же несколько странно приступить к изучению биографии исторического деятеля в его 40-летнем возрасте, почти не зная предыстории» (Ч. I. С. 7).

О руководителе советского государства написано много. «Ранняя часть его биографии была представлена весьма схематично, а скудость сведений побуждала авторов изощряться в бесконечно варьирующихся интерпретациях» (Ч. I. С. 29). Чтобы читатель представил трудности в работе над биографией, Ольга Эдельман воспользовалась метафорой:

«Исследователь обречен блуждать, будто в зеркальном лабиринте, где зрелый Сталин не то напоминает молодого Кобу, не то подменяет его своими поздними парадными, льстивыми портретами, да еще и изготовленными с учетом меняющейся моды на идеальный образ вождя» (Ч. I. С. 48).

Нужно заметить, что Ольга Эдельман не склонна настежь открывать двери для читательской публики в свою исследовательскую лабораторию. Попытаемся сделать это за нее, воспользовавшись подсказками из книги.

Прежде всего автор относит свой текст к академическим исследованиям – это позволяет свести к минимуму историографическую тематику. Популярные пересказы сталинской биографии – «всем известные факты» – ее очень мало интересуют, разве что в том случае, когда нужно вновь и вновь опровергнуть расхожие легенды из «околосталинской мифологии». Западную ветвь историографии Ольга Эдельман ставит не очень высоко, прежде всего в силу ограниченного, повторяющегося из книги в книгу набора «сведений и цитат» разной степени достоверности, сделав исключение для трудов Роберта Сервиса, Стивена Коткина, а ранее Роберта Такера и Рональда Суни за то, что они использовали «документы и воспоминания, опубликованные в советской печати» (Ч. I. С. 31).

Придирчивый читатель обязательно обнаружит лакуны в ее историографических заметках, недооценку тех или иных авторов, но, чтобы снять критику такого рода, нужно издать другую книгу и собрать в ней воедино не «корпус документальных источников», но корпус опубликованных работ о Сталине.

Автор использует хронологический принцип в жизнеописании своего героя. В 28 главах книги поэтапно воспроизводится его жизненный путь от рождения в декабре 1878 года до мартовских дней 1917-го: детство, юность, зрелость. Указан и переломный момент – выход в 1905 году из кавказского круга в общероссийский мир, естественно, социал-демократический, большевистский. Сославшись на наблюдение Сервиса, Ольга Эдельман отмечает: «С изменением положения Кобы в партии он сменил язык, перестал писать статьи и листовки по-грузински и полностью перешел на русский язык» (Ч. I. С. 450). Автор напоминает, что официально принятая в сталинскую эпоху дата рождения Иосифа Джугашвили – 21 декабря (по новому стилю) 1879 года – не верна.

«Опубликованная в годы перестройки запись в метрической книге горийского Успенского собора свидетельствует, что Иосиф Джугашвили родился 6 декабря (18 декабря по новому стилю) 1878 г. Та же дата – 6 декабря 1878 г. – значится и в свидетельстве об окон-

чании Горийского духовного училища, выданном Иосифу Джугашвили в июне 1894 г. Ее и следует считать достоверной» (Ч. I. С. 55).

ОЛЕГ ЛЕЙБОВИЧ
ИСТОРИЯ ДЖУГАШВИЛИ

В детстве мальчика автор не обнаруживает ничего особо примечательного, оно было таким же, как у его сверстников «из бедной семьи в уездном городке на окраине Российской империи» (Ч. I. С. 54).

«В остатке мы увидим обычного мальчика, умного, способного, в меру шаловливого, имевшего причины чувствовать себя рядом со сверстниками ущербным физически и социально (бедность, распавшаяся семья), старавшегося компенсировать это усердной учебой» (Ч. I. С. 64).

Так Ольга Эдельман пишет о начале пути своего героя. О завершающем этапе его дореволюционной биографии она высказывается менее определенно:

«После многих лет изучения этого персонажа невозможно расстаться с ощущением, что он неизменно пребывает в тени, его не удастся высветить и рассмотреть, можно лишь стараться очертить контуром эту серую зону (серую не в оценочном, а в буквальном смысле – неясную, слабо видимую), нащупать ее очертания. Но в сердцевине по-прежнему остается неясность» (Ч. II. С. 619).

К этой неопределенности еще предстоит вернуться.

Ольга Эдельман – историк-архивист; именно по этой причине филигранная практика по выявлению, отбору и критике источников является основным методом исследования. Итоги этой работы она отдает на суд читателей, завершая каждую главу выдержками из отобранных ею документальных свидетельств. Эдельман указывает на трудности, с которыми сталкивается исследователь революционного этапа сталинской биографии, – заметим, не только сталинской:

«Не существует ни одной категории источников о молодом Сталине, которые можно было бы счесть априори более или менее объективными и заслуживающими доверия. Иосиф Джугашвили рос, взрослел, начинал самостоятельную жизнь в среде, где не вели дневников и почти не писали писем. Идея записать воспоминания о нем появлялась лишь вместе с появлением и развитием культа его личности, от которого ни один мемуарист не мог быть свободен, вне зависимости от того, был он другом или недругом. Большевики-сталинисты и большевики, Сталиным репрессированные, меньшевики-эмигранты – каждый исходил из собственной позиции, положения и судьбы, и это не могло не отразиться на содержании мемуаров. Царские жандармы оставили обильную документацию, но по понятным причинам их осведомленность о делах РСДРП была ограниченной» (Ч. I. С. 9).

Критика источников – обязательный элемент профессионального исторического исследования. Особенностью авторского стиля можно считать технику отбора источников на заданную тему, отделение достоверных сведений от сомнительных или просто вымышленных. Об этой технике Эдельман сообщает мало, более того, отказывается объяснять, как именно ею производился выбор: «Вдаваться в каждом случае в пояснения причин, по которым мы не доверяем тому или иному документу, совершенно невозможно» (Ч. I. С. 51). В данном случае невозможность служит синонимом интуитивности, то есть исторического чутья – специфического проявления профессиональной компетентности. В отличие от других ее элементов, интуицию невозможно объективировать, разложить на составные части, сделать всеобщим достоянием. Интуиции можно доверять или не доверять, но считать ее сомнительным приемом не следует. Ею пользуются многие историки, но не заявляют об этом во всеуслышание или не отдают в себе этом отчета. Впрочем, на один из методов проверки достоверности источников есть указание в тексте монографии. Речь идет о сопоставлении отдельного документа с серией документов на ту же тему. Источник следует рассматривать «в совокупности, в ряду однотипных примеров» (Ч. I. С. 320) – и тогда выявляется степень его достоверности. Чтобы оценить этот прием, достаточно одного примера. Во множестве источников, в том числе и социал-демократического, и жандармского происхождения, повторяется одно и то же: товарищи исключили Иосифа Джугашвили из партии либо из-за дисциплинарных проступков, либо из-за дурных нравственных качеств. Эдельман считает эти сведения не заслуживающими доверия: «Невозможно представить, чтобы столько раз исключенный из партии и уличенный в тягчайших с точки зрения подпольщиков проступках человек одновременно продолжал делать успешную карьеру в той же самой партии» (Ч. II. С. 218).

Биография Иосифа Джугашвили, согласно авторской позиции, может быть адекватно представлена и, стало быть, понята только в определенном социальном контексте: главным образом в реальностях революционного подполья на Кавказе: «Джугашвили полностью принадлежал подполью» (Ч. II. С. 26). Подполье, по мнению Ольги Эдельман, представляло собой теневую структуру российского общества – «параллельную реальность», в которой действовали особые правила общежития, «во многом сходные с законами любой другой существующей вне законных рамок криминальной среды» (Ч. II. С. 621). Нравы, в нем царившие, были далеки от «романтического предания», ставшего неотъемлемой частью революционного мифа, «чем-то вроде квазирелигии нескольких поколений интеллигенции» (Ч. II. С. 622).

«Атмосфера среди бакинских большевиков была далека от товарищеской идиллии, и, по-видимому, это нормальное, естественное состояние подпольной среды», – замечает автор (Ч. II. С. 219). Погрузившись в нее, человек становился скрытным, подозрительным, ожесточенным. Ссылные истории, то есть «склоки и дразги» в тесном принудительном сообществе социал-демократов и социалистов-революционеров, волею начальства принужденных томиться в бездеятельности в отдаленных уголках империи, были своего рода продолжением подпольного существования. Правда, по мнению автора, только в подполье «семинарист Иосиф Джугашвили (в легальной жизни он мог рассчитывать самое большее на положение сельского учителя или священника) имел шанс стать значительной фигурой и уважаемым человеком» (Ч. II. С. 621). Вряд ли можно согласиться с тем, что в пореформенной Российской империи у выходца из низов не было иных шансов на социальную карьеру. «Кухаркины дети» могли сдавать экзамены за гимназический курс, открывавшие для них дорогу к университетской скамье. И мастеровой, проявивший усердие и смекалку, мог получить направление на технические курсы куда-нибудь в Бельгию или Швецию, а после их успешного окончания исполнять инженерные обязанности в промышленности с соответствующим общественным положением и окладом жалования. Здесь на память приходит история литейного модельщика Керченского завода Сергея Мартыненко, ставшего сперва конструктором, а к 1917 году и начальником завода¹⁸. Такое явление не было массовым, но все-таки речь идет отнюдь не о единичных случаях, не об исключениях из общих правил. Действительно, в подполье можно было сделать быструю карьеру, «выйти в генералы от революции», но риски были непомерно велики. Все могло закончиться каторжными работами, даже казнью, или эмигрантским прозябанием до конца дней своих. Иосиф Джугашвили так или иначе свой выбор сделал, причем, по мнению Ольги Эдельман, отнюдь не из-за революционного фанатизма или глубокой приверженности социал-демократической доктрине: «В этой системе координат для него была открыта перспектива лидерства, своего рода карьера, чем он и не преминул воспользоваться» (Ч. I. С. 125). И важно отметить, что его политическое «Я» сформировалось в удушливой атмосфере подполья: подозрений, недоброжелательства, клеветы и разочарований. В Батуме Иосиф Джугашвили «был предан теми самыми рабочими, за права которых, как ему казалось, он боролся» (Ч. I. С. 205).

Ольга Эдельман отмечает стойкую неприязнь старых большевиков к своему герою. И тут естественно задать вопрос: все

18 См.: Колчанова Ю.С. «Не личная выгода меня держала здесь...». Жизненные миры советских инженеров в 1930-е г.г. Пермь: ПГИК, 2017. С. 99–101.

ли они друг к другу так относились, в чем-то подозревали, до конца жизни помнили обиды, страдали от того, что на публике полагалось говорить о товариществе и братстве? Или все-таки чувство отторжения было выражено по отношению к единственному человеку – Кобе? И если верно последнее, то что они заметили в нем из того, о чем не знают историки, о чем не сохранилось письменных свидетельств? Он мог казаться «чудеснейшим грузином» на большом расстоянии, а вот не чувствовали ли его сотоварищи, вплотную с ним соприкасавшиеся, запаха серы? К слову сказать, трудно передать бумаге неприятное, смутное впечатление о когда-то встреченном человеке. Чем-то он не понравился, и очень сильно, а вот чем – не описать. И тогда Коба превращается в невидимку. О нем молчат мемуары. А в устной традиции передаются страшноватые слухи и ссыльные сплетни.

Наконец, книга Ольги Эдельман – полемическое произведение. Здесь можно выделить два аспекта: уже отмеченную ранее критику источников и дискуссию с собратьями по историческому цеху. Например, она вполне доказательно квалифицирует так называемые «воспоминания Семена Верещака» как фальсификацию:

«Большинство сообщенных Верещаком подробностей не выдерживают проверки фактами и являются чистейшим вымыслом. Но его статья стала одной из первых в череде эмигрантских псевдооткровений о советском диктаторе, поэтому была замечена, цитировалась, а фантазии автора вошли в комплекс зарубежной сталинианы. Советские партийные пропагандисты, как ни странно, тоже приняли ее за чистую монету. [...] Источником сведений для сталинской биографии его псевдовоспоминания служить не могут, но представляют интерес как часть заграничной сталинианы» (Ч. II. С. 214–215).

Столь же некритично в отечественной литературе относятся к мемуарам Иосифа Иремашвили. Так, Николай Капченко считал их «одним из наиболее ценных материалов, проливающим свет на юные годы Сталина и на некоторые обстоятельства его жизни»¹⁹. Ольга Эдельман видит в них по преимуществу «политический памфлет», а содержащиеся в нем рассказы «тенденциозными и лживыми» (Ч. I. С. 62). Она считает совершенно несостоятельными сообщения о послереволюционной чистке архивов, ставших общим местом в очерках о сталинской исторической политике. «Ни репрессии, ни уничтожение документов, ни спецхран, ни подделки – ничего не помогло»²⁰.

19 Капченко Н.И. *Политическая биография Сталина. Том I (1879–1924)*. М.: Политическая литература, 2004. С. 43.

20 См.: Сталин И.В. *Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы*. С. 117.

Эдельман вполне аргументированно доказывает, почему «мнение об изъятии из архивов компрометирующих Сталина документов является далеким от действительности порождением богатой околосталинской мифологии»:

«В поиске компрометирующих Сталина документов должна была бы участвовать целая команда проверенных работников органов госбезопасности и помогающих им архивариусов. Разве осторожный, подозрительный диктатор мог бы устроить такое собственными руками? Даже если бы он предполагал, что в недрах архивных папок может найтись нечто бросающее на него тень, любой сколько-нибудь расчетливый правитель (а Сталин, несомненно, таким был) предпочел бы просто максимально ограничить доступ любопытствующих к этим папкам и стеллажам и не стал бы делать их содержимое достоянием всей иерархии НКВД» (Ч. I. С. 40).

Эдельман считает ничем не доказанным утверждение о сотрудничестве Джугашвили с охранкой: «До сих пор прямых либо косвенных документальных доказательств связей Сталина с охранкой выявить не удалось, а выдвигавшиеся прежде версии не выдерживают критики» (Ч. I. С. 17). Столь же далекими от истины Эдельман считает рассказы об участии Иосифа Джугашвили в экспроприациях, в руководстве боевыми отрядами грузинских большевиков в 1905 году:

«Убеждение, что Сталин в свое время был причастен к бандитским предприятиям, налетам, грабёжам, было глубоко укоренено в Закавказье, но до нас дошло исключительно в виде слухов, без какой-либо конкретной привязки к месту и времени действия» (Ч. I. С. 464).

Нет также свидетельств о том, что он участвовал в повстанческих действиях, более того, когда-либо носил с собой оружие. Источники подобного рода слухов Ольга Эдельман находит в среде грузинских меньшевиков, способных и производить, и распространять любую клевету на своих большевистских соперников. Сталин, замечает автор, их почему-то «страшно раздражал» (Ч. II. С. 620).

Эдельман не упускает случая отыскать в работах своих коллег излишнюю доверчивость по отношению к сомнительным свидетельствам современников, поиск тайных пружин сталинской активности и всякого рода преувеличения. Такого рода «безосновательным преувеличением» она считает мнение Игоря Курляндского²¹, что в детских шалостях юного семинариста проявились «свойственные ему черты садизма» (Ч. I. С. 80).

Автор высоко оценивает исследование Александра Островского²², но тут же отмечает свойственную ему «подозритель-

21 Курляндский И.А. *Сталин, власть, религия*. М.: Кучково поле, 2011.

22 Островский А.В. *Кто стоял за спиной Сталина?* СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2002.

ность и попытки найти “за спиной Сталина” некие влиятельные силы, способные подменить Иосифа Джугашвили по пути в ссылку и проч.» (Ч. II. С. 103).

Пolemичность книги отнюдь не случайна. Она опирается на общее представление Эдельман о том, как следует реконструировать биографию исторического деятеля прошлого. Он принадлежит своей эпохе и своей среде: ее обыденностям, идеям и предрассудкам. То, что о нем рассказывали современники, то, что дошло в устных преданиях, некогда записанных этнографами и музейными работниками, относится к фольклорному жанру. Эдельман особенно отмечает, что «культ Сталина активировал глубинные уровни фольклорного сознания, особенно у его грузинских земляков, и заметнее всего это сказалось на букете преданий о его детстве» (Ч. I. С. 54). И задача историка не обличать или прославлять, но, используя весь инструментарий его науки, произвести адекватную интерпретацию существующих источников и на ее основании написать биографию. Естественно, такая биография не может быть зеркальным отражением жизненного пути героя, полностью аутентичной по отношению к его мыслям и действиям, но по мере возможности предстанет «очищенной» от легенд и фальсификатов и не подверженной злобе дня. Ольга Эдельман превосходно осведомлена о последующей эволюции своего персонажа. Она открыто признает: «Неизвестно, когда и как юный романтик Сосо, любитель Виктора Гюго, писавший стихи о бутоне розы и пении соловья, превратился в циничного и безжалостного Сталина» (Ч. I. С. 205). Историк Эдельман твердо знает, что густая тень, отбрасываемая диктатором на его прежние годы, должна быть рассеяна. Иначе мы ничего не поймем о том, каким образом борцы с самодержавием превращались со временем в «государственных деятелей высшего типа», в «отцов народа». Иосиф Джугашвили – еще не Сталин. И он имеет право на собственное историческое жизнеописание – не на памфлет, не на сказание, не на житие «св. Иосифа» в парадном мундире. Так, на мой взгляд, можно обозначить *credo* историка Ольги Эдельман. С этой позиции она и полемизирует со своими коллегами.

Ольга Эдельман пишет биографию Иосифа Джугашвили, тщательно отбирая и просеивая источники. Она отмечает, что в свидетельских показаниях о ее герое множество оценочных суждений и мало описаний событий. А те, что есть, изобилуют «неясностями, пробелами, слухами и версиями разной степени фантастичности и недостоверности» (Ч. I. С. 7). В 1920-е о нем «не писали по причине отсутствия широкого интереса к его персоне, а если и писали, то это были скорее вбросы компрометирующих сведений на фоне борьбы за власть. В период культа личности писать было можно лишь в рамках, заданных офици-

альной пропагандой: восторженно, с преувеличением его значения и заслуг, приписывая ему чуть ли не с пеленок руководящую роль в закавказском революционном движении» (Ч. I. С. 45).

Не со всем здесь можно согласиться. Действительно, о Сталине-революционере в первое десятилетие советской власти писали мало и вспоминали скупое. И дело не только в том, что участники большевистского подполья не видели в нем значительной и, главное, яркой фигуры. Здесь Иосифа Джугашвили подвела конспиративность. Он виртуозно скрывал свою активность не только от жандармов (им так и не удалось уличить его в преступлениях, караемых по суду тюремным заключением или каторгой), но и от товарищей по партии, не без оснований подозреваемых в провокации. Когда старые большевики по настоянию Истпарта писали или диктовали свои мемуары, вряд ли они руководствовались политическими резонами. Так в сборниках воспоминаний, изданных в 1924 году «под эгидой Бакинского комитета Компартии Азербайджана», едва ли не полностью отсутствует имя Сталина, «есть только несколько скупых упоминаний» (Ч. I. С. 13–14). Причем среди авторов были Авель Енукидзе, Серго Орджоникидзе, Анастас Микоян. Все они не участвовали в партийных оппозициях; во фракционной борьбе держались имени Сталина. По мнению Ольги Эдельман, «это было следствием неприязненного отношения к Сталину в тогдашней верхушке бакинского партийного руководства» (Ч. I. С. 14). Такая гипотеза, по всей видимости, имеет право на существование, но весомых доказательств в книге нет. Тот факт, что Лев Троцкий внимательно читал опубликованные в журнале «Печать и революция» письма Якова Свердлова из Туруханской ссылки (в них Свердлов корил своего товарища по изгнанию: он-де слишком большой индивидуалист в обыденной жизни), еще не делает эту публикацию добавочным шагом «в той же внутривнутрипартийной борьбе биографий и компроматов» (Ч. I. С. 15). Замечу, что в составе редколлегии этого журнала (Анатолий Луначарский, Николай Мещеряков, Михаил Покровский, Вячеслав Полонский, Иван Скворцов-Степанов) не было ни одного сторонника левой оппозиции²³.

В 1930-е партийная политика исторической памяти существенно обновилась. Новый государственный порядок нуждался в иных традициях, отнюдь не революционных. Складывается впечатление, что в верхах услышали и правильно поняли саркастическое замечание Бернарда Шоу, посетившего СССР в 1931 году:

«После посещения московского Музея революции Шоу сказал изумленному экскурсоводу, ожидавшему его одобрения: “Вы, наверное,

23 См., например, выходные данные первого номера за 1924 год: www.vitber.com/lot/17830.

с ума сошли, что прославляете восстание теперь, революция – это правительство? Вы что, хотите, чтобы Советы были свергнуты? И разве благоразумно учить молодежь, что убийство Сталина будет актом бессмертного героизма? Выбросьте отсюда всю эту опасную чепуху и превратите это в музей закона и порядка”»²⁴.

Эдельман отмечает:

«В 1930-е гг. история подполья стала пресной, чинной, состоящей исключительно из штудий марксизма, теоретических споров, публицистики, изготовления листовок, а также моментов, когда большевики возглавляли восстания трудящихся масс (что описывалось преимущественно обтекаемыми фразами об “агитационной и организационной работе”» (Ч. I. С. 18).

Лозунг «Сталин – это Ленин сегодня» повлек за собой далеко идущие последствия. В официальных публикациях сталинскую революционную биографию подверстали под ленинскую. Ильич без устали писал боевые разоблачительные статьи, пополнял сокровищницу марксизма. И товарищ Сталин делал то же самое, только до поры до времени в других газетах. Ленин, строя партию нового типа, руководил большевистскими съездами, конференциями, совещаниями. И Сталин в Закавказье организовывал партийные массы. Ленин встречался с рабочими и игнорировал всякого рода эмигрантские сборища. И Сталин поступал так же, даже в тюрьме предпочитая беседовать с городскими и сельскими пролетариями (уголовниками), нежели спорить с меньшевистствующими и эсерствующими интеллигентами. Из собственной биографии у него оставались побеги из ссылки и схватки с жандармами. Эмиль Людвиг напомнил своему собеседнику, что тот неоднократно подвергался «риску и опасности, вас преследовали, вы участвовали в боях, ряд ваших близких друзей погиб»²⁵. Сталин выслушал его благосклонно, а вот напоминания о побегах из ссылки ему по вкусу не пришлись. Позднее он скажет: «Не на том надо воспитывать, кто сколько раз в ссылку высылался, кто сколько раз был в тюрьме»²⁶.

По мере обострения фракционной борьбы нападки на Сталина ужесточились. Особенно отличались в них его земляки – проявлялся южный темперамент. Как рассказывал своему партнеру по шахматам бывший секретарь Закавказского крайкома РКП(б) Серго Ломинадзе, во время внутрипартийной дискуссии «дело доходило чуть не до кулачных боев»²⁷.

24 Хьюз Э. *Бернард Шоу*. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 190.

25 Сталин И. В. *Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.* С. 119–120.

26 *Стенограмма выступления И. В. Сталина...* С. 432.

27 *Протокол допроса Баранова Арона Генриховича 19.10.1936.* Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14 399. С. 57(об).

Ольга Эдельман сумела из разрозненных, противоречивых, разной степени достоверности свидетельств воссоздать биографию Иосифа Джугашвили, более того – крупными штрихами набросать его портрет:

«Гораздо легче описать Кобу, прибегнув к методу негативных исключений и перечислив, [к]ем он не являлся и чего не делал: не был крупным теоретиком марксизма, не был видным публицистом, темпераментным трибуном, вождем-комбатантом и т.д. Провальным оратором, высокомерным грубияном, демонстративно властолюбивым он также не был. Выступать он умел, не поражал воображения слушателей, но мог добиться нужной реакции. Близких друзей не имел, но умел ладить с людьми, особенно с простыми рабочими, которым импонировал отсутствием интеллигентских замашек. От женщин головы не терял, но влюблялся, привязывался, уязвленно переживал измену. Был, несомненно, умен, однако ум этот направлял в большей мере на решение организационных вопросов и улаживание отношений (или на интриги?), нежели на броские высказывания. Рассказчики часто отмечали, что он был веселым, шутил» (Ч. II. С. 620).

Ольга Эдельман сделала то, что под силу специализированному институту: написала и издала академическую биографию Сталина-революционера. Академическую, стало быть, полную, подготовленную по всем правилам исторического исследования, тщательно вычитанную. Даже мельчайшие факты в ней проверены. Я обнаружил одну-единственную неточность, касающуюся места обучения Степана Шаумяна: тот учился в горной академии во Фрайберге (Freiberg), а не во Фрибурге, где такого заведения не было (Ч. II. С. 24).

Академизм не предполагает бесстрастности. Ольге Эдельман привлекателен и интересен ее герой. Она полемизирует с традицией, «заложенной еще старыми большевиками, ненавидевшими Сталина и очень хотевшими переложить лично на него всю ответственность за преступления режима, сняв ее с партии и (разумеется) с самих себя» (Ч. II. С. 543).

При описании конфликтов Кобы с товарищами по партии автор монографии, как правило, встает на его сторону, чаще обоснованно и доказательно, иной раз нет. И если у Иосифа Джугашвили впоследствии возобладали дурные политические свойства, то в этом, считает автор, виноваты его противники:

«Именно в Тифлисе от победивших врагов-однопартийцев, грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жорданией, будущий советский диктатор должен был получить яркий и наглядный урок, постигнуть практическую пользу не ведающей стыда полемики, хвастовства мнимыми успехами, агрессивных лживых обвинений, интриганства, дискредитации оппонентов, непринужденной смелых риторик на противоположную, если она оказывается более

выгодной. Всем этим пользовались его противники, и эта тактика оказалась успешной. Грузинские меньшевики, позднее описывавшие Джугашвили-Кобу как человека в высшей мере неприятного, со своей стороны сделали немало для того, чтобы юный автор романтических стихов, любитель романов Гюго и народных песен Сосо Джугашвили превратился в коварного и безжалостного Иосифа Сталина» (Ч. I. С. 644).

С этим суждением автора можно согласиться. Но характеристика ссыльной истории в Туруханской крае изложена отнюдь не столь убедительно. В конфликте Кобы и товарища Андрея (Свердлова) Эдельман безоговорочно принимает сторону своего героя (Ч. II. С. 542–543). Сюжетная линия «Яков Свердлов – Филипп Голощекин в Туруханской ссылке» кажется избыточной, она резко выбивается из общего стиля. Ссылка на показания Николая Ежова во время следствия «о некоторых [его собственных. – О.Л.] порочных привычках» не выглядит убедительной (Ч. II. С. 543).

Мне кажется, что напрасно Эдельман включила в монографию большую выдержку из статьи Бориса Николаевского, в которой тот квалифицирует философскую полемику Ленина против эмпириокритицизма как идеологическую завесу, при помощи которой лидер большевиков пытался избавиться от своих ближайших сотрудников, ставших для него помехой (Ч. II. С. 86–87). Ленин ценил труды Никколо Макиавелли, но ему не подражал. И такие многоходовые комбинации – тем более сопряженные с такими временными затратами – для большевистского лидера были совсем не характерны.

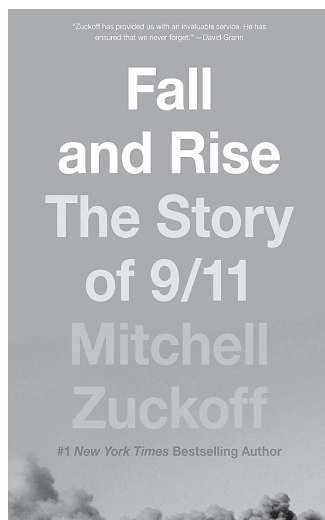
И, наконец, ответим на ранее заданный нами же вопрос: является ли академическое исследование Ольги Эдельман политическим высказыванием? Ответить на него приходится утвердительно. Образ Сталина грубо и зримо присутствует в российской массовой культуре и в политических повестках российского общества. Уже по этой причине историческая монография о Сталине-революционере привлечет внимание хотя бы своим названием. В сегодняшней идейной полемике она по необходимости наполнится политическими коннотациями самого разного толка. Если же публика пройдет мимо – у больших книг сегодня мало читателей, – то вместо нее в идейный конфликт вступят историки. Неизбежно последуют обвинения в восхвалении тирана, а с другой стороны, в очернении вождя. Пишущим историю XX века полемики такого рода не избежать. А книгу обязательно прочесть надо, тем более она написана превосходным литературным русским языком.

Рецензии

Fall and Rise: The Story of 9/11

MITCHELL ZUCKOFF

New York: Harper Collins, 2020. – 625 p.

Со временем новости становятся историей и делаются неживыми, но сами человеческие воспоминания не умирают. Митчелл Зукофф, преподающий журналистику в Бостонском университете, в очередной раз подтвердил эту истину в своей эпической истории американских терактов 2001 года. Он сделал это с чувством и страстью, что не удивительно для автора, не раз отмеченного в списке бестселлеров «New York Times» и получившего несколько писательских наград¹. В своей последней публикации он опять подтвердил славу журналиста-расследователя, которую принесли ему прежние работы – в частности, книга «13 часов», посвященная выяснению трагических обстоятельств гибели посла

США в ливийском Бенгази в 2012 году. Нынешнее расследование Зукоффа сразу же привлекло к себе общественное внимание: телеканал ABC к годовщине атаки представил кинодокументальную адаптацию этого произведения. Как и положено нарративам, в основе которых страдания и боль, фильм получился болезненным и эмоциональным.

Сам Зукофф говорит, что замысел книги возник у него случайно: в беседах со своими студентами он постоянно убеждался в том, что многие из них, подобно, кстати, его собственным детям, не ощущают почти никакой личной связи с недавней американской бедой. Молодым людям события 2001 года представлялись такими же далекими, как Первая мировая война. Автору книги это казалось ужасающе несправедливым – и он решил создать масштабную реконструкцию, охватывающую все четыре полета «живых бомб», от начала и до конца, раскрывающую физические и психологические контексты, в которых все происходило. Повествование выстроено по строгим правилам жанра *non-fiction*: в нем нет вымышленных событий или персонажей, все упоминаемые факты подкреплены доказательствами и открыты для проверки. Описания же мыслей, эмоций и чувств сопровождаются ссылками на конкретного человека, их пережившего.

На протяжении многих лет нападение 11 сентября остается одним из самых освещаемых событий мировой истории, и поэтому не стоит удивляться, что нарративы тех или иных людей, упомянутых в повествовании, уже воспроизводились в других местах, а некоторым из них даже посвятили

¹ См. книги этого автора, изданные по-русски: Зукофф М. *Затерянные в Шангри-Ла*. М.: Эксмо, 2013; Он же. *Замерзшие: 5 месяцев в снегах Гренландии*. М.: Эксмо, 2017. Кроме того, по его книге «13 часов» был снят американский фильм «13 часов: тайные солдаты Бенгази» (2015). – *Примеч. ред.*

целые книги. Сказанное касается, в частности, и свидетельских показаний Закариаса Муссауи, который признался в причастности к заговору, подготовленному запрещенной в России «Аль-Каидой». Тем не менее основной массив информации, которую использует Зукофф, следует признать новым: автор самолично добывал факты из правительственных документов, отчетов правоохранительных органов, протоколов судебных заседаний, книг и периодики, документальных фильмов, радиопередач и онлайн-работ. Наконец, он провел множество интервью с оставшимися в живых жертвами, семьями и друзьями погибших, свидетелями и очевидцами, чиновниками и учеными. Расследователь признает, что, несмотря на все его усилия, ряд вопросов по-прежнему остается без ответа, а некоторые детали так же расплывчаты, как и раньше. Но подобные лакуны честно выделяются и описываются в тексте книги или в примечаниях к нему. Причем Зукофф подчеркивает, что конспирологические выдумки им не комментировались. «Собранные факты упрямы и убедительны: это правдивая история», – заявляет он.

Любому, кто изучал основы журналистики, известно, что она занята поиском ответов на шесть фундаментальных вопросов: кто, что, где, когда, как и почему? Наиболее трудным остается вопрос «почему», поскольку мотивы человеческого поведения иногда крайне причудливы и поразительны. Зукофф напрямую признается, что не знает, по какой конкретно причине террористы, утверждавшие, что их вдохновляют принципы ислама, решили захватить пассажирские авиалайнеры и поразить ими как управляемыми бомбами гражданские и правительственные объекты на американской земле. Но, воздерживаясь от собственного ответа, он цитирует вышедшую в 2007 году книгу Лоуренса

Райта «Призрачная башня: “Аль-Каида” и путь к 11 сентября»², удостоенную Пулитцеровской премии. В ней предпринята попытка реконструировать мирозерцание сторонников джихада; предложенную версию можно принимать или отвергать, но выглядит она так:

«С точки зрения людей, чье видение было устремлено в VII век, христианство стало не просто соперником, а заклятым врагом. Для них Крестовые походы еще не закончились и должны были привести только к всемирной победе ислама. [...] Бунтарские настроения обычно процветают там, где существует разрыв между растущими ожиданиями и упущенными возможностями. Злоба, обида и унижение гнали молодых арабов искать драматической развязки. Мученичество представлялось альтернативой бесцельной жизни, в которой нет никаких утешений. Героическая смерть дарует грешникам полное прощение, а желание мученичества гарантирует место в раю еще при жизни».

Маховик катастрофы, по Зукоффу, был запущен 23 февраля 1998 года. В тот день одна из арабских газет Лондона получила по факсу фетву, подписанную несколькими мусульманскими деятелями, среди которых были саудовский принц-диссидент, богословы из Египта, Пакистана и Бангладеш, а также бизнесмен и исламский активист Усама бен Ладен. В их совместном заявлении джихад толковался самым воинственным образом, обязывающим каждого мусульманина любыми средствами защищать святые земли Пророка от врагов. Провозглашение глобальной войны оправдывалось тремя основными «преступлениями» американцев: присутствием нечестивых солдат Америки на Аравийском полуострове, войной США с Ираком, а также американской поддержкой Израиля. «Постановляем убивать американцев и их союзников, гражданских и военных, – говорилось

2 См. рус. перев.: Райт Л. *Аль-Каида*. М.: Гелеос, 2010. Приводимый ниже отрывок, а также выдержка из фетвы цитируются именно по этому изданию.

в фетве. – Таков личный долг каждого мусульманина, который может сделать это в любой стране и любым возможным способом».

Автор напоминает, что основатель «Аль-Каиды» был знаком американским спецслужбам задолго до обнародования программного документа: ему приписывали участие в нескольких терактах в различных странах, состоявшихся в середине 1990-х. После «объявления войны Америке» он стал гораздо активнее, организовав одновременные подрывы американских посольств в Кении и Танзании, в результате которых погибли более двухсот человек. Реагируя на эти нападения, президент Билл Клинтон санкционировал ракетный удар по шести объектам в Афганистане, за что был подвергнут резкой критике в Конгрессе и обществе. Но против самого инициатора этих акций, хотя имя его уже было известно, ничего не предпринималось: лишь в 1999 году ЦРУ официально описало его террористическую группу – с создания «Аль-Каиды» к тому моменту прошло уже одиннадцать лет. Осенью 2000 года организация, воодушевленная таким пренебрежением, ударила снова: небольшая лодка, груженная взрывчаткой, пробила борт эсминца ВМС США, когда судно заправлялось топливом у берегов Йемена, – в результате взрыва погибли семнадцать членов экипажа, а десятки получили ранения.

В книге утверждается, что, даже когда «предупреждающие сигналы превратились в сирены», американские политические лидеры и руководители спецслужб по-прежнему не осознавали, до какой степени бен Ладен полон решимости реализовать свою декларацию и перейти к массовым убийствам в самих Соединенных Штатах. «Упущенные связи, упущенные возможности, упущенные знаки надвигающейся катастрофы», – так Зукофф характеризует реакцию американских властей на деятельность «Аль-Каиды» в конце 1990-х. Соглас-

но его ироничному замечанию, множась свидетельства того, что на территории Америки готовится что-то необычное, так и не смогли перефокусировать внимание американских спецслужб, которых «российские мужчины в плохо пошитых костюмах» с их ржавеющими ядерными боеголовками интересовали куда больше, чем какой-то фанатичный саудовец, эксцентрично наряжающийся и рассылающий фетвы по факсу.

Автор приводит множество примеров, иллюстрирующих «убийственную неспособность» властей США предвидеть готовящуюся террористическую атаку, но я остановлюсь лишь на одном. За несколько месяцев до 11 сентября руководитель аналитического отдела антитеррористического центра американского правительства США утверждал:

«Было бы ошибкой видеть в контртеррористической деятельности борьбу с каким-то “катастрофическим”, “грандиозным” или “сверхъестественным” терроризмом. Фактически эти ярлыки не могут иметь отношения к тому виду террора, с которым, возможно, придется столкнуться Соединенным Штатам».

На самом же деле, говорит Зукофф, совокупность всех приведенных чиновником характеристик была почти идеальным описанием того, что должно было вот-вот произойти.

В то время как официальные службы не желали включать «Аль-Каиду» в число своих приоритетов, среднестатистические американцы вообще не подозревали, что подобная группировка существует. В лексиконе американских журналистов того времени Афганистан, где в ту пору базировался бен Ладен, превратился в нарицательное понятие: так условно называли те места, которые находятся максимально далеко от Америки и ее граждан и заведомо никого не интересуют. Когда же имя будущего «террориста номер один» начало мелькать в прессе, репортеры

концентрировали внимание прежде всего на его богатстве. Даже называя его – вслед за государственным департаментом США – «одним из самых заметных спонсоров исламского экстремизма», СМИ были далеки от предположений, что этот человек способен представлять прямую угрозу для Америки и американцев. Согласно подсчетам Зукоффа, прежде, чем бен Ладен успел объявить войну американскому правительству, его по меньшей мере пятнадцать раз упоминали в «New York Times» – в основном, правда, мимоходом; в других же медиаресурсах о нем вовсе не знали. Громкая фетва 1998 года внимания прессы тоже не удостоилась. Более того, СМИ не просто воздерживались от информирования – они предлагали потребителям искаженную картину, не имевшую ничего общего с реальным положением вещей. Так, рассуждая о поиске подозреваемых, взорвавших американские посольства в Кении и Танзании и вспоминая попутно, что бен Ладен уже был главным подозреваемым в аналогичном деянии за пару лет до того, когда в Саудовской Аравии был взорван жилой комплекс, в котором жили американские летчики, та же «New York Times» подводила читателя к умиротворяющему выводу: в глобальном масштабе, писали ее журналисты, этот человек вовсе не так влиятелен, как утверждают некоторые официальные лица.

Впрочем, были и «вопиющие в пустыне», видевшие реальность в более мрачном свете. За три года до 11 сентября репортер «Washington Post» Уолтер Пинкус написал статью, в которой цитировался некий меморандум ЦРУ: из документа следовало, что некоторые сотрудники этой спецслужбы восприняли угрозу, изложенную в фетве бен Ладена, вполне серьезно. Из их усилий, однако, ничего не получилось. Еще одним неуслышанным пророком стал Джон Миллер из «ABC News», который в мае 1998-го брал интервью у бен Ладена в афганском тренировочном лагере. Позже журналист

сокрушался по поводу того, что на эту видеозапись не обратили почти никакого внимания: мол, «еще один араб-террорист», не более. Если же говорить о научном мире, то здесь самым пронизательным оказался Бернард Льюис – известный, хотя и противоречивый ветеран-арабист. Именно он, изучая на протяжении десятилетий сложный диалог между исламом и Западом, придумал фразу «столкновение цивилизаций», позже широко растиражированную. В 1998 году Льюис писал в журнале «Foreign Affairs»:

«Большинству американцев заявление [бен Ладена] представляется фарсом, грубо искажающим цели и характер американского военного присутствия на Аравийском полуострове. Им также следует знать, что в глазах многих мусульман – а возможно, даже большинства – эта декларация предстает столь же гротескной пародией на природу ислама и его доктрину джихада. [...] Базовые мусульманские тексты ни в коем случае не предписывают терроризма и убийств, в них нет рекомендации без разбора взрывать и резать случайно попавших под руку людей. Но тем не менее некоторые мусульмане все же готовы поддерживать, – а иные и применить на практике – крайнее толкование их религии, представленное в декларации. Между тем для развертывания террора достаточно лишь горстки людей».

Нет нужды говорить, что предупреждение Льюиса тоже не было услышано.

В 2001 год, пишет Зукофф, Америка вступила в состоянии безмятежной расслабленности. США демонстрировали крайнюю самоуверенность, а сами американцы воспринимали привилегированное положение своей сверхдержавы как нечто должное и гарантированное на века. Они пережили самый продолжительный экономический бум в истории страны, а утверждение американских культурных и политических идей на всей планете после «холодной войны» шло невиданными ранее темпами.

Никто из американцев не лишился сна из-за угроз, исходящих из мрачной пещеры в каком-то Афганистане. Опрос службы Гэл-лапа, проведенный 10 сентября 2001 года, показал, что менее 1% американцев считают терроризм главной проблемой страны. Того, что произошло на следующий день, Америка даже представить себе не могла.

Рецензируемая книга состоит из двух частей. Первая часть («Падение») сама в свою очередь разделяется надвое: на драму в воздухе (захваченные авиалайнеры) и драму на земле (Всемирный торговый центр и Пентагон). Во второй части («Подъем») речь идет о том, что последовало после: здесь представлены персональные истории тех, кто выжил. Стоит отметить, что книга, которая внешне поражает своей внушительностью – все-таки более шестисот страниц, – лишь наполовину состоит из того, что можно назвать чистым повествованием: около трехсот страниц в ней занимают карты, ссылки, примечания и прочий справочный материал. Возможно, такая научная основательность полезна для специалистов, посвятивших 11 сентября 2001 года свои диссертации, но остальных читателей, как я предполагаю, это будет раздражать. Содержательный массив книги заполнен рассказами людей об одном и том же памятном дне. Все истории похожи, в них запечатлены эмоции, образы, воспоминания – и, разумеется, беспредельная скорбь живых о тех близких, кто, попрощавшись утром, так и не вернулся домой. Но, к моему сожалению, подробно и обстоятельно рассказав о трагедии, автор не сделал из нее напрашивающихся выводов.

В принципе, книга Зукоффа исподволь подводит читателя к заключению, что «конфликт цивилизаций» – а именно с его проявлением мы имели дело 11 сентября – как будто бы завершился победой христианской Америки. Однако картина, создаваемая подобной оптикой, превратна, о чем свидетельствуют события в Ираке и Афга-

нистане за двадцатилетие, прошедшее после американских терактов. Я не знаю, как Митчелл Зукофф воспринял прощение США с Афганистаном – несмотря на то, что он человек, активно пишущий, найти его отклики на этот позорный исход мне не удалось, – но скорее всего он испытал потрясение. (Кстати, аналогичная немота постигла Зукоффа и после провала в Ираке, хотя перед началом вторжения он публиковал статьи и комментарии, обосновывавшие необходимость свержения Садда Хусейна.) Рассуждая в своей книге об атаке на Америку, автор говорит, в сущности, о том, что она была спровоцирована столкновением непримиримых ценностных кредо. Но сегодня первые лица государства признают, что у американцев отсутствуют необходимые компетенции, которые позволили бы создать в Афганистане демократическое общество. Иными словами, для предотвращения трагедий, подобных 11 сентября, нужен ценностный переворот, который, увы, так и не состоялся. А что это означает? Как представляется, проговаривать мою мысль до конца нет необходимости – все очевидно.

В своей книге Зукофф сосредотачивается на жертвах, но очень мало говорит об убийцах. Между тем невозможно объективно рассказать об 11 сентября, отодвинув их в сторону. Сегодня нам известно, что многие будущие джихадисты получили образование в Западной Европе и в Соединенных Штатах. Почему это столь слабо влияет на их мировоззренческие установки, а знания, полученные за рубежом, нередко используются против той цивилизации, которая ими так щедро делится? Об этом, безусловно, стоило бы подумать, но Зукофф этого не делает. Поглощенный вопросом «как», он почти не касается куда более серьезного вопроса «почему». Американский журналист называет свою работу памятником всем, кто погиб 11 сентября 2001 года, причем, как мне кажется, эта

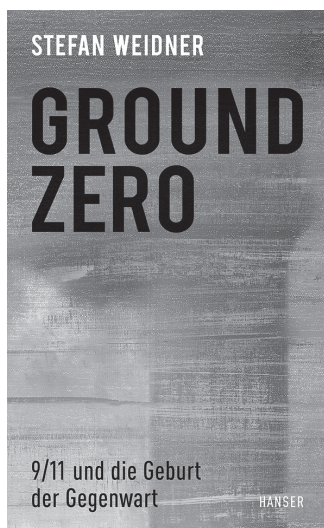
задача по созданию еще одного алтаря успешно выполнена. Но Зукофф явно не справился с другим делом: из книги не понятно, смогут ли стороны, кроваво столкнувшиеся двадцать лет назад, найти взаимопонимание в будущем, и если да, то на какой ценностной основе? Пока же у нас есть очередное красочное описание мировоззренческого, по сути, конфликта. Но вот четких и направляющих выводов из произошедшего как не было, так и нет.

РЕЗА АНГЕЛОВ

Ground Zero: 9/11 und die Geburt der Gegenwart

STEFAN WEIDNER

München: Der Carl Hanser Verlag, 2021. – 256 S.

«Точкой невозврата» принято называть такие события, после которых существовавший прежде порядок вещей, рассыпавшись в прах, оказывается невозможным. Немецкий специалист по исламу и исламской литературе, переводчик с арабского

и литературный критик Штефан Вейднер относит именно к таким событиям террористическую атаку на США, произошедшую 11 сентября 2001 года и безальтернативно предопределившую самочувствие всего мира, целых регионов и отдельных стран на десятилетия вперед. В своей новой книге «*Ground Zero: 9/11 и рождение настоящего*», вышедшей в Германии в начале 2021 года, он излагает свою трактовку того, каким образом комбинация двух факторов – постколониальной политики ведущих стран Запада, приведшей к зловещей вылазке «Аль-Каиды»³, и последующей реакции того же Запада на это (вполне ожидаемое) террористическое нападение – наметила магистральный вектор, которому уже два десятилетия подчинено политическое, социальное, экономическое и культурное развитие современной цивилизации. По словам Вейднера, «теракт 11 сентября 2001 года – родовая травма XXI столетия, по сей день формирующая наше восприятие мира» (S. 10).

Разумеется, в книге едва ли не на каждой странице затрагиваются различные аспекты соприкосновения цивилизаций, или, говоря точнее, комплексного целого, состоящего из Ближнего Востока, Северной Африки, частично Центральной Азии, с консолидированным Западным миром. Надо сказать, что сам автор не одобряет термин «Запад» и любые его производные, усматривая в них негативные коннотации, но, поскольку столь же емкого, но более невинного обобщающего понятия в арсенале общественных наук пока нет, он, смирившись, все-таки им пользуется. Вейднер старается, насколько возможно, преодолеть европоцентризм: вынужденно солидаризуясь с теоретиками «столкновения цивилизаций» в том, что восточные политические сообщества никогда не будут походить на западные, он, однако, тут же

3 Упоминаемые в рецензии «Аль-Каида» и «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) запрещены в Российской Федерации.

демонстрирует свою неудовлетворенность «парадигмой Хантингтона». По мнению Вейднера, неспособность (или нежелание) усвоить и продвигать «европейское» отнюдь не является фатальной преградой, не позволяющей развивать «свободный», «открытый», «демократический» мир, а ислам вполне уживается с правовым государством (S. 16, 77).

Первая часть книги посвящена анализу постколониализма, несущего, по мысли автора, основную ответственность за то, что неприятие Запада во всех его проявлениях за несколько десятилетий превратилось в ключевой элемент повестки «глобального Юга». С первых дней деколонизации американцы, англичане и французы неустанно и грубо вмешивались во внутреннюю жизнь азиатских и африканских государств. Вейднер напоминает о таких фундаментальных вехах, как свержение в 1953 году иранского правительства Мохаммеда Моссадыка, оплаченное американскими и британскими деньгами; Суэцкий кризис 1956 года, обусловленный категорическим нежеланием британцев и французов признать египетскую революцию «молодых офицеров»; послевоенное присвоение американцами значительной доли аравийской нефти, подорвавшее легитимность правительства Саудитов и, в конечном счете, дестабилизировавшее весь арабский мир. При этом неокOLONIALИзм, подобно самому колониализму, имел кумулятивный эффект: чаша ненависти унижаемых и угнетаемых наполнялась постепенно и долго.

Первые признаки того, что терпение исламской периферии начинает иссякать, появились в последней четверти XX столетия. Рубеж 1970–1980-х был отмечен исламской революцией в Иране, убийством президента Анвара ас-Садата в Египте, советской интервенцией и гражданской войной в Афганистане, крупной террористической вылазкой в Мекке. Поскольку некоторые из

этих событий были напрямую связаны с личностью Усамы бен Ладена, Вейднер попутно предлагает читателю набросок духовной эволюции этого персонажа, показывая, какие жизненные обстоятельства способствовали складыванию радикальных убеждений будущего «террориста номер один». Одновременно Вейднер останавливается на соображениях о будущем западной цивилизации, бытовавших в публичной сфере США и Европы, отмечая, что в 1990-е, после «победного», как считали некоторые, завершения «холодной войны», они сделались вопиюще нереалистичными. Таким был общественный климат, в котором вызревали предпосылки трагедии 11 сентября 2001-го. Причем, обвиняя Соединенные Штаты в том, что они сами, сознательно или неосознанно, провоцировали будущих террористов, автор обращает особое внимание на разноречивую работу американских спецслужб, которые ожидали нападения, но не сумели предотвратить его. Опираясь на детали сотрудничества ЦРУ и ФБР с саудовскими партнерами, он приходит к заключению, что американские власти «частично виноваты» в случившемся, хотя они и не были причастны к терактам напрямую (S. 79).

События 11 сентября, пишет Вейднер, не только не положили конец американской экспансии, но, напротив, способствовали ее активизации. В начале XXI века этот тренд воплотился в продвижении неолиберальной политико-экономической модели, вернувшейся на политическую авансцену в президентство Джорджа Буша-младшего. Его приближенным атака на башни-близнецы показалась прекрасным поводом для того, чтобы развернуть страстно чаемую и давно обсуждаемую внешнеполитическую линию; это совпадение потом выглядело настолько удивительным, что теории заговора росли из него как грибы после дождя.

«Поскольку после 11 сентября противодействию [отстаиваемой американцами] глобализации стало более затруднительным или даже вообще невозможным из-за антитеррористических мер и патриотического подъема, администрация Буша решила воспользоваться предоставившимся шансом: она попыталась укрепить неолиберализм и утвердить свободную торговлю, желая сделать их необратимыми» (S. 87).

Попутно автор высказывает не слишком убедительное, как представляется, предположение, согласно которому победа на президентских выборах 2000 года не Джорджа Буша, а Альберта Гора смогла бы существенно скорректировать американскую внешнюю политику. В качестве аргументов, призванных поддержать этот тезис, приводятся послевыборные обличительные филиппики проигравшего в адрес победителя, а также написанная Гором книга «Земля на чаше весов», проникнутая заботой об окружающей среде⁴. Однако горькие укоры тех, кто пережил электоральное фиаско, стоило бы считать скорее естественной реакцией уязвленной стороны на случившуюся неприятность, нежели декларацией реальных убеждений. Кроме того, в ряду добродетелей политиков, включая американских, наличие честности едва ли может считаться правилом. Не исключено, впрочем, что Гор действительно оказался бы предпочтительнее Буша – просто у меня, в отличие от автора рецензируемой книги, уверенности в этом гораздо меньше.

Анализируя мировидение, которое демонстрировала республиканская администрация, Вейднер обращается к знаменитой концепции «друг–враг», которую в свое время выдвинул Карл Шмитт. Экстраординарная живучесть этого построения, по словам автора, оборачивается тем, что даже в XXI столетии оно остается востребованным: ди-

хотомией продолжают пользоваться самые разнообразные политические силы, которые в собственных интересах сталкивают одни социальные группы с другими. Сквозь призму этой концепции воспринимают мир столь непохожие политические лагеря, как неолибералы, исламисты, ультраправые. Но наиболее знаменательным автор считает то обстоятельство, что противопоставление «друг–враг» широко востребовано и в среде демократических правительств и партий. Причем некоторым из них оно служит чем-то вроде аппарата искусственного дыхания, поскольку при исчезновении привычного разлома подобные демократы «теряют свою идентичность, свою повестку дня, оправдание своей политики» (S. 139). Именно таким был случай администрации Буша-младшего, которая после 11 сентября объявила о «войне с террором», разворачиваемой под лозунгом «Кто не за нас, тот против нас».

«Спустя всего двенадцать лет после падения Берлинской стены мир вновь поделили на “друзей” и “врагов”. Но на этот раз критерием служило не отношение к экономической системе, капитализму или коммунизму, а согласие или несогласие с политикой Джорджа Буша» (S. 77).

Мир, искусственно расколотый на «своих» и «чужих», добропорядочных обывателей и злонамеренных террористов, мусульман и «неверных», белых и черных, генерировал страх и недоверие. Дело усугублялось еще и тем фактором, который в книге именуется «авторитарным неолиберализмом» и под которым имеется в виду жесткая полицейско-военная система, восторжествовавшая во времена Буша-младшего в обеспечении национальной безопасности США и включавшая в себя принятие соответствующего законодательства, внедрение тотальной слежки за гражд-

⁴ См. фрагмент этой работы, опубликованный по-русски: ГОР А. *Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.*

данами и ущербные трактовки прав человека. Идеология радикального размежевания внушала представление о неизменности мира, его раз и навсегда зафиксированной статичности. Соответственно, именно посрамленная вера в то, что мир можно хоть как-то изменить, полагает Вейднер, стала главной причиной повсеместного появления в первые десятилетия XXI века радикальных движений правого и левого толка. Общим знаменателем для радикалов любых оттенков оказалась критика глобализации и модернизации: если в арабском мире она вылилась в подъем исламизма, то в Европе и США ее порождениями стали популистские, националистические и расистские движения.

Совокупным итогом всех этих процессов сделалась всеобщая смута, проявившая себя в арабских революциях, так и не принесших ожидаемых плодов, но зато увенчанных кровопролитными гражданскими войнами, последующем терроре «Исламского государства» и так называемом «белом» терроризме правых экстремистов. Значимым следствием такого положения вещей автор считает то, что решительные меры по защите окружающей среды, в которых объективно заинтересован каждый житель Земли, были отсрочены до 2018 года, когда впервые заявили о себе общественные группы, настаивающие на противодействии приближению климатического коллапса. Вейднер с сожалением говорит о потерянном времени, которое при ином раскладе можно было бы использовать на пользу планете:

«Война с террором» и ее последствия слишком долго снимали с повестки дня другие важные вопросы. Лишь поколение тех, кому не пришлось пережить 11 сентября в сознательном возрасте – например, мои дети, родившиеся в конце 1990-х, – смогло заявить о более насущных темах защиты окружающей среды и предотвращения климатических изменений, развернув движение «Fridays-for-Future»» (S. 11).

Помимо грехов, упомянутых выше, в вину неолиберальной политике в книге ставится «закат Запада», который продолжается уже несколько десятилетий – не вызывая, впрочем, у автора особого сожаления. Причем «решающий поворот, положивший конец “Западу”, каким мы знали его в 1990-е, и позволивший посмертно реализовать антиамериканские фантазии бен Ладена, состоялся вовсе не 11 сентября 2001-го, а 12 декабря 2000-го» – в день, когда неолибералы выиграли президентские выборы в Америке (S. 70). Именно тогда могучий бронепоезд под названием «США» встал на рельсы войны, которую, по убеждению автора, невозможно было выиграть.

Поддерживая мнение о том, что подъем ИГИЛ был обусловлен в первую очередь политикой американцев в отношении Ирака, Вейднер не останавливается на этой констатации: он подчеркивает сущностное сходство между религиозным прозелитизмом исламистов и философским прогрессизмом европейцев (а также их наследников-американцев). Обе традиции коренятся в религиозно-культурном мессианстве и представлении об «особой цивилизаторской миссии», в свое время воодушевлявших как мусульман, так и христиан. Как раз это, по мнению автора, оправдывает параллели, зачастую ускользающие от внимания исследователей:

«Фактически сторонники “Исламского государства” хотели основать своего рода “тысячелетний рейх”. Их суровая идеология и жестокая практика напоминают и о других политических движениях хилиастического толка, которые, подобно национал-социализму, тоже вписывали себя в историю вселенского искупительного подвига» (S. 190).

Другими интеллектуальными предшественниками радикального ислама в книге объявляются революционеры-якобинцы эпохи Великой французской революции:

«Нравится нам это или нет, но история политического террора ИГИЛ не только интеллектуально, но и практически началась в самом сердце “Запада” – в Париже» (S. 192).

Это, приходится признать, весьма сильное заявление. Действительно, революционные события конца XVIII века во Франции во многом определяют тонус нынешних политических и идеологических дебатов, но, помимо нормализации террора в качестве политического инструмента, в парижских катаклизмах зародились и многие другие примечательные вещи – в частности, Декларация прав человека и гражданина, положившая начало правозащитному этосу, очень важному для современной цивилизации. Даже тому читателю, которому идея определенной преемственности между Максимилианом Робеспьером и Абу Бакром аль-Багдади покажется симпатичной, придется согласиться с тем, что в упомянутой сфере говорить о каком-либо идейном родстве затруднительно. Все-таки пиетет перед правами человека никогда не был сильной стороной мусульманской цивилизации: до середины прошлого столетия на Востоке даже тема такая не поднималась, а если подобное и происходило, то исключительно в рамках попыток светских арабских националистов добиться независимости, опираясь на образцы «гуманных и просвещенных наций Запада»⁵.

С точки зрения Вейднера, «эпоха 11 сентября» закончилась в 2020 году, когда мир оказался в тисках коронавирусной эпидемии. Автор не без грустной иронии отмеча-

ет, что те, кому в тот момент была доверена власть, не приложили адекватных усилий, которые могли бы остановить распространение инфекции: им это было просто-напросто невыгодно. «Симуляция нормальности», которую господствующие элиты практиковали до коронавируса, теснейшим образом связана с их стремлением законсервировать порядок социально-экономической несправедливости. Эпидемия вынудила человечество признать, что паролод, на котором мы плыли, на самом деле дал течь довольно давно, но глобальная элита, тонувшая вместе со всеми, решительно не желала ничего менять. Ее вполне устраивало, что «террор и война против него открыли путь в неофеодальное мировое устройство, которой формируется различиями, иерархиями, неравенством» (S. 198). Вирус же смог сделать то, чего прежде не удавалось сонму альтернативных и оппозиционных течений и движений: он запустил процесс переосмысления самих основ глобального миропорядка, и обратного пути скорее всего уже не будет⁶. Закончить же этот краткий обзор хочется выразительной цитатой из авторского введения к книге:

«Когда мы осознаём, что попали в трудную ситуацию, которая отнюдь не была неизбежной, у нас появятся желание и сила, позволяющие изменить ход событий. Цель этой книги – убедить ее читателей в том, что у нас есть выбор и что пришло время взять на себя ответственность за формирование будущего» (S. 12).

МАРГАРИТА ШАКИРОВА

5 Рыбаков Р.Б. и др. *История Востока: В 6 т. Т. 5: «Восток в новейшее время: 1914–1945 гг.»*. М.: Институт востоковедения РАН; Восточная литература, 1996. С. 132.

6 Подробнее об этом см. эссе Штефана Вейднера «Вирус и террор: о невысказанных и пугающих сходствах между коронавирусом кризисом и “войной с террором”» (Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 166–194).

Summary

The 139th *NZ* issue is mostly centred on a single, if fairly broad, theme: the fortunes and forms of democracy as a way of state governance in the age of “late modernity”. On the post-war period, especially the era that began after the Cold War. Democracy vs. certain varieties of modernity; federalism under democracy, even if in name only – these are the key aspects of the theme.

The issue opens with a topical section titled “DEMOCRACY TODAY: CRISIS? WHAT CRISIS?”. It talks about processes interpreted by many as a decline of the democratic form of societal organisation – especially when applied to post-Soviet or post-communist societies. Many of them have established regimes that are either authoritarian or inclined to authoritarianism, with democracy replaced by populism. This is the subject of the chapter from *“The Anatomy of Post-Communist Regimes: A Conceptual Framework”* by Bálint Magyar and Bálint Madlovics, to be published in Russian by *New Literary Observer* as part of *NZ Library* series. The extract featured here, *“Secondary Trajectories after a Regime Change: Poland, the Czech Republic, Hungary and Russia”*, attempts to formally analyse these countries’ movement towards authoritarianism while taking into account their national historical characteristics. Moving from formal conceptualisation to a concrete example, the section also includes *“Beyond Illiberal Democracy: The Case of Hungary”*, an article by András Bozóki,

a professor at the Central European University. Unlike Hungary, whose government takes a stand against liberal values while claiming to be democratic, the Ukrainian authorities speak of their ambition to become a “European country” in the sense defined by the EU legislation. Yet the political regime in the country is at odds with their stated goals and examples. Denis Yudin considers the state of Ukrainian democracy today in *“Hacking the System: Volodymyr Zelensky’s Rule and Its Prospects for Ukrainian Politics”*. The section ends with a discussion essay by our regular contributor Alexander Kustarev, who believes that the crisis of the most widespread (Anglo-Saxon, Western modern) variant of democracy might be conducive to another variant, known as deliberative democracy.

Linking this topical section to the next is *NZ ARCHIVE*, which features an excerpt from *“Embers and Ashes”* by the late Palestinian historian Hisham Sharabi (1927–2005), who was a professor at the Georgetown University. The book talks about the events of 1946–1949 in today’s Palestine, Jordan, Lebanon and Syria, at the time mostly territories yet to be established as states in the post-war years. Sharabi tells the story of a young Palestinian intellectual torn between the ideas of national democracy and pan-Arabism, which are known to have defined the turbulent, conflict-ridden life of the region for decades.

A compromise between national (ethnic, religious) self-determination and the concept of unity (state unity,

first and foremost) lies in the sphere of federal organisation. This is the subject of our next section “FEDERAL TRADE AND CONFLICTS OF THE FUTURE”. Setting the theme is an excerpt from “*Federal Government*” (1947), a classical work by the Australian scholar Kenneth Wheare (1907–1979), who held a professorship at Oxford. The work has not been translated into Russian yet; NZ is planning to publish another extract from it in 2022. Next, a piece by Andrei Zakharov and Leonid Isaev offers an impressive historical survey of conflictual (to put it mildly) coexistence between the so-called “Arab idea” and federalism. Polina Maksimova narrows the scope to Lebanon in her analytic piece, while Vadim Korolkov briefly outlines the past and present of Nepal’s federal organisation.

The third NZ section “THE REALITY OF GAME REALITY: VERISIMILITUDE, NARRATIVES, MIMESIS, CENSORSHIP” focuses on complicated relationships between the reality (historical, existential, political) in which we live and the reality of games: board games like Monopoly, to go over a century back, and computer games in the past 40 years. The section opens with an analysis of board games offered in “*Revolutionary Play: Early 20th-Century Political Games*” by Daniil Leiderman, an assistant professor at Texas A&M University. Another American researcher, Phillip A. Lobo, who teaches at the Indiana Academy at Ball State University, develops the theme in “*Replaying History: The Statistical Realism of Alternate History Narratives and Games*”. Anton Romanenko considers the “realism” of games and a version of

mimesis related to computer games in his brief piece “*Detail, Landscape and Space: Notes on the Depiction of Reality in Video Games*”. The realism of censorship characterising streaming platforms – a very real phenomenon, especially in the era of cancel culture – is examined by Darya Esaulova in “*Regulating Unregulated: Russian-Speaking Streamers’ Reaction to a New Policy Introduced by Twitch.tv*”. The section concludes with “*Gnosticism in Video Games*” by Dmitry Skorodumov.

September 2021 saw the 20th anniversary of 9/11, terrorist acts that led to radical changes in almost all aspects of political, social, cultural and even private lives of a large proportion of the global population. Three pieces in this NZ issue pay tribute to it. These are Fedor Nikolai’s “*To Show Unimaginable: 9/11, the War on Terror and Anglophone Studies*” (POLITICS OF CULTURE) and two reviews: Reza Angelov on “*Fall and Rise: The Story of 9/11*” by the American journalist Mitchell Zuckoff, and Margarita Shakirova on “*Ground Zero: 9/11 und die Geburt der Gegenwart*” by Stefan Weidner.

The 139th NZ issue also contains Vadim Mikhailin’s detailed study “*«At Least the Jeans Are OK»: Playing with the Near Future and the Late Soviet Prognostic Joke*” (POLITICS OF CULTURE); Oleg Leybovich’s comprehensive review of “*Stalin: A Biography in Documents (1878 – March 1917)*”, a two-volume study just published by Olga Edelman; the RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS’ REVIEW by Alexander Pisarev; and Alexei Levinson’s regular column SOCIOLOGICAL LYRICS.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at **www.eurozine.com** **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездиновский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51